

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

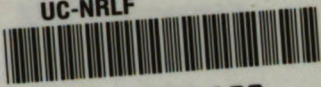
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

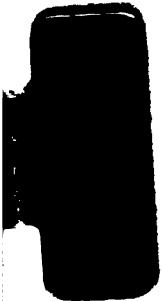
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 4 530 130

APPROVED
EXERCISE BOOK

Л. Попов, Н.

Historia

ИСТОРИЯ
Императорскаго
ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ

и

ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ.

Д. Чл. Никола Попова.

Часть I. (pt. 1 only)
(1804 — 1812).

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Российскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

THE LIBRARY
OF CONGRESS

МОСКВА.

Въ Университетской типографии (М Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1884.

5-3839
104

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1884 г. кн. 3-я.

УВАЖЕНІИ ЗНАТ
СВѢДОМОО ТО

DK1
M665P65
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ нынѣ выпускѣ „Исторіи Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, которое дожило до восьмидесяти лѣтъ, излагаются только первыя девять лѣтъ его дѣятельности, связанныя съ славными именами А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина, съ болѣе скромными именами первыхъ предсѣдателей его Х. А. Чеботарева и П. П. Бекетова, а также съ административными распоряженіями тогдашняго попечителя Московскаго Университета П. И. Голенищева-Кутузова. Значеніе этой эпохи въ Исторіи Общества достаточно выяснено въ самомъ текстѣ и говорить о немъ въ предисловіи нѣтъ никакой надобности. Необходимо однакожъ указать на главные источники, послужившіе при составленіи какъ настоящаго, такъ и слѣдующихъ выпусковъ. Этими источниками прежде всего были многочисленныя изданія самого Общества: *Труды и Летописи* (8 книгъ), *Русскія Достопамятности* (3 кн.), *Историческій Сборникъ* (7 кн.), *Временникъ* (25 кн.) и *Чтенія* (127 кн.), а также нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ изданій; затѣмъ подлинныя протоколы и дѣла Общества, сохранившіеся съ Августа 1812 г., дѣла Совѣта и Правленія Московскаго Университета, сохранившіяся въ его Архивѣ съ 1813 г. Но настоящій выпускъ болѣе всего обогатился матеріалами, послу-

M667409

жившими главнымъ для него основаніемъ, благодаря обязательному содѣйствию А. Ѳ. Бычкова, которымъ доставлены были автору изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія документы, напечатанные въ I—IX, XI—XVII приложенияхъ къ первой главѣ, въ I—XI приложенияхъ ко второй главѣ, въ примѣчаніи 5 къ первой главѣ и 34 ко второй главѣ. Можно сказать съ увѣренностію, что безъ этихъ матеріаловъ исторія первыхъ лѣтъ Общества не могла бы быть представлена съ надлежащею полнотою и въ истинномъ ея характерѣ.

Ниль Поповъ.

18-го Марта
1884 г.

ГЛАВА I.

Общество подъ предѣдательствомъ Х. А. Чеботарева (1804—1810).

Общія заботы о народномъ образованіи при Александрѣ I. — Признаніе правительствомъ заслугъ А. Л. Шлецера на пользу русской исторіи. — Первый Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій и его взгляды на русскую исторію. — Первый Попечитель Московскаго Учебнаго Округа М. Н. Муравьевъ и его участіе въ успѣхахъ исторической науки въ Россіи. — Учрежденіе при Московскомъ Университетѣ Общества Исторіи и Древностей, по мысли Шлецера. — Первое засѣданіе его 18 марта 1804 года. — Разрѣшеніе Обществу пользоваться рукописями изъ оффиціальныхъ архивовъ и библиотекъ. — Матеріальныя средства и ученые силы Общества. — Труды почетныхъ членовъ: гр. А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменскаго, А. Ф. Малиновскаго. — Первый предѣдатель Общества Х. А. Чеботаревъ. — Его служебная и литературная дѣятельность. — Его взгляды на русскую исторію. — Его личныя качества. — Первый секретарь и казначей Общества. — Дѣйствительные члены его. — Попытка издать русскую начальную лѣтопись по Лаврентьевскому списку. — Задача на премію отъ Университета и Общества о Волохахъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная. — Результаты конкурса. — Медлительность въ дѣйствіяхъ Общества. — Запросъ о ея причинахъ отъ новаго Попечителя П. В. Голенничева-Кугучова. — Его замѣчанія на объясненія, данныя Чеботаревымъ, и донесеніе Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому. — Временное закрытіе Общества. — Последніе годы жизни Чеботарева.

Извѣстно, что въ первые годы царствованія Александра I сдѣлано было чрезвычайно много для народнаго образованія вообще. До тѣхъ поръ принимались разныя мѣры на пользу Русскаго просвѣщенія; но онѣ были отрывочны, не имѣли общей системы, а исполненіе ихъ поручалось нерѣдко людямъ, имѣвшимъ и другія заботы.

Въ 1802 году, когда учреждены были Министерства, и управление дѣлами народнаго просвѣщенія сосредоточилось въ однихъ

рукахъ, первымъ Министромъ по этой части назначенъ былъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, уже участвовавшій при Екатеринѣ II въ трудахъ Комисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ; товарищемъ же Министра и вмѣстѣ съ тѣмъ попечителемъ Московскаго Университета Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Новое Министерство тотчасъ же приступило къ усиленію средствъ для народнаго образованія. 24 Января 1803 года изданы были «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», излагавшія планъ преобразованій, которыя касались не только учреждений, дающихъ высшее образованіе, но и училищъ, предлагающихъ образованіе общее, или такъ называемое среднее, и наконецъ первоначальное. Кромѣ преобразованія Университетовъ: Московскаго, Виленскаго, Дерптскаго, подготовлено было открытіе Университетовъ въ Казани, Харьковѣ, а впоследствии и въ Петербургѣ. Въ большей части губернскихъ городовъ основаны Гимназіи, тогда еще четырехклассныя; почти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ открыты или городскія или приходскія училища. Не забыты были также учебныя заведенія съ спеціальнымъ характеромъ. Университеты наполнились профессорами, отчасти вызванными изъ заграницы. Учебныя учрежденія и литературныя общества, основанныя еще въ прошломъ столѣтіи, получили новыя средства; многимъ литературнымъ трудамъ и предпріятіямъ оказаны щедрыя пособія¹. Наконецъ самое открытіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ представляетъ собою такой примѣръ, гдѣ видно личное участіе Александра I въ подобнаго рода вопросахъ.

При такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ времени первоначальнымъ, хотя и отдаленнымъ виновникомъ основанія Московскаго Императорскаго Общества явился знаменитый критикъ приписываемой Нестору Лѣтописи, Августъ Людвигъ Шлёцеръ. Первая и вторая части его критики, перевода и объясненій Русской Лѣтописи изданы были, въ Гёттингенѣ въ 1802 году. Когда это сочиненіе достигло Петербурга и экземпляръ его, представленный Императору Александру I чрезъ гр. Н. П. Румянцева, напомнилъ о прежнихъ заслугахъ автора по Русской Исторіографіи, тогда Государь послалъ ему рескриптъ, подписанный 2 мая 1803 года на фран-

¹ См. М. И. Богдановича, *Исторія Царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время* т. I, стр. 136—174. А. Н. Пятниа, *Общественное движеніе при Александрѣ I*, стр. 100—108.

русскомъ языкѣ, при коемъ препровожденъ былъ, какъ «слабый знанъ уваженія къ трудамъ» ученаго критика, драгоценный перстень². Въ этомъ коротенькомъ рескриптѣ употреблено было между прочимъ такое выраженіе: «Любопытное изданіе Несторовой лѣтописи приобрѣло вамъ новыя права на благодарность русской публики». Это выраженіе, какъ писалъ потомъ самъ Шлѣцеръ графу Румянцеву отъ 6 августа того же года, напомнило ему, что «Россія для таковыхъ случаевъ имѣетъ свои постановленія: я пробѣгалъ вновь, писалъ онъ графу, давно извѣстные мнѣ статуты ордена св. Владиміра, и нашелъ въ помянутыхъ Императорскихъ словахъ замѣчаніе, что мнѣ можно, исчисливъ оказанныя мною въ теченіе прошедшихъ лѣтъ свои заслуги, теперь уже не столь извѣстныя, для полученія надлежащимъ порядкомъ означенной почета, отнестись куда слѣдуетъ». Прося гр. Румянцева о ходатайствѣ предъ Государемъ объ утвержденіи приговора орденскаго капитула и распространеніи связаннаго съ орденомъ дворянскаго званія на дѣтей, при немъ жившихъ, Шлѣцеръ въ тоже время писалъ: «Не могу я скрыть патріотическаго къ Россіи желанія моего, чтобы найти въ Вашемъ Сіятельствѣ покровителя сочиненіямъ, до Россійской Исторіи относящимся. Не только извѣстное благоволеніе Ваше къ симъ сочиненіямъ, но и глубокія въ томъ знанія ваши оправдываютъ сіе мое желаніе. По сему предмету весьма много еще остается сдѣлать, и — по единому повелѣнію Великаго Государя весьма легко сдѣлается! 40 лѣтъ почерпалъ я о томъ знанія и опытности; жаль, если онѣ вмѣстѣ со мною погребены будутъ. Людовикъ Великій приобрѣлъ себѣ въ словесности имя безсмертнаго чрезъ то, что онъ способствовалъ изученію лѣтописей Бидавскихъ (слѣдовательно чужихъ). Чтожъ если въ первые годы Александра I составитя полное изданіе древнихъ лѣтописей его государства»³! Желанія Шлѣцера сбылись: онъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени, вмѣстѣ съ дворянскимъ достоинствомъ Русской Имперіи. Въ его гербѣ изображенъ былъ монахъ, представляющій преподобнаго Нестора, перваго лѣтописа-

² См. *Chr. v. Schlözer*, August Ludvig von Schlözers öffentliches und privates Leben aus Originalurkunden und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben. Leipzig, 1828; II B., s. I.

³ См. современный переводъ письма къ Министру коммерціи гр. Румянцеву отъ профессора Шлѣцера изъ Геттінгена отъ 6/18 августа 1803 года въ Приложеніяхъ, № I. Срв. также № II.

теля Россійскаго ⁴. Эта награда произвела не малое впечатлѣніе за границей ⁵. А въ началѣ 1804 года гр. П. В. Завадовскій доложилъ Государю, что «извѣстный свѣту по своимъ обширнымъ въ Россійской Исторіи свѣдѣніямъ» Геттингенскій профессоръ Августъ Людвигъ Шлецеръ выразилъ желаніе «соучаствовать съ русскими учеными въ критическомъ изданіи древнихъ русскихъ лѣтописей» ⁶. Александръ I повелѣлъ Завадовскому составить для узаконной Шлецеромъ цѣли Общество «при одномъ изъ ученыхъ словій», существовавшихъ тогда въ Россіи.

⁴ Высочайшую Грамоту на пожалованіе Шлецеру ордена см. въ Приложеніяхъ подъ № III, въ переводѣ у *Chr. v. Schlözer, A. L. v. Schlözers öffentliches und privat-Leben, B. II, s. 2.*

⁵ См. напр. № 24 L'Abeille du Nord за 1804 годъ. Не можемъ не обратить вниманія на то, что у митрополита Евгенія приведены два совершенно разные свѣдѣнія о девизѣ на дворянскомъ гербѣ Шлецера. Въ «Матеріалахъ для Историческаго Словаря о русскихъ писателяхъ», на основаніи только что названной газеты, девизъ этотъ читается такъ: «яко да познаетъ родъ ннъ, сынове родящіяся, и востануть, и повѣдаютъ я сыновомъ своимъ» (Псал. 77, ст. 6; см. «Сборникъ Статей II Отд. II. Ак. Наукъ», т. V, вып. I, стр. 248); а въ самомъ Словарѣ (М. 1845, т. II стр. 257—258) приведенъ другой девизъ: «Помыслихъ днмъ первыя и лѣта вѣчная помнухъ и поучахся» (Псал. 76, ст. 7). Последнее показаніе ближе къ истинѣ, хотя и неполно: точно, ибо Высочайше утвержденный 5 января 1804 г. гербъ Шлецера, занесенный въ 115 книгу пронаводства по Герольдмейстерской канторѣ, находящуюся въ Архивѣ Департамента Герольдіи (л. 420) представляетъ: щитъ, раздѣленный на 4 части, изъ которыхъ въ первой, въ лазуревомъ полѣ, изображенъ золотой крестъ; во второй—вѣзанной діагонально отъ верхняго угла, въ красномъ полѣ золотая дворянская корона и въ золотомъ полѣ черное орлиное крыло; въ третьей части щита, въ золотомъ же полѣ, изображеніе преподобнаго Нестора писателя, лѣтописца Россійскаго, съ развернутою предъ нимъ въ красномъ полѣ серебряною книгою съ надписью «Несторъ»; въ четвертомъ полѣ щита на золотому полю горизонтально на черной полесѣ три серебряныя звѣзды. Щитъ увѣнчанъ дворянскимъ шлемомъ и короною съ страусовыми перьями; наметъ красный и лазуревый, подложка—золото; подъ щитомъ надпись «лѣта вѣчная помнухъ» (сообщено А. Ф. Бычковымъ въ письмѣ отъ 19 декабря 1878 года). Срв. также *Chr. v. Schlözer, Aug. L. v. Schlözers Leben, B. II, s. 3—6*, гдѣ напечатанъ въ нѣмецкомъ переводѣ полный текстъ грамоты на дворянство. Здѣсь девизъ изложенъ такъ: *memor fui dierum antiquorum.* Тотъ же девизъ: «лѣта вѣчная помнухъ» принятъ былъ въ послѣдствіи (въ 1811 году) и Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, по полученіи имъ перваго Устава, для эмблематическихъ изображеній на членскихъ дипломахъ. См. «Записки и Труды Общества», ч. I, стр. LVII.

⁶ Тамъ же, стр. XXXVI.

У гр. Завадовскаго были свои взгляды на Русскую исторіографію. Онъ мало благоволилъ къ древней Русской исторіи и ея изслѣдователямъ, считая единственно достойнымъ для талантливаго историка занятіемъ изложеніе событій, послѣдовавшихъ со временъ Петра Великаго. Вотъ какъ онъ самъ выразилъ эти взгляды въ своихъ письмахъ къ гр. А. Р. Воронцову, который совѣтовалъ ему не почитать чтеміа историческихъ писателей. Отъ 20 ноября 1800 года онъ писалъ своему другу: «Ежели не всё, то однакоже многія пробѣжалъ я наши Исторіи и лѣтописи. Хаосъ не очищенный отъ лжи и невѣжества. Стоять одни ижепа и числа, а прочее все завалено грубыми слоесъ. Отъ глагола къ глаголу, а потомъ изъ книги въ книгу переходили повѣсти, ни разсудительностию, ни явными удостовѣреніями не утвержденныхъ. Пишущимъ монахамъ не спорили монастырскія стѣны; а міръ легковѣрный, потому что не просвѣщенный, всякую вслячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составила исторія нашей древности, *на которую попустому устремляемъ наше любопытство*. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россъ. Всю полосу до царствованія Іоанна Васильевича должно откинуть *in loca imaginaria*, каковы полагались прежде тѣмъ знали физіку за предѣлами земной сѣферы. Но и сія эпоха перемѣнена подобнымъ образомъ, каковымъ объята широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингизхана и отъ вѣрующаго въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели черпать ея хочемъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка *приятнее познакомиться отъ начала простоты и отъ источника онаго*. Голиковы замѣски я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не розказни, онъ лучшій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ Цареградской, Польской и Шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно. Потому отъдаетъ запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на конхъ счепилъ иностранныя прививки, по своей теплой вѣрѣ⁷. Въ письмѣ

⁷ См. «Архивъ князя Воронцова», т. XII, стр. 284—288.

отъ 21 генваря слѣдующаго года гр. П. В. Завадовскій еще рѣшительнѣе выразился о болѣе важности и достовѣрности новой Русской исторіи предъ древнею: «Съ Штритеромъ я былъ въ перепискѣ, говоритъ онъ. Онъ свидѣющъ въ нашей древности, но въ томъ сомнѣваюсь, чтобъ и его сочиненіе просвѣтило оную, наипаче когда опускается въ глубину. Всѣ исторіи равны будутъ одна другой, еслии захотимъ набивать нашу память токмо бытіями. Тысяча обстоятельствъ, коимъ внимали современники, теряются въ глазахъ потомства, замѣчающаго токмо великія происшествія, что утвердили судьбу государствъ. Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелодій. Правильнѣе можетъ къ притяженію нашего любопытства едино то, что заслуживаетъ вниманіе всѣхъ временъ, изображаетъ дарованіе и нравы людей, въ примѣръ и къ наставленію будущихъ родовъ. Почему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ: написалъ премного, чтобъ не читали. *Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра Великаго*, потому что отъ времени царствованія его Россія непрерывно восходитъ въ гору. Не оспариваю важности предъидущихъ тому происшествій, что царь Іоаннъ при ослабленіи Чингизскаго поколѣнія, овладѣлъ Казанью, нанесъ ударъ Шведамъ и Литовцамъ; занятіе Сибири, присоединеніе Малоросіи суть значущія дѣла. Но вспомни, какъ первое вверхъ дномъ обращалось, и до колѣкихъ бѣдъ въ свою очередь Шведы и Поляки властвовали. А по двумъ послѣднимъ случаямъ мало пиши для историка, а больше для географовъ. *Писателю простопытному довольно было бы одной страницей, чтобъ наши всѣ матеріалы на времена до Петра Перваго вмѣстить въ оную.* Но еще не перевелись, и не такъ скоро прейдутъ, любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, удивившись въ томъ всемірною исторіею»⁵.

При такихъ взглядахъ на древнюю Русскую исторію, графъ Завадовскій конечно не могъ быть самостоятельнымъ исполнителемъ мысли Шлецера, по поводу которой Александръ I повелѣлъ составить Общество «при одномъ изъ ученыхъ сословій»; существовавшихъ тогда въ Россіи: вотъ почему онъ поручилъ

⁵ Тамъ же, стр. 258—259.

М. Н. Муравьеву обратиться съ этимъ предложеніемъ къ Московскому Университету ?

М. Н. Муравьевъ (род. 25 окт. 1757 года, умеръ 28 іюля 1807 года) «принималъ, по словамъ К. Н. Батюшкова, живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ, зналъ древніе языки, соединялъ въ себѣ дарованіе съ искренностію и кротостію»¹⁰. М. Н. Муравьевъ, общественный дѣятель по преимуществу, человекъ для своего времени обширно начитанный и самостоятельно образованный, пользовавшійся не малымъ вліаніемъ на тогдашнихъ ученыхъ и писателей, примыкавшихъ къ Московскому Университету, соединяя въ себѣ всѣ лучшія стороны просвѣщенія, свойственнаго концу прошлаго столѣтія, отличался замѣчательными познаніями въ литературѣ вообще, развитымъ эстетическимъ вкусомъ, едва начинавшимъ водворяться тогда въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и готовностію помогать всему, что содѣйствовало успѣхамъ русской словесности, научному движенію и народному воспитанію. Наставникъ Александра I, составитель всѣхъ учебныхъ уставовъ въ началѣ его царствованія, М. Н. Муравьевъ оставилъ по себѣ глубокую память въ Московскомъ Университетѣ. «Домъ Муравьевыхъ былъ тогда средоточіемъ всего возвышеннаго, лучшаго въ обществѣ и литературѣ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ достоинствъ, заслугъ, дарованій»,—замѣтилъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ смерти Муравьева М. П. Погодинъ, говорившій на основаніи рассказовъ и преданій своихъ учителей: «Батюшковъ здѣсь воспитывался. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, одинъ за другимъ принадлежали этому семейству. Нечего говорить о членахъ Московскаго Университета, которые являлись здѣсь, какъ въ отеческомъ домѣ. Моеими учителями были его ученики, профессора имъ поставленные, уже въ старости,—но я помню, какъ голосъ Мерзлякова дрожалъ, когда онъ начиналъ рассказывать о приѣмѣ его Муравьевымъ въ Петербургѣ, какъ суровое лицо Тиховскаго прояснялось, когда онъ говорилъ объ отправленіи своемъ въ чужіе края.

⁹ См. «Исторію Общества и дневныя записки его засѣданій», напечатанныя въ I части «Записокъ и Трудовъ» Общества (Москва, 1815), стр. XXXVI. Срв. Приложеній № III.

¹⁰ Въ «Рѣчи о вліаніи на языкъ легкой поэзіи». См. *Сочиненія Батюшкова*, изд. Смирдина.

Съ какимъ чувствомъ поминали его Мудровъ, Пейтасъ, Геймъ! Я читалъ письма къ нему Буле, Маттея, Шлецера, Стракова. Это былъ ихъ общій отецъ, другъ, слуга, наставникъ, совѣтникъ, защитникъ, покровитель»¹¹. Историческое Общество принадлежало къ Университету и могло твердо надѣяться на содѣйствіе своимъ предпріятіямъ со стороны М. Н. Муравьева, къ сожалѣнію кратковременное.

Извѣстно, что Муравьевъ содѣйствовалъ назначенію Н. М. Карамзина исторіографомъ, и переписка ихъ показываетъ, какъ Муравьевъ дорожилъ успѣхами русской исторической литературы¹². Муравьева вообще занимала мысль о сравнительномъ или, лучше сказать, совмѣстномъ изученіи древностей русскихъ съ древностями осемиримскими. Въ его запискахъ сохранилось слѣдующее разсужденіе по этому поводу: «Измсканія древностей Россійскихъ привлекали къ себѣ нѣкоторое вниманіе публики. Можно, послѣ Миллера, съ честью упомянуть Шлецера, Стриттера и Новикова, который послужилъ бы болѣе отечеству, оставшись въ предѣлахъ ученія древностей его. *«Высшество»* есть національное сокровище, изъ котораго Нѣмцы будутъ когда-нибудь черпать. *«Вольное Россійское собраніе»* пошлѣстало также въ *«Трудахъ»* своихъ нѣкоторые отрывки древностей. Не можно ли было бы соединить съ древностями Россійскими и весь округъ древностей Греческихъ, Римскихъ, Египетскихъ и т. д.»¹³.

Бывъ наставникомъ великихъ князей, Муравьевъ и самъ занимался исторіею вообще и Русскою въ особенности. Его статьи,

¹¹ Слова эти сказаны были по поводу смерти вдовы Муравьева въ «Москвитинѣ» за 1848 г. № 5, Внутр. Изв., стр. 76—77. О М. Н. Муравьевѣ, какъ историческомъ писателѣ, собрано нѣсколько свѣдѣній въ статьѣ А. Старчевскаго: «Русская Историческая Литература въ первой половинѣ XIX вѣка»; см. «Библиотеку для Чтенія» за 1852 годъ, т. CXI, отд. III, стр. 1—48. О дѣятельности относительно Московскаго Университета есть много данныхъ въ «Исторіи» сего Университета, написанной Шевыревымъ, и въ жизнеописаніяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ его, которыя помѣщены въ «Биографическомъ Словарѣ». Остается пожелать, чтобы были вполнѣ обнародованы бумаги М. Н. Муравьева, касающіяся не только его дѣятельности по управленію Московскимъ Университетомъ, но и вообще его государственной службы, и переданныя вмѣстѣ съ древнехранилищемъ М. П. Погодина въ Императорскую Публичную Библиотеку.

¹² См. въ «Сочиненіяхъ Карамзина», изд. Смирдина (т. III, стр. 680—699) письма его къ М. Н. Муравьеву.

¹³ Шевырева, Исторія Моск. Университета, стр. 351.

имѣвшія своимъ содержаніемъ вопросы историческіе, не представляютъ какихъ-либо попытокъ къ научному рѣшенію ихъ, но по крайней мѣрѣ обличаютъ въ авторѣ съ одной стороны начитанность и установившійся взглядъ на предметъ, проникнутый моралистическими ученіями той эпохи, а съ другой—умѣнье излагать свои мысли языкомъ живымъ и яснымъ, напоминающимъ нѣскольکو Карамзинскій. Нѣкоторыя изъ этихъ статей несомнѣнно были отрывками изъ уроковъ Александру I. Особеннаго вниманія между ними заслуживаютъ: Краткое начертаніе Россійской Исторіи,—Соединеніе удѣльныхъ княжествъ въ единое государство,—Эпохи Россійской Имперіи,—рядъ статей о различныхъ внутреннихъ вопросахъ древне-русской жизни и такъ-называемые разговоры мертвыхъ, т.-е. различныхъ дѣятелей въ Русской Исторіи¹³. Но всѣ эти статьи имѣютъ главнымъ содержаніемъ своимъ факты; теоретическіе же взгляды Муравьева изложены въ двухъ статьяхъ: «Ученіе Исторіи» и «О Исторіи и историкахъ». Въ нихъ онъ высказываетъ взгляды, почти тождественные со взглядами Карамзина. «Исторія, говоритъ онъ, не есть бесполезное знаніе мало-важныхъ приключеній, которыя случились съ какимъ-нибудь частнымъ человѣкомъ или обществомъ, и которыхъ вліяніе не простиралось далѣе тѣсныхъ предѣловъ его дѣятельности. Исторія, заслуживающая сіе названіе, представляетъ народы, сіи великія семейства человѣческаго рода, проходящія постепенно различные возрасты и состоянія, которыя находятся между грубости дикаго, состоящаго въ непосредственномъ покровительствѣ природы, и между просвѣщеннаго гражданина, который силенъ соединеніемъ своимъ съ тысячами, наслаждается въ спокойномъ обществѣ возвышеннѣйшимъ состояніемъ благополучія, какое только суждено человѣчеству. Отдаленная отъ предразсужденій, отъ ненависти, отъ ласкательства, ревностная для единой добродѣтели, страшная для порока, Исторія обязана истинною человѣческому роду. Она представляетъ будущимъ поколѣніямъ примѣры прошедшаго: подобно какъ зажигаютъ огни на островахъ и возвышеніяхъ посреди моря, усыпаннаго каменьями, для избавленія мореплавателя отъ неминуемаго кораблекрушенія; такъ Исторія возноситъ свѣтильникъ свой надъ преткновеніями, которыя угрожаютъ государствамъ бѣдствіями и разрушеніемъ. Она служитъ

¹³ Сочиненія М. Н. Муравьева, изд. Смирдина (Спб. 1856); т. II, стр. 3—116; т. I, стр. 225—273, 330—402.

вмѣсто опытности государственному человѣку. Никакая опытность не можетъ замѣнить помощи, доставляемой Исторіею». Еще любопытнѣе слѣдующія строки, доказывающія, что Муравьевъ ставилъ исторію человѣческаго развитія вообще несравненно выше исторіи политической: «Исторія, совершая торжественный расколъ съ лѣтописью, не удостоиваетъ послѣдовать боязливо наследственному порядку государей, не оставившихъ ей ничего, кромѣ имени, и смѣшавъ ихъ съ толпой толь многихъ тѣней государскаго достоинства, переходить съ поспѣшностію къ происшествіямъ, сдѣлавшимъ эпоху въ нравахъ и благосостояніи человѣчества..... Историкъ долженъ, не ограничиваясь безплоднымъ и утомительнымъ начертаніемъ сраженій, обращать преимущественно вниманіе на событія, способствовавшія успѣхамъ народнаго просвѣщенія, либо замедлявшія ходъ его; въ особенности же достойны вниманія наблюдателя: нравы, образъ мыслей, повѣрья и обычаи Общества»¹⁴.

Надо думать, что Муравьевъ съ большимъ сочувствіемъ встрѣтилъ мысль объ открытіи Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ: съ одной стороны она вполне отвѣчала его сочувственному расположенію къ историческимъ занятіямъ, съ другой — совершенно совпадала съ его заботами объ успѣшномъ развитіи Университетской дѣятельности. Историка, какъ талантливаго излагателя важныхъ происшествій, Муравьевъ встрѣтилъ въ Карамзинѣ, которому и содѣйствовалъ къ достиженію званія Исторіографа. Но литературная обработка Исторіи необходимо требуетъ предварительныхъ ученыхъ изысканій, и чѣмъ большее число изслѣдователей участвуетъ въ нихъ, тѣмъ успѣшнѣе и многостороннѣе могутъ быть результаты ихъ. Для такихъ работъ всего полезнѣе соединеніе ученыхъ силъ въ одномъ Обществѣ, и Августъ Людвигъ Шлецеръ не безъ основаній пригласилъ русскихъ ученыхъ къ участію въ критическомъ изданіи лѣтописей. Муравьевъ, сочувствуя этой мысли, помогъ ея исполненію образованіемъ Историческаго Общества при Унверситетѣ. Изъ собственноручныхъ

¹⁴ Тамъ же т. I, стр. 274—286. Всего любопытнѣе въ этомъ отношеніи первое «Письмо къ молодому человѣку о предметахъ касающихся Исторіи и описанія Россіи». Эти письма предназначены собственно для Александра I, ибо въ первомъ говорится: «Вы, конечно, взяли съ собою въ деревню рукописанія наши, въ которыхъ заключается краткое начертаніе Россійской Исторіи, мною для Васъ сдѣланное» (стр. 242).

отчетовъ его объ университетской дѣятельности за 1803—1804 гг. видно, какъ онъ вникалъ во всѣ потребности Университета, который его содѣйствію и былъ обязанъ тѣмъ, что въ теченіе одного года послѣдовательно одно за другимъ возникли три учебных общества: Исторія и Древностей Россійскихъ, Испытателей Природы, Соревнователей Медицинскихъ и Физическихъ Наукъ ¹⁵. Извѣщая Ректора Университета, которымъ былъ тогда Х. А. Чеботаревъ, о предложеніи Шлецера и состоявшемся вслѣдствіе его повелѣніи Государя министру Гр. Завадовскому, М. Н. Муравьевъ писалъ: «Графъ Петръ Васильевичъ препоручилъ мнѣ отнестись предпочтительно къ Московскому Университету, дабы онъ, уваживъ всѣ обстоятельства, способы и пространства труда, представилъ начертаніе о составленіи, подъ покровительствомъ своимъ, особеннаго Общества изъ ученыхъ, въ Россійской Древней Исторіи свѣдущихъ, которое могло бы пригласить къ содѣйствію и г. Шлецера, сколько по отсутствію своему можетъ онъ опытностію своею способствовать» ¹⁶.

Какъ встрѣчено было Университетомъ сообщеніе Муравьева, можно видѣть изъ письма Чеботарева отъ 7 марта 1804 года, на имя Гр. П. В. Завадовскаго, которое мы и приводимъ здѣсь вполнѣ:

«Сіятедьнѣйшій Графъ

«Милостивый Государы!

«Вниманіе вышняго начальства ко вѣрнымъ благотворному и мудрому его правленію мѣстамъ и сословіямъ есть самая драгоценная для нихъ награда и возжелѣннѣйшее ободрѣніе. Такогого имѣлъ счастье удостоиться Московскій Университетъ въ благосклонномъ ему отъ Вашего Сіятельства препорученіи по Высочайшему соизволенію учредить Общество Россійскихъ ученыхъ для критическаго изданія лѣтописей Отечественной нашей Исторіи.

«Внемя съ благоговѣніемъ Царско-патріотическому Высокомонаршему желанію, Академическій Совѣтъ Московскаго Университета поставилъ себѣ первымъ и непреложнымъ долгомъ принести Вашему Сіятельству искренное благодареніе за предпочтитель-

¹⁵ См. *Шевырева*, Исторія Московскаго Университета, стр. 327 — 333 и 336—339.

¹⁶ См. Приложенія подъ № IV.

ное къ нему о семъ общеползеномъ трудѣ отнесеніе Ваше. Московскій Университетъ имѣетъ честь увѣрить Ваше Сіятельство, что онъ употребитъ всю дѣятельную ревность въ предприемлемомъ дѣлѣ, дабы оказаться не недостойнымъ высокаго Вашего къ нему благорасположенія, милостивому продолженію котораго препоручить оный, яко Ректоръ его, пріятнѣйшею поставляю обязанностію, пребывая во всю жизнь съ достодолжнымъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною къ особѣ Вашей приверженностію,

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!
Вашего

Высоко-Графскаго Сіятельства

преданнѣйшій слуга

Харитонъ Чеботаревъ».

Избравъ въ Предсѣдатели предполагаемаго къ открытію Общества своего ректора, а въ дѣйствительные члены нѣсколькихъ профессоровъ, Университетскій Совѣтъ призналъ необходимымъ «для вѣрныхъ и дѣятельныхъ успѣховъ въ толь важномъ и общеползеномъ предпріятіи, пригласить въ почетные онаго члены мужей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ Отечественной Древней Исторіи», и назначилъ первое совѣщательное засѣданіе новаго Общества на пятницу 18 марта, разославъ къ избраннымъ членамъ особыя приглашенія, въ коихъ Александръ I назывался «единственнымъ въ подсолнечной покровителемъ наукъ и высокимъ распространителемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи»¹⁷.

Кто же были эти первые почетные члены ученаго Общества, старѣйшаго между существующими и до нынѣ въ Москвѣ? Кто изъ нихъ руководилъ его дѣйствіями, и въ чемъ заключалась дѣятельность Общества въ первые годы его существованія?

Почетными членами были: А. Л. Шлцеръ, «яко опытнѣйшій въ семъ родѣ ученый», гр. Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, Алексѣй Федоровичъ Малиновскій и Николай Михайловичъ Карамзинъ¹⁸.

¹⁷ Образецъ такого приглашенія, см. въ Приложеніи № V.

¹⁸ Тамъ же, №№ VII и VIII. Срав. Шевырева, Исторія Московскаго Университета, стр. 350.

Такимъ образомъ въ числѣ почетныхъ членовъ мы видимъ людей, не принадлежавшихъ непосредственно къ Университетскому сословию, какъ тогда выражались, но въ то же время считавшихся наибольшими знатоками древне-русской Исторіи. Однако они не могли принимать постоянного и примаго участія въ трудахъ новаго Общества отчасти по множеству другихъ занятій, на нихъ лежавшихъ, отчасти по ихъ общественному положенію; да и самое званіе почетныхъ членовъ не обязывало ихъ къ дѣятельности непосредственной, къ исполненію какихъ либо порученій Общества. Старикъ Шлецеръ, представившій русскимъ ученымъ образцы и правила исторической критики, давно уже жилъ внѣ Россіи и, сдѣлавъ съ своей стороны очень многое для русской историографіи, ждалъ отъ самаго Общества, учрежденія коего онъ былъ отчасти виновникомъ, дальнѣйшихъ успѣховъ на томъ же пути. Получивъ вѣсть еще о приготовлявшемся только открытіи Общества, онъ такъ привѣтствовалъ его появленіе въ письмѣ къ профессору Гейму: «Г. Чеботарев (который не терпитъ з, также какъ и я) увѣдомилъ меня 8 марта сего года чрезъ посторонняго челоуѣка о томъ, что по Высочайшему повелѣнію учреждено «Ученое Общество для критическаго изданія Русскихъ Лѣтописей». Если бъ при томъ и не было мнѣ сообщено, что я удостоенъ чести быть сочленомъ сего Общества, то вы, Милостивый Государь, уже вѣрно бы почувствовали, какъ занимательно для меня, теперь ревностно трудящагося надъ Несторомъ ч. III, получить о семъ Обществѣ обстоятельнѣйшія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ актовъ онаго (Actenmäsizig). Ихъ вѣрно не таятъ, вы сами сочленъ Общества: итакъ, что естественнѣе того, что я прошу сообщить мнѣ сіи акты и даже другія извѣстія. Къ Завадовскому писалъ я при случаѣ, что съ симъ дѣломъ не надобно поступать *по приказному* (auf Canzleifus), иначе въ 25 лѣтъ не сдѣлалось бы того, что могло и должно бы сдѣлаться въ пять лѣтъ»¹⁹. Н. М. Карамзинъ, состоявшій въ добрыхъ отношеніяхъ къ предсѣдательствовавшему въ Обществѣ Х. А. Чеботареву²⁰, уже занимался сочиненіемъ «Исторіи Россій-

¹⁹ Какъ самое письмо, такъ и переводъ его см. въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества», ч. IV, кн. 2, стр. 28—33.

²⁰ «Господинъ Чеботаревъ, ректоръ предложилъ мнѣ быть членомъ Московскаго Унивверситета» (т.е. почетнымъ), писалъ Карамзинъ къ М. Н. Муравьеву отъ 28 сентября 1803 г. см. «Сочиненія Карамзина» въ изд. Смирдина, т. III, (Спб. 1848), стр. 682. Срв. въ книгѣ М. П. Погодина: «Николай Михайловичъ

скаго Государства» и такъ смотрѣлъ на положеніе историографа относительно Общества: «Я могу умереть, не дописавъ Исторіи; но Россія должна всегда имѣть историографа. Десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ»²¹. Несравненно болѣе помощи могло ожидать новорожденное Общество отъ гр. Мусина-Пушкина, Бантыша-Каменскаго и Малиновскаго, обладавшихъ или располагавшихъ обширнымъ историческимъ матеріаломъ, бывшимъ въ то время доступнымъ для немногихъ. Изъ перечисленныхъ нами почетныхъ членовъ на первое засѣданіе явились по приглашенію только гр. Мусинъ-Пушкинъ и Карамзинъ. Съ ними раздѣляли честь участія въ этомъ засѣданіи, кромѣ Чеботарева, ординарные профессора П. И. Страховъ, П. А. Сохацкій, М. М. Снегиревъ и Н. Е. Черепановъ.

Въ этомъ засѣданіи дано было Обществу то имя, которое оно носитъ и до сихъ поръ; цѣлью его признано критическое изданіе Русскихъ Лѣтописей, для чего было положено просить графа Завадовскаго объ исходатайствованіи Обществу права получать рукописи изъ правительственныхъ и монастырскихъ архивовъ, въ особенности же «изъ Петербургской Академіи Наукъ на сегощаго Несторова Лѣтописца, подъ именемъ Кенигсбергскаго списка». Рѣшено было также просить «Почетныхъ членовъ, отличныхъ любителей отечественной исторіи, о снабденіи Общества толь вождѣльными драгоценностями» и объявить въ газетахъ, чтобы «частные люди, изъ патріотическаго уваженія къ пользѣ общей и къ благодарности попомства, не отrekliсь присылать хранимыя у нихъ въ семь родѣ рѣдкости и достоиматныя преданія и замѣчанія». Касательно самаго изданія начальной лѣтописи приняты были такія правила: «Лѣтописецъ Несторовъ, яко отца всѣхъ Россійскихъ лѣтописей и исторій, назначается первый къ изданію, принявъ въ помощь критическія замѣчанія славнаго историка г-на Шлецера, почетнаго члена сего Общества, а особливо собравъ и сравнивъ самыя древнія и вѣрныя рукописи. Предпріятіе сіе учреждается такимъ порядкомъ, чтобы, взявъ за основаніе древнѣйшій изъ всѣхъ манускриптовъ, какъ ближайшій къ подлиннику и ме-

Карамзинъ» (М. 1866), ч. II, стр. 126, свидѣтельство К. Ѳ. Калайдовича о знакомствѣ Карамзина съ Чеботаревымъ.

²¹ См. «Сочиненія Карамзина», изд. Смирдина; т. III, стр. 687—688.

нѣе другихъ испорченный писцами, отпечатывать по листу въ университетской типографіи на половинѣ страницы рѣдкими строками и посылать по-очереды г.г. членамъ, вмѣстѣ со всѣми такими жѣ лѣтописцами для сравненія и критическихъ примѣчаній. На сіе полагается двѣ недѣли съ отпечатанія каждаго листа. Послѣ чего должно быть Обществу въ назначенный день засѣданію, гдѣ, по разсмотрѣніи всѣхъ поправокъ и примѣчаній, утверждается по всѣхъ суду самый лучший и вѣрнѣйшій текстъ, съ необходимыми выносками разностей въ чтеніи, нѣкоторыхъ объясненій и прочее, и тогда уже отдается такой выправленный листъ для подлежащаго напечатанія подъ общую корректуру членовъ со всевозможною точностію. Ибо хотя и есть Несторовъ лѣтописецъ печатный; но первыя страницы показываютъ, что онъ наполненъ погрѣшностей. Для большей же полноты, обстоятельности и ясности поручено будетъ Гг. Членамъ, искуснымъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, отыскать и перевести всѣ мѣста, касающіяся до Славянскихъ народовъ у древнихъ историковъ, начиная съ Геродота до самыхъ византійскихъ бытописателей, какъ-то: Кедрина и прочихъ, равно и у Римскихъ историковъ. Сіе составитъ нѣкоторый родъ весьма полезнаго и занимательнаго вступленія въ Несторовъ лѣтописецъ особливо касательно космографіи и древностей²². Когда разсуждали объ основномъ текстѣ Несторовой лѣтописи, то графъ Мушинъ-Пушкинъ объявилъ, что онъ «изъ любопытства подлинный списокъ (Кенигсбергскій) съ печатнымъ сводилъ и нашель, что не токмо находятся ошибки, но и пропуски», почему и несовѣтовалъ брать за основаніе печатное изданіе, а просить о доставленіи въ Общество подлинной рукописи.

Чтобъ составить обстоятельный докладъ о первыхъ дѣйствіяхъ Общества, Чеботаревъ созывалъ еще разъ совѣщательное собраніе, въ которомъ, кромѣ избранія двухъ новыхъ членовъ: профессора И. А. Гейма и адъюнкта М. Г. Гаврилова, обращено было особенное вниманіе на окончательную редакцію правилъ, опредѣлявшихъ дѣятельность Общества, при чемъ уже шла рѣчь

²² Полный журналъ перваго засѣданія Общества см. въ Приложеніяхъ № VI; а отрывки изъ него въ статьѣ А. О. Бычкова: «Матеріалы къ словарю Евгенія о русскихъ писателяхъ». См. Сборникъ статей II отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, т. V, вып. I, (Спб. 1868), стр. 247—248.

и о редакторѣ или издателѣ Трудовъ Общества, а также избранъ былъ въ секретари П. А. Сохацкій²³. Представляя Министру докладную записку, составленную въ совѣщательныхъ собраніяхъ Общества, М. Н. Муравьевъ просилъ и съ своей стороны письмомъ отъ 6 апрѣля объ исходатайствованіи отъ Императорской Академіи Наукъ и Государственнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ нужныхъ для Общества свѣдѣній и рукописей. Завадовскій докладывалъ о томъ Государю 9 апрѣля, послѣ чего сдѣлалъ такую приписку на письмѣ Муравьева: «Государь Императоръ указалъ отнестись къ свѣтскимъ и духовнымъ мѣстамъ, чтобъ лѣтописи и рукописи въ оригиналѣ были выдаваемы»²⁴.

Вслѣдствіе этого письма Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій, писалъ 12 апрѣля къ князю А. А. Чарторыскому, князю А. Н. Голицыну и Н. Н. Новосильцову, чтобы, по требованіямъ Общества, были выдаваемы ему «лѣтописи или записки касающіяся до Россійскихъ Древностей» изъ Государственнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ Патриаршей и типографской «Синодальныхъ» библиотекъ, изъ библиотекъ Троицкой Лавры и другихъ монастырей и изъ библиотеки Академіи Наукъ. Новосильцева Завадовскій на первый случай просилъ доставить Обществу «письменный оригиналъ Лѣтописи Несторовой, извѣстной подъ именемъ Кенигсбергскаго списка». Новосильцевъ увѣдомилъ Завадовскаго, что «Академія, имѣя на своей отвѣтственности сохраненіе столь драгоцѣннаго манускрипта, не можетъ поручить доставленіе онаго никому иному, какъ только члену сего Общества, или другому чиновнику, съ довѣренностію отъ него присланному, который бы принялъ оный манускриптъ по описи и далъ въ томъ росписку». Вслѣдствіе этого отзыва, Завадовскій увѣдомилъ Новосильцева 16 мая, что «господинъ попечитель Московскаго Университета изъяснилъ, что онъ самъ желаетъ принять

²³ Перечень дневной записки учрежденнаго при Импер. Москов. Университетѣ по Высочайшему повелѣнію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ см. въ Приложеніяхъ подъ № VIII. Этотъ перечень и былъ доставленъ М. Н. Муравьевымъ къ гр. П. В. Завадовскому, а подлинный журналъ совѣщательнаго засѣданія, однако изложенный короче въ существенныхъ статьяхъ, сохранился въ бумагахъ митрополита Евгенія, находящихся въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ двухъ переплетахъ и поступившихъ въ нее изъ древнехранилища М. П. Погодина.

²⁴ Письмо Муравьева къ Завадовскому съ выше приведенною помѣткою послѣдняго см. въ Приложеніяхъ № VII.

изъ Академіи Наукъ подѣ собственную свою росписку хранящійся въ ней рукописный подлинникъ лѣтописи Несторовой, извѣстный подѣ именемъ Кенигсбергскаго списка, для доставленія его учрежденному при Московскомъ Университетѣ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ». Въ седьмой книжкѣ (стр. 69) тогдашняго органа министерства, который назывался «Періодическимъ сочиненіемъ объ успѣхахъ Народнаго Просвѣщенія», было объявлено объ учрежденіи Историческаго Общества по Высочайшей волѣ, съ поименованіемъ всѣхъ его тогдашнихъ членовъ, съ указаніемъ на избранную имъ задачу для своихъ занятій и на Высочайшее повелѣніе касательно доставленія въ Общество рукописей изъ архивовъ и библіотекъ ²⁵.

Итакъ, дѣятельность Общества была обеспечена съ одной стороны вышепомянутымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, а съ другой его связью съ Университетомъ. Эта связь могла дать Обществу и матеріальныя средства для изданія въ свѣтъ его трудовъ, ибо въ изданномъ въ теченіе того же 1804 года Университетскомъ уставѣ между прочимъ говорилось (въ § 11): «Къ особливому достоинству Университета отнесется оставленіе въ нѣдрѣ онаго Ученыхъ Обществъ, какъ упражняющихся въ Словесности Россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ. Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніе хозяйственной суммы». По тогдашнему Уставу Университетъ разѣ въ мѣсяць долженъ былъ имѣть такое засѣданіе, которое давало ему исполнѣ видѣ Ученаго Общества; ибо въ этомъ засѣданіи (по § 55): «Профессоры и Почетные Члены, подѣ предсѣдательствомъ ректора, разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, Ректоромъ или кѣмъ изъ Членовъ предлагаемыхъ». Наконецъ Совѣтъ Университета имѣлъ право ежегодно предлагать «задачу, служащую къ распространенію наукъ, съ обѣщаніемъ за удовлетворительное рѣшеніе награжденія, соразмѣрнаго важности задачи», причемъ должна была соблюдаться очередь между факультетами ²⁶. Стало быть эта очередь могла дойти и до Русской Ис-

²⁵ Срв. Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Т. I: Царствованіе Императора Александра I. Изд. 2. С.-Пб. 1875; стр. 263—264.

²⁶ Тамъ же, стр. 296—297, 305—306.

торіи, и конечно задача по этой части должна была войти въ кругъ дѣятельности новаго Общества. Но если Обществу обезпечены были пользованіе историческими рукописями и матеріальныя средства для изданія ихъ; то успѣхъ ученыхъ занятій его долженъ былъ зависѣть отъ тѣхъ личныхъ силъ, которыми оно располагало. А потому намъ надо познакомиться теперь съ его первыми членами, причемъ мы начнемъ съ почетныхъ, минуя однакожъ Шлецера и Карамзина, ибо трудовъ ихъ не находимъ въ изданіяхъ Общества.

Гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, служебная дѣятельность котораго относится ко второй половинѣ прошлаго столѣтія ²⁷, былъ

²⁷ Изъ біографическихъ свѣдѣній о немъ, составленныхъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (см. *«Вѣстникъ Европы»* за 1813 годъ, №№ 21 и 22, стр. 76 — 91; *«Записки и Труды»* Общества, ч. II, отд. 2, стр. 3—48), видно, что графъ родился 16 марта 1744 г.; въ 1757 началъ служить въ артиллеріи, продолжая оную службу по сему корпусу до 1772 года, былъ при генералъ-фельдцейгмейстерѣ князѣ Орловѣ генералъ-адъютантомъ; въ 1772 году уволенъ въ чужіе края, откуда возвратился въ 1775 взять ко двору и пожалованъ церемоніймейстеромъ. Въ 1780 возложенъ на него бывшаго Польскаго королевства орденъ Св. Станислава, въ 1784 пожалованъ Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ, въ 1789 препорученъ ему въ управленіе Корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ. Въ 1791, сверхъ управленія Корпусомъ, повелѣно ему быть въ Св. Синодѣ Оберъ Прокуроромъ. Въ 1792 за ревностныя труды, въ управленія Корпуса подъяемые, украшенъ Орденомъ Св. Владимира 2-й степени большого креста, въ 1793 пожалованъ Тайнымъ Совѣтникомъ. Въ 1794 поручена ему въ управленіе Академія Художествъ и назначенъ онъ преемникомъ президента. Въ 1796 пожалованъ въ ту Академію Президентомъ, и въ томъ же году возложенъ на него орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1797 уволенъ отъ званія Оберъ Прокурора Св. Синода, и въ томъ же году іюня 27 возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, и пожалованъ Сенаторомъ. Въ 1799 произведенъ въ Дѣйствительные Тайные Совѣтники и того же года, по прошенію его, отъ службы уволенъ. Кромѣ того онъ былъ Московскаго Университета, Академіи Художествъ, мастерской и оружейной Палаты и Бесѣды любителей Россійскаго слова Почетный членъ, Россійской Академіи, Обществъ: Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ и Экономическаго С.-Петербургскаго Дѣйствительный Членъ. Въ 1796 году онъ представилъ императрицѣ Екатеринѣ II «карту раздѣла Польши, съ описаніемъ границъ древней Россіи». Послѣ гр. Мусина-Пушкина осталась между прочимъ рукопись подъ заглавіемъ: «Повседневная записка о всемъ, гдѣ былъ и что любопытнаго видѣлъ, а особливо касательно художествъ», начатая со времени увольненія его въ чужіе края то есть съ 1772 года, которую и продолжалъ онъ до возвращенія своего въ отечество. Потомъ вторично начавъ со вступленія его къ Высочайшему Двору въ должность Церемоніймейстера, то есть съ 1775 года, вносилъ въ оную всѣ до свѣдѣнія его

въ свое время извѣстенъ, какъ усердный и счастливый собиратель всякаго рода русскихъ древностей, изслѣдователь нѣкоторыхъ изъ нихъ и издатель историческихъ памятниковъ и сочиненій, касавшихся Россіи. Собирателемъ старинныхъ рукописей онъ сталъ случайно. Въ томъ самомъ году, какъ ему поручена была должность оберъ-прокурора въ Синодѣ, къ Петербургскому книгопродавцу В. С. Сопикову, служившему потомъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, привезена была на однѣхъ роспускахъ куча бумагъ, содержащая въ себѣ 37 книгъ черноваго Журнала о дѣлахъ Петра Великаго, собраннаго комиссаромъ Крекшиннымъ, извѣстнымъ своей любовью къ Русской исторіи и привязанностію къ памяти Преобразователя. Крекшинъ при Петрѣ I исполнялъ многія порученія, писалъ Русскую исторію и Журналъ Государя, для продолженія и окончанія котораго, по смерти Петра, ему поручено было разобрать Кабинетъ дѣлъ и бумагъ государевыхъ, хранившихся въ Петербургской крѣпости. Крекшинъ снялъ копии съ большей части этихъ бумагъ, и въ числѣ ихъ было нѣсколько указовъ императрицы Анны Іоанновны. Всѣ эти бумаги Крекшина и были приобретены графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ за 300 рублей. Четыре года спустя, Журналъ этотъ возвращенъ былъ графомъ Сопикову, по поводу издачія послѣднимъ отъ Синода лѣтописи Дмитрія Ростовскаго, за ту же цѣну, а Сопиковъ передалъ его въ обмѣнъ на книги Петру Богдановичу, увезшему Журналъ съ собою въ Полтаву; но важнѣйшія изъ него записки были оставлены графомъ у себя. Затѣмъ это собраніе древностей увеличено было подарками гр. Г. И. Годовкина, состоявшими изъ нѣсколькихъ лѣтописей и монетъ. Далѣе гр. Мусинъ-Пушкинъ получилъ изъ Кіева знаменитое «Ярославле сребро» или серебряную медаль, найденную между привѣсками къ одной иконѣ²⁸. Это не-

доходившія историческія и политическія происшествія и анекдоты. Графъ, не долго до 1812 года, намѣревался отдать всѣ собранныя имъ съ большимъ трудомъ книги и рукописи въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, бывшій тогда подъ управленіемъ друга его Н. Н. Бантышъ-Каменкаго, какъ видно изъ приводимаго Калайдовичемъ въ его біографіи проекта просьбы о томъ на имя Александра I; но Московскій пожаръ истребилъ всѣ собранныя графомъ коллекціи вмѣстѣ съ его великолѣпнымъ домомъ.

²⁸ Медаль эта, по свидѣтельству Калайдовича, вѣрно срисована и выгравирована А. И. Ермолаевымъ для сравненія находящихся на оной буквъ съ литерами Тмутараканскаго камня и напечатана въ числѣ украшеній (Platons) въ «Письмѣ Олгата къ графу Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутараканскомъ» на стр.

ожиданное открытіе сильно возбудило въ графѣ ревность къ открытію древностей, такъ что онъ въ бѣльшей части городовъ Россіи, относящихся свое основаніе къ стариннымъ временамъ, пріискалъ коммиссіонеровъ для себя, приказалъ имъ платить за книги щедро, а за старинныя деньги и вещи противъ ихъ вѣса вдвое, узнавъ о чемъ продавцы сами объявляли объ имѣющихся у нихъ рукописяхъ и древностяхъ, предлагая ихъ купить графу. Коллекціи графа быстро увеличивались и стали извѣстны тогдашнимъ любителямъ старины. Екатерина II пожелала видѣть нѣкоторыя изъ собранныхъ имъ лѣтописей, а также бумаги, принадлежавшія Крекшину. Изъ послѣднихъ она нѣкоторыя оставила у себя, а вмѣсто нихъ пожаловала графу нѣсколько пергаменныхъ рукописей и старинныхъ бумагъ, находившихся въ ея кабинетѣ, которыя самой ей читать было трудно, и поручила ему дѣлать выписки изъ нихъ, а равно и изъ другихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ обо всемъ, что касается Русской исторіи, дозволивъ въ то же время искать и требовать всюду, что найдетъ для того нужнымъ. Такое дозволеніе дало ему возможность получить рѣдкія историческія книги и выписки изъ старинныхъ рукописей. Съ другой стороны званіе оберъ-прокурора при Синодѣ, короткое знакомство его съ тогдашними іерархами русской церкви и наконецъ указъ Екатерины II отъ 11 августа 1791 года о собираніи изъ монастырскихъ архивовъ и библіотекъ всѣхъ древнихъ лѣтописей и другихъ до исторіи касающихся сочиненій²⁹, доставили ему случай приобрести множество древнихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, что весьма умножило и обогатило его собраніе. Въ числѣ этихъ рѣдкостей были: Лаврентьевскій списокъ начальной русской лѣтописи, пергаменное юсовое Евангеліе, такъ называемая лѣтопись князя Кривоборскаго, которую очень цѣнили извѣстный историкъ князь М. М. Щербатовъ и критикъ его генераль-маіоръ Болтинъ, Псковская лѣтопись, книга Большому чертежу, Никочовская лѣтопись, лѣтописные сборники съ примѣчаніями В. Н. Татищева, его Историческій лексиконъ, множество подлинныхъ бумагъ временъ Петра Великаго и вообще прошлаго столѣтія.

28 и въ описаніи IV картины на 32 стр. Ср. статью Калайдовича въ «Запискахъ и Трудяхъ» Общества, ч. II, отд. 2, стр. 7—11, гдѣ онъ представилъ нѣкоторыя возраженія на мнѣніе А. Н. Оленина.

²⁹ См. «Правда Русская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича Мономаха». Спб. 1792; стр. I въ Предисловіи.

Уже въ то время собраніе рукописей, прибрѣтенныхъ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, высоко цѣнилось его современниками. Болтинъ такъ отзывался о графѣ и его библіотекѣ: «онъ, будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и изживеніемъ, а больше по счастью, по пословицѣ: *на лова и зетьрь бѣжитъ*, собралъ много книгъ весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну; не возбранно я, по дружбѣ его ко мнѣ, оными пользуюсь, но не имѣлъ еще время не только всѣхъ ихъ прочесть, ниже пересмотрѣть. Изъ надписей ихъ, и изъ почерка письма, предварительно я увѣренъ, что прочетши ихъ много можно открыть, относительно до нашей Исторіи, что понынѣ остается въ темнотѣ, или въ совершенномъ безъизвѣстіи; но сіе требуетъ великихъ трудовъ»³⁰. Но послѣ того графу представился еще другой поводъ къ увеличенію своихъ собраній. Онъ возымѣлъ мысль собирать автографы, хотя бы они состояли изъ цѣлыхъ тетрадей или рукописей. Екатерина II, узнавъ о такомъ намѣреніи, пожаловала графу многія изъ своихъ черновыхъ бумагъ, въ числѣ коихъ были «Записки касательно Россійской исторіи» и нѣсколько отрывковъ изъ «Наказа» о новомъ уложеніи. По примѣру государыни стали дарить графу черновыя рукописи своихъ трудовъ, а также подлинныя сочиненія прежнихъ авторовъ многіе изъ извѣстѣйшихъ въ его время людей. Такимъ путемъ онъ прибрѣлъ подлинники, писанные рукою св. Димитрія ростовскаго, Самуила кievскаго, Гавріила новгородскаго, Арсенія ростовскаго, Евгенія екатеринославскаго. Никифоръ астраханскій подарилъ ему греческое Евангеліе съ толкованіемъ св. отцевъ, писанное въ IX вѣкѣ. Іовъ екатеринославскій передалъ графу не мало рѣдкихъ книгъ, собранныхъ имъ въ бывшихъ польскихъ областяхъ, въ томъ числѣ «Литовскій Статутъ» въ Виленскомъ изданіи 1586 года. Аполлосъ архангельскій завѣщалъ ему свою библіотеку; такимъ же путемъ перешли во владѣніе гр. А. И. Мусина-Пушкина всѣ книги и бумаги профессора А. А. Барсова. По смерти генералъ-маіора Болтина, вся библіотека его куплена была, по Высочайшему повелѣнію, у наследниковъ и пожалована Мусину-Пушкину. Онъ самъ купилъ у архимандрита Спасоярославскаго монастыря Іюля всю его библіоте-

³⁰ См. его «Критическія примѣчанія на первый томъ Исторіи кн. Щербатова»; Спб., 1793; § LVIII, стр. 251—252.

ку, въ томъ числѣ и Сборникъ, въ коемъ находилось «Слово о полку Игоревѣ». По смерти И. П. Елагина, назначившаго гр. Мусина-Пушкина своимъ душеприкащикомъ, послѣдній также получилъ множество историческихъ книгъ и рукописей. Все это обширное собраніе русскихъ древностей хранилось въ Москвѣ въ великолѣпномъ домѣ, принадлежавшемъ графу. Но были также древнія вещи, иконы и монеты, сохранявшіяся въ селѣ Иломнѣ, принадлежавшемъ графу. Московское собраніе древностей и рѣдкостей, какъ тогда выражались, было открыто для всѣхъ, занимавшихся изученіемъ Русской Исторіи: имъ пользовался Н. М. Карамзинъ, имъ пользовались и члены Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Оно представляло собою для нихъ неисчерпаемый матеріалъ, котораго, по словамъ Карамзина, не только прочесть, но ниже пересмотрѣть въ короткое время невозможно ³¹.

Помимо той несомнѣнной пользы, какую могла приносить Историческому Обществу библіотека графа, изъ коей Общество и воспользовалось нѣкоторыми рукописями при своихъ занятіяхъ, владѣлецъ ея былъ извѣстенъ нѣсколькими изслѣдованіями и изданіями, касавшимися русской старины. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть изслѣдованіе о Тмутараканскомъ княжествѣ ³², вызвавшее въ свое время множество пререканій. Гр. Мусинъ-Пушкинъ искалъ Тмутаракани на островѣ Тамани, какъ думалъ впрочемъ еще академикъ Байеръ ³³, коему слѣдовали до

³¹ См. «Записки и Труды» Общества, ч. II, отд. 2, стр. 15—20.

³² *Историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи Древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія*. Посвящено Екатеринѣ Великой и надано по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію. Въ С.-Петербургѣ, въ типографіи корпуса чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1794 года, въ 4. Предисловіе на 2, содержаніе на IV, а самая книга на 63 страницахъ. Къ этому изслѣдованію приложены: Родословникъ князей Россійскихъ, владѣвшихъ въ Тмутаракани до князя Глѣба Свягославича, положившаго камень на Таманѣ; взятый изъ Записокъ касательно Россійской Исторіи, части V, на 3 страницахъ; родъ князей, владѣвшихъ въ Тмутаракани, на 1 таблицѣ; рисунокъ съ найденнаго на островѣ Таманѣ мраморнаго камня; чертежъ изображающій часть древней Россіи до нашествія Татаръ и Описаніе народовъ, городовъ и урочищъ, означенныхъ въ Чертежѣ, собранное изъ исторіи г. Татищева, Географическаго Словаря его, Записокъ касательно Россійской Исторіи, изъ книги Древняго Большаго Чертежа; рукописей г. Болтина и нѣкоторыхъ другихъ, на LXXIV страницахъ.

³³ См. *Sammlung Russischer Geschichte*, B. II, Spb. 1736, s. 77; а также русскій переводъ напечатаннаго въ вышеупомянутомъ Сборникѣ Миллера сочи-

Мусина-Пушкина Эминъ ²⁴ и Тупманнъ ²⁵. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ, которыя гр. Мусинъ-Пушкинъ приводилъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, былъ найденный въ 1792 г. на Тамани камень, который онъ назвалъ Тмутараканскимъ. Этотъ камень возбуждалъ особенное недовѣріе въ противникахъ Мусина-Пушкина, что вызвало въ послѣдствіи новыя изслѣдованія его: одно изъ нихъ принадлежало современнику Мусина-Пушкина А. Н. Оленину ¹; другое—позднѣйшему писателю, извѣстному своими свѣдѣніями о Сибири, Г. И. Спасскому, третье П. П. Кеппену ²⁷. Шлецеръ, допускаяшій существованіе Тмутараканскаго камня, не признавалъ мнѣнія Мусина-Пушкина о положеніи княжества ²⁸. Даже горячій почитатель графа, К. О. Калайдовичъ, выразился такъ объ этомъ вопросѣ: «должно признаться, что, при всѣхъ вѣроятностяхъ, положеніе Тмутараканскаго княженія на островѣ Таманѣ, оно имѣетъ значущія сомнѣнія» ²⁹. Какое однакожъ важное значеніе имѣлъ въ тѣ времена споръ о Тмутараканскомъ камнѣ и княжествѣ, можно видѣть изъ письма къ Калайдовичу, писаннаго графомъ 8 ноября 1813 года изъ села Иломны, гдѣ сказано ³⁰: «до того не благонамѣренные доходили, что покойную въ Бозѣ опочивающую мудрую Екатерину осмѣлилися увѣрять, что я ее обманываю, что найденный Тмутараканскій камень мною выдуманъ: о чемъ не только были споры, но и повелѣнія даны Таврическому губернатору Жегулину и профессору Палласу изслѣдовать на мѣстѣ. Жалѣ

венія Байера: «*Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, отъ содѣанія сего города до возвращенія оного подъ Россійскую державу*» (Спб., 1738), стр. 57—58; или во 2 изд. (тамъ же, 1768), стр. 57, или наконецъ въ «*Новыхъ Ежегодныхъ Сочиненіяхъ*, ч. LXXXIII, (Спб., 1793), мѣсяцъ май, стр. 8.

²⁴ *Россійская Исторія*, т. 2; Спб., 1768, стр. 350—351.

²⁵ *Description de la Crimée*, traduite de l'Allemand; à Strasbourg, 1786; in-8, p. 102 et 103.

²⁶ *Письмо къ гр. А. И. Мусину-Пушкину, о камнѣ Тмутараканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году.* (съ 9 рисунками). Спб., 1806, въ листъ.

²⁷ *Изслѣдованіе Тмутараканскаго камня съ Русскою надписью.* Спб., 1844, въ 8. Замѣтка Кеппена въ *Трудахъ и Лѣтописяхъ* Общ., ч. V, кн. стр. 300. *Еюже, Списокъ русскихъ памятникамъ*; М. 1822; стр. 24—26.

²⁸ *Несторъ, Русскія Лѣтописи на древне-Славенскомъ языкѣ*, слѣченныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ. Перев. съ Нѣмецкаго Д. М. Языковъ, ч. 2 (Спб. 1816), стр 779. Срв. *Sötting. gel. Anz.* 1807, № 27.

²⁹ См. «*Записки и Труды*» Общества, ч. II, отд. 2, стр. 34.

³⁰ Тамъ же, стр. 31—32.

крайне, что весь сей странной процессъ, бывшій у меня, погибъ; но если желаете, то найдете онаго слѣды въ моемъ изданномъ изслѣдованіи, въ Путешествіи г. Палласа, въ письмѣ ко мнѣ г. Оленина и въ примѣчаніяхъ г. Шлецера, помѣщенныхъ въ изданномъ отъ него Несторѣ. Сей послѣдній, по сообщеніи ему моего изслѣдованія, извинялся письмомъ. Вотъ, м. г. мой, сколько отъ невѣжества и зависти (вмѣсто пособія въ изысканіяхъ) имѣлъ я непріятныхъ препятствій! Теперь въ сей истинѣ уже не сомнѣваются благонамѣренные; ибо Государь Императоръ Имяннымъ своимъ указомъ повелѣлъ именовать островъ Тамань *Тмутараканію*. Тмутараканскій камень, вмѣстѣ съ Ярославовымъ серебромъ и Словомъ о Полку Игоревѣ, составляли, въ глазахъ современниковъ, главное право гр. А. И. Мусина-Пушкина на видное мѣсто между современными ему любителями Русской старины. Кромѣ того графъ въ то время, когда избранъ былъ въ почетные члены Общества, извѣстенъ былъ, какъ участникъ въ изданіи Русской Правды (Спб., 1792), издатель Поученія Владимира Мономаха дѣтямъ (Спб., 1793), при чемъ онъ имѣлъ цѣлю «показать отцевъ нашихъ почтенные обычаи и нравы, кои моднымъ французскимъ воспитаніемъ исказились, и тѣмъ опровергнуть ложное о нихъ понятіе и злорѣчіе»,—за что однакожь многіе изъ придворныхъ бранили издателя говоря, что онъ «идетъ противъ Петра и Екатерины»⁴¹, какъ издатель Русскаго Временника, сирѣчь Лѣтописца, содержащаго въ себѣ Россійскую исторію отъ 862 до 1681 лѣта (въ двухъ частяхъ, Москва, 1790)⁴², книги Большому Чертежу (Спб., 1792), Историческаго розысканія Евгения Булгара о времени крещенія княгини Ольги (Спб. 1792) и т. п. Таковъ былъ старѣйшій почетный членъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ⁴³.

⁴¹ См. «Записки и Труды» Общества, ч. II, отд. 2, стр. 29.

⁴² См. Карамзина, *Исторія Государства Россійскаго*, изд. 2, т. III, примѣчаніе 360.

⁴³ Его биографъ говоритъ: «онъ скончался 1 февраля, 1817 года, въ 10 часовъ пополудни, на 73 году жизни своей. Печальной обрядѣ отпѣванія тѣла его, совершенной февраля 5 въ приходской церкви Богоявленія за Елоховскимъ мостомъ, почтилъ преосвященный Августинъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ своимъ присутствіемъ. Тѣльные останки несены были на рукахъ его крестьянами отъ самой Москвы до мѣста погребенія, и тамъ преданы землѣ въ Моложскомъ его селѣ Иломнѣ», (стр. 24). Срв. *Гр. Гетцади, Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученихъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ* и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825 г. Берлинъ, 1880; т. II, стр. 358, 431.

Н. Н. Бантышъ-Каменскій ⁴⁴ за долго до учрежденія Общества былъ извѣстенъ своею службою и занятіями въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По смерти Г. Ф. Миллера (11 октября 1783 года) и по совѣту его, управление архивомъ поручено было Бантышъ-Каменскому вмѣстѣ съ двумя товарищами его по службѣ М. Н. Соколовскимъ (умеръ 21 ноября 1799 г.) и И. М. Стриттеромъ (умеръ 19 февраля 1801 года), по кончинѣ которыхъ онъ и остался единственнымъ директоромъ архива. Въ теченіе сорока двухъ лѣтъ, прошедшихъ отъ поступленія его на службу до учрежденія Историческаго Общества, онъ составилъ до тридцати историко-дипломатическихъ описаній изъ разныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ, которыя и до сихъ поръ служатъ не малымъ пособіемъ для желающихъ ознакомиться съ археографическими богатствами архива. Большинство ихъ относится къ исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ европейскими и азіатскими государствами со временъ, отъ которыхъ сохранились акты о томъ въ архивѣ, до времени Екатерины II и даже позднѣе. Къ нимъ примыкаютъ описанія конференцій бывшихъ въ Россіи чужестранныхъ министровъ, реестры и описанія малороссійскихъ, славянскихъ, различнаго наименованія татарскихъ, сибирскихъ и кавказскихъ дѣлъ, документовъ о выѣздахъ иноземцевъ въ Россію, бумагъ касающихся прусской войны при Елизаветѣ Петровнѣ и самаго ея царствованія, реестры дѣламъ, относящимся къ при-

⁴⁴ Онъ былъ румынскаго происхожденія по отцу, и малорускаго по матери; род. 16 декабря 1737 года, учился въ Нѣжинской греческой школѣ, Киевской и Московской академіяхъ и наконецъ въ Московскомъ Университетѣ, жилъ нѣкоторое время у дяди своего по матери, Московскаго архіепископа Амвросія Каменскаго, и былъ свидѣтелемъ народнаго мятежа во время чумы, когда погибъ Амвросій, служилъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 31 декабря 1762 года сперва актуаріусомъ, потомъ переводчикомъ и наконецъ въ качествѣ управляющаго, умеръ 20 января 1814 года. Біографія его, написанная К. Ф. Калайдовичемъ, помѣщена была въ «*Вѣстникъ Европы*» за тотъ же годъ (ч. LXXIV, № 6, стр. 114). Въ 1818 году сынъ его Дмитрій издалъ въ Москвѣ книжку: «*Жизнь Николая Николаевича Бантыша-Каменскаго*» (79 стр. въ-4, съ портретомъ покойнаго). См. также «*Вѣстникъ Европы*» за 1818 годъ, ч. СII, № 24, гдѣ приведены выдержки изъ этой книги. Кромѣ того есть «*Biographie de M. Bantisch-Kamensky*», avec portrait; Moscou, imprimé chez Auguste Semon 1830, 1 vol. in 8. Наконецъ его біографія въ сокращеніи помѣщена была въ «*Словарь достопамятныхъ людей Русской земли*», составленномъ его сыномъ, ч. I, стр. 85—94. Сл. *Гр. Гетманъ, Справочный Словарь*; т. I, Берлинъ, 1861, стр. 63.

дворному церемониалу, изслѣдованія о княжескомъ, царскомъ и императорскомъ титулахъ. Бантышъ-Каменскій положилъ прочное основаніе описанію всѣхъ бумагъ, хранящихся въ архивѣ, заведя алфавиты, реестры и дневныя записки имъ. Составивъ алфавитъ «содержащимся въ книгахъ Московскаго Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Архива входящихъ и исходящихъ дѣлъ матеріямъ», онъ написалъ между прочимъ на заглавномъ листѣ его: «Сіе учинено, дабы облегчить трудъ въ пріискахъ, которые иногда отвлекаютъ служителей отъ нужнѣйшихъ дѣлъ. Желательно, чтобы продолженіе сего алфавита не упускаемо было изъ виду, и по истеченіи каждаго года или и полугода, вносямы бѣ были въ оной, слѣдуя сему порядку, всѣ матеріи, вступившія въ столпъ входящихъ и исходящихъ дѣлъ того года; а какъ всѣ бумаги идутъ чрезъ руки господъ секретарей, то, не возлагая на другаго кого, сами они удобнѣйше могутъ для своего же облегченія исполнить сей пріятнѣйшій трудъ, коимъ занимался доселѣ Н. Б. К.» Имъ собраны были матеріалы для исторіи россійской іерархіи въ восемнадцати большихъ портфеляхъ, которыми и успѣлъ отчасти воспользоваться до Московскаго пожара авторъ известной книги о томъ же предметѣ архимандритъ, въ послѣдствіи епископъ Амвросій. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что русскія духовныя училища и семинаріи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтіи обязаны были Н. Н. Бантышу-Каменскому изданіемъ почти всѣхъ своихъ учебныхъ книгъ, отъ латинскихъ букварей до руководствъ по части богословія, философіи и церковной юриспруденціи. Изъ переводовъ его особенно известна была въ то время «Исторія о жизни и дѣлахъ Молдавскаго господаря, князя Константина Кантеміра», сочиненная Байеромъ (напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ подлинникомъ въ Москвѣ, 1783 года). Почти одновременно съ учрежденіемъ Историческаго Общества Н. Н. Бантышъ-Каменскій приступилъ къ печатанію составленнаго имъ за девять лѣтъ предъ тѣмъ, по повелѣнію Екатерины II: «Историческаго извѣстія о возникшей въ Польшѣ Уніи, съ показаніемъ начала и важнѣйшихъ въ продолженіе оной чрезъ два вѣка приключеній, паче же о бывшемъ отъ Римлянъ и Уніатъ на благочестивыхъ тамошнихъ жителей гоненій» (Москва, 1805). Наконецъ Бантышъ-Каменскій былъ известенъ тѣмъ, что доставлялъ въ свое время многіе историческіе матеріалы для Новикова, издававшаго «Древнюю Россійскую. Вивліоенку», для А. Ф. Щекатова и Л. М. Максимовича, издавашаго вмѣстѣ съ первымъ «Географическій словарь Россій-

скаго Государства», и отдѣльно отъ Щекатова «Указатель Россійскихъ законовъ», для Голикова, составившаго «Дѣянiя Петра Великаго», для Туманскаго и другихъ ⁴⁵. Н. Н. Бантышъ-Каменскiй, какъ и графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, были желательными членами для Историческаго Общества, ибо могли быть полезными ему своими указанiями—первый при изданiи лѣтописей и историческихъ матеріаловъ, относящихся къ древнему періоду русской исторiи,—второй, какъ знатокъ архивныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ дипломатической исторiи.

Къ нимъ примыкалъ младшiй современникъ А. Ф. Малиновскiй, получившiй образованiе въ Московскомъ Университетѣ (род. въ 1762 г., умеръ 26 ноября 1840 г.), всю жизнь свою находившiйся на службѣ въ томъ же Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и начавшiй свои занятiя въ немъ подѣ руководствомъ Стриттера и Бантыша-Каменскаго, кромѣ того бывшiй съ 1810 по 1826 г. устройтелемъ и главнымъ смотрителемъ страннопрiимнаго дома гр. Шереметева. Его архивные труды отличались тѣмъ же направленiемъ, какъ и труды его предшественниковъ. Но кромѣ того онъ обратилъ вниманiе и на другаго рода источнiки для знакомства съ отечественною исторiей. Будучи извѣстенъ въ послѣднiя два десятилѣтiя прошлаго вѣка болѣе, какъ переводчикъ преимущественно драматическихъ произведенiй съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, онъ за годъ до учрежденiя Общества издалъ «Описанiе матеріаловъ Оружейной палаты» (ч. I, въ листъ, съ рисунками). Это было только начало труда, оконченнаго имъ впослѣдствiи, и вообще его дѣятельность, какъ по Архиву, такъ и по Обществу была еще впереди ⁴⁶.

Но какъ бы ни были велики ученiя и литературныя силы, которыя представляли собою поименованные почетные члены Общества, его ежедневная, будничная дѣятельность не могла быть наполняема трудами этихъ лицъ. Если Шлецеръ, предложившiй

⁴⁵ Подробный списокъ сочиненiй Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, болъшею частью непазданныхъ, напечатанъ въ вышеназванной Биографiи, составленной его сыномъ, стр. 56—64, а также въ «Словарь достопамятныхъ людей», ч. I, стр. 87—94, и въ «Вѣстникъ Европы» ч. LXXIV за 1814 г., стр. 118—127. Все эти библиографическiя указанiя сходны между собою.

⁴⁶ Срв. «Извѣстiе о жизни и кончинѣ Алексѣя Федоровича Малиновскаго» въ «Москвитяинѣ» за 1841 г., ч. I, стр. 300—306. Срв. Гр. Геннадi, *Справочный Словарь* и пр., т. II, стр. 283, 284, 426, 527.

цѣль для занятій Общества и указавшій русскимъ ученымъ на критику словъ и критику фактовъ, какъ на необходимое пособие при обсужденіи нашей начальной лѣтописи, доживалъ въ Геттингенѣ уже послѣдніе годы свои, если Карамзинъ, избравъ для своихъ занятій самостоятельный путь, предпочиталъ дѣятельность одного человѣка трудамъ цѣлаго Общества, хотя и принималъ участіе въ его засѣданіяхъ; то и другіе почетные члены его: гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ, Н. Н. Бантышъ-Каменскій и А. О. Мадиновскій могли быть полезны Обществу лишь своими указаніями, археографическою опытностію, предложеніемъ ему тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которыми они располагали лично или по мѣсту своего служенія. Но у новорожденного Общества была специальная задача, данная извнѣ, изданіе очищеннаго текста русской начальной лѣтописи, и хотя Общество постановило въ первомъ засѣданіи своемъ вести это дѣло общими силами, такъ сказать коллегиально, однако жъ исполнительная часть нуждалась въ трудѣ лицъ, не столь занятыхъ дѣлами внѣ Университета, при которомъ состояло Общество, тѣснѣе привязанныхъ къ нему по самому мѣсту служенія своего, — словомъ въ дѣйствительныхъ членахъ. Чѣмъ же были извѣстны эти члены?

Дѣйствительными членами Общества были, какъ мы уже видѣли, лица, принадлежавшія къ Университету, входившія въ составъ его профессоровъ. Изъ нихъ предсѣдателемъ былъ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, первый ректоръ Московскаго Университета по установленіи этой должности и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ Исторіи, Нравоученія и Краснорѣчія. По обычаю того времени онъ былъ и главнымъ библіотекаремъ Университетской библіотеки; помощникомъ его по этой должности былъ деканъ Словеснаго Отдѣленія, профессоръ Всеобщей Исторіи, статистики и географіи Иванъ Андреевичъ Геймъ, также членъ Общества. Чеботаревъ былъ замѣчательнымъ для своего времени преподавателемъ Русской Исторіи ⁴⁷. Сынъ сержанта, онъ родился въ Во-

⁴⁷ См. *Шевырева*, Исторія Москов. Ун., стр. 95, 191, 195, 197, 234, 239, 255, 321, 323, 359, 397; первую по времени составленія біографію Чеботарева, въ Сборникѣ «Рѣчей русскихъ профессоровъ М. Ун.» ч. I; а также «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія». Ч. I. (М. 1874 г.), гдѣ въ спискѣ дѣйствительныхъ членовъ Собранія значится подъ № 25 суббибліотекаръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ. годовой Секретарь.

логдѣ въ 1745 г., учился сперва въ Университетской гимназiи, въ которую поступилъ въ годъ ея основанiя, потомъ—въ самомъ Университетѣ, и будучи еще студентомъ состоялъ кустосомъ при библиотекѣ, потомъ суббиблиотекаремъ; по окончанiи курса преподавалъ исторiю и географiю, а потомъ русскую словесность въ гимназiи въ званiи информатора, не оставляя службы при библиотекѣ. Въ 1771 г. онъ былъ секретаремъ Вольнаго Россiйскаго Собранiя; въ 1775 г. редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей», съ 1776 года онъ состоялъ уже экстраорд. профессоромъ Логикъ и Нравоученiя въ Университетѣ, а чрезъ два года ординарнымъ профессоромъ и библиотекаремъ, не оставляя службы при Университетской гимназiи. Императоръ Иосифъ II, прiѣзжавшiй въ 1780 году въ Москву подъ именемъ графа Фалкенштейна, посѣтилъ лекцiи Чеботарева, преподававшаго тогда всеобщую литературную Энциклопедiю наукъ ⁴⁸, 4 декабря 1783 года Екатерина II приказала, «назначить подъ начальствомъ и наблюдениемъ гр. А. П. Шувалова нѣсколько чело-вѣкъ, коихъ совокупныя труды составили бы полезныя записки о древней исторiи, наипаче касающейся до Россiи». Число такихъ лицъ предполагалось до девяти. Началомъ ихъ упражненiя назначался «VIII вѣкъ, потомъ VII, за тѣмъ VI и такъ постепенно входить изъ вѣка въ вѣкъ до той древности, куда только писатели руководствовать могутъ». Кромѣ русскихъ лѣтописей надо было руководиться при такой работѣ внѣшними писателями «по Исторiи Греческой Имперiи, Германiи, Польши, Испанiи, Данiи, Венгрии, Швеции, Францiи, Англии, Калифовъ Чиметскихъ и Аравiйскихъ, Китайцевъ и прочее». Выписки должны были составляться за каждое пятилѣтiе особенно, притомъ кратко и ясно, и по мѣрѣ изготовленiя своего должны были печататься «въ вольной типографiи на Кабинетскомъ иждивенiи» ⁴⁹. Дѣйствительно въ прошломъ столѣтiи издана была книга подъ заглавiемъ: «Выпись Хронологическая изъ Исторiи Русской», имѣющая видъ хронологической росписи въ нѣсколько столбцовъ по княжествамъ съ краткимъ изложенiемъ событiй, прерывающаяся на 1141 годъ, съ показанiемъ въ особой графѣ современныхъ государей въ другихъ

⁴⁸ См. «Рѣчи произнесенныя въ Им. Моск. Унив.», ч. I стр. 323. О посѣщенiи Иосифомъ II университетскихъ лекцiй, см. также «Чтенiя» за 1873 г., кн. 2, Отд. II, стр. 305—306; *Шевырева*, Исторiю М. Ун., стр. 234.

⁴⁹ См. *Потомъ Собр. Росс. Зак.* т. XXI, стр. 1066—1067 подъ № 15890. Указъ этотъ объявленъ былъ генералъ-маiоромъ Безбородко.

странахъ и духовныхъ правителей, и съ гравированными изображеніями нѣкоторыхъ русскихъ князей ⁵⁰. Есть извѣстіе, что въ числѣ трудившихся надъ составленіемъ Записокъ о древней Русской Исторіи былъ и Х. А. Чеботаревъ, который доставилъ нѣсколько тетрадей своихъ выписокъ изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей, какія только можно было отыскать въ Синодальной и Патріаршей библіотекахъ и въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ, въ вознагражденіе за что онъ получилъ въ 1794 году изъ Кабинета 500 р. ⁵¹. Есть также извѣстіе, что Чеботаревъ былъ приглашаемъ Екатериною II въ библіотекари къ ней, но отказался отъ] сего званія ⁵². Что касается общественныхъ связей Чеботарева, то извѣстно, что онъ былъ близокъ къ Московскому главнокомандующему (1782—1784) Гр. Захару Григорьевичу Чернышеву, который покровительствовалъ знаменитому своею издательскою дѣятельностію Н. И. Новикову и его друзьямъ, и окружалъ себя отчасти людьми, принадлежавшими къ масонству и къ «Дружескому Ученому Обществу». Чеботаревъ участвовалъ въ трудахъ этого Общества, коего былъ секретаремъ, принадлежалъ къ Ордену «Златорозоваго Креста» (Русское розенкрейцерство), былъ вторымъ надзирателемъ масонской ложи «Коронованнаго Знамени», или «Трехъ Знаменъ» (подъ именемъ *Thitonus a terguca*), закрытой въ 1786 году, наблюдалъ за питомцами «Дружескаго Общества», посѣщавшими университетскія лекціи и нѣкоторое время состоялъ цензоромъ при театрѣ ⁵³. Съ 1783 года, кромѣ Латинской и Рус-

⁵⁰ Подроблѣе о ней см. Приложеніи № IX.

⁵¹ Чеботаревъ дѣлалъ выписки, соображалъ, повѣрялъ и потомъ, въ видѣ *Таблицъ*, вмѣстѣ съ начертанными имъ и рисованными почтенною его супругою *Картами Древней Россіи*, поднесъ трудъ свой Императрицѣ, за что удостоился высочайшаго благоволенія и награды. Сии выписки послужили средствомъ къ составленію Записокъ касательно до Россійской Исторіи, — сказано въ Сборникѣ «*Рѣчи профессоровъ И. М. У.*» (М. 1819), ч. I, стр. 324—325. Срв. Архивъ кн. Воронцова; ян. XIII (М. 1879), стр. 437.

⁵² Рѣчи И. М. У., ч. I, стр. 328.

⁵³ См. *М. Н. Ломоносова*, Новиковъ и Московскіе мартинисты (М. 1867), стр. 165, 177, 218, 233, 238, 272, 293, 019—032. Срв. «Лѣтописи Русской Литературы и Древности», изд. *Н. С. Тихонравова*, т. V. (М. 1863), отд. II, стр. 52, 66, 88. По закрытіи «Дружескаго Ученаго Общества» и «Вольнаго Россійскаго Собранія» открыто было при Университетѣ кураторомъ Мелиссено «Общество Любителей Учености», безсмѣннымъ секретаремъ коего назначенъ Чеботаревъ. См. *Шевырева*, Исторія Москов. Университета стр. 254; статью *А. Н. Попова*, Новые документы по дѣлу Новикова, въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», т. II (Сиб., 1868), стр. 105, 108, 130, 148, 150, 154.

ской Словесности въ ихъ лучшихъ образцахъ, Чеботаревъ сталъ читать и Русскую Исторію.

Изъ литературныхъ трудовъ Чеботарева, по отзывамъ современниковъ, напечатаны были далеко не всѣ, но и между напечатанными не многіе имѣли прямое отношеніе къ Русской Исторіи. Тѣмъ не менѣе почти всѣ они любопытны для характеристики самаго автора. Прежде всего мы встрѣчаемся съ его переводами. Такъ въ 1772 г., когда праздновался столѣтній юбилей рожденія Петра Великаго и десятилѣтній царствованія Екатерины II, профессоромъ Исторіи въ Московскомъ Университетѣ И. Г. Рейхелемъ, который былъ наставникомъ Чеботарева и въ гимназіи и въ университетѣ, произнесена была рѣчь, прославлявшая цвѣтущее состояніе Россіи, которое, по мнѣнію оратора, создана было при Екатеринѣ утвержденіемъ Православія и вѣры вообще, воспитаніемъ юношества, попеченіемъ о наукахъ и художествахъ, о торговлѣ и финансахъ, выборомъ слугъ вѣрнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ, челоуѣколюбіемъ и щелростію, внѣшнею безопасностію и т. д. Эта рѣчь, сказанная на Латинскомъ языкѣ, на русскій переведена была Чеботаревымъ ⁵⁴. Три года спустя тотъ же Рейхель, говоря въ день рожденія Екатерины рѣчь о любви къ отечеству у древнихъ народовъ, въ концѣ ея высказалъ похвалы Наказу, принятымъ въ то время способамъ воспитанія и наставленія юношества, умѣнью Государыни награждать истинныя заслуги и т. п.: и эта рѣчь переведена была Чеботаревымъ ⁵⁵. Будучи членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія, Чеботаревъ помѣстилъ въ его «Опытѣ Трудовъ»

⁵⁴ «Цвѣтущее состояніе и славу Россіи, отъ геройскихъ добродѣтелей ея Самодержицы происходящую, въ десятилѣтнее торжество благополучнаго правленія Августѣйшія Монархини Великія Государыни Екатерины II, Императрицы и Самодержицы Всероссійскія и проч. и проч. и проч. въ Имп. Моск. Университета Собранія, іюня 30 дня 1772 г. празднованное, съ глубочайшимъ усердіемъ изъясляетъ избранной къ тому ораторъ И. Г. Рейхель, Исторіи профессоръ Шубл. Орд., бібліотекаръ, Университетской конференціи секретарь и Лейпцигскаго Ученнаго Общества Членъ». Пер. съ Латинскаго Исторіи учитель Харитонъ Чеботаревъ. Печ. при И. М. У. Стр. 1—24 въ 4^о.

⁵⁵ «Слово о способѣ, какимъ древніе возбуждали въ гражданахъ любовь къ Отчезству», на высокаторжественный день рожденія Авг. Монархини Вел. Гос. Екатерины II. Имп. и Самодержицы Всерос. и проч. и проч. и проч., съ глубочайшимъ благоговѣніемъ правдикованный Апр. 22 дня 1775 г. въ Им. М. Ун. говоренное И. Г. Рейхелемъ. Пер. съ Лат. Унив. Суббібліотекаръ Х. Чеботаревъ. Печ. въ У. Тип. Стр. 1—23, въ 4^о.

небольшое «Письмо къ Англomanу». Авторъ, выступившій подъ именемъ Англomана, обращался въ своей статьѣ къ Лорду Оксфорду, главному казначею Великобританіи, съ предложеніемъ о исправленіи, распространеніи и установленіи Англійскаго языка, по тѣмъ самымъ давалъ поводъ думать о необходимости того же и для Русскаго языка. Чеботаревъ, отвѣчая ему, говорилъ что Собраніе вскорѣ намѣрено издать начатокъ «Руссійскаго Словаря», — букву А, за которою и другія въ свое время послѣдуютъ: «Но какъ всякое начало трудно и всего вдругъ объясъ не можно по многимъ не неважнымъ причинамъ: то желательно, чтобъ Вы, по доказанной уже вами любви къ Россійскому слову, приняли на себя объяснить какое нибудь изъ собственныхъ вашихъ предложеній, на примѣръ: до какого совершенства доведенъ Россійскій языкъ и какіе періоды онаго поставятъ должно? или другое, какое вы сами за благо разсудите. Чтобъ вы полезнаго и основательнаго въ семъ родѣ ни написали, что бѣ ни сообщили, касающееся до Россійскаго языка, оно съ благодареніемъ принято будетъ»⁵⁶.

Съ того же времени мы видимъ Чеботарева уже какъ оратора, выступающаго самостоятельно. Такъ 30 іюля 1776 года онъ произнесъ рѣчь «о изобрѣтеніи письма и о томъ, не послужило ли оно во вредъ человѣческому уму и благонравію». Въ этомъ словѣ онъ такъ защищалъ искусство письма: «Говорятъ, что чрезъ изобрѣтеніе буквъ и письма вышло на свѣтъ много незаконнаго, которое посредствомъ онаго сбережено къ поврежденію и гибели благонравія. Сіе возраженіе имѣетъ наружный только видъ справедливости. Правда, что всякій вѣкъ производилъ не мало такихъ людей, которые, заблудивъ отъ пути добродѣтели, славу и безсмертіе своего имени полагали не въ снисканіи истины, но въ вымышленіи и разсѣваніи новыхъ мнѣній, правдъ и добродѣтели противныхъ и пагубныхъ. Таковыя изверги и пошешіе человѣчества бывали и въ самыя древнія времена. Возстаемъ мы, говорить нѣкогда Горацій, дерзаемъ безсиліемъ и на самое небо. И такъ положимъ, что люди употребляли во зло благодѣтельный даръ письма; положимъ, что многое противное закону, истинѣ и

⁵⁶ См. Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при И. М. Ун., ч. III (М. 1776), стр. 39—42. Статья была подписана только начальными буквами имени и фамили автора.

добродѣтели письмомъ изображено, перешло въ потомство, и въ нашъ вѣкъ, какъ бы старое кушанье, подварено и поддѣлано: но несравненно больше добраго, полезнаго и блаженству рода человеческого споспѣшествующаго, употребленіе письма произвело, сохранило и позднѣйшимъ временамъ оставило. Помощію онаго основанія закона защищены, утверждены, истолкованы, объяснены и сообщены роду смертныхъ. Помощію онаго науки, знанія и искусства распространены, умножены и приведены въ удивительное совершенство. Помощію онаго желающимъ просвѣтитъ себя свѣтомъ премудрости, облегченъ путь къ достиженію познанія истины и добродѣтели. Помощію наконецъ онаго сохранены намъ неоцѣненные примѣры великихъ предковъ, которыми отвращаемся гнусности пороковъ и утверждаемся въ любви къ добродѣтели. Толикія выгоды и пользы, происходящія отъ искусства письма, сравнивъ съ неправомысленными на оное нареканіями, удобно ли намъ сомнѣваться о пользѣ его изобрѣтенія? Можетъ ли злоупотребленіе какой вещи уничтожить всю пользу оной? Огонь, напримеръ часто обращаетъ въ пепель наши дома, опустошаетъ селенія и грады и многія тысячи людей приводитъ въ разореніе и крайнюю нищету, но кто скажетъ, чтобъ онъ не былъ величайшее благодѣяніе природы? Никому безъ него обойтись не можно, никто прямаго употребленія онаго порицать не можетъ»⁷. Въ 1779 году онъ произнесъ рѣчь: «О способахъ и путяхъ, ведущихъ къ просвѣщенію», въ которой, послѣ обычнаго въ торжественныхъ случаяхъ введенія, сперва говорилъ объ источникахъ, изъ коихъ простекли всѣ знанія, науки и искусства, куда относилъ: чувствованія и опыты, размышленіе, откровеніе и обученіе, потомъ о средствахъ, ведущихъ къ просвѣщенію, къ которымъ причислялъ: хорошій порядокъ ученія, наставленіе, чтеніе книгъ, обхожденіе и дружбу съ учеными, путешествія и ученія состязанія. Изъ взглядовъ, имъ высказанныхъ при этомъ, наиболѣе любопытенъ для насъ выраженный въ отвѣтъ на вопросъ: кто долженъ упражняться въ наукахъ? По мнѣнію Чеботарева всѣ люди вообще безъ

⁷ «Слово о изобрѣтеніи искусства письма, и о томъ, что не послужило ли оно во вредъ человѣческому уму и благонравію», въ высокоторжественный день восшествія на Всероссийскій престолъ Ея И. В. всепресвѣтлѣйшія Гос. Имп. и Самодержицы Екатерины II, въ публичномъ собраніи И. М. У. іюня 30 дня 1776 года говоренное Э. Орд. Проф. Харит. Чеботаревымъ. Печ. въ Унив. Тип. in—4°.

различія пола, сколько позволяютъ обстоятельства и состоянія, но преимущественно люди родовитые, стремящіеся къ достиженію знатнѣйшихъ чиновъ, наипаче дворянство. Но «благо общее требуетъ, чтобы равнымъ образомъ всякій гражданинъ любящій свое отечество, упражнялся въ полезныхъ наукахъ»⁵⁸. Въ 1782 году происходило въ Университетѣ торжественное Собраніе, въ коемъ произнесено было нѣсколько рѣчей: латинскія Хр. Фр. Маттеи, Т. Баузе, нѣмецкія И. А. Геймомъ, ученикомъ благородной гимназіи И. Шуваловымъ, французская студентомъ Алексѣемъ Пушкинымъ, италянская—учителемъ Я. Ростомъ. Русскую рѣчь произносилъ Чеботаревъ, вспомяная о побѣдахъ и мирныхъ упражненіяхъ Екатерины и называя ее при этомъ во брани непобѣдимую героиней въ мирѣ чадолубивою матерью Отечества⁵⁹.

Въ 1795 году Чеботаревъ въ послѣдній разъ говорилъ публично о заслугахъ Екатерины предъ Россіей. Эта рѣчь его началась такими словами: «Исторія, сія нелицемѣрная въ безпристрастномъ потомствѣ повѣствовательница добрыхъ нашихъ дѣлъ и злыхъ,—сія опытная наставница дѣятельнаго или нравственнаго любомудрія и въ особенности высочайшей и важнѣйшей для рода человѣческаго науки правленія народовъ, сіе чистое зеркало Провидѣнія, въ которомъ не ослѣпленное предразсудками око усматривать можетъ пути судьбъ Божіихъ, правящихъ участію наро-

⁵⁸ «Слово о способахъ и путяхъ, ведущихъ къ просвѣщенію», на высоко-торжественный день рожденія Ея Величества, Гос. Императрицы и Самодержицы Всерос. Екатерины Великія, премудрыя законодательницы и истинныя матери отечества, въ Публичномъ Собраніи И. М. У. апр. 22 дня 1779 г., говоренное Харитономъ Чеботаревымъ, исторіи, умословія и правоученія Проф. Публ. Орд., Унив. библіотекаремъ и конференціи секретаремъ и Вольн. Россійск. Собранія Членомъ. Печ. въ Ун. Тип., стр. 1—28 въ 4°. Слово это перепечатано въ изданномъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности Сборникѣ: «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ И. М. У. русскими профессорами онаго». Ч. I, (М. 1819), стр. 339—356.

⁵⁹ «Слово на Высочайшій день тезоименитства Ея Им. Велич. всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія Велич. Гос. Императрицы Екатерины II и обновленіе новопостроеннаго въ Унив. домѣ «дѣла», говоренное въ Публ. Собраніи И. М. У.—1782 г. ноября 25 дня Коллеж. Ассесс., Исторіи Правоученія и Росс. Краснорѣчія Проф. Унив. библіотекаремъ, обѣихъ Гимназій и Педагогической Семинаріи при томъ же Университетѣ Инспекторомъ, Вольн. Росс. Собранія и Дружескаго Ученаго Общества Членомъ Харитономъ Чеботаревымъ, въ М. Ун. Тип. у Н. Новикова, 1783. стр. 35—40 въ 4°.

довъ и царствъ міра, Исторія, повторю, сія опытная и вѣрная наставница смертныхъ въ самонужнѣйшихъ правилахъ жизни, безчисленными вѣками утвержденныхъ, показываетъ намъ, что наилучшее изъ всѣхъ, свойственнѣйшее существу обширныхъ областей и выгоднѣйшее правленіе государствомъ, есть правленіе самодержавное. Сколь праздные и по тому самому, хотя впрочемъ съ дарованіями, но вредные люди, сіи развратные льстивые лже-мудрецы, сколь ни старались розсыпать поддѣльные цвѣты свои для обманчивой прикрасы толико хвалимаго ими, и однимъ только наружнымъ видомъ блестящаго, общенароднаго правленія: однакожь никакими хитросплетеніями не могли они закрыть того, что обнажаетъ сама Исторія, то-есть; что и самыя ихъ республики имѣли величайшіе свои недостатки, что, между прочими злоупотребленіями въ оныхъ, утѣснялась также и въ нихъ добродѣль, честность и даже самая любовь къ отечеству».

Приведа доказательства послѣднимъ словамъ своимъ изъ исторіи Аѳинъ, Рима, Новгорода и Пскова, Чеботаревъ заключилъ: «Лучшее, превосходнѣйшее изъ всѣхъ правленій будетъ то, подъ которымъ народы существуютъ и сохраняютъ бытіе свое долго-временнѣе»; а продолжительны были только Монархін. За тѣмъ, изобразивъ завоевательные подвиги и борьбу съ азіатскими варварами и другими сосѣдями русскихъ государей отъ Олега до Екатерины, Чеботаревъ замѣчаетъ: «Судя по такому расширенію областей Россійскихъ, котораго Исторія однакожь не приписываетъ ни какому праву родственнаго наслѣдства,—ни отъ Швеціи, ни отъ Польши и Литвы, ни отъ сильныхъ прежде Золотой и Синей Орды, ниже отъ самой Турціи,—судя по всегдашнимъ почти браннымъ Россіи противъ враговъ своихъ ополченіемъ, надлежитъ по справедливости именовать ее военнымъ государствомъ, и по принятому издревле правилу, гласящему: при звукѣ оружія молчатъ законы, можно бы подумать, что законодательство искони оставлено и совсѣмъ пренебрежено въ оной». Но, перечисливъ Русскую Правду, Судебникъ Іоанна IV, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, упомянувъ въ общихъ выраженіяхъ объ успѣхахъ въ Россіи земледѣлія, скотоводства, ремесла, торговли, а наипаче благочестія и дѣятельной вѣры, ораторъ заключилъ свою рѣчь словами: «Долгъ нашъ дѣлами правителей восхвалиться, дивиться имъ, благодарить»⁶⁰.

⁶⁰ «Величіе, могущество и слава Россіи, дарованныя ей Провидѣніемъ чрезъ великихъ ея самодержцевъ, изображенныя въ торжественномъ словѣ на всера-

Не прошло двухъ лѣтъ послѣ вышеизложенной рѣчи, и мы видимъ Чеботарева ораторомъ въ торжественномъ Университетскомъ собраніи, происходившемъ 5 апрѣля 1797 года въ день Пасхи по случаю коронованія Павла I. Приведемъ изъ нея мысли и выраженія, могущія служить характеристикой тогдашнихъ отношеній къ новому Государю и ожиданій отъ него. «Созерцаемъ въ Немъ, говоритъ Чеботаревъ, воскресающаго Обновителя и Преобразителя Россіи, Петра Великаго,—созерцаемъ Государя бодраго, безпримѣрно дѣятельнаго... бдительнаго... Домостроителя. — Наконецъ исполняются, во дни сіи, ожиданія наши; наконецъ, благодареніе Всевышнему Промыслу, совершаются всѣ желанія и надежды наши;—се! наконецъ, по неиспытаннымъ судьбамъ Всевышняго, великое бремя Царскія власти и самодержавія Всероссійскаго воздвигается свыше на мужественныя рамена Богомъ возлюбленнаго, благочестиваго и мудраго Павла,—и се! новый во всемъ Сѣверѣ открывается вещей порядокъ, новое теченіе знаменитыхъ бытій». Намекая далѣе на возвращеніе свободы Полякамъ, участвовавшимъ въ борьбѣ за раздѣленную при Екатеринѣ ихъ родину, Чеботаревъ говорилъ: «Дѣйствіемъ сего прямо царскаго великодушія, къ чести правъ человѣчества, къ чести Носящаго скиптръ росскій, дарована свобода и тѣмъ храбростію именитымъ воинамъ, которые, мужествомъ своимъ обратя на себя вниманіе цѣлыя Европы, воспящали нѣкое время и останавливали въ побѣдахъ и самое росскійское воинство. Дѣйствіемъ сего достойнаго Россійскаго Монарха и прямо царскаго великодушія возвращена свобода, честь и имущество безчисленнымъ защитникамъ существовавшихъ нѣкогда отечественныхъ ихъ правъ;—дѣйствіемъ челоѣколюбивѣйшаго сего Монаршаго великодушія всѣмъ покореннымъ и присоединеннымъ къ Россіи областямъ, къ вѣщшему благоденствію, къ вѣщшему ихъ обрадованію, всемиловѣвѣйше возвращены всѣ прежнія ихъ народныя права и выгоды». Въ заключеніе Чеботаревъ хвалилъ «преобразование Росскійскаго воинства въ приличнѣйшій ему видъ», хвалилъ «неуто-

достный день востества на Всероссійскій престолъ величайшія въ мірѣ самодержицы, всемиловѣвѣйшія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, премудрыя матери Отечества, празднованный публичнымъ собраніемъ въ И. М. У. іюня 30 дня 1795 года, — произнесенномъ Надвор. Сов. Исторіи, Нравоученія и Краснорѣчія Проф. и Унвер. бібліотекаремъ Хар. Чеботаревымъ. Въ М. У. Тип. у Ридигера и Клаудія; стр. 1—39 въ 4. Слово это перепечатано въ Сборникѣ Рѣчей Профессоровъ М. Ун. ч. I, (М. 1819), стр. 357—388.

нимую дѣятельность, безпримѣрное трудолюбіе Павла ⁶¹. Последнею рѣчью Чеботарева, говоренною въ 1800 году, было «Слово по кончинѣ основателя Университета Н. Н. Шувалова». Ораторъ признавалъ въ покойномъ двѣ добродѣтели. Объ одной изъ нихъ онъ говорилъ: «Отличительная черта и характеристическій знакъ великихъ и рѣдкихъ душъ и прямо великихъ людей есть безкорыстіе или благородная нѣкая нелюбостажательность и непривязанность къ тому праху и къ той блестящей персти земной, которыя у низкихъ душъ, у жадныхъ богатолюбцевъ за высоко чтятся подъ именемъ злата, сребра, бисера и другихъ мнимыхъ драгоценностей, подъ именемъ деревень, помѣстій и всякою излишностію своею обременяющаго духъ нашъ имуществъ». Второю отличительною чертою Шувалова и, по выраженію оратора, характеристическимъ знакомъ великихъ душъ и прямо великихъ людей есть чистая ихъ, священная нѣкая любовь къ отечеству,—любовь прочной постоянной и неувядаемой славы онаго,—попечительная любовь благоденствія соотчичей не токмо въ современникахъ своихъ, но и въ ихъ потомствѣ, продолжительная любовь прямыхъ пользы и выгодъ ихъ во всѣ грядущіе роды, основанныхъ на очищеніи народныхъ умовъ отъ вредныхъ предубѣжденій и грубаго невѣжества» и т. д. Чеботаревъ называлъ Шувалова русскимъ Меценетомъ, Бакономъ и Ришелье ⁶².

⁶¹ «Гласъ радованія въ селеніяхъ Россійскихъ,—на вождѣнное и всерадостное благополучно совершившееся, въ день Св. Пасхи, въ Москвѣ, 5 апрѣля 1797 года, Всевысочайшее коронованіе и священнѣйшее муропомазаніе Е. И. В. благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго В. Г. Имп. и Самодержца всея Россіи Павла Перваго».—Въ торжественномъ Университетскомъ Собраніи произнесенный Колл. Сов. Проф. Чеботаревымъ. Въ Ун. Тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудія; стр. 1—13 въ 4°. Далѣе шелъ латинскій текстъ рѣчи Ф. Баузе и переводъ ея Э. О. Пр. Павла Сохацкаго, на тотъ же случай. Баузе хвалилъ въ Павлѣ богопочтаніе, проявившееся въ первомъ же Манифестѣ и въ Военномъ Уставѣ, любовь и преланность родителямъ, выразившіяся въ исполненіи милостей, назначенныхъ еще Екатериною, въ торжественномъ погребеніи Петра III и вознагражденіи его слугъ.—семейную нѣжность,—милосердіе и благосклонность къ вѣрноподданнымъ,—милость къ первому куратору Университета, благоволеніе ко второму и дарованіе Университету директора.

⁶² См. «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Им. Моск. Университета русскими Профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями». Изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности. Ч. I (М. 1819), стр. 330—338.

Какъ педагогъ, Чеботаревъ извѣстенъ переводомъ Всеобщей Истории Фрейера ⁶³, а также самостоятельнымъ учебникомъ Русской Географіи, въ который внесъ и описаніе Европы по сокращенной географіи Шатца. Приступая къ описанію Россіи, Чеботаревъ говорилъ, что она «во всѣхъ извѣстныхъ географическихъ книгахъ, выключая только одного Бюшинга, столь неправильно, почти во всемъ превратно, лживо и съ настоящимъ раздѣленіемъ сей имперіи столь несходственно, что чтеніе его считать должно напрасною потерю времени». Пособіями, послужившими ему при составленіи его труда, онъ называетъ: Росписаніе губерній и городовъ Россійской Имперіи, составленное въ Сенатской Герольдмейстерской конторѣ, Россійскій Географическій Словарь верейскаго воеводы Федора Аванасьевича Полунина и топографіи разныхъ Россійскихъ странъ. Пользуясь такими пособіями, онъ составилъ довольно обстоятельное топографическое описаніе Россіи, которое можетъ служить полезнымъ руководствомъ для изученія Россіи въ прошломъ столѣтіи. Собственно Географіи Россіи посвящена была третья глава Учебника. Здѣсь сперва помѣщенъ краткій обзоръ областей, присоединенныхъ къ Европейской Россіи отъ Польши и Швеціи, и различныхъ губерній Россіи, а потомъ уже слѣдуетъ подробное описаніе Россіи, начиная съ обзора морей, заливовъ, озеръ, рѣкъ. Описаніе губерній (числомъ 22) начинается съ средней части Россійской Имперіи, а затѣмъ описываются губерніи сѣверныя, восточныя и западныя. При описаніи каждой губерніи или намѣстничества подробно описываются рѣки, озера и города; но между послѣдними помѣщены и такіе, которые было бы пріятнѣе видѣть вышущенными. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ описываются живущія въ нихъ племена. Напр., въ описаніи Архангелогородской губерніи описаны Лопари, Самоѣды (стр. 205—208), въ Казанской губерніи Мордва, Черемисы, Чуваши, Вотяки и Башкиры (стр. 224—227). Къ концу книги, передъ алфавитнымъ указателемъ, сдѣлано «Прибавленіе», гдѣ сказано, что «по напечатаніи уже статьи о южныхъ Россійскихъ губерніяхъ, въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1775 г. учреждена вновь Азовская губернія». По отзыву одного изъ современныхъ намъ знатоковъ русской географической литературы, учеб-

⁶³ Къ этому переводу Чеботаревъ приложилъ, кромѣ своего предисловія, гдѣ высказывалъ свой взглядъ на преподаваніе исторіи, «Краткій Россійскій гѣтописецъ» по Ломоносову.

никъ Чеботарева даетъ болѣе обстоятельныя этнографическія свѣдѣнія о Россіи, чѣмъ напр. весьма распространенный въ послѣднія два десятилѣтія учебникъ П. Бѣлоха ⁶⁴.

Главными предметами преподаванія Чеботарева въ Университетѣ были: русская словесность и русская исторія. Его лекціи словесности не составляли связнаго курса, но были чисто практическія: онъ разбиралъ лучшія мѣста изъ твореній старыхъ писателей, или сочиненія литературныхъ знаменитостей своего времени; при этомъ онъ занималъ студентовъ «упражненіями въ разныхъ сочиненіяхъ, стараясь чтобы они о всякой познанной ими матеріи могли писать чистымъ, приличнымъ, яснымъ и красивымъ латинскимъ и русскимъ слогомъ» ⁶⁵.

⁶⁴ «Географическое методическое описаніе Россійской Имперіи съ надлежащимъ введеніемъ къ основательному познанію земнаго шара и Европы вообще», для наставленія обучающагося при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ юношества, изъ лучшихъ повѣйшихъ и достовѣрныхъ писателей собранное трудомъ Харитона Чеботарева. Въ Москвѣ, 1776, 8°; 540 стр. Срв. *Л. Весна*, «Историческій Обзоръ учебниковъ Общей и Русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 г.». Спб. 1876; стр. 49—52, 413—414. Географическое сочиненіе А. Фр. Юшинга, которому Чеботаревъ слѣдовалъ въ первыхъ главахъ своего Описанія, было, по отзыву Кемтца, источникомъ для всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ учебниковъ, отличалось полнотою и критическою оцѣнкою сообщавшихся въ немъ свѣдѣній. На русскій языкъ подъ именемъ «Землеописанія» оно было переведено въ 1770—1778 годахъ Свѣтловымъ, Ковалевымъ, Рогенбуке, Хвостовымъ, Яновскимъ и Брайко.

⁶⁵ Биографія Чеботарева, написанная С. М. Соловьевымъ, напечатана въ «*Биографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета*», ч. II, стр. 543 — 551. Въ томъ же словарѣ въ биографіяхъ другихъ профессоровъ попадаются дополнительные извѣстія о Чеботаревѣ, ч. I, стр. 55, 57; ч. II, стр. 55, 462. Срв. Швырева, *Исторія И. М. Ун.*, отъ стр. 190 по 368. О вѣвшей сторонѣ преподаванія Чеботарова ученикъ его Тимковскій говорилъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: «Чеботаревъ былъ росту средняго, костистъ, худощавъ, волосы имѣлъ цвѣта свѣтлорусаго, лице продолговатое, румяное, ясное, которое говоря выставлялъ, грудь широкую, голосъ звонкій, басисто-бронзовый; рѣчь твердую и гладкую, походку мѣрную, осанистую, обращеніе рѣзкое, тонъ замашистый. Часто слушателямъ повторялось: «Друзья мои!» и со всѣми легко, съ разностію тона, переходилъ онъ на прямое и ровное: ты. Привыкъ писать безъ еровъ и съ удареніемъ на двусмысліе; но, одобряя послѣднее, перваго другимъ не совѣтовалъ». Слѣдуетъ къ этому прибавить, что, кромѣ университетскихъ лекцій, Чеботаревъ занимался еще преподаваніемъ въ собственномъ пансіонѣ, вмѣстѣ съ жившими у него магистрами М. И. Панкевичемъ и П. А. Сохацкимъ, которые оба перешли отъ него въ профессору Университета, первый

Что касается взглядов Чеботарева на Русскую Историю, то они сохранились въ отрывкѣ изъ его лекцій, читанныхъ въ 1785 году ⁶⁶. Этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ вступленіе въ Историю Россіи. «Писать Россійскую Историю—какое смѣлое предпріятіе! говорятъ Чеботаревъ въ началѣ своихъ записокъ: почти теряюсь въ великости оной..... она не исторія земли какой простой, но знаменитой части свѣта, она не исторія одного какого, но множества народовъ, которые всѣ и языкомъ, и религіею или закономъ, и нравами, и происхожденіемъ своимъ различны, но завоеваніями, неисповѣдимою судьбою и счастіемъ Россовъ соединены въ одно государство». Дѣля Русскую Историю на двѣ главныя эпохи: древнюю, отъ призванія Рюрика до престѣченія его дома, и новую, съ конца XVI вѣка, Чеботаревъ замѣчаетъ о намѣченномъ имъ предѣлѣ: «здѣсь кончилъ Татищевъ свою древнюю исторію и здѣсь началъ Миллеръ похвальный опытъ новѣйшей Русской Истории». Установивъ два опредѣленныхъ указанія изъ Исторіи Восточныхъ Славянъ до Рюрика: приходъ ихъ съ Дуная въ половинѣ VI вѣка и призваніе князей въ половинѣ IX вѣка, Чеботаревъ обсуждаетъ вопросы: кто именно были Славяне? кто именно жили въ Россіи прежде Славянъ? кто такіе были Варяги, отъ которыхъ Россіяне получили первыхъ своихъ владѣтелей? и кто были Руссы? Относительно перваго вопроса онъ замѣчаетъ: «простѣе и понятнѣе, т. е. не столько учено и высокопарно сказать, мы ничего не знаемъ ни о близкомъ, ни объ отдаленномъ началѣ Славянъ». Однакожъ приводитъ четыре извѣстныхъ ему мнѣнія о происхожденіи Славянъ: они — Венеды или Венды, жившіе при Балтійскомъ морѣ;—Славяне, жившіе въ Иллиріи;—Болгары, жившіе на Волгѣ;—они народы, жившіе еще до Р. Хр. между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Затронувъ вопросъ о названіяхъ Скивовъ и Сарматовъ, которые, по его мнѣнію, были не что иное, какъ любимыя слова Греческаго и Римскаго невѣжества, мнѣнявшія свое значеніе, Чеботаревъ разсуждаетъ: «Исторія, такъ какъ и

въ 1791 г., второй въ 1796 г. Изъ пансіона Чеботарева вышли между прочимъ сенаторы: Е. В. Каряевъ, Ф. П. Лубяновскій и поэтъ кн. И. М. Долгорукій.

⁶⁶ Отрывокъ этотъ сохраненъ былъ слушателемъ Чеботарева М. В. Могилевскимъ и доставленъ М. А. Максимовичемъ въ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое и напечатало его въ своихъ «Чтеніяхъ» за 1847 годъ кн. 9. Въ книгѣ «Рѣчи проф. И. М. У.», ч. I, стр. 327, говорится: «Россійская Исторія, писанная имъ (т. е. Чеботаревымъ) для слушателей, осталась ненапечатанною».

древнія науки, имѣеть нѣкоторыя пустые звуки или слова, которыми горделивое невѣжество прикрываетъ себя, чтобъ его не узнали; такъ испытывающіе въ четырехъ стѣнахъ всю натуру школьника велемудро выдумали нѣкія сокровенныя свойства, симпатію и антипатію, дабы показать ими свое всезнаніе и, пуская пыль въ глаза своимъ словами, рѣшить надменно и дерзко то, чего они сами не знаютъ: такъ равнымъ образомъ и испытателямъ Исторіи, любящимъ школьную рѣшительность, большую удобностію къ закрытію историческаго невѣжества служатъ извѣстныя слова Скиѣи, Сарматы, Кельты, Татары и пр. Бейеръ и Шепфлингъ давно уже хотѣли выгнать изъ Исторіи—одинъ Скиѣовъ, а другой Кельтовъ; но древнія сіи слова для многихъ очень выгодны; они невѣждѣ освобождаютъ отъ дальнѣйшаго розысканія исторической древности. Если кто изъ таковыхъ не знаетъ опредѣлительно сказать, гдѣ именно лежала какая нибудь древняя земля, то ему только стоитъ назвать ее частію Скиѣи; такъ какъ ежели не умѣеть онъ означить начала и происхожденія какого народа, то стоитъ ему употребить только ту же уловку и сказать, что этотъ народъ Скиѣскаго происхожденія; а терпѣливый и неопытный читатель такимъ показаніемъ и бываетъ доволенъ. Слѣдовательно проводить Славянъ по областямъ Скиѣскимъ и Сарматскимъ въ древнюю Исторію есть весьма ненадежная и многимъ блужденіямъ подверженная дорога». Единственно точные выводы о происхожденіи Славянъ, на которыхъ Чеботаревъ находитъ возможнымъ остановиться, суть слѣдующіе: Славяне жили на Дунаѣ прежде, нежели поселились на Сѣверѣ; они существенно различный народъ отъ Готовъ, Алановъ, Гунновъ, Хозаровъ, Аваровъ, Печенѣговъ и Турокъ; они принадлежатъ къ тому великому древу народовъ, отъ котораго, какъ вѣтви, произросли древніе Германцы, Римляне и Греки, что доказывается сравненіемъ ихъ языковъ. Но такъ какъ Славяне были позднѣйшіе пришельцы въ Россію, то Чеботаревъ пытается разрѣшить вопросъ о томъ, кто были первобытные жители въ Россіи? и говорить: «Россія, собственно такъ называемая, въ самой древней исторіи, т.-е. прежде прибытія въ оную Славянъ, имѣеть двѣ различныя у себя стороны, одну мрачную и темную—на западъ и сѣверъ, а другую ясную и свѣтлую—на полдень или югъ». Хотя Чеботаревъ и полагалъ, что о первой сторонѣ ничего не можетъ быть извѣстно, однакожъ отдавалъ ее Финскимъ племенамъ: «сей народъ, замѣчалъ онъ, которому глубокая его древность и прежнія его обширныя владѣнія даютъ первенство между народами

древняго міра, оставался можетъ быть въ неизвѣстности потому только, что не произвелъ изъ себя ни одного славнаго завоевателя». Напротивъ того, всѣ древнія свѣдѣнія о югѣ Россіи представляются Чеботареву чрезвычайно ясными. Извѣстія Геродота и Страбона онъ считаетъ совершенно достаточными для историческаго и географическаго объясненія странъ, лежащихъ около Днѣпра и Дона: «едва-ли есть, замѣчаетъ онъ, хоть одно изъ нынѣшнихъ европейскихъ государствъ, которое не должно бѣ было искать около сихъ рѣкъ или своихъ праотцевъ, или своихъ побѣдителей». Относительно происхожденія Варяговъ Чеботаревъ склоняется въ пользу Готовъ или Норманновъ. Касаясь происхожденія имени Руссовъ, Чеботаревъ ищетъ разгадки этому вопросу на Днѣпрѣ и, основываясь на одномъ мѣстѣ Степенной Книги, полагаетъ, что въ глубокой древности Руссами назывались Куманы, и что въ походѣ Аскольда подъ Константинополь впервые соединились подъ именемъ русскаго народа Варяги, Кіевскіе Словяне и Куманы. Наконецъ Чеботаревъ принимаетъ дѣленіе русской исторіи на пять періодовъ, предложенное Шлецеромъ; Россія рождающаяся (862—1015), раздробленная (1015—1223), поработенная (1223—1462), побѣдоносная (1462—1725) и цвѣтущая (съ 1725 года). Такимъ образомъ Чеботаревъ и по своимъ ученымъ приемамъ, и по своимъ взглядамъ на общій ходъ Русской Исторіи былъ сторонникомъ Шлецера. Обществу, возникшему по мысли знаменитаго критика русскихъ лѣтописей, естественно было имѣть своимъ первымъ предсѣдателемъ ученаго, вполне раздѣлявшаго его взгляды. Не напрасно первый біографъ Чеботарева припоминалъ, что ученый Шлецеръ съ похвалою отзывался объ историческихъ свѣдѣніяхъ и трудахъ нашего профессора; знаменитый Германскій истолкователь и издатель Нестора Лѣтописца называлъ Чеботарева своимъ «руководителемъ въ Россійской Исторіи». Упомянувъ объ этомъ, біографъ прибавилъ: «Кто бы не пожелалъ, чтобы сей ученый мужъ окончилъ, для славы своей и для пользы соотечественниковъ многія начатыя имъ сочиненія; и кто не пожалѣетъ, что не всякое доброе и хвалы достойное предпріятіе вѣнчается успѣшнымъ концемъ, и часто мудрому начинателю ничего не остается, кромѣ одного воспоминанія ⁶⁷»?

⁶⁷ См. «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ И. М. У.»; ч. 1 стр. 325.

Наконецъ въ жизни Чеботарева слѣдуетъ отмѣтить еще одну характеристическую черту, которую отчасти можно было замѣтить при чтеніи его рѣчей и которая обращала на себя вниманіе его современниковъ: будучи педагогомъ-моралистомъ, Чеботаревъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ преданъ масонскому ученію о «дѣйствующей вѣрѣ», ставя внутреннее «христіанство» выше внѣшняго благочестія. Біографъ его говоритъ: «Польвѣка, наблюдая дѣянія древнихъ лѣтъ, судьбу Царствъ и царствующихъ, Чеботаревъ не ограничивался однимъ счисленіемъ лѣтъ, именъ и земель: размышляя о коловратности міра и судьбахъ человѣковъ, и учася познавать и міръ и людей, онъ невольно обращался къ высшимъ размышленіямъ.—Съ самаго дѣтства любя чтеніе и разумѣніе Св. Писанія, до наститой старости упражнялся онъ въ Богословіи. Для сего употреблялъ онъ все время, свободное отъ общественныхъ и домашнихъ дѣлъ; любилъ бѣсѣды съ духовными особами; поучалъ дома воспитанниковъ своихъ Закону Божию, руководствуя ихъ къ познанію другихъ предметовъ учености, важныхъ для человѣчества.—Многолѣтнимъ и достохвальнымъ трудомъ его было: Четвероевангеліе или сводъ во едино всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Вся трудность, такъ говоритъ самъ сочинитель,—важнаго сего дѣла, многими изъ прошедшихъ вѣковъ непреодолимая, состояла между прочимъ въ изобрѣтеніи сколько можно вѣрнаго хронологическаго расположенія всего предлагаемаго въ Евангеліи. Книга сія удостоена Монаршаго благоволенія и принята съ благодарностію всѣми любителями и читателями Слова Боіжня. При второмъ изданіи сочинитель хотѣлъ присовокупить къ сей книгѣ Географическо - Политическое описаніе Палестины съ основательнымъ свѣдѣніемъ о состояніи Церкви и образѣ гражданскаго правленія у Іудеевъ во времена Христовы».⁶⁸ Не лишнимъ будетъ привести здѣсь, въ завершеніе всего сказаннаго о Чеботаревѣ, отзывъ о немъ двухъ его учениковъ. Одинъ изъ нихъ выразился такъ, «Скажу нѣсколько словъ о первомъ ректорѣ университета Харитонѣ Андреевичѣ Чеботаревѣ, почтенномъ и сановитомъ старцѣ: ученѣйшемъ профессорѣ, другѣ Новикова, товарищѣ Потемкина, бывшемъ въ тискахъ у Шишковскаго, но странномъ и причудливомъ въ обращеніи. Знаменитый Шлецеръ называлъ Чеботарева «своимъ руководителемъ въ русской исторіи». Каково

⁶⁸ Тамъ же, стр . 325—326.

же было мое удивленіе, когда я его встрѣтилъ въ классахъ: въ одномъ нижнемъ платьѣ и въ короткомъ плащѣ безъ воротника, съ Аннинскимъ орденомъ на шеѣ, съ плюмажною шляпою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Онъ не носилъ ни пуклей, ни косы, не пудрился, голова у него была гладко острижена; въ поставѣ и въ походкѣ его выражалась самоувѣренность. Всѣмъ онъ говорилъ *ты*; зная его могло показаться грубымъ, если бъ оно не было выраженіемъ добродушія; почти всѣхъ онъ называлъ по имени, а не по отчеству, говорилъ отрывисто, но когда былъ въ ударѣ, или по нынѣшнему въ духѣ, рѣчь его лилась рѣкою. Новое поколѣніе едвали повѣрять, что никто, при видѣ Харитона Андреевича не смѣлъ улыбнуться а тѣмъ паче засмѣяться и зашикать. Такъ уважали его!» Другой ученикъ этого старца говорилъ: «Прилежный наставникъ мой, отъ самаго дѣтства опытный руководитель, Чеботаревъ пролагалъ мнѣ пути къ возвышенной нравственности и подобіемъ собственнаго сердца своего убѣждалъ вѣрять, что нѣтъ, безъ скромности и добродѣтели, благихъ дней въ подлунномъ мірѣ»⁶⁹.

Первымъ секретаремъ Общества былъ профессоръ эстетики, философіи и классической словесности, секретарь Университетскаго Совѣта, Павелъ Аванасьевичъ Сохацкій, бывший питомецъ «Дружескаго ученаго Общества»⁷⁰. Какъ эстетикъ, онъ принадлежалъ къ той философской школѣ прошлаго столѣтія, которую справедливо называютъ школою моралистовъ.

Имѣя свою ученую дѣятельность въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, онъ раздѣлялъ и тѣ взгляды на воспитаніе,

⁶⁹ См. „Воспоминанія И. М. Снегерева“ въ Русск. Арх. за 1866, стр. 744. „Бытіе сердца моего или стихотворенія“ Кн. И. Долгорукаго. ч. I. (М. 1818), въ предисловіи; по изд. Смирдина (1849 г.), т. I, стр. VIII. Срв. его же: *Катище моего сердца* или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни», въ Читеніяхъ Общ. И. и Др. Рос., 1873 г., кн. III, стр. 332—333. Остается прибавить, что Чеботаревъ имѣлъ собственную большую бібліотеку. См. «Рѣчи, произнесенныя въ И. М. У.» ч. I, стр. 322.

⁷⁰ Онъ родился въ селѣ Свѣтничномъ Прилукскаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ священникомъ и владѣтелемъ небольшого участка земли и крестьянъ, до ставшихся ему по наслѣдству отъ предковъ—старожиловъ въ Малороссіи, учился сперва въ Кіевской Академіи, потомъ въ Московскомъ Университетѣ. См. «Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи въ Им. М. Унив.» ч. 3. (Москва 1821), стр. 51—52. Срв. Лонгинова, *Новиковъ и Московскіе мартинисты*, стр. 226—293.

которыми руководствовалась сама Екатерина, Бецкій и другіе ихъ современники, стремившіеся создать новую породу людей при помощи наукъ и искусствъ. Его взгляды на значеніе изящныхъ искусствъ въ дѣлѣ воспитанія изложены имъ въ словѣ, произнесенномъ 30 августа 1801 года: «О предметахъ, свойствахъ и вліяніи изящнаго вкуса на счастье жизни». Философія ума, философія сердца и философія вкуса—три знанія, удовлетворяющія, по мнѣнію Сохацкаго, врожденнымъ чувствамъ истины, добра и красоты. Какъ критикъ изящныхъ произведеній, онъ предпочиталъ классическое направленіе возникавшему тогда романтическому; польза же наукъ для цѣлей воспитанія указана была имъ въ торжественномъ словѣ, сказанномъ имъ въ день полувѣковаго юбилея Московскаго университета, 30 іюня 1805 г. ⁷¹ «Какое найдется язь высшихъ и благороднѣйшихъ въ нашемъ отечествѣ званій, спрашиваетъ Сохацкій, гдѣ Московскій Университетъ не могъ бы похвалиться своими воспитанниками? Достойные первосвященники и пастыри церкви, высокіе министры, проникательные политики, мудрые градоправители, правотворные судіи, знающіе письмоводцы, искусные врачи, даже отличные военнослужащіе, приносили и приносятъ государству честь и украшеніе. Отличительныя черты характера ихъ и поведеніе суть честность, прямоту, вѣрность и любовь къ отечеству—плоды истиннаго просвѣщенія. Вотъ живые дѣйствующіе, если такъ могу выразиться, подлинники главныхъ трудовъ сего училища, собственно ему принадлежащихъ и по праву отъ него требуемыхъ!» Сохацкій былъ въ разное время издателемъ четырехъ журналовъ, изъ коихъ «Политическій журналъ», продолжавшійся потомъ подъ именемъ «Историческаго, Статистическаго и Географическаго», указывалъ на знакомство Сохацкаго съ историческою наукой. У одного изъ младшихъ современниковъ находимъ такой отзывъ объ этомъ журналѣ: «Со времени Екатерины, черезъ все царствованіе Павла и долго при Александрѣ, издавался въ Москвѣ *«Политическій журналъ»*. Тамъ между прочимъ помѣщались цѣликомъ рѣчи Мирабо, Жирондистовъ и Робеспьера. Такая смѣлость должна бы была при-

⁷¹ Это слово вмѣстѣ съ вышеназваннымъ появилось современникамъ болѣе другихъ рѣчей Сохацкаго и оба напечатаны въ «Сборникѣ рѣчей» ч. III, стр. 66—95. Кроме того извѣстны еще три рѣчи 1) О главной цѣли воспитанія, 30 іюня 1793 года; 2) Похвальное слово Шувалову, 1798; 3) О долгѣ благороднаго россиянина служить отечеству оружіемъ до приобретаетъ опытности, дабы вступить во храмъ Фемиды, 30 іюня 1807 года.

известъ, по крайней мѣрѣ, удивленіе, ни кто не вѣдалъ про содержаніе журнала и никто его нынѣ не помнитъ. Дѣливые цензоры съ разсѣянностію пропускали его нумера; а названіе Политическаго пугало и отталкивало враздныхъ тогда и невѣжественныхъ Москвичей, малое же число читателей, тайно принимающихъ живое участіе въ сохраненіи его, не спѣшили разглашеніями». Замѣчательно что Карамзинъ не принималъ участія въ журналахъ Сохацкаго и даже былъ осмѣянъ какъ литераторъ въ одномъ стихотвореніи, которое помѣщено въ 4-й части журнала «Ишпокрена или утѣха любословія» (на 1799 годъ), подъ заглавіемъ: «Ода въ честь моему другу» (стр. 17). Собственно историческихъ сочиненій Сохацкій по себѣ не оставилъ. Онъ избранъ былъ въ секретари Историческаго Общества главнымъ образомъ потому, что былъ секретаремъ университетскаго Совѣта, точно также какъ Чеботаревъ, ректоръ Университета, былъ предсѣдатель Общества, которое, какъ выражались тогда печатно, пребывало въ нѣдрахъ Университета и находилось въ связи съ его историческимъ классомъ. Въ чемъ состояли занятія Сохацкаго по Обществу, мы не знаемъ. Извѣстно однакожъ, что онъ не дождалъ до подчиненія общественной дѣятельности уставу и до избранія новыхъ должностныхъ лицъ, ибо умеръ 18 марта 1809 года ⁷².

Перваго казначея, и то, лишь въ 1807 году Историческое Общество получило въ лицѣ своего дѣйствительнаго члена Антона Антоновича Прокоповича—Антонскаго, профессора сельскаго хозяйства и минералогіи, извѣстнаго болѣе въ качествѣ директора Благороднаго пансіона при университетѣ и предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словестности, которое при немъ издало въ свѣтъ 26 книгъ своихъ «Трудовъ» и 4 тома «Рѣчей профессоръ Университета». Связь Антонскаго, также принадлежавшаго къ числу питомцевъ «Дружескаго Ученаго Общества» и бывшаго ученикомъ К. Г. Шварца, съ историческими занятіями выразилась въ томъ, что онъ состоялъ въ 1805 году членомъ Комитета при Университетѣ, имѣвшаго своею задачею составленіе ученой Россійской Исторіи ⁷³.

⁷² См. *Біогр. Словарь проф. М. У-та*, ч. II, стр. 435—440. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, М. 1864; ч. III, стр. 133.

⁷³ Тамъ-же, ч. I, стр. 188—190. Срв. Лонгинова, *Новиковъ и Московскіе мартинисты*, стр. 211, 216, 288, 295.

Между действительными членами Общества въ первые годы его существованія, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ, съ увѣренностію можно назвать: декана отдѣленія словесныхъ наукъ, профессора всемірной исторіи, статистики и географіи Ивана Андреевича Гейма, прибывшаго въ Россію изъ Геттингена въ 1779 году, издаваемаго въ 1789 году и вторично въ 1796 на родинѣ на нѣмецкомъ языкѣ «Опытъ подробной географической и топографической энциклопедіи Русской имперіи въ азбучномъ порядкѣ» (всего 1048 стр.)⁷⁴; профессора церковной исторіи, коего рукописное руководство къ оной погибло въ 1812 году, и исторіи-филіи Михаила Матвѣевича Снегирева⁷⁵; профессора исторіи, статистики и географіи Никифора Евтропьевича Черепанова, переведшаго нѣсколько географическихъ и историческихъ учебниковъ съ нѣмецкаго и французскаго языковъ;⁷⁶ профессора теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ Иогана Теофила Буле, извѣстнаго своимъ «Опытомъ критическаго разбора литературы о русской исторіи» и изданіемъ «Московскихъ ученыхъ Вѣдомостей» (1805—1807); профессора славянскаго языка и словесности, теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи Матвѣя Гавриловича Гаврилова, который, бывъ нѣкогда однимъ изъ питомцевъ «Дружескаго Общества», продолжалъ въ теченіе 38 лѣтъ изданіе «Политическаго», иначе «Историческаго Журнала», основаннаго Сохацкимъ, и по смерти послѣдняго исправлялъ должность секретаря въ Историческомъ Обществѣ до введенія перваго устава; профессора политической экономіи и дипломатики Христіана Августа Шлецера, сына знаменитаго критика Несторовой лѣтописи, и профессора опытной физики Петра Ивановича Страхова, бывшаго нѣкогда членомъ «Дружескаго ученаго Общества», которое посыдало его на свой счетъ за границу, и мастеромъ стула въ университетской масонской ложѣ. Послѣдній выборъ можетъ быть объясненъ отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, засвидѣтельствованнымъ современ-

⁷⁴ Тамъ-же, ч. I, стр. 12—36.

⁷⁵ См. его біографію въ книгѣ: «Рѣчи проф. И. М. У.» ч. III (М., 1821), стр. 143—150; срв. *Вѣст. Слов. проф. М. Ун.*, ч. II, стр. 420—422.

⁷⁶ Имъ изданы: *Начертаніе знатнѣйшихъ народовъ свѣта по ихъ происхожденію, распространенію и языкамъ* (пер. съ нѣмецкаго, 1798); 2) *Атласъ древней Географіи* (пер. съ французскаго съ своими дополненіями, 1814—15; 3) рѣчь въ торжественномъ собраніи Университета 1803 года «*О способѣхъ, какъ поступило восходило просвѣщеніе народовъ*»

никами, что «Страховъ всегда читывалъ въ публичныхъ собраніяхъ рѣчи Чеботарева, который самъ при чтеніи до того возмущался, что слезы навертывались на глазахъ»⁷⁷. И такъ первыми дѣятельными членами Историческаго Общества, насколько можно судить о томъ по дошедшимъ до насъ мѣстностямъ, были профессора университета изъ среды философскаго факультета, молодые годы коихъ были большею частію связаны съ воспоминаніями о дѣятельности Новикова, Шварца и «Дружескаго ученаго Общества». Но мы почти ничего не знаемъ о собраніяхъ Общества за первые шесть лѣтъ его существованія, о ихъ характерѣ и направленіи, о средствахъ Общества и мѣрахъ, принимавшихся для выполненія цѣлей, предложенныхъ Шлецеромъ чрезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія: бумаги Общества за это время погибли, а печатаніе протоколовъ его засѣданій началось только со введенія устава 31 марта 1811 года⁷⁸.

Извѣстно однакожъ, что Общество, основанное по мысли Шлецера, нашло естественнымъ тотчасъ же приступить къ критическому изданію начальной лѣтописи по одному изъ древнѣйшихъ списковъ. Для такой работы необходимо было имѣть въ рукахъ своихъ самыя рукописи, и потому Общество ходатайство-

⁷⁷ См. *Бюжр. Словарь проф. М. У—та*, ч. II, с. 462. Объ остальныхъ членахъ см. ихъ біографіи въ томъ же Словарѣ; Лонгинова, *Новиковъ и Московскіе мартинисты*, стр. 130, 137, 141, 168, 185, 239, 244, 264. Срв. *Шевырева, Исторія Мос. Унив.*, стр. 350.

⁷⁸ См. ниже о засѣданіяхъ Общества въ соединеніи съ Совѣтомъ Университета, происходившихъ 21 апрѣля 1805 года и 10 дек. 1808 г., изъ коихъ въ первомъ задана была тема для соисканія премій, во второмъ объявлено о результатѣ конкурса. Кромя того въ письмахъ Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу есть указанія еще на одно засѣданіе Общества. Такъ въ письмѣ отъ 3 сент. 1808 г. говорится: «въ первомъ засѣданіи Историческаго Общества гг. Кругъ, Лербергъ и А. И. Тургеневъ будутъ, какъ надѣюсь, его членами. Честь не велика; но чѣмъ богаты, тѣмъ в рады»; въ письмѣ отъ 3 дек. того же года уже сказано: »Историческое Общество въ первое свое собраніе выбрало въ члены Васъ, гг. Круга и Лерберга, о чемъ прошу сказать имъ при случаѣ. Несторъ печатается и мы попукаемъ издателей»; наконецъ въ письмѣ отъ 14 янв. 1809 г. прибавлено: «Дипломовъ не ожидайте скоро: Общество наше не богато деньгами; а пергаментъ дорогъ». См. «Москвитинъ» за 1855 г. № I, стр. 83—85. Последнее засѣданіе Общества подъ предсѣдательствомъ Х. А. Чеботарева происходило 4 дек. 1809 года. См. Приложеній № XI. Между членами этого времени упоминаются уже отставной майоръ П. П. Бекетовъ и А. Х. Чеботаревъ (сынъ). См. Приложеній № VII.

шло чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія о присылкѣ къ нему древнихъ русскихъ лѣтописей и хронографовъ. Въ силу Высочайшаго указа на имя Синода отъ 6 іюня 1804 года, разрѣшавшаго такую присылку, синодальное присутствіе постановило послать указы въ Московскую синодальную контору, къ епархіальнымъ архіереямъ, также въ ставропигіальныя лавры, монастыри и типографскую контору, чтобы «они, учиня имѣющимся въ бібліотекахъ русскимъ оригинальнымъ лѣтописямъ и хронографамъ реестры, отослали оныя въ Общество, и когда оно по тѣмъ реестрамъ будетъ требовать письменно какія лѣтописи, то, при отпускѣ ихъ и возвращеніи по прежнему въ бібліотеки, рапортовать Св. Синоду»; самому же Обществу вѣдѣлось въ обязанность въ обоихъ случаяхъ, при полученіи рукописи и по возвращеніи ея, доносить Синоду чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія ⁷⁹. Изъ числа доставленныхъ въ Общество лѣтописныхъ ~~списковъ~~ древнѣйшимъ признанъ былъ принадлежавшій почетному члену Общества графу Мусину-Пушкину, и потому въ то время называвшійся Пушкинскимъ; но онъ же извѣстенъ былъ и подъ другими двумя названіями: Суздальскаго—отъ епископа Суздальской епархіи Діонисія по благословенію котораго онъ былъ написанъ, и Лаврентьевскаго по имени переписчика, списавшаго лѣтопись для Вел. Кн. Дмитрія Константиновича. Изданіе этого списка принялъ на себя Чеботаревъ, въ чемъ ему помогалъ Черепановъ; они успѣли уже напечатать до 10 листовъ, но не могли довести изданіе до конца, ибо Общество, не имѣя устава, не могло имѣть ни порядочнымъ образомъ установленныхъ засѣданій, ни съ точностію опредѣленныхъ упражненій. А между тѣмъ Лаврентьевскій списокъ вытребованъ былъ въ Петербургъ, и въ распоряженіи Общества осталась только копія его, по которой и производилось печатаніе. Чеботаревское изданіе, не будучи выпущено въ свѣтъ, все истребилось. Такъ первая попытка Общества издавать лѣтописи не имѣла успѣха ⁸⁰. Трудъ

⁷⁹ См. «Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» Томъ I: Царствованіе Императора Александра I (1802—1825). Спб. 1864; стр. 264—265.

⁸⁰ См. Предисловіе къ изданію Тимковскаго: «*Нестора лѣтопись по древнѣйшему списку мѣста Лаврентія*». М. 1824. Одвакожь въ «*Замыслахъ важныхъ и мелочныхъ К. Θ. Калайдовича*», напечатанныхъ въ III томѣ «*Лѣтописей русской литературы и древности*», на стр. 85, подъ 26 января 1814 года, читаемъ слѣдующее: «Никифоръ Николовичъ (факторъ унѣв. типогр.) подарилъ мнѣ 10 листовъ Чеботарева изданія Нестора». Срв. также Приложеній № XI и XV.

Шлецера не находилъ себѣ продолжателей. Но ученая работа другаго свойства связала Общество съ именемъ Шлецера. Совѣтъ Университета, вмѣстѣ съ Обществомъ, имѣлъ 21 апрѣля 1805 года собраніе и, разсуждая о задачѣ на тотъ годъ по отдѣленію словесныхъ наукъ, избралъ изъ числа прочихъ, касательно одного изъ важнѣйшихъ происшествій, въ російскихъ лѣтописяхъ необъясненнаго, слѣдующую: «Несторъ лѣтописецъ російскій говоритъ, что Славяне, населившіе Россію, пришли съ береговъ Дуная изъ Болгаріи и земли Угорской, будучи вытѣснены оттуда Волохами. Когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, могло случиться сіе переселеніе? и кого Несторъ называетъ Волохами: Римлянъ, Ломбардовъ, Болгаръ, или дѣйствительныхъ Волоховъ?» За самое обстоятельное, точное и наилучше доказанное рѣшеніе этой задачи на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ или французскомъ языкѣ обѣщана была награда въ 100 червонцевъ или медаль такой же цѣны: награда составлялась изъ 250 рублей, предложенныхъ Университетомъ и Обществомъ, и 150 рублей, назначенныхъ отъ Карамзина. Временемъ подачи отвѣтныхъ сочиненій назначено было 1 іюня 1806 года⁸¹. Но только въ маѣ 1809 года Совѣтъ Университета, по препорученію отъ Общества Исторіи и Древностей Російскихъ, объявилъ о результатахъ конкурса.

Оказалось, что подано было четыре сочиненія. Авторъ перваго, писаннаго на латинскомъ языкѣ, полагалъ, что Несторъ подъ Волохами разумѣлъ Римлянъ, основываясь на прозваніи Итальянцевъ какъ въ древнія, такъ въ особенности въ новѣйшія времена Влахами, причемъ онъ считалъ это слово славянскимъ. Но у автора даже не было подъ руками лѣтописи Нестора, къ объясненію которой должно было вести его сочиненіе. Его отвѣтъ не былъ признанъ заслуживающимъ награды. Авторъ втораго сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ, также отвергнутаго, разумѣлъ подъ Волохами Лангобардовъ, не настаивая однакожъ на правильности своего мнѣнія и считая значеніе слова Волохъ двусмысленнымъ. Авторъ третьяго, также нѣмецкаго сочиненія, думалъ одинаково съ Тунманомъ и Гаттереромъ, что Волохи Нестора суть Болгары и что переворотъ, произведенный въ половинѣ VII вѣка Кубратомъ, былъ поводомъ къ переселенію Славянъ съ Дуная. Авторъ старался доказать свое мнѣніе совершенно но-

⁸¹ См. «Московскія Ученія Вѣдомости» за 1805 годъ, № 23, стр. 183—184

вымъ образомъ и его сочиненіе вообще отличалось историческимъ трудомъ, хорошимъ расположеніемъ, ясными изображеніями и особенными изящными примѣчаніями на древнюю сѣверную исторію. Но противъ автора говорили: умышенное сліяніе въ одно двухъ извѣстій Нестора о разновременныхъ изгнаніяхъ Славянъ съ береговъ Дуная, слишкомъ смѣлая толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ византійскихъ писателей и несообразность столь поздняго прибытія Славянъ въ Восточную Европу, какъ половина VII вѣка, съ исторіей Новгородъ и Кіева. Тѣмъ не менѣе его сочиненіе заинтересовало разбиравшихъ. Авторъ четвертаго сочиненія, писаннаго на французскомъ языкѣ, ограничился разсмотрѣніемъ одного изъ свидѣтельствъ Амміана Марцелина и на основаніи его рѣшилъ, что подъ Волохами надо разумѣть Римлянъ. Огвѣтъ его отнесенъ былъ къ числу неудовлетворительныхъ. Хотя ни одинъ отвѣтъ не удовлетворилъ вполне присуждавшихъ награду; но, какъ авторъ третьяго сочиненія признанъ былъ заслуживающимъ одобренія за несомнѣнный историческій талантъ, за ученую проникательность и любовь къ русской исторіи; то въ торжественномъ собраніи, происходившемъ 10 декабря 1808 года, Совѣтъ Университета вмѣстѣ съ Обществомъ опредѣлили выдать ему положенную награду. «Но, говорилось въ печатномъ объявленіи, по открытіи запечатанной записки съ именемъ сочинителя, нашелся человекъ неожиданный, по личной его связи съ здѣшнимъ Университетомъ, Христіанъ Шлецеръ. Сколь ни пріятно было для членомъ Университета, что ихъ почтенный сотоварищъ отличается по части исторической литературы, которая столь многимъ обязана славному отцу его; но при томъ за долгъ постановили они строго сохранять условіе, сопряженное съ каждою задачею, отъ Общества предложенною, что *цѣль онаго исключаются изъ соревнованія*. Почему имъ и не осталось болѣе ничего сдѣлать, какъ изъявить сочинителю ихъ уваженіе и признательность за усердіе и стараніе его объяснить важную и трудную для Россійской Исторіи задачу, его разсужденіе напечатать за счетъ Университета, но отказать ему въ положенномъ награжденіи, потому что его соревнованіе считается непозволеннымъ по уставу Общества»⁸². Всего страннѣе здѣсь ссылка на уставъ, котораго, какъ извѣстно, Общество еще не имѣло. Но самъ Хр. Шлецеръ, напечатавшій свое сочиненіе въ слѣдующемъ

⁸² См. «Московскія Вѣдомости» за 1809 г., № 36 (отъ 5 мая) особое объявленіе въ видѣ приложенія.

году подъ заглавіемъ: «О происхожденіи Славянъ вообще и въ особенности Славянъ русскихъ», въ предисловіи къ нему говоритъ, что Общество и Университетъ отказали въ наградѣ, слѣдующаго общаго ритуала, принятому въ иностранныхъ Университетахъ и Академіяхъ, по которому «самимъ сочленамъ, яко судіямъ въ своемъ дѣлѣ, не выдается предназначенное вознагражденіе». Далѣе онъ говоритъ отъ себя: «я началъ обрабатывать задачу со всѣмъ усердіемъ, какому требовало важность предмета, не помышляя о томъ, что у меня, какъ у сочлена университетскаго совѣта, стануть можетъ быть оспаривать награду»⁸². Изъ этихъ словъ Шлецера опять можно видѣть, какая тѣсная связь существовала между Обществомъ и Университетомъ, какъ бы поглощавшимъ первое въ своемъ историческомъ классѣ.

Вотъ все, что извѣстно намъ о дѣятельности Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ первыя шесть лѣтъ его существованія. Можно сказать, что ни внѣшняя его судьба, ни внутренняя жизнь не выдѣлялись изъ общаго теченія жизни Университета: Общество было неразрывною частью послѣдняго, сливалось съ его историческимъ классомъ, какъ тогда выражались. Дѣйствительными членами его почти исключительно были Университетскіе профессора, а предсѣдателемъ, стало быть до извѣстной степени руководителемъ ихъ за все это время, оставался Хар. Ан. Чеботаревъ, бывшій первымъ ректоромъ Университета послѣ установленія этой должности Уставомъ 1804 года, достигшій первымъ изъ всѣхъ своихъ товарищей званія заслуженнаго профессора, введеннаго тѣмъ же уставомъ, и слѣдовавшійся первымъ, опять таки по тому Уставу, непремѣннымъ засѣдателемъ Университетскаго Правленія. Но Чеботаревъ былъ уже на склонѣ своей дѣятельности. Достигнувъ 60-ти лѣтъ, онъ сдалъ въ день празднованія полувековаго юбилея Университета (30 іюня 1805 года) ректорскую должность П. И. Страхову и, оставаясь членомъ Совѣта и Правленія, уже кажется не читалъ лекцій, что допускалось тогдашнимъ уставомъ для заслуженныхъ профессоровъ; по крайней мѣрѣ въ росписаніи чтеній, объявленныхъ на 1805—6 и слѣдующіе учебные годы, нѣтъ извѣстій о лекціяхъ Чеботарева⁸⁴. Предпринятое имъ отъ

⁸² Кромѣ того Хр. Шлецеръ напечаталъ въ Москвѣ въ 1809 году «*Ebauche d'une histoire de la Sibirie avec une carte historique*».

⁸⁴ См. *Шлецеръ*, Исторія Московскаго Университета, стр. 362 и сл.

имени Историческаго Общества изданіе Песторовой Лѣтописи оставилось въ началѣ своемъ. Даже о засѣданіяхъ Общества нельзя найти никакихъ указаній въ московскихъ газетахъ и журналахъ того времени. Не имѣя устава, который бы опредѣлялъ отношенія между предсѣдателемъ и членами, порядокъ ихъ занятій, срочность засѣданій, Общество имѣло опредѣленною лишь одну цѣль—критическое изданіе лѣтописей, а это дѣло поручено было Чеботареву; остальные члены находились въ положеніи какъ бы его сотрудниковъ и, по первоначальному «начертанію» о дѣятельности Общества, составленному въ засѣданіи 18 марта 1804 года, они могли быть созываемы преимущественно для совѣщаній о текстѣ издаваемой лѣтописи. Только назначеніе исторической задачи для сочиненій, съ цѣлію соисканія награды отъ Общества, составляло какъ бы исключеніе въ обычной жизни Общества, и неудивительно, что объ единственномъ за все это время конкурсѣ, не сопровождавшемся однакожь наградами, мы встрѣтили подробное извѣстіе въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ и не нашли никакихъ свѣдѣній о самомъ засѣданіи Общества. А между тѣмъ въ то самое время, какъ Историческое Общество не обнаруживало съ своей стороны никакихъ замѣчательныхъ трудовъ, Общество Испытателей Природы, основанное въ одинъ годъ съ нимъ, съ успѣхомъ развивало свою дѣятельность. 28 Сентября 1807 года Александръ I выразилъ свое благоволеніе предсѣдателю онаго за первый томъ Трудовъ его; а въ самомъ началѣ попечительства гр. А. К. Разумовскаго, который замѣнилъ умершаго незадолго предъ тѣмъ (28 іюля) М. Н. Муравьева, именно 4 ноября 1807 года Обществу Испытателей Природы дозволено было называться Императорскимъ, а 15 августа слѣдующаго года ему выдано было изъ училищнаго капитала 5,000 руб. на издержки по описанію Московской губерніи въ топографическомъ, статистическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ⁸⁵. Историческое же Общество было, по видимому, забыто, да и само не напоминало о себѣ ни чѣмъ. Такъ шла дѣла до назначенія Разумовскаго Министромъ Народнаго Просвѣщенія, вмѣсто вышедшаго въ отставку Завадовскаго, когда Попечителемъ на его мѣсто было опредѣленъ 14 мая 1810 года сенаторъ, носившій до устава 1804 года титулъ куратора Университета,

⁸⁵ См. «Сборникъ Постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія» т. I, 1802—1825. Изд. 2; Спб. 1875, стр. 519—551.

Павелъ Ивановичъ Голенищевъ - Кутузовъ. Онъ не только вспо-
нилъ объ Историческомъ Обществѣ, но и на много лѣтъ связалъ
свое имя съ его судьбою.

Въ началѣ іюля онъ потребовалъ свѣдѣній о всѣхъ существо-
вавшихъ при Университетѣ ученыхъ Обществахъ; Совѣтъ Универ-
ситета отнесся за этимъ вопросомъ къ Предсѣдателямъ Обществъ.
Чеботаревъ долгое время не отвѣчалъ на запросъ, и только когда
Голенищевъ-Кутузовъ дважды повторилъ свое требованіе, онъ пред-
ставилъ 4 ноября донесеніе, въ которомъ сказавъ, что «хотя и
самому Совѣту все касающееся до существованія Историческаго
при Университетѣ Общества и его упражненій извѣстно, однакожъ,
сообразуясь съ предписаніемъ, даннымъ ему отъ 17 октября сего
года», счелъ долгомъ отвѣтить на предложенные шесть вопросовъ:
о времени основанія Общества, о цѣли его, о засѣданіяхъ и заня-
тіяхъ въ оныхъ, о предсѣдателѣ и объ изданныхъ Трудахъ. Доне-
сеніе было кратко и изъ него можно было видѣть, что Общество
«во все свое бытіе не дѣлало для себя постановленія о срочныхъ
засѣданіяхъ, а имѣло оныя по желанію членовъ и повстрѣчавшимся
надобностямъ онаго», и что предметомъ его занятій было «изда-
ніе Лѣтописи Несторовой по Пушкинскому и Троицкому, самымъ
древнимъ харатейскимъ, и по Кенигсбергскому списку». Какъ опытъ
Трудовъ Общества, къ донесенію приложены были отпечатанные
листы своднаго Нестора. Совѣтъ представилъ донесеніе Чебота-
рева Попечителю, причемъ объяснилъ запоздалость своего отвѣта
медленностію со стороны самаго Общества. Кутузовъ не только
выразилъ письменно свое неудовольствіе Совѣту по поводу столь
краткаго неудовлетворительнаго и недостаточнаго донесенія, но и
прислалъ особое замѣчаніе на всѣ пункты донесенія.

По поводу учрежденія Общества съ Монаршаго соизволенія
онъ замѣчалъ, что каждое Общество, удостоившееся быть приня-
тымъ подъ Высочайшее покровительство, должно отличатся предъ
другими неутомимою дѣятельностію; Историческое же Общество
не соответствовало ни своей цѣли, ни ожиданіямъ отечества, ибо
«въ шесть лѣтъ издано 80 страницъ, каковыхъ бы весьма легко
каждый годъ пестельку издавать можно было». Переходя къ за-
нятіямъ Общества, Кутузовъ ссылался на то, что Общество состо-
итъ изъ тридцати членовъ, хотя объ этомъ ни слова не говори-
лось въ донесеніи Чеботарева, почему и надо думать, что Куту-
зову извѣстно было изъ другихъ источниковъ. Но мы можемъ

пожалѣть, что онъ въ своихъ запросахъ, обращенныхъ къ Совѣту, не потребовалъ списка членовъ, что для исторіи Общества было бы не лишне. Нѣтъ однакожъ никакого сомнѣнія, что значительная часть изъ этихъ 30-ти членовъ состояла изъ лицъ, которыя ни по своему положенію, ни по другимъ своимъ занятіямъ, а нѣкоторые и по пребыванію своему внѣ Москвы, не могли принимать прямого и дѣятельнаго участія въ Трудахъ Общества. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ замѣчалъ: «ежели бы изъ Несторова Лѣтописца, составляющаго предметъ упражненія Общества, дало оно на выработку каждому изъ своихъ членовъ не болѣе какъ по 10-ти страницъ въ годъ, что для каждаго въ теченіе годичнаго времени исполнить весьма было бы легко и никакимъ бы упражненіямъ и должностямъ не помѣшало, то сіе бы составило въ каждый годъ 300 страницъ, то-есть близь 20-ти печатныхъ листовъ, и въ шесть лѣтъ существованія Общества—1800 страницъ, каковаго количества Несторовъ Лѣтописецъ со всѣми примѣчаніями конечно не составитъ». При этомъ Кутузовъ опять обнаружилъ, что ему извѣстны изъ жизни Общества и такія обстоятельства, о которыхъ въ донесеніи Чеботарева вовсе не упоминалось: «оно, продержавъ Кенигсбергскій списокъ довольно времени; принуждено было не воспользоавшись имъ, его возвратить». По поводу безсрочности засѣданій, созывавшихся, какъ писалъ Чеботаревъ, по желанію членовъ и по встрѣчавшимся надобностямъ, Кутузовъ сдѣлалъ колкое замѣчаніе: «Нельзя не удивляться, что члены въ теченіе года неимѣли *желанія* собираться, хотя кажется по медленному изданію Трудовъ ихъ и *встрѣчались имъ надобности* учащать ихъ засѣданія». Но тутъ же прибавлялъ: «Извѣстность о дѣятельности и ревности почтенныхъ членовъ сего Общества удостовѣряетъ, что рѣдкость его засѣданій происходитъ или отъ важныхъ занятій или отъ болѣзни г. Предсѣдателя, непозволяющихъ ему съ свойственною ему дѣятельностію объ успѣхахъ Общества заботиться». Въ заключеніе Кутузовъ язвительно называлъ труды Общества «подвигами» въ сравненіи съ издаваемыми отъ Общества Натуралистовъ Актами, «съ толикими трудностями сопряженными». Всѣ эти замѣчанія Кутузовъ передавалъ на разсмотрѣніе Университетскаго Совѣта «яко высшаго сословія, долженствующаго всѣми отраслями Университета руководствовать и всѣ его заведенія направлять къ цѣли существенно полезной», и предлагалъ Совѣту «употребить средства къ приведенію сего Общества въ степень дѣятельности, потребной для достиженія предположенной и ожидаемой отъ него поль-

зы». Предлагая Совѣту увѣдомить его о мѣрахъ, какія онъ приметъ относительно Общества, Кутузовъ ссылался на Министра Народнаго Просвѣщенія, повелѣвавшаго ему доставить въ непродолжительномъ времени подробное свѣдѣнiе о положенiи Общества, ходѣ его упражненiй и ихъ успѣхахъ. Нѣсколько странно, что гр. А. К. Разумовскiй, самъ три года занимавшiй должность Попечителя Московскаго Университета и его Учебнаго Округа и такъ еще недавно оставившiй эту должность, только теперь, ставши Министромъ, заинтересовался судьбою Московскаго Общества и потребовалъ свѣдѣнiй о немъ отъ своего преемника; ясно, что это требованiе внушено было ему самимъ Кутузовымъ. Не менѣе страннымъ могло быть и положенiе Университетскаго Совѣта, которому Кутузовъ предложилъ свои замѣчанiя и отъ котораго требовалъ мѣръ согласныхъ съ этими замѣчанiями. Совѣтъ конечно могъ согласиться съ тѣмъ, что отсутствiе устава и вообще опредѣленной организации могло не выгодно влiять на дѣятельность Общества; но едвали бы онъ согласился съ тѣмъ математическимъ исчисленiемъ Кутузова, по которому критическое изданiе Русской начальной лѣтописи измѣрялось опредѣленнымъ числомъ страницъ, такимъ же числомъ членовъ Общества, изъ коихъ лишь не многiе принадлежали къ самому Университету, и числомъ лѣтъ его существованiя. Можно было указать и на то, что между членами Общества было не малое число занимавшихся не русскою исторiей, а совершенно другими науками, и при томъ нѣкоторые изъ членовъ жили не въ Москвѣ, а въ другихъ городахъ; что Общество не могло считаться университетскимъ «заведенiемъ», какъ выражался Кутузовъ, и труды его были добровольными, а не обязательными⁸⁶. При этомъ могъ бы подняться вопросъ и о средствахъ необходимыхъ для изданiя вычисленныхъ Кутузовымъ страницъ текста,—вопросъ не лишennyй значенiя въ виду ссылки Попечителя на Общество Натуралистовъ, получившаго еще во время попечительства гр. А. К. Разумовскаго, который былъ и его президентомъ и ходатаемъ за него, титулъ Императорскаго и въ пособiе

⁸⁶ Что личный составъ Общества, разнородность занятiй его членовъ и недостатокъ между ними специалистовъ по русской исторiи должны были повлiять на медлительность въ его ученыхъ работахъ, это можно отчасти понять изъ словъ, сказанныхъ А. Л. Шлецеромъ въ 1805 году: «Теперь при Московскомъ Университетѣ основано Императорское (sic!) Общество исторiи и древностейъ русскихъ, которое займется единственно собранiемъ Русскихъ временниковъ, ош»

отъ правительства 5,000 рублей ⁸⁷. Но Совѣту и не пришлось обсуждать тѣхъ мѣръ, коихъ требовалъ отъ него Кутузовъ. Не дожидаясь совѣтскаго отвѣта, онъ обратился съ письмомъ къ графу Разумовскому отъ 21 ноября, прося его о предписаніи мѣръ или о сообщеніи наставленій, какъ поступить ему въ семь случаевъ: «Дабы какъ настоящая Общества Исторіи и древностей Россійскихъ недѣятельность, такъ и впредь продолжаться могущая, не могла возлежать на моей отвѣтственности, или, что еще и болѣе, не могла

саніемъ каждыя рукописи, сличеніемъ всѣхъ, или на первый случай нѣсколькихъ, и изданіемъ оныхъ въ свѣтъ. Публика внимааетъ трудамъ достойныхъ членовъ сего Общества, ожидая отиѣнно многого въ краткое время отъ любви къ отечеству сихъ ученыхъ. Но при всемъ возможномъ усиліи, которымъ это Общество, какъ Общество, согласуясь съ волею Великаго своего основателя, отличится, не можетъ оно однако же обойтись безъ пособія частныхъ людей, имѣющихъ образоваться только въ подроставшемъ поколѣніи: оно должно не только оставить имъ свободное мѣсто для дѣйствія, но и поощрять и помогать имъ всѣми возможными средствами. Извѣстно что во всѣхъ восьми европейскихъ земляхъ, въ которыхъ отечественная исторія обрабатывается ученымъ образомъ, а въ нѣкоторыхъ даже доведена до нѣкотораго рода совершенства, частные люди сдѣлали или все, или болѣе всего, и даже тамъ, гдѣ сии волонтеры не имѣли ни малѣйшаго поощренія отъ правительства или обществъ. Чего же нельзя ожидать отъ Русскихъ сыновъ отечества, выдающихъ передъ собою поднятыя пальмы? Въ большей части вышесказанныхъ европейскихъ земель, имено *духовенство* оказало отличныя услуги исторіи. Сей же самый духъ оживлялъ съ XII столѣтія и русское духовенство, и самая дикость средняго вѣка не могла убить его; онъ дѣйствовалъ живо до XV ст. Не уже ли теперь, въ XIX, не возбудится онъ снова? Молодые люди, приготавлиющіеся въ Россіи къ духовнымъ чинамъ по теперешнему способу, имѣютъ къ тому сугубую обязанность и болѣе средствъ къ исполненію. Славенскій языкъ есть ихъ второй природный; они учатся также Латинскому и даже Греческому; во многихъ учебныхъ заведеніяхъ живутъ они такъ сказать среди множества древнихъ историческихъ рукописей. Переходъ отъ богословія къ исторіи имѣетъ нѣчто естественное; многіе изъ славнѣйшихъ нѣмецкихъ историковъ долгое время занимались первою». См. «Несторъ», объясненный А. А. Шлецеромъ, въ переводѣ Дм. Языкова; ч. II, стр. 128—131. Но именно тѣхъ элементовъ, на которые указывалъ Шлецеръ, какъ на наиболѣе полезныхъ сотрудничателей въ обработкѣ русской исторіи, и не доставало Обществу. Въ виду ожиданій, высказанныхъ Шлецеромъ въ вышеприведенныхъ словахъ, еще яснѣе должно выступить предъ нами то великое значеніе, какое имѣли для своего времени труды «волонтера» Карамзина надъ «Исторіей Государства Россійскаго», начавшіеся одновременно съ учрежденіемъ Историческаго Общества. Онъ собственнымъ приѣмомъ оправдывалъ сказанныя имъ слова, что десять обществъ не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ человекъ, совершенно посвятившій себя историческимъ предметамъ (См. выше, стр. 14).

⁸⁷ См. А. А. Васильчина, *Семейство Разумовскихъ*; т. II, стр. 50.

быть приписана моему невниманію». 29 Ноября разсмотрѣно было графомъ Разумовскимъ представленіе Кутузова вмѣстѣ съ приложенною къ нему перепискою послѣдняго съ Совѣтомъ, въ томъ числѣ донесеніемъ Чеботарева и замѣчаніями Кутузова на оное, а 2-го декабря состоялся уже докладъ Александру I, въ коемъ; кратко изложивъ отзывы Попечителя о недѣятельности Общества, Разумовскій выражался языкомъ Кутузова: «Къ приведенію Общества въ степень дѣятельности, потребной къ достиженію предположенной цѣли и ожидаемой отъ него пользы, я не нахожу другаго средства, какъ засѣданія настоящаго Общества прекратить, учредивъ вмѣсто его другое, въ которое избрать членовъ дѣятельнѣйшихъ, и въ руководство оному начертать Правила для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ». Александръ I повелѣлъ привести въ исполненіе предположеніе Министра, который 8 декабря и далъ знать о томъ Голенищеву-Кутузову, получившему его 13 декабря. Не далѣе какъ 14 декабря въ шесть часовъ по полудни уже происходило чрезвычайное собраніе Общества, въ присутствіи самаго Кутузова, Х. А. Чеботарева, гр. А. И. Мусина-Пушкина, А. Θ. Малиновскаго, Н. М. Карамзина, П. И. Страхова, А. А. Прокоповича-Антонскаго, П. П. Бекетова, И. А. Гейма, Ф. Х. Рейнгарда, Н. Е. Черепанова, М. М. Снигирева, М. Г. Гаврилова, М. Т. Каченовскаго и А. Х. Чеботарева⁸⁸. Кутузовъ сообщивъ о причинѣ, заставившей его собрать Общество, прочиталъ вышеизложенныя предложенія свои Университетскому Совѣту, потомъ объявилъ Высочайшее повелѣніе о закрытіи Общества и учрежденіи вмѣсто него другаго. На этомъ засѣданіи прекратилась дѣятельность Общества, существовавшаго подъ предсѣдательствомъ Чеботарева около семи лѣтъ, ибо оно объявлено было закрытымъ. На другой же день, увѣдомляя Разумовскаго о закрытіи Общества, Кутузовъ прибавлялъ: «За симъ немедленно приступлю къ образованію новаго Общества, такъ и къ составленію для него плана, для твердаго его существованія, съ принесеніемъ истинной пользы и съ достиженіемъ преднамѣреваемой цѣли». О самомъ же

⁸⁸ Андрей Х. Чеботаревъ, сынъ предсѣдателя Историческаго общества, былъ докторомъ философіи Кенигсбергскаго и Московскаго Университетовъ, но въ первомъ по отдѣленію этико-политическихъ наукъ, а во второмъ—физико-математическихъ, и съ 1807 года былъ адъюнктомъ химіи и технологіи; членомъ Общества состоялъ съ 13 марта 1807 г. См. Біографическій Словарь проф. Моск. Ун.; т. II, стр. 551—553.

порученіи ему составить новое Общество онъ выразался такъ: «Съ благоговѣйною благодарностію приѣмля сей новый знакъ высоко-Монаршей ко мнѣ довѣренности, всѣ силы мои употреблю, дабы оправдать оную, а вкупѣ и соотвѣтствовать предназначеніямъ Вашего Сіятельства, и за долгъ поставлю пригласить къ составленію сего собранія людей, кои вѣрностію и усердіемъ ревновать будутъ превзойти другъ друга»⁸⁹.

Такъ закончился Чеботаревскій періодъ въ жизни Московскаго Историческаго Общества и начался періодъ Кутузовскій. Спустя много лѣтъ (именно 6 апрѣля 1845 года) П. М. Строевъ, состоя членомъ комитета, избраннаго Историческимъ Обществомъ для пересмотра его устава, въ своей рѣчи къ сочленамъ сказалъ между прочимъ о первыхъ годахъ Общества слѣдующее: «Въ теченіе семи лѣтъ Общество имѣло нѣсколько засѣданій, напечатало полдюжины листовъ Несторовой Лѣтописи (которые до насъ насъ не дошли) и неожиданно полверглось преобразованію. Изъ кого состояло это Общество, много ли было членовъ не извѣстно; знаемъ только, что предсѣдательствовалъ профессоръ Чеботаревъ. Слѣдовательно эти семь лѣтъ безгласныхъ образуютъ періодъ первый, темный, какъ всѣ начальныя періоды Исторіи, и только одно слишкомъ ясно: совершившееся преобразованіе. По сказанію Лѣтописи Общества, поводомъ къ такому преобразованію было: «не усыпное желаніе начальства Московскаго Университета привести всѣ подвѣдомственныя ему заведенія въ вѣдшее совершенство». Этому должно вѣрить, потому что напечатано; но я слыхалъ отъ людей того времени, что поводъ былъ гораздо важнѣе и это подтверждаютъ послѣдующіе факты»⁹⁰.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ послѣдующихъ фактовъ, мы считаемъ своею обязанностию закончить нашъ рассказъ о первомъ періодѣ въ жизни Общества свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ жизни его перваго предсѣдателя. Родившись въ 1745 году, поступивъ въ Университетскую гимназію въ годъ ея основанія и перейдя чрезъ шесть лѣтъ въ студенты, прослуживъ затѣмъ въ разныхъ должностяхъ при Университетской конференціи, въ гимназіи, въ самомъ Университетѣ и его Правленіи, Чебо-

⁸⁹ Документы о дѣятельности П. Н. Голенищева-Кутузова по закрытію Общества напечатаны вполнѣ въ Приложеніяхъ, подъ №№ XI—XVII.

⁹⁰ См. *Н. Барсукова*, Жизнь и труды П. М. Строева (Спб. 1878), стр. 418.

таревъ дожилъ до 1812 года, когда Университетскія зданія съ частію находившихся въ нихъ ученыхъ собраній подверглись разоренію. «Во время общихъ бѣдствій Московскихъ жителей, говорить его первый біографъ, почтенный старецъ Чеботаревъ, потерявъ прекрасную бібліотеку и многія бумаги свои, потерялъ вмѣстѣ и здорье; по приѣздѣ своемъ въ сожженную столицу Россіи, на которую часто онъ обращалъ слезящіе взоры, бодрствовалъ духомъ, а тѣломъ изнемогалъ и склонялся къ вѣчному покою, несмотря на всѣ попеченія любимаго имъ и любящаго семейства и друзей». Изъ дѣлъ Университетскаго Правленія мы узнаемъ, что убытки, понесенные Чеботаревымъ въ 1812 году, оцѣнились въ 17000 рублей. Несмотря однакожъ на собственные потери и на разстроенное здорье, Чеботаревъ долженъ былъ принять участіе въ трудахъ временной комиссіи для управленія текущими дѣлами Университета и его Учебнаго Округа въ качествѣ безсмѣннаго засѣдателя Университетскаго Правленія, а потомъ и въ засѣданіяхъ Университетскаго Совѣта, по званію заслуженнаго профессора. Изъ подлинныхъ дневныхъ записокъ Засѣданій Совѣта, хранящихся въ Университетскомъ Архивѣ, видно, что послѣднее засѣданіе, въ которомъ Чеботаревъ присутствовалъ, происходило 26 августа 1814 года. Скончался же онъ 26 іюля 1815 года, оставивъ по себѣ вдову, Софью Ивановну, о которой мы знаемъ, что она помогала ему при составленіи выписокъ по Русской Исторіи для Екатерины II, дочь Софью, бывшую за профессоромъ М. Я. Мудровымъ, и сына Андрея, бывшаго Адъюнктомъ Химіи и Технологіи въ Университетѣ и перешедшаго въ 1811 году по неприяностямъ съ Голенищевымъ-Кутузовымъ въ Петербургъ на службу при Горномъ Корпусѣ⁹¹.

Современники сохранили о старомъ Чеботаревѣ самыя добрыя воспоминанія: «Ученый, посвящающій жизнь свою наукамъ, жерт-

⁹¹ См. «Рѣчи профессоръ М. Ун.», ч. I, стр. 327; мою статью «Московский Университетъ послѣ 1812 года» въ «Русскомъ Архивѣ» за 1881 г. кн. I, стр. 386, 387, 394, 400; дѣла Правленія въ Архивѣ Моск. Унив. за 1813 г. по 2 столу № 32, за 1815 г. по тому же столу № 239. Чеботаревъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, см. «Чтенія» Общ. Ист. и Др. Рос. за 1873 г., кн. 3, отд. II, стр. 333. Вдова Чеботарева получила одновременно его годовое жалованье, т. е. 2000 руб., и четвертую часть онаго, т. е. 500 р., въ постоянную пенсію. Библіотекаремъ вмѣсто Чеботарева назначенъ Геймъ, бывший тогда ректоромъ Университета, а непремѣннымъ засѣдателемъ въ Правленіи О. Пр. Н. Н. Сандуновъ.

вующій имъ всѣми удовольствіями свѣта, тѣмъ прилежнѣе занимается предметомъ своимъ, чѣмъ болѣе получаетъ пристрастія къ къ познаніямъ и чѣмъ точнѣе увѣряется, что успѣхъ въ оныхъ составляетъ его истинную награду, тѣмъ скорѣе и надежнѣе достигаетъ своей цѣли, истинно благородной и великой. Стараясь увеличить достоинства и умножить блага грядущихъ поколѣній, онъ исполняетъ священную обязанность свою; обширное вліяніе дѣятельности его распространяетъ права его и на уваженіе и отличія. Повидимому малъ кругъ дѣйствій его; но сильно вліяніе, Столь великое назначеніе ученаго мужа быть въ числѣ пружинъ. дающихъ направленіе дѣятельности нравственнаго міра, споспѣшествовать къ образованію и благу подобныхъ себѣ и духомъ своимъ вознестись превыше народныхъ предубѣжденій! Счастливъ онъ и достоинъ совершенной славы, если все побѣдитъ и превозможетъ всѣ препятствія—если занятія его будутъ споспѣшествовать его назначенію и обязанность дѣлать добро столь же далеко будутъ простираться, какъ и кругъ его дѣйствій; онъ достигаетъ благородной цѣли своей совѣтомъ, наставленіемъ и произведеніями ума своего. Должность его ограничивается возможностью; а награда опредѣляется его сердцемъ, ощущающимъ удовольствие отъ исполненія священной обязанности. Такія размышленія возбуждаютъ въ насъ жизнь и служеніе достопочтеннаго профессора Харитона Андреевича Чеботарева. Сей знаменитый мужъ самъ продолжилъ себѣ стезю къ просвѣщенію, содѣлавъ нима свое извѣстнымъ въ отечествѣ своемъ и внѣ его.... Многія знаменитыя дуловныя и свѣтскія особы, какъ соотечественники его, такъ иностранцы, искали съ нимъ знакомства и вели переписку. Нѣкоторые вельможи столько уважали его и цѣнили, что не рѣдко защищали его отъ нареканій и навѣтовъ, почти всегда ополчающихся на славу и добродѣтель. Многія ученые Общества принимали его въ сочлены свои.... Обогативши умъ свой и сердце многообразными познаніями, онъ хотѣлъ было оставить міръ и вступить въ иноческій санъ; но одно непредвидѣнное обстоятельство сильно подѣйствовало на пылкое его сердце и рѣшило его посвятить всю жизнь и себя мѣсту воспитанія своего и ученія ⁹².

⁹² Непредвидѣнное обстоятельство, о которомъ говоритъ здѣсь первый біографъ Чеботарева, заключалось въ слѣдующемъ: «жена Московскаго главнокомандующаго, гр. З. Г. Чернышева, вымсланная необыкновеннымъ счастіемъ изъ бѣдъ

Не знатно его происхождение, но славна жизнь, посвященная наукамъ, добродѣтелямъ и ученой славѣ. Доказательствомъ тому,—пятидесятилѣтняя служба его, многія произведенія его ума, воспитанники его, облагодѣтельствованные имъ—стяжаніе лестныхъ наградъ и отличій, и уваженіе свѣта, увѣчавшее сановитую старость его. Одна часть жизни его посвящена была на собственное его образование, а другая на образование и просвѣщеніе другихъ. Мирный герой, устремившій душевныя и умственныя силы свои къ изысканію и преподаванію истинъ, полезныхъ и важныхъ въ кругѣ человѣческихъ познаній, не принадлежитъ себѣ; умъ его и жизнь принадлежатъ современникамъ и потомкамъ... Будучи Богословомъ, Философомъ, Историкомъ и Ораторомъ, нашъ Профессоръ былъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ: уважалъ и хранилъ древнія Русскія добродѣтели; любилъ гостепримство, былъ безкорыстенъ; чтилъ нравы и славу предковъ; даже въ поступкахъ своихъ, при нѣкоторой странности, свойственной многимъ ученымъ, соблюдалъ старинную простоту нравовъ и искренность обхожденія, которыя знавшимъ его только по наружности, казались грубостію. Твердость духа, сила слова, высокость чувствъ достались ему въ наслѣдіе. Съ пронизательнымъ умомъ соединялъ онъ чувствительное сердце; съ пылкостью характера непоколебимость души и счастливую примѣсь какого-то особеннаго, ему одному свойственнаго своенравія, которымъ онъ умѣлъ привлекать къ себѣ сердца. По наружности своей былъ онъ сановитъ; его видъ безъ надменности, имѣлъ въ себѣ нѣчто повелительное; остроуміе и глубокомысліе начертаны были на лицѣ—его простота и смѣлость обнаруживались въ поступкахъ. Старость, склонявшая тѣло его долу, возносила душу его горѣ, окрыляя духъ его выпренними созерцаніями⁹³.

ной доли, въ память этого всегда выписывала при себѣ четырехъ Смоленскихъ дворянокъ, своихъ землячекъ. Чеботаревъ давалъ уроки этимъ воспитанницамъ, изъ которыхъ одна, Софья Ивановна, ему особенно нравилась, хотя онъ не имѣлъ намѣренія когда либо жениться. Но вотъ однажды онъ застаётъ Софью въ большомъ горѣ, и узнаетъ, что графиня отыскала ей въ Москвѣ жениха, какого то майора, чловѣка дурной нравственности. Тогда Чеботаревъ рѣшился избавить свою ученицу отъ злой судьбы и сдѣлалъ предложеніе, которое было принято. Послѣ онъ не имѣлъ причины раскаиваться въ своемъ поступкѣ». См. Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей И. М. Ун., ч. II (М. 1855), стр. 551.

⁹³ См. «Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ Собраніяхъ И. М. Ун.

Таковъ былъ первый Предсѣдатель Московскаго Историческаго Общества, связавшій свое извѣстное и уважавшееся между современниками имя съ героическимъ періодомъ, какъ выразился П. М. Строевъ, а попросту съ начальнымъ, младенческимъ возрастомъ въ жизни этаго Общества.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ I ГЛАВЪ.

I. Переводъ письма къ министру коммерціи графу Румянцову отъ профессора Шлецера изъ Геттингена отъ (18) 6 августа 1803 года.

Я увѣдомленъ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отъ одного здѣшняго пріятеля моего изъ Русскихъ о томъ, что случилось съ моею книгою, посланною мною къ Государю Императору. Вскорѣ потомъ утѣшился я надеждою, что ваше сіятельство, по великодушію своему, наградите потерю сей книги, представленіемъ на время вмѣсто оной своего экземпляра. Теперь удостовѣрился я въ томъ изъ собственнаго письма вашего отъ 18 (30) іюня и спѣшу принести сугубую благодарность за благосклонность вашу. Я непременно воспользуюсь позволеніемъ вашимъ, доставить къ вамъ другой экземпляръ. Желалъ бы я чтобъ ваше сіятельство позволеніе сіе простерли далѣе, дозволивъ мнѣ приобщить къ оному экземпляру и другія мои сочиненія (напримѣръ Историческое описаніе о монетахъ и деньгахъ Россійскаго государства). Я перешлю оныя или сухимъ путемъ чрезъ Берлинъ, или водою чрезъ Любекъ.

Ежели нужно доставить еще что-либо, то ваше сіятельство изволите почтить меня своимъ приказаніемъ.

Не могу я скрыть патриотическаго къ Россіи желанія моего, чтобъ найти въ вашемъ сіятельствѣ покровителя сочиненіямъ, до Россійской исторіи относящимся. Не только извѣстное благоволеніе ваше къ симъ сочиненіямъ, но и глубокія въ томъ знанія ваши оправдаютъ сіе мое желаніе. По сему предмету весьма много еще остается сдѣлать, и по единому повелѣнію Великаго Государя весьма легко сдѣлается! 40 лѣтъ почерпалъ я о томъ знанія и опытности; жаль если они вмѣстѣ со мною погребены будутъ. Людовикъ великій приобрѣлъ себѣ въ словесности имя безсмертнаго чрезъ то, что онъ способство-

валъ изданію лѣтописей Бицавскихъ (слѣдовательно чужихъ). Что жъ если въ первые годы Александра I составится полное изданіе древнихъ лѣтописей его государства! Въ семъ энтузіазмѣ, который меня всегда одушевляетъ, приѣмлю смѣлость представить вашему сіятельству препровождаемыя при семъ *приложенія* и оныя предварительно въ слѣдующей *притискѣ* хотя не оправдать, по крайней мѣрѣ предложить. Ежели опредѣлятъ мнѣ сію почесть, то въ имени Румянцева приобрѣтетъ она новую славу: ибо одному только вамъ, милостивый государь, обязанъ буду оною; и доколѣ возмогу я мыслить, говорить и писать, всегда буду громко изъявлять мою душевную благодарность.

П р и п и с к а :

Великій Государь въ милостивомъ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2 мая, между прочими выраженіями, употребилъ и сіе, «что я приобрѣлъ права на благодарность Его народа». Мнѣ тотчасъ пришло на мысль, что Россія для таковыхъ случаевъ имѣетъ свои постановленія; я пробѣгалъ вновь давно извѣстные мнѣ статуты ордена св. Владиміра, и нашелъ въ помянутыхъ Императорскихъ словахъ замѣчаніе, что мнѣ можно, исчисливъ оказанныя мною въ теченіе прошедшихъ лѣтъ свои заслуги, теперь уже не столь извѣстныя, для полученія надлежащимъ порядкомъ означенной почести, отнестись куда слѣдуетъ.

Ежели я въ семъ случаѣ не ошибаюсь, то прошу ваше сіятельство:

1) Изъ приложенія милостиво усмотрѣть мои основанія, и если вы приведенныя мною причины найдете достаточными, то

2) препроводить сіи приложенія въ капитулъ ордена при своей рекомендаціи, для надлежащаго опредѣленія. Строгія законы скромности заставили меня еще о многомъ умолчать, лучше желаю я, чтобы присутственныя мѣста освѣдомились о семъ отъ учащихся здѣсь пріятелей моихъ изъ Россіянъ, кои обо всемъ извѣстны; равнымъ образомъ можетъ засвидѣтельствовать то и его превосходительство г-нъ директоръ Московскаго университета Тургеневъ. Часть также сего показываетъ 1-я часть собственнаго моего описанія моей жизни, и именно въ чемъ я съ 1762 по 1765 годъ занимался въ Петербургѣ.

Старшаго сына своего Христіана въ просьбѣ моей къ Его Величеству о пожалованіи наслѣдственнаго дворянства, не включаю я единственно по той причинѣ, что онъ состоитъ ординарнымъ про-

фессоромъ правъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ и, слѣдовательно, находится въ томъ положеніи, что можетъ со временемъ самъ сіе собственными заслугами приобрести.

Идею мою, чтобъ доставить Дерптскому университету весьма интереснѣйшій запасъ для Сѣверной Исторіи, ваше сіятельство, конечно, не оставите безъ замѣчанія: однако жъ какъ о сей, такъ и прочихъ идеяхъ касательно до Россійской исторіи, не смѣю я подробно распространиться, пока не получу именно на то позволенія отъ вашего сіятельства.

Августъ Людвигъ Шледеръ.

Примѣчаніе. Оригиналы сей бумаги, равно и слѣдующей, присланы при отношеніи дѣйствительнаго камергера Н. Н. Новосильцева сентября 16 дня и внесены министромъ вмѣстѣ съ отношеніемъ и ея переводомъ въ Орденскую думу ордена св. Владиміра сентября 16 дня.

II. Его сіятельству г-ну дѣйствительному тайному совѣтнику сенатору, министру коммерціи графу Николаю Петровичу Румянцеву.

Почтеннѣйшее объясненіе.

Въ случаѣ, ежели приговоръ капитула ордена св. Владиміра будетъ сдѣланъ въ пользу нижеподписавшагося, можетъ ли онъ войти съ просьбою къ Государю Императору:

1) Чтобъ Его Величество благоволилъ оный приговоръ утвердить; и

2) Какъ съ симъ орденомъ соединено личное Россійское дворянство, то въ знакъ памяти сей отличной милости, даровать оное какъ мнѣ, такъ и будущему потомству трехъ моихъ дѣтей, и имъ самимъ, именно же Людвигу, лейтенанту въ Ганноверскомъ 1-мъ пѣхотномъ полку, Доротеи, находящейся въ замужествѣ за сенаторомъ Родде, въ Любекѣ, участвовавшей въ сочиненіи книги моей Исторіи о монетахъ, деньгахъ и горномъ производствѣ Россійскаго государства, и Елизаветѣ, не въ замужествѣ еще состоящей, также.

3) Къ нашему тогда дворянскому гербу, помѣстить изображеніе монаха въ одѣяніи монаховъ Печерскаго монастыря въ Кіевѣ.

Августъ Людвигъ Шледеръ.

Геттингенъ.

2 (14) августа 1803 года.

Примѣчаніе. Старшая дочь А. Л. Шлецера Доротея умерла въ 1825 году. О смерти ея было сказано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того года № 74, стр. 2559: «Извѣстная госпожа Доротея фонъ-Родде, дочь славнаго Шлецера, получившая въ Геттингенскомъ университетѣ званіе доктора, скончалась 12 іюля въ Анжюнѣ на обратномъ пути своемъ изъ южной Франціи, послѣ тринадцатидневной болѣзни, на 55 году отъ роду».

III. Геттингскаго университета профессору Августу Людвигу Шлецеру.

Ревностное усердіе и труды вами оказанные, и продолжаемые по предмету сочиненія Исторіи государства Россійскаго и въ изслѣдованіи древнихъ оной лѣтописей, обращаетъ на себя наше Монаршее благоволеніе и милость. Мы во изъявленіе оныхъ Всемилости-вѣйше пожаловали васъ кавалеромъ ордена нашего святаго равноапостольнаго Владимира четвертой степени, котораго знаки, при семь доставленные, имѣете возложить на себя и носить по установленію. Удостоверены мы впрочемъ, что вы, одобрены будучи Нашимъ благоволеніемъ, поощритесь и вѣще пріобрѣтатъ оное чрезъ преуспѣяніе въ полезномъ подвигѣ. Въ С.-Петербургѣ. Сентября 22 дня 1803 г.

АЛЕКСАНДРЪ.

IV. Отъ его превосходительства г-на попечителя Императорскаго Московскаго университета.

Къ г-ну ректору университета.

Славный г-нъ Шлецеръ, отецъ, изъ Геттингена, принося благодарность за пожалованіе орденомъ въ письмѣ своемъ къ графу Петру Васильевичу, показываетъ желаніе соучаствовать съ учеными Россійскими въ критическомъ изданіи нашихъ древнихъ лѣтописей. Г. министръ имѣлъ счастье докладывать Государю Императору по предмету сего желанія: и Его Величеству угодно было собрать свѣдѣнія, не составится ли при нашихъ ученыхъ сословіяхъ какого-либо Общества для произведенія въ дѣйство сего полезнаго предпріятія. Графъ Петръ Васильевичъ препоручилъ мнѣ отнестись предпочтительно къ Московскому университету, дабы онъ, уваживъ все обстоятельства, способы и пространство труда, представилъ начертаніе о составленіи, подъ покровительствомъ своимъ, особеннаго Общества изъ ученыхъ въ Россійской древней Исторіи свѣдущихъ, которое могло бы пригласить въ содѣйствіе и г. Шлецера, сколько по отсутствію своему можетъ онъ опытностію своею способствовать.

(Изъ «Записокъ къ словарию историческому о Русскихъ писателяхъ» митрополита Евгенія, хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ).

V. Отъ общаго собранія профессоровъ Императорскаго Московскаго университета.

Его превосходительству, г-ну дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Николаю Николаевичу Бантышу-Каменскому.

Императорскій Московскій университетъ имѣлъ счастье получить отъ его сіятельства г-на министра народнаго просвѣщенія, чрезъ своего г-на попечителя, препорученіе, въ коемъ изображено Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе о учрежденіи *Общества* изъ Русскихъ ученыхъ людей *для критическаго изданія древнихъ Россійскихъ мѣтописей*. Университетъ, согласуясь съ мнѣніемъ г-на попечителя, избравъ въ предсѣдатели сего Общества ректора своего, и нѣсколькихъ гг. профессоровъ дѣйствительными членами для вѣрныхъ и дѣятельныхъ успѣховъ въ толь важномъ и общепольномъ предпріятіи призналъ за необходимость пригласить въ *почетные онаго члены* мужей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ отечественной древней исторіи. Почему, вамъ, милостивый государь, не токмо, яко любий телю отечественной исторіи, но яко и по службѣ вашей опытному въ познаніяхъ Россійскихъ древностей, университетъ имѣетъ честь предложить титуло почетнаго члена Общества Россійской Исторіи и Древностей. И какъ таковое новоучреждаемое Общество сего марта 18 дня, то-есть въ пятницу въ 5 часовъ пополудни, будетъ имѣть первое свое совѣтовательное засѣданіе въ зимней университетской аудиторіи: то оно симъ почтеннѣйше проситъ васъ и приглашаетъ принять въ оноу о *предварительныхъ мѣрахъ Общества* свое соучастіе. О чемъ извѣстия ваше превосходительство, университетъ ласкается пріятною надеждою имѣть въ васъ *дѣятельнаго споспѣшествователя* въ предприемлемыхъ трудахъ, угодныхъ Его Величеству, Государю Императору нашему, сему единственному въ подсолнечной покровителю наукъ и высокому распространителю народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Харитонъ Чеботаревъ.

P. S. При семъ прилагается копія съ отношенія его превосходительства г. попечителя къ г. ректору университета.

(Изъ «Записокъ» къ «Словарю историческому о Русскихъ писателяхъ» митрополита Евгенія, хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ).

VI. Журналъ перваго засѣданія Общества, происходившаго 18 марта 1804 г.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества изволенію, г. министръ народнаго просвѣщенія, его сіятельство, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, препоручилъ г. попечителю, его превосходительству Михайлѣ Никитичу Муравьеву, дабы при Московскомъ университетѣ было открыто *ученое общество для критическаго изданія Россійскихъ лѣтописей*. Вслѣдствіе сего, по собраніи въ совѣтовательное засѣданіе подъ предѣдательствомъ г. ректора университета Харитона Андреевича Чеботарева, гг. членовъ почетныхъ, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина и Николая Михайловича Карамзина, и ординарныхъ, а именно: гг. профессоровъ Страхова, Сохацкаго, Сибгирева и Черепанова, сего марта 18 дня 1804 года, положено сдѣлать слѣдующее начертаніе:

1) Ученому собранію сему носить наименованіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и дабы состоять ему на прочномъ и надежномъ основаніи, то представить его сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія, объ исходатайствованіи сему Обществу Высочайшаго утвержденія и покровительства.

2) Цѣль Общества есть критическое, то-есть всевозможно точное и исправное изданіе Россійскихъ лѣтописей, съ приобщеніемъ необходимыхъ замѣчаній, дабы все сіе служить могло вѣрнымъ источникомъ и матерією къ сочиненію подлинной Россійской исторіи.

3) Для достиженія сей цѣли потребно собрать все самыя древнія и подлинныя рукописи. Почему и доложить г. министру народнаго просвѣщенія яко высокому предстателю сего Общества, дабы благоволилъ онъ исходатайствовать именное Монаршее повелѣніе о выдачѣ сему Обществу таковыхъ рукописей, какъ изъ архива Иностранныхъ дѣлъ, такъ изъ Синодальной библиотеки, а если возможно и изъ монастырей, гдѣ токмо оныя находятся въ подлинникахъ; въ особенности жъ о доставленіи изъ Петербургской Академіи Наукъ настоящаго Несторова лѣтописца, подъ именемъ Кенигсбергскаго списка. Притомъ просить частныхъ особъ, а паче всего избранныхъ гг. почетныхъ членовъ, отличныхъ любителей отечественной исторіи, о снабженіи Общества толь вождедѣнными драгоценностями; и испро-

есть у г. министра позволеніе публиковать особливимъ листомъ при «Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы частные люди изъ патриотическаго уваженія къ пользѣ общей, и къ благодарности потомства, не отреклись присылать хранимыя у нихъ въ семь родѣ рѣдкости и достопамятныя преданія и замѣчанія. Всѣ сіи публично и частно доставленныя рукописи имѣютъ быть возвращены въ цѣлости съ совершенною благодарностію.

4) Лѣтописецъ Нестеровъ яко отца всѣхъ Россійскихъ лѣтописей и исторіи, назначается первой къ изданію, принявъ въ помощь критическія замѣчанія славнаго историка г. Шлецера, почетнаго члена сего Общества, а особливо собравъ и сравнивъ самыя древнія и вѣрныя рукописи. Предпріятіе сіе учреждается такимъ порядкомъ, чтобы взявъ за основаніе древнѣйшій изъ всѣхъ манускриптовъ, какъ ближайшій къ подлиннику, и менѣе другихъ испорченный писцами, отпечатывать по листу въ Университетской типографіи на половинѣ страницы рѣдкими строками, и посылать поочередно гг. членамъ вмѣстѣ со всѣми такими лѣтописцами для сравненія и критическихъ примѣчаній. На сіе полагается двѣ недѣли съ отпечатанія каждаго листа. Послѣ чего должно быть Обществу въ назначенный день засѣданію, гдѣ, по разсмотрѣніи всѣхъ поправокъ и примѣчаній, утверждается по всѣхъ суду самый лучший и вѣрнѣйшій текстъ, съ необходимыми выносками разностей въ чтеніи, нѣкоторыхъ объясненій и прочее. И тогда уже отдается такой выправленный листъ для надлежащаго напечатанія подъ общею корректурою членовъ со всевозможною точностію. Ибо хотя и есть Нестеровъ лѣтописецъ печатный, но первыя страницы показываютъ, что онъ исполненъ погрѣшностей¹.

5) Для большой же полноты, обстоятельности и ясности поручено будетъ гг. членамъ искуснымъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, отыскать и перевести всѣ мѣста, касающіяся до Славенскихъ народовъ у древнихъ историковъ, начиная съ Геродота до самыхъ Византійскихъ писателей, какъ-то: Кедрина и прочихъ, равно какъ и у Римскихъ историковъ. Сіе составитъ нѣкоторый родъ весьма полезнаго и занимательнаго вступленія въ Нестеровъ лѣтописецъ, особливо касательно до космографіи и древности.

(Изъ «Записокъ къ Словарю Историческому о Русскихъ писате-

¹ Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ объявилъ, что онъ изъ любопытства подлинный списокъ съ печатнымъ сводилъ и нашелъ, что не токмо находятся ошибки, но и пропуски; для чего напечатанный и не советуется принять за основаніа.

ихъ» митрополита Евгенія, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

VII. Письмо полочителя Московскаго учебнаго округа къ министру народнаго просвѣщенія.

Милостивый государь

Графъ Петръ Васильевич!

Московскій Императорскій университетъ, принявъ съ глубокимъ чувствомъ признательности милостивое вашего сіятельства препорученіе привести въ исполненіе Высочайшую Его Императорскаго Величества волю, касательно критическаго изслѣдованія и изданія Россійскихъ лѣтописей, по предложенію славнаго Шлецера, приступилъ неукоснительно къ сочиненію начертанія предполагаемыхъ трудовъ своихъ. Ректоръ университета, въ качествѣ предсѣдателя Историческаго Общества, прислалъ ко мнѣ дневную записку перваго собранія сего Общества, которую поставилъ я долгомъ своимъ представить вашему сіятельству въ подлинникѣ, испрашивая милостивое вниманіе ваше на сіе рождающееся Общество и подтверпляя просьбу онаго, о доставленіи отъ Императорской Академіи Наукъ и Государственнаго Архива Иностранныхъ дѣлъ нужныхъ свѣдѣній и рукописей.

Имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства,

всенекорнѣйшій слуга

Михайло Муравьевъ.

№ 120:

Апрѣля 6 дня
1804.

Его Сіятельству

Гр. П. В. Завадовскому.

Резолюція министра:

«Докладывано 9 апрѣля. Государь Императоръ указалъ отнестись къ свѣтскимъ и духовнымъ мѣстамъ, чтобъ лѣтописи и рукописи въ оригиналъ были выдаваемы».

VIII. Перечень дневной записки учреждаемаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, по Высочайшему повелѣнію, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія о составленіи изъ Россійскихъ ученыхъ Общества для критическаго изданія древнихъ Русскихъ лѣтописей, изображеннаго въ письмѣ его превосходительства г. попечителя къ ректору университета, по приглашеніи ординарныхъ и почетныхъ членовъ новоучреждаемаго таковаго Общества, въ совѣтовательныхъ засѣданіяхъ онаго положено слѣдующее:

I. Согласно предварительному отзыву его превосходительства г. попечителя объявлены сего Общества предсѣдателемъ ректоръ Императорскаго Московскаго Университета, дѣйствительными или ординарными членами университетскіе профессора: Страховъ, Геймъ, Сохацкій, Снегиревъ, Черепановъ и адъюнктъ Гавриловъ; почетными членами: Геттингскій профессоръ Шлецеръ, яко опытнѣйшій въ семь родѣ учености, его сіятельство графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, его превосходительство Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, его высокорядіе Алексѣй Ѳеодоровичъ Малиновскій, исторіографъ Его Императорскаго Величества и почетный членъ университета Николай Михайловичъ Карамзинъ; секретаремъ Общества избранъ университетскій профессоръ Сохацкій.

II. Потомъ приступлено къ начертанію сего Общества и единогласно опредѣлено:

1) Обществу сему именоваться Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и подъ Высочайшимъ покровительствомъ присоединену быть къ Императорскому Московскому университету; имѣть ему однакожь особую свою печать.

2) Главный трудъ, которымъ члены сего Общества преимущественно займутся по Высочайшему назначенію, состоять будетъ въ критическомъ, т.-е. всевозможно вѣрномъ и исправномъ изданіи оригинальныхъ древнихъ Русскихъ лѣтописей съ приобщеніемъ къ нимъ самонужнѣйшихъ замѣчаній, дабы то и другое могло служить основаніемъ въ сочиненіи подлинной исторіи нашего отечества.

3) Но чтобъ, сообразно Высочайшему Его Величества соизволенію, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе возможно было приступить къ исполненію такъ важнаго и полезнаго предпріятія, то Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ преданійше снѣ просить Его Сіятельство г. Министра Народнаго Просвѣщенія, яко своего высокаго предстателя, исходатайствовать именное повелѣніе Его Императорскаго Величества о доставленія сему Обществу, по его требованіямъ, оригинальныхъ русскихъ лѣтописей и хронографовъ, хранящихся частію въ Государственномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и С.-Петербургской Академіи Наукъ, частію въ Патриаршей и Типографской Синодальной бібліотекахъ, въ Троицкой Лаврѣ и другихъ монастыряхъ. Скорѣйшее жъ и удобнѣйшее на первый случай средство къ дѣятельному началію работъ Историческому сему Обществу могло бы доставлено быть, если бы благоволилъ Его Сіятельство Графъ Петръ Васильевичъ отъ Академіи Наукъ истребовать, какия въ оной бібліотекѣ сего оригинальныя, древнія русскія лѣтописи и въ особенности Несторову, повѣстную подъ именемъ Кенигсбергскаго списка, который хотя упръ и напечатанъ, но почетный членъ Общества Графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ въ составительномъ засѣданіи оного объявилъ, что самъ онъ изъ любопытства подлинный списокъ сводилъ съ печатнаго экземпляра, и нашелъ въ ономъ не только много ошибокъ, но и большія пропуски; и потому не соотвѣтуетъ утвердительно полагаться на печатную Несторову лѣтопись, но просить о доставленіи письменнаго подлиннаго Кенигсбергскаго оригинала.

4) Если предстательствомъ Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, по повелѣнію Государя Императора, доставлено будетъ упръ Обществу изъ мѣстъ, гдѣ хранятся, оригинальныя древнія русскія лѣтописи; то оно къ исполненію Высочайшей воли Его Императорскаго Величества полагаетъ себѣ слѣдующій планъ:

а) Съ доставленныхъ старинныхъ рукописей для сокращенія ихъ въ цѣлости списать точные списки и оныя въ правописаніи и препечатаніяхъ свѣрить въ открытыхъ засѣданіяхъ Общества, дабы годовые списки во всемъ сходны были съ оригиналами, которые по требованію ихъ возвращены быть имѣютъ въ свои мѣста, откуда взяты.

б) По заготовленіи такихъ списковъ къ лучшимъ лѣтописцамъ приступить къ изданію ихъ самихъ такимъ образомъ, напримѣръ:

А. Взять за основаніе свѣрую копию съ Кенигсбергскаго списка, и съ нее набрать печатный листъ, въ половину съ большими полями

и тиснуть столько экземпляровъ, сколько будетъ членовъ Историческаго Общества.

Б. Таковыя печатныя листы разсылать ко всѣмъ членамъ Общества одному послѣ другаго съ конями всѣхъ лѣтописей, для сличенія, дополненія и дѣланія каждымъ своихъ замѣчаній.

В. Когда всѣмъ членамъ печатный листъ будетъ выправленъ, сличенъ съ другими лѣтописями, дополненъ и нужными замѣчаніями снабденъ и утвержденъ, тогда Предсѣдателемъ Общества чрезъ Секретаря оного приглашаются всѣ члены въ общее засѣданіе для снесенія и сличенія трудовъ каждаго и для постановленія общими мнѣніемъ вѣрности историческаго текста и важности сдѣланныхъ замѣчаній.

Г. По утѣшеніи сего замѣчанія всѣхъ членовъ съ списками лѣтописей отдаютъ избранному редактору или издателю трудовъ Историческаго Общества, котораго долгъ есть всѣ замѣчанія привести въ порядокъ и изъ всѣхъ лѣтописей составить одну возможно вѣрный и полный текстъ общій русской лѣтописи.

Д. Редакторъ или издатель, придерживаясь сообщенныхъ ему замѣчаній всѣхъ членовъ, выработавъ лѣтописную матерію со всевозможною вѣрностью, представляетъ оную на разсмотрѣніе всего Общества, по утвержденіи которой предается уже она тишенію за подписаниемъ редактора, издателя и предсѣдателя Общества.

5) Исторіи народовъ, жившихъ въ отдаленной древности въ земляхъ, принадлежащихъ нынѣ къ обширной Россійской Имперіи, собственно хотя и не принадлежать къ исторіи Россіи, которыя даже имя не было извѣстно до второй половины IX в. по Р. Хр. однакожъ, въ удовлетвореніе любознательныхъ, членамъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, знающимъ Греческой и Латинской языки, можно поручить переводъ сихъ мѣстъ изъ древнихъ и современныхъ писателей, въ которыхъ упоминается объ оныхъ, естъ источникъ, т.-е. древніе тѣ писатели, начиная съ Геродота, со всѣми Греческими, Римскими и Славянскими писателями доставлены будутъ ему Обществу.

Университета ректоръ *Харитонъ Чеботаревъ*, назначенный предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Русскихъ.

Примечаніе. Изъ этой древней записки былъ извлеченъ, въ видѣ образца, драгоцѣнный листъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ».

IX. Библиографическая записка о книгѣ «Выпись хронологическая изъ Исторіи Русской».

Первое библиографическое извѣстіе о книгѣ «Выпись хронологическая изъ исторіи Русской», напечатано было въ «*Отечественныхъ Запискахъ*», изд. Павломъ Свиннымъ ч. XLII, № 120 за апрѣль 1830 г., въ Смѣси, стр. 131—141, гдѣ было сказано: «При изслѣдованіи объ изданіи сей книги, недавно лишь показавшейся въ свѣтъ и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ въ описанномъ здѣсь видѣ, а до того едва ли кому извѣстной (кромѣ 2 экз., хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ, и 1 экз. въ собраніи рѣдкихъ книгъ А. Ѳ. Смирдина), не можно было получить обстоятельныхъ свѣдѣній; по соображеніи же оной съ извѣстными всякому любителю отечественныхъ дѣланій, *Записками касательно Россійской Исторіи*, сперва напечатанными въ «*Собесѣдникъ Россійскаго Слова*», въ Спб. 1783—84 г. 8 д. л. и потомъ особенно Спб. 1793—1801 г. подъ тѣмъ же заглавіемъ, нѣтъ сомнѣнія, что это одно и то же сочиненіе Императрицы Екатерины Великой. Оно также издано и на Нѣмецкомъ языкѣ, въ библиотекѣ для Великихъ Князей Александра и Константина (Bibliothek der Grossfürsten Alexander und Konstantin) Берлинъ 1784—1786, 7 книгъ, 12 д. л. и помѣщено въ послѣднихъ четырехъ книжкахъ сего изданія. Здѣсь сіи записки доведены: съ 682 до 1157 (Георгій II) и также, какъ въ обояхъ Русскихъ изданіяхъ напечатаны не въ видѣ таблицъ, очевидно потому, что не позволялъ форматъ въ 8 и 12 д. листа. Причину выгоднѣйшаго *описываемаго* теперь изданія въ 4 д. листа съ представленіемъ событій въ графахъ, равно какъ и обстоятельства *составленія* такихъ *таблицъ*, можно усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ весьма любопытной статьи: Высочайше утвержденный докладъ 1783 года, декабря въ 4 день... Книгу сію: *Выпись хронологическую изъ исторіи Русской*, съ Атласомъ, заключающимъ сорокъ историческихъ изображеній и портретовъ на хорошей бум., въ 2 цапкахъ переплетенныхъ, получить можно по 36 руб. въ небольшой книжной лавкѣ подъ № 6, состоящей по Садовой и Гороховой улицамъ въ угловомъ домѣ г. Поплевина, отъ собирателя библиографическихъ рѣдкостей, книгопродавца *Ивана Ильина*. Иногда особы, съ требованіями своими адресуясь прямо на его имя, получаютъ оную чрезъ почту за ту же цѣну». Самая книга описана вкратцѣ въ томъ же извѣстии помѣщенномъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*». Любопытно, что по этому извѣстію, для «*Выписи*» изго-

товлено было до сорока гравированныхъ изображеній, исполненныхъ Макаровымъ и Харитоновымъ; но въ самой книгѣ оставлено для нихъ только 16 пробѣловъ; остальные же изображенія предназначались для продолженія «Выписи» и доведены до Іоанна Калиты. «Оттиски свѣтъ изображеній, говорилось въ «Отечественныхъ Запискахъ», могутъ доставить и особую тетрадь или папку, если кто пожелаетъ оныя изображенія и портреты имѣть въ видѣ Атласа, одной съ книгой величины или формата въ 4-ю же долю листа».—Второе извѣстіе объ этой книгѣ помѣщено въ «Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности Имп. Акад. Наукъ», т. I (Слб. 1867), стр. III, IX—XI. Это извѣстіе есть не что иное, какъ записка С. Руссова, вклеенная въ экземпляръ «Выписи», представленный имъ 27 ноября 1837 года Академіи Наукъ. Но эта записка есть лишь дословное повтореніе вышепомянутаго указа Екатерины II съ отнесеніемъ его къ 14 декабря 1783 г. вмѣсто 4 дек., какъ правильнѣе обозначено въ «Полн. Собр. Росс. Зак.», а также и въ «Отеч. Зап.», сообщеніе которыхъ до сихъ поръ не потеряло своего библиографическаго значенія, ибо въ немъ перечисляются изображенія, не существующія въ извѣстныхъ нынѣ экземплярахъ этой книги. Экземпляръ ея, находящійся въ Москвѣ въ Румянцевскомъ Музее, ихъ не имѣетъ. Судя по этому экземпляру «Выпись» печаталась «въ видѣ манускрипта», въ большую четвертку, безъ обозначенія года и мѣста изданія, и печатаніе ея было прервано на 224 страницѣ. Большая часть книги представляетъ видъ разграфленныхъ таблицъ, по числу удѣльныхъ княжествъ, съ помѣщеніемъ въ эти графы (иногда до 22) соответственныхъ событій, и въ послѣдней графѣ поименованы тогдашніе владѣтели: въ Византіи, Германіи, Польшѣ, Богеміи, Саксоніи, Шфальцѣ, Бранденбургѣ, Баваріи, Брауншвейгѣ, Венгріи, Даніи, Франціи, Англіи, Шотландіи, Испаніи, Тосканіи, Аравіи, Египтѣ, Иноніи, Алеппѣ и Дамаскѣ, четырехъ вселенскихъ патріарховъ, Римскихъ папъ, и Кіевскихъ митрополитовъ. Достоинство «Выписи» неодинаково. Въ началѣ ея замѣчается наклонность къ баснословнымъ извѣстіямъ. Она начинается словами (стр. 3): «По нашествію Славянъ на Русь счисляють четырнадцать колѣнъ рода славянскихъ князей, владѣвшихъ въ Сѣверѣ до князя Гостомысла, сына Буриvoja Новоградскаго. Гостомысль имѣлъ четыре сына и три дочери» и т. д. О второмъ князѣ Олегѣ сказано подъ 879 годомъ (стр. 6): «Объезжая области Русскія, заложилъ малый градъ, назва его Мосива». Ольга названа княжною Выборгскою, правнукою Гостомысла отъ старшей его дочери (стр. 9). Послѣ пробѣловъ, предназначавшихся для изображеній, большою ча-

слив помѣщены описанія физическихъ и нравственныхъ качествъ кнзевъ, — описанія довольно рѣшительнаго и смѣлаго характера. Но потому этотъ баснословный отбѣнокъ исчезаетъ и особенно въ извѣстнѣхъ о югозападной Руси замѣчается знакомство съ исторіей Польши, Венгріи, Чехіи и Германіи. Ясно, что раздѣльныя страницы «Выписи» составлены были разными лицами. Авторъ статьи, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1830 года, предполагаетъ между этими лицами профессоровъ А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева. О трудѣ Барсова можно судить по рукописи его «Сводъ бытій Россійскихъ», напечатанный послѣ его смерти Карамзинымъ въ VII части «Московскаго Журнала» (1792), стр. 344—316.

Х. Объявленіе о конкурсѣ на задачу, предложенную Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1805 году, и о послѣдствіяхъ его.

Совѣтъ Московскаго Императорскаго университета, по пренорученію отъ соединеннаго съ нимъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 1805 году іюня 3 дня объявилъ чрезъ публичныя вѣдомости слѣдующую задачу и предложилъ ее на разрѣшеніе историкамъ:

«Несторъ, лѣтописецъ, говоритъ, что Славяне, населявшіе Россію, пришли съ береговъ Дуная изъ Болгаріи и земли Угорской, будучи вытѣснены оттуда Волохами.—То рѣшить: 1) когда по всѣмъ вѣроятностямъ могло случиться сіе переселеніе? 2) и кого Несторъ называетъ Волохами, Римлянъ ли, Лангобардовъ, Болгаръ или дѣйствительныхъ Волоховъ?»

За лучшее и основательнѣйшее рѣшеніе сей задачи Императорскій университетъ опредѣлялъ въ награжденіе 250 рублей, да сверхъ того Императорскій Россійскій историографъ Н. М. Карамзинъ 150 р.; итого 400 рублей, или золотую медаль во 100 червонныхъ.

Съ того времени поступило четыре сочиненія касательно вышеупомянутой задачи: 1) на латинскомъ языкѣ съ изреченіемъ: *Plurimum ad inveniendum contulit, qui speravit posse reperiri, Seneca Q. N. IV, 5*; 2) на нѣмецкомъ языкѣ съ изреченіемъ: *Ne scire malo, quam commenta credere*; 3) на нѣмецкомъ же языкѣ съ словами: *Безъ девиза*; 4) на французскомъ языкѣ съ изреченіемъ: *Sarmates ancêtres des Slavons*.

Сочинитель № 1 думаетъ, что Несторъ подъ Волохами разумѣлъ Римлянъ, которые въ царствованіе Траяна около 102 года по Р. Х.,

или нѣсколько спустя, выгнали Славянъ изъ древней Дакіи, въ послѣдствіи времени Валахією названной. Сіе мнѣніе основывается онъ преимущественно на томъ, что Римляне, или жители Италіи уже въ древности, а еще употребительнѣе въ новѣйшія времена назывались *Волохами*, *Валхами* (*Walsche*). Имя же сіе производятъ онъ отъ Славянъ, которые сосѣдственныхъ имъ Римлянъ называли *Волохами* (пастырями), такъ какъ и названіе Италіи, по извѣстному словопроизводству Фарра, произошло отъ скотоводства (*italus, vitulus*).

Сочинитель самъ признается, что онъ не имѣлъ лѣтописи Несторовой; а изъ сочиненія его видно, что ему не доставало необходимыхъ ученыхъ пособій для изслѣдованія предложенной задачи; почему и нельзя ожидать отъ него удовлетворительнаго рѣшенія. Его мнѣніе опровергается слѣдующими неоспоримыми доводами:

1) Нестору были извѣстны *Римляне* подъ знаменитымъ своимъ именемъ; при исчисленіи народовъ онъ называетъ ихъ во многихъ мѣстахъ потомками Іафета. Еслибы онъ приписывалъ Римлянамъ прогнаніе Славянъ съ береговъ Дуная во времена Траяновы, то назвалъ бы ихъ не *Волохами*, а *Римлянами*.

2) Сочинитель объяснилъ несправедливо названіе *Валховъ*, если только подъ нимъ разумѣются Италіяны. Германцы первые дали сіе имя гальскимъ народамъ, которыхъ они нашли въ Галліи и Верхней Италіи; отъ сего произошло названіе Валлійской провинціи въ Англіи (*Wales, Galles*); первоначальные жители ея не имѣли ничего общаго съ Римлянами. Въ послѣдствіи времени названіе *Валхи* получило у Германцевъ почти такое же употребительное и неопредѣленное значеніе, какое прежде всего у Татаръ, Россіянъ и Византійцевъ имѣло названіе *Налмы*. Сіимъ именемъ вообще называли они людей, говорившихъ на иностранномъ, для нихъ невразумительномъ языкѣ, но преимущественно Италіянцевъ, съ того времени, какъ императоры изъ дома Саксонскаго начали ѣздить въ Римъ для коронованія. Несправедливо также и то, что въ старину Италія называлась *Волохией*, ибо Грамматикъ Юлій Помпоній Сабинъ, на котораго сочинитель ссылается, жилъ въ XV столѣтіи. *Валховъ*, которыхъ Германцы такъ называютъ, отнюдь не должно смѣшивать съ *Влахуръ*, *Влахами*, встрѣчающимися у новѣйшихъ византійскихъ писателей, *Луна* и *Анны Комнинной*. Послѣдніе не составляли особеннаго народа, но изъ разныхъ народовъ собранную толпу; они не далеко отъ Болгаріи вели кочевую жизнь, несмотря на то, что по большей части состояли изъ потомковъ Римлянъ, коихъ предки или поселились въ Сѣверной Дакіи, по отреченіи

императора Аврелиана отъ сей провинціи, или пришли во время раннихъ набѣговъ на сію землю, почему нынѣшніе *Влахи* называются *Румуніями*; да и въ языкѣ ихъ много находится латиноскихъ словъ. Однакожъ совершенно справедливо то, что сіи *Влахи* сдѣлались весьма знаменитымъ народомъ, были союзниками то Болгаровъ, то Грековъ, и дали имя нынѣшней *Валахи*. Итакъ, если положимъ, что имя Волоховъ происходитъ отъ славянскаго языка и означаетъ пастырей: то изъ сего нельзя еще заключить, что Несторъ подъ Волохами всегда разумѣлъ Влаховъ, а еще менѣе Валховъ (Римлянъ). Онъ зналъ современныхъ ему Влаховъ по сосѣдству: Валхи также были ему извѣстны, ибо онъ упоминаетъ объ нихъ подъ именемъ Волоховъ между народами югозападной Европы; однакожъ не менѣе того сомнительно разумѣть ли онъ подъ Волохами, прогнавшими Славянъ съ береговъ Дуная, Валховъ или дѣйствительныхъ Влаховъ, или почитаетъ обоихъ за одинъ и тотъ же народъ? Сіе недоумѣніе предпочтительно надо бы разрѣшить, но сочинитель де него даже и не касался; ибо предполагать, что дѣйствительные Влахи не могли выгнать Славянъ изъ восточной области около рѣки Дуная находившейся, значитъ дѣлать очень смѣлая предположеніе.

3) Древніе Даки, которыхъ Траянъ почти всѣхъ истребилъ, были народъ Фракійскій, слѣдовательно не объ нихъ шла рѣчь и что Языги (есть ли они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Славянскій народъ) не могутъ быть тѣми Славянами, коихъ прогнали Римляне, это очевидно изъ того, что они были союзниками Траяна, начавшаго для нихъ вторую разрушительную войну противъ Децебала.

Сочинитель разсужденія подъ № 2 почитаетъ подъ *Валлами*, Несторомъ упомянутыми, *Ламбардами* (прежде сего Валлами назывались), которые около 568 г. по Р. Х. основали великое царство и выгнали Славянъ изъ ихъ жилищъ. Однако онъ и самъ колеблется въ семъ мнѣніи и съ критическою проникательностію Шлецера ссылается на недостаточныя свѣдѣнія Нестора въ исторіи прежнихъ временъ, особливо земель иностранныхъ. Наконецъ онъ сомнѣвается въ пользѣ задачи, самимъ Шлецеромъ показанной, и которая неоспорима потому, что переселенія Славянъ съ береговъ Дуная въ Россію столь же нельзя отвергнуть, сколько и утверждать, что невозможно объяснить сего происшествія. Но противъ мнѣнія сочинителя справедливо можно сказать: 1) по причинѣ двусмысленности въ имени Волоховъ, которое на славянскомъ языкѣ означаетъ Валховъ или Влаховъ, весьма сомнительно, чтобы Несторъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Валховъ на-

зываетъ Волохами, точно разумѣлъ Лангобардовъ; но даже и принявъ сіе за истину, хотя еще ни мало не доказанную, нельзя заключить, чтобы онъ тамъ, гдѣ упоминаетъ о прогнаніи Славянъ съ береговъ Дуная Волохами, разумѣлъ Лангобардовъ. Не удовлетворительны также возраженія сочинителя въ противъ однознаменательности Волоховъ Несторовыхъ съ дѣйствительными Влахами или Болгарами; 2) по свидѣтельству Нестора, Петерб. изд., стр. 207, Волохи, по изгнаніи Славянъ изъ Венгріи, владѣли сею землею до тѣхъ поръ пока не были прогнаны Маджарами, въ концѣ IX столѣтія. Въ это время Лангобарды уже не имѣли тамъ жительства и царство ихъ уничтожилось.

Сочинитель разсужденія № 3 соглашается въ главныхъ пунктахъ съ Тунмашомъ, Гаттераромъ, а именно, что Волохи Нестора суть Болгары и что революція, въ половинѣ VII столѣтія Кувратомъ произведенная, была поводомъ къ переселенію Славянъ изъ восточной области, при рѣкѣ Дунай находящейся. Сіе рѣшеніе не ново, но авторъ старался доказать свое мнѣніе новыми образамъ, и сіе означеніе вообще отличается историческимъ трудомъ, короннымъ расчлененіемъ, ясными изобразеніями и особенными измѣненіями драматическими на древнюю Сѣверную исторію. Несторъ упоминаетъ (см. 6. 10 Петерб. изд., гл. IV, с. д., гл. X, Гет. изд.), о двухъ изгнаніяхъ Славянъ съ береговъ Дуная. Въ первомъ относитъ его къ Волохамъ, во второмъ мѣстѣ къ Болгарамъ. Сочинитель соединяетъ оба сіи мѣста и находящееся между оными почитаетъ вставкою, подобною тѣмъ, которыя очень часто встрѣчаются у древнихъ летописцевъ, и доказываетъ, будто Несторъ хотѣлъ во второмъ мѣстѣ повторить сказанное въ первомъ, дабы связать нить повѣствованія, но вмѣсто имени Волоховъ употребилъ только имя Болгаровъ, потому что тогда оба сіи названія дано и у Византійцевъ означаютъ одинъ и тотъ же народъ.

На 1) Византійскіе писатели производятъ Болгаръ отъ Гунновъ, а Влаховъ отъ Италянцевъ (Stritter, Mem. pop. ad Danub. T. II, p. 441. 893), слѣдовательно и не почитали ихъ за одинъ народъ. Правда, что Никита Хоніатъ (1216) и другіе новѣйшіе Византійцы подъ общимъ названіемъ Влаховъ иногда разумѣли Болгаровъ; но сіе произошло единственно отъ того, что въ ихъ время жило много Влаховъ въ Болгаріи, и они въ военное время соединялись съ Болгарами, умолчавъ о томъ, что и Никита Хоніатъ различаетъ въ иныхъ мѣстахъ однихъ отъ другихъ (Stritter, t. II, p. 674). 2) Въ обоихъ вышеупомянутыхъ мѣстахъ Нестора, касательно переселенія Славянъ съ береговъ Дуная, говоритъ онъ, по точному и ясному смыслу словъ, о

двухъ происшествiяхъ, а не объ одномъ и томъ же, какъ сочинитель изъясняетъ. Славяне, по словамъ Нестора, жили прежде сего въ Венгрии и Болгарiи (ст. 6 Петерб. изд.). Изъ первой земли они были выгнаны Волохами (первое происшествiе, которое принадлежитъ къ первому мѣсту). Потомъ Болгары овладѣли такъ-называемою ими Болгарiею и также тѣснили здѣсь Славянъ—(второе происшествiе, принадлежащее ко второму мѣсту).—Слова Нестора въ другомъ мѣстѣ: *quo ante рикотома*, не относятся къ имени народа, вытѣснившаго Славянъ (какъ сочинитель толкуетъ въ противность разстановки словъ), но къ прежнему жилищу Славянъ, на берегахъ Дуная находившемуся, о которомъ Несторъ опредѣлительно говоритъ въ первомъ мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ было бы рѣдко и удивительно то, что Несторъ, говоря объ одномъ и томъ же народѣ въ двухъ мѣстахъ, между собою довольно близкихъ, перемѣнилъ названiе народа. Наконецъ 3) весьма несообразно кажется съ историческимъ правдоподобiемъ, чтобы Славяне въ половинѣ VII столѣтiя пришли въ Россiю—Славяне, которые въ началѣ IX столѣтiя далеко распространились въ оной и имѣли свои столицы: Новгородъ и Кiевъ. Они, по словамъ Юрнанда, въ срединѣ IV столѣтiя уже составляли на сѣверѣ многочисленный народъ, подвластный Ерманриху, королю Готескому.

Сочинитель разсужденiя подъ № 4 беретъ за основанiе одно мѣсто изъ *Аммiana Марцеллина* и ограничивается объясненiемъ онаго. Тамъ повѣствуется слѣдующее. Въ срединѣ IV столѣтiя у Языговъ возстали рабы на господъ своихъ. Послѣднiе въ числѣ почти 300,000 человекъ ушли къ Императору Константину; онъ принялъ ихъ въ свою армию и отчасти назначилъ имъ землю во Фракии, Македонiи и Эпирѣ. Но какъ сiя вбунтовавшiеся рабы вскорѣ потомъ начали опустошать Римския области, то Константинъ, обративъ противу нихъ свое оружiе, великое множество оныхъ побилъ, потомъ даровалъ имъ пощаду и миръ, и только на томъ условiи, чтобы они, по словамъ Аммиана, *in regiones longe discretas abirent*. Потомъ сочинитель изъ сего мѣста Аммианова выводитъ слѣдствiя: 1) что Языгитскiе рабы подали поводъ къ названiю народа *Slavi, Slavoni*; 2) что прогнанiе оныхъ на отдаленнѣйшия страны есть прогнанiе Славянъ съ береговъ Дуная, Несторомъ упомянутое; 3) что войдъ Волохами должно разумѣть Римскую армию, во времена императора Константина, изъ Валховъ состоявшую. На мнѣнiя же другихъ историковъ, касательно предложенной задачи, онъ не разсудилъ за благо обратить свое вниманiе.

Не трудно понять, какъ Аммианомъ разсказываемое происшествiе (въ другомъ отношенiи конечно примѣчанiя достойное) могло завлечь

сочинителя къ симъ догадкамъ; онъ даже отважился нынѣшнее древнее руссiйское и польское дворянство въ разсужденiи сего происхожденiя утѣшать философически. Но сiи догадки совсѣмъ не основаны на исторiи, какъ то усмотритъ всякiй, которому извѣстны Юрнандъ и исторiи о населенiи Славянами Россiи и Польши (даже у Нестора). Название *Славусъ* есть новое слово въ латинскомъ языкѣ (*De Sange, Glossar ad script. med. lat.*); откуда происходитъ название *Sclabeni, Solavini* еще не объяснено; а принадлежать ли Языги къ славянскому племени, это подвержено великому сомнѣнiю.

Изъ вышешисаннаго видѣть можно, что някто изъ сочинителей на предложенную задачу не далъ такого отвѣта, который былъ бы согласенъ съ историческою истиною. Но какъ сочинитель разсужденiя № 3 по оказаннымъ въ ономъ историческимъ талантамъ и по ученой своей проницательсти и любви къ Россiйской исторiи заслуживаетъ одобренiе, то совѣтъ Московскаго Университета, купно съ Обществомъ Исторiи и Древностей Россiйскихъ въ день торжественнаго собранiя 10 декабря, на которомъ присутствовали Его Сiятельство, Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскiй, попечитель Университета, и нѣкоторые другiе знаменитые почетные члены, опредѣлили дать назначенное награжденiе сочинителю разсужденiя подъ № 3 съ словами: *Безъ деписа.*

Но по открытiи запечатанной записки нашелся сочинителемъ человекъ неожиданный, по личной его связи съ здѣшнимъ Университетомъ:

Христіанъ Шлецеръ.

Сколь ни прiятно было для членовъ Университета, что ихъ почтенный сотоварищъ отличается по части исторической литературы, которая столь многимъ обязана славному отцу его, но притомъ за долгъ поставили они строго сохранить условiе, сопряженное съ каждою задачею, отъ Общества предложенною, что *члены онаго исключаются изъ соровнованiя.* Почему имъ и не осталось болѣе ничего сдѣлать, какъ изъявить Сочинителю ихъ уваженiе и признательность за усердiе и старанiе его объяснить важную и трудную для Россiйской исторiи задачу, его разсужденiе напечатать на счетъ Университета, но отказать ему въ положенномъ награжденiи, потому что его соровнованiе почитается непозволеннымъ по уставу Общества.

Иванъ Геймъ, Ректоръ Московскаго Университета.

(Особое объявленiе къ № 36 «Московскихъ Вѣдомостей» за 1809 годъ, 5-го мая).

XI. Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета

Д о н е с е н і е.

Хотя самому совѣту все, касающееся до существованія Историческаго при Университетѣ Общества и его упражненій извѣстно, однакожь, сообразуясь съ предписаніемъ, даннымъ ему отъ 17 октября сего года, долгомъ считаю представить оному слѣдующее свѣдѣніе на всѣ шесть вопросовъ, а именно:

на 1-й, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, учреждено при Университетѣ 18 марта 1804 года, и по докладу о томъ Министра Просвѣщенія 14 апрѣля тогожь года всемилостивѣйше принято оно подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство.

на 2-й, предметъ трудовъ сего Общества: критическое изданіе русскихъ лѣтописей, и въ особенности Несторовой по Пушкинской и Троицкой самымъ древнимъ харатейнымъ и по Кенигсбергскому списку.

на 3 и 4-й, Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ во все свое бытіе не дѣлало для себя постановленія о срочныхъ засѣданіяхъ, а имѣло оныя по желанію членовъ и по встрѣчавшимся надобностямъ. Последнее же засѣданіе онаго было 4 декабря 1809 года.

на 5-й, предсѣдатель Общества, заслуженный профессоръ Чеботаревъ.

на 6-й, прилагаемые при семъ отпечатанные листы своднаго Нестора суть опытъ засѣданій Историческаго Общества.

Харитенъ Чеботаревъ.

4 Ноября 1810 года.

XII. Его превосходительству г-ну тайному совѣтнику, сенатору, Императорскаго Московскаго университета попечителю и кавалеру Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову.

Отъ Совѣта Императорскаго Московскаго университета

Д о н е с е н і е.

Вслѣдствіе предложенія вашего превосходительства о скорѣйшемъ доставленіи вашему превосходительству свѣдѣнія объ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, Совѣтъ имѣетъ честь донести, что онъ

не могъ до сихъ поръ представить означенныхъ свѣдѣній потому, что Общество на двукратныя его требованія не доставляло ему никакого отвѣта, а какъ сего ноября 9 числа требуемыя свѣдѣнія доставлены, то Совѣтъ не медля честь имѣеть представить ихъ при семъ вашему превосходительству въ копіи.

Иванъ Геймъ.

№ 676.

Ноября 10 дня 1810.

XIII. Письмо попечителя Московскаго университета министру народнаго просвѣщенія.

Сіятеельвѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

По Высочайше возложенному на меня званію попечителя Императорскаго Московскаго университета, обязанъ я былъ имѣть требовать свѣдѣній о всѣхъ существующихъ при университетахъ ученыхъ обществахъ; по троекратномъ требованіи и по четырехмѣсячномъ ожиданіи, получилъ я наконецъ при отношеніи Совѣта отъ 10 сего ноября донесеніе весьма неудовлетворительное объ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, изложенное президентомъ онаго Общества, заслуженнымъ профессоромъ Чеботаревымъ: донесеніе толь краткое, что не могло оно требовать четырехмѣсячнаго времени на сочиненіе онаго. Копію съ отношенія Совѣта и съ онаго донесенія имѣю честь вашему сіятельству представить подъ литерами А и В.¹ Сообразуясь моею должности и особенными вашего сіятельства приказаніями побужденный имѣть попеченіе о содержаніи Обществъ, при университетѣ заведенныхъ, въ степени дѣятельности, соответствующей намѣренію ихъ, за нужное я почелъ обратить при отношеніи моемъ въ Совѣтъ сіе донесеніе, сдѣлавъ на оное мои замѣчанія, и какъ съ сего отношенія, такъ и съ замѣчанія копіи подъ литерами С. и D.² при семъ имѣю честь вашему сіятельству представить. А дабы какъ настоящая Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ недѣятельность, такъ и впредь продолжаться могущая, не могла возлежать на моей отвѣтственности, или, что еще и болѣе, не могла бы быть приписана моему невниманію, за нужное почелъ я, все сіе

¹ См. предшествующіе №№ XI и XII.

² См. слѣдующіе за сими №№ XIV и XV.

представя на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, всепокорнѣйше
вѣтъ просить о предписаніи мнѣ мѣръ, каковыми я въ разсужденіи
сего Общества предпринять долженъ, и снабдить меня хотя краткимъ
на сіе наставленіемъ, въ ожиданіи коего съ глубочайшимъ высоко-
почитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Милостивый государь

вашего сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою

Паволь Г. Кутузовъ.

№ 472.

Москва

Ноября 21 дня 1810.

XIV. Совѣту Императорскаго Московскаго Университета.

Получа весьма краткое, неудовлетворительное и недостаточное
донесеніе объ Обществѣ Исторіи и Древностей Российскихъ и при
ономъ 80 страницъ печатныхъ древняго лѣтописца, но не видя при-
чинъ, по какимъ Общество въ теченіе шестилѣтняго его существо-
ванія столь мало трудовъ издало, ниже того, почему оно близъ года
не имѣло засѣданій, по обязанностямъ званія моего и побуждаясь
приказаніями его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія под-
держивать упражненія всѣхъ ученыхъ Обществъ при ввѣренномъ мнѣ
университетѣ учрежденныхъ; сдѣлавъ на сіе столь лаконическое до-
несеніе противу каждаго пункта мои замѣчанія, предаю ихъ разсмо-
трѣнію Совѣта, яко высшаго сословія, долженствующаго всѣми отря-
сами университета руководить и всѣ его заведенія направлять къ
цѣли существенно полезной; отдавая на благоразсужденіе Совѣта упо-
требить средства къ приведенію сего Общества въ степень дѣятель-
ности, потребной для достиженія предположенной и ожидаемой отъ
него пользы. О мѣрахъ же, какія по сему предмету Совѣтъ предпри-
метъ, да благоволитъ онъ меня увѣдомить для донесенія о томъ его
сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія, повелѣвшему мнѣ о
положеніи сего Общества, о ходѣ его упражненій и усиліяхъ доста-
вить ему въ непродолжительномъ времени подробное свѣдѣніе.

Паволь Г. Кутузовъ.

№ 470.

Ноября 21 дня 1810.

Вѣрно. Магистръ Дмитрій Облеуховъ.

XV. Замѣчанія непочетнаго Московскаго университета П. И. Голенищова-Кутузова на донесеніе председателя Общества Х. А. Чеботарова.

ДОНЕСЕНІЕ, ДОСТАВЛЕННОЕ ВЪ СОВѢТЪ УНИВЕРСИТЕТА:

З а м ѣ ч а н і я :

1. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, учреждено при университетѣ 18 марта 1804 года и по докладу о томъ министра просвѣщенія 14 апрѣля того же года Всемилостивѣйше принято оно подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества покровительство.

На 1-й пунктъ. Каждое Общество, съ соизволенія Монаршаго учрежденное, а паче удостоившееся быть принятымъ подъ Высочайшее покровительство, сугубую имѣеть обязанность въ соревнованіи отличатся предъ другими Обществами таковой милости не удостоенными и превосходить предъ оными въ неутомимости и дѣятельности трудовъ его; Общество же Исторіи и Древностей Россійскихъ въ теченіе шестилѣтняго его существованія не соотвѣтствовало ни цѣля его, ни ожиданіямъ отечества; ибо въ шесть лѣтъ издано 80 страницъ, какихъ бы весьма легко каждый годъ по стольку издавать можно было, по примѣру другихъ несравненно дѣятельнѣйшихъ ученыхъ Обществъ.

2. Предметъ трудовъ сего Общества: критическое изданіе Русскихъ лѣтописей, и въ особенности Несторовой по Пушкинковой и Троицкой самымъ древнимъ хартийнымъ и по Кенигсбергскому списку.

На 2-й. Императорская Россійская Академія раздѣляетъ труды ея при всякомъ каковомъ - либо изданіи, раздавая каждому ея члену по нѣскольку листовъ на обработываніе, какъ она поступала при переводахъ Тацита, Анахарсиса и при самомъ изданіи Словаря. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ состоитъ изъ 30 членовъ, то ежели бы изъ Несторова лѣто-

писца, составляющаго предметъ его упражненій, дало оно на выработку каждому изъ своихъ членовъ не болѣе какъ по 10 страницъ въ годъ, что для каждаго въ теченіе годичнаго времени исполнить весьма было бы легко и никакимъ бы упражненіемъ и обязанностямъ не помѣшало, то сіе бы составило въ каждый годъ 300 стр., т.-е близъ 20 печатныхъ листовъ, а въ шесть лѣтъ существованія Общества 1,800 страницъ, какого количества Несторовъ лѣтописецъ со всѣми примѣчаніями конечно не составитъ; а вмѣсто того Общество напечатало въ 6 лѣтъ 80 страницъ. Извѣстно притомъ, что оно, продержавъ Кенигсбергскій списокъ довольно времени, принуждено было, не воспользовавшись имъ, его возвратить.

3. Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ во все свое бытіе не сдѣлало для себя постановленія о срочныхъ засѣданіяхъ, а имѣло оныя по желанію членовъ и по встрѣчавшимся надобностямъ онаго. Последнее же засѣданіе онаго было 4 декабря 1809 года.

На 3-й. Отъ того-то именно и труды Общества не успѣшны; отъ того оно въ теченіе шести лѣтъ столь малое число страницъ издало, что собранія его были рѣдки и не учреждены періодическимъ образомъ, потребнымъ для содержанія **всего Общества въ надлежащей дѣятельности** и для приведенія его къ предпоставленной цѣли. А буде оныя собранія были рѣдки, какъ то и видно, что близъ года оныхъ не было, то, основываясь на включенномъ въ семь пунктовъ словахъ, что засѣданія были токмо **по желанію членовъ и по встрѣчавшимся надобностямъ**, нельзя не удивлять-

ся, что члены въ теченіе года не имѣли *желанія* собираться, хотя кажется по медленному изданію трудовъ ихъ и *встрѣчались имъ* *надобности* учащать ихъ засѣданія.

4. Председатель Общества, заслуженный профессор Чеботаревъ.

На 4-й. Извѣстность о дѣятельности и ревности почтенныхъ членовъ сего Общества удостовѣряетъ, что рѣдкость его засѣданій происходитъ или отъ важныхъ занятій или отъ болѣзни г. председателя, не позволяющихъ ему съ свойственною ему дѣятельностію объ успѣхахъ Общества заботиться.

5. Предлагаемые при семъ отпечатанные листы своднаго Историку суть оныя засѣданій Историческаго Общества.

На 5-й. Отпечатанные листы, составляющіе 80 страницъ, изданные въ теченіе шести лѣтъ, доказываютъ, сколько Общество отстало трудами своими отъ всѣхъ не токмо въ Москвѣ, но и во всемъ государствѣ существующихъ, а паче, если сравнить его подвиги съ издаваемыми отъ Общества Натуралистовъ актами, съ толкими трудностями сопряженными.

Върно. Мастеръ Дмитрій Облеуховъ.

XVI. Служебное починителя Московскаго университета П. М. Голенищова-Кутузова къ министру народнаго просвѣщенія графу А. Н. Разумовскому.

Сіятеильнѣйшій Графъ
Милостивый Государь!

Предписание вашего сіятельства отъ 8 сего декабря подъ № 1791, съ изъясненіемъ Высочайшаго повелѣнія о прекращеніи засѣданій бывшаго при Московскомъ университетѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, я имѣлъ честь получить сего декабря 13 дня и во исполненіе онаго на другой же день, т. е. декабря 14 дня, собра-

нию сію Высочайшую волю объявилъ и засѣданіа сего Общества закрылъ. Копію съ протокола сего послѣдняго собранія при семъ имѣю честь вашему сіятельству представить, а какъ въ томъ же вашего сіятельства предписаніи изъявлена Высочайшая Его Императорскаго Величества воля, чтобы я учредилъ вмѣсто вышеписаннаго закрытаго Общества другое, съ избраніемъ членовъ дѣятельнѣйшихъ и съ начертаніемъ правилъ для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ, то за симъ немедленно приступаю какъ къ образованію сего новаго Общества, такъ и къ составленію для него плана, для твердаго его существованія съ принесеніемъ истинной пользы и съ достиженіемъ преднамѣрваемой цѣли.

Съ благоговѣнною благодарностію пріема сей новый знакъ Высокочайшей ко мнѣ довѣренности, всѣ силы мои употребляю, дабы оправдать оную, а вкупѣ и соответствовать предначертаніямъ вашего сіятельства, и за долгъ поставлю пригласить къ составленію сего собранія людей, кои вѣрностію и усердіемъ ревновать будутъ превзойти другъ друга. О всемъ же томъ, что за симъ мною по сему предмету исполняемо будетъ, не премину послѣдовательно вашему сіятельству доносить.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Милостивый Государь

вашего сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою

Павелъ Г. Кутузовъ.

Москва.

Декабря 15 дня 1810.

№ 556.

XVII. Протоколъ чрезвычайнаго засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

1810 года декабря 14 дня, въ учрежденномъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ присутствіи его превосходительства г. попечителя онаго университета, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, въ чрезвычайномъ собраніи, при предсѣдателѣ, заслуженномъ профессорѣ Чеботаревѣ, и членахъ: графѣ Алексѣѣ Ивановичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, Маиновскомъ, Карамзинѣ,

Страховъ, Прокоповичъ-Антоносовъ, Бекетовъ, Геймъ, Рейнгардъ, Черепановъ, Ситыревъ, Гавриловъ, Каченовскомъ и Чеботаревъ (сынъ) происходило слѣдующее:

По открытіи засѣданія въ 6 часовъ пополудни, г. попечитель, увѣдомивъ Общество о причинѣ собранія, прочиталъ три предложенія свои, данныя Совѣту Московскаго университета, коими требованы были свѣдѣнія объ упражненіяхъ Общества; потомъ объявилъ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе въ отношеніи къ нему отъ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, отъ 8 сего декабря, подъ № 1791, содержащееся: «засѣданія настоящаго Общества прекратить, учредить вмѣсто онаго другое, въ которое избрать членовъ дѣятельнѣйшихъ, и въ руководство оному начертать правила для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ». Въслѣдствіе чего упомянутое Общество закрыто.

Г Л А В А II.

Преобразование Общества П. И. Голенищевых-Кутузовых и деятельность оного въ 1811 и 1812 годахъ.

П. И. Голенищевъ-Кутузовъ; его служебная и литературная дѣятельность до назначенія полочителемъ Московскаго университета. — Его связи съ масонами. — Письма о немъ О. А. Поздѣва къ графу А. К. Разумовскому. — Кутузовъ въ роли остерегателя. — Его доносъ на Н. М. Карамзина отъ 10 августа 1810 года. — Его похвалы самому себѣ и постоянныя жалобы на другихъ. — Старанія О. А. Поздѣва защитить Кутузова предъ гр. Разумовскимъ. — Новый доносъ на Карамзина. — Жалобы Кутузова на предполагаемыя интриги исторіографа и на связи съ нимъ Чеботарева. — Несбывшіяся опасенія. — Частное засѣданіе 22 декабря 1810 года «образователей» новаго Историческаго Общества. — Двѣ рѣчи Кутузова на этомъ засѣданіи. — Предсѣдатель преобразованнаго Общества Ш. П. Бекетовъ; его общественныя и литературныя связи и издательская дѣятельность. — Новые секретарь и казначей Общества. — Чѣмъ члѣны были заниматься нѣкоторые изъ членовъ-образователей? — Частное и официальное донесеніе Кутузова гр. Разумовскому о засѣданіи 22 декабря. — Опасенія за участь отправленнаго въ Петербургъ устава и заботы о приглашеніи новыхъ членовъ. — Перемены, произведенныя въ уставѣ министромъ. — Важнѣйшіе параграфы устава утвержденнаго. — Засѣданія 8 и 13 марта 1811 года. — Свѣдѣнія о новыхъ дѣйствительныхъ членахъ преобразованнаго Общества, въ особенности о П. С. Валуевѣ, А. Ф. Мерляковѣ, М. Т. Каченовскомъ, баронѣ Б. И. фонъ-Фитингофѣ, Р. Ф. Тимковскомъ, К. Ф. Калайдовичѣ и другихъ. — Члены-благотворители, соревнователи и корреспонденты. — Пожертвованія въ пользу Общества отъ Зоя Зосимы и отъ неизвѣстнаго благотворителя. —хлопоты о внѣшней обстановкѣ засѣданій Общества. — Эмблематическія изображенія на дипломахъ. — Пожертвованія И. Ф. Ферапонтова, А. А. Глазунова, Н. И. Матрушина, А. М. Дмитриева-Мамонова и князя В. Д. Голицына. — Письмо гр. Разумовскаго къ П. П. Бекетову и награда ему. — Письма Кутузова къ гр. Разумовскому по дѣламъ Общества въ 1811 году. — Новыя распоряженія объ открытіи архивовъ и библиотекъ для Общества. — Сношенія съ губернаторами о содѣйствіи Обществу. — Библиотека Общества предъ нашествіемъ Наполеона; замѣчательныя книги и рукописи. — Мысль приобрести библиотеку профессора Бауэ. — Собраніе монетъ, медалей и старинныхъ вещей. — Первый бібліотечарь М. Т. Каченовскій и помощникъ его К. Ф. Калайдовичъ. — Пересмотръ устава и другія занятія Общества предъ нашествіемъ Наполеона. — Ученая дѣятельность Общества въ 1811—12 г. —

Рѣчь П. П. Бекетова въ первомъ засѣданіи.—Исслѣдованіе Р. Ѳ. Тимковскаго о Патерикѣ.—Разсужденіе М. Т. Каченовскаго о судебныхъ поединкахъ.—Статьи о русскихъ монетахъ барона Б. И. Фитингофа.—Разысканія К. Ѳ. Калайдовича.—Статьи П. Ѳ. и Ѳ. Ѳ. Калайдовичей.—Примѣчанія гр. А. И. Мусина-Пушкина на древніе мѣсяцесловы.—Разсужденіе П. П. Бекетова о нѣкоторыхъ монетахъ и медаляхъ Петра I и Елисаветы Петровны.—Статьи, читанныя въ засѣданіяхъ Общества, но изданныя гораздо позднѣе, или вовсе неизданныя.—Планъ изданія «Русскихъ Достопамятностей».—Нѣкоторыя статьи перваго тома «Достопамятностей» и предисловія къ нимъ.—Трудъ Р. Ѳ. Тимковскаго по изданію Несторовой лѣтописи.—Торжественное засѣданіе 13 марта 1812 г. и задачи, на немъ объявленныя.—Пожертвованіе Обществу 10.000 р. Я. И. Билибиннымъ и долгъ П. И. Кутузова Обществу.—Положеніе Кутузова въ 1812 году и отъѣздъ его изъ Москвы.

Чтобы понять причины, вызвавшія переворотъ въ жизни Историческаго Общества, и выяснитъ самый характеръ этого переворота, надо познакомиться съ людьми, его произведшими и ему содѣйствовавшими.

Главнымъ виновникомъ переворота былъ тогдашній попечитель Московскаго университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, какъ мы увидимъ, самъ не разъ заявлявшій о томъ. Стало-быть намъ надо знать, что это былъ за человѣкъ? Изъ множества отзывовъ о немъ, оставленныхъ современниками, извѣстенъ только одинъ отчасти благопріятный ему. Это отзывъ Ф. Ф. Вигеля, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» выразился такъ: «однимъ изъ кураторовъ (рѣчь идетъ о 1798—1803 годахъ) былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, человѣкъ умный и свѣдущій, но какъ стихотворецъ онъ былъ не замѣченный, не хвалимый и не осуждаемый»¹. Но другіе современники выражались о П. И. Кутузовѣ гораздо рѣшительнѣе и прямѣе, что и даетъ намъ возможность ближе познакомиться съ его литературною и общественною дѣятельностію.

Отецъ его Иванъ Лонгиновичъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ весьма образованный и, какъ отличный дѣятель по морскому вѣдомству, былъ любимцемъ императора Павла I и состоялъ въ дружбѣ со многими учеными, писателями и художниками своего времени².

¹ *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля* (Москва, 1864); ч. III, стр. 132 и 139.

² Иванъ Лонгиновичъ Голенищевъ - Кутузовъ (род. 31 авг. 1729, умеръ 12 апр. 1802 г.) былъ директоромъ морскаго кадетскаго корпуса съ 1762 до кончины своей, президентомъ адмиралтействъ-коллегии, членомъ Российской Академіи и имѣлъ чинъ генераль-адмирала I класса со всеми правами генераль-фельдмаршала; женатъ былъ на Евд. Ил. Бибиковой (род. 11 апр. 1743 г., ум. 9 марта 1807 г.).

Павелъ Ивановичъ былъ старшій сынъ его и родился 1 ноября 1767 года. Девяти лѣтъ онъ уже былъ записанъ въ военную службу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу А. К. Разумовскому, отъ 19 декабря 1812, онъ между прочимъ припоминаетъ: «въ 1790 году имѣлъ я счастье съ тремя эскадронами врубиться въ Шведскій баталіонъ и его опрокинуть», при чемъ у него была прострѣлена нога и разрубленъ лобъ³.

Пробовать силы свои въ литературныхъ занятіяхъ, быть-можетъ благодаря обстановкѣ, какую встрѣчалъ въ домѣ отца своего, онъ началъ очень рано: въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго слова» и въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» встрѣчаются его стихотворенія, писанныя когда авторъ ихъ только-что сталъ выходить изъ юношескаго возраста. Потомъ онъ является сотрудникомъ «Московского Журнала», который издавалъ Н. М.

См. о немъ *Θ. Θ. Веселово, Очеркъ Исторіи морскаго кадетскаго корпуса*; Сиб. 1832; стр. 141—171 и кн. *П. Доморужова, Россійская родословная книга*. Спб. 1855; ч. II, стр. 245—252. Онъ перевелъ на русскій языкъ повѣсть Вольтера «Задигъ», напечатавъ ее сперва въ «Сочиненіяхъ и переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ» за 1759 годъ, т. IX, стр. 58, 152, 226, 337, 446 и 503, а потомъ трижды отдѣльными изданіями (въ 1765, 1788 и 1795 гг.). См. *Гр. Гениади, Страночный словарь о русскихъ писателяхъ*, т. I, стр. 232. Второй сынъ его Лонгинъ Ив—чъ (род. 13 янв. 1769 г., ум. 22 марта 1846 г.), женатый на Над. Никит. Коведяевой (род. 1776, ум. 10 дек. 1848) помогалъ отцу при управленіи морскимъ корпусомъ, былъ генераль-лейтенантомъ флота, генераль-казначеемъ адмиралтействъ-коллегии, а съ 1827 г. предсѣдателемъ ученаго комитета морскаго министерства и членомъ Россійской Академіи; извѣстенъ переводами съ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ нѣсколькихъ сочиненій, преимущественно описаній путешествій. Онъ велъ дневникъ съ 1806 по 1843 г. съ небольшими пропусками, хранящійся въ Спб. Публичной библиотекѣ. См. у *Гениади*, стр. 232, 233. Срв. *А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ*, ч. II, стр. 517; *Записки, житія и переписка А. С. Шишкова*, Берлинъ, 1870, т. I, стр. 314, 336—338; II, стр. 4. У П. Ив—ча Гол.-Кутузова былъ еще братъ Александръ (род. 1781, ум. полковникомъ 26 сент. 1818 г.) и двѣ сестры: Степанида И—на (род. 20 янв. 1770, ум. 8 ноябр. 1805), бывшая въ замужествѣ сперва за тайн. сов. Мод. Петр. Бакуниннымъ, потомъ за д. тайн. сов. барон. Андр. Яков. Булеромъ, и Варвара (род. 15 окт. 1773, ум. въ апр. 1840) за сенаторомъ тайн. сов. Мих. Мих. Бакуниннымъ. Самъ Павелъ Ивановичъ былъ женатъ на кн. Еленѣ Ив. Долгоруковой и имѣлъ двоихъ дѣтей: сына Ивана и дочь Евдокію (ум. въ 1863 г.), бывшую въ замужествѣ за потомъ *Θ. Н. Глинкою* (род. 1788, ум. 11 янв. 1880), написавшую нѣсколько повѣстей и «Жизнь Пресвятыя Богородицы изъ книгъ Четивенно» (имѣла нѣсколько изданій).

³ *А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 395.

Карамзинъ по возвращеніи своемъ изъ путешествія по Европѣ; но это сотрудничество ограничилось помѣщеніемъ въ журналѣ лишь одного стихотворенія ⁴. Былъ ли Кутузовъ въ это время лично знакомъ съ Карамзинымъ, которому позднѣе сдѣлался жесточайшимъ врагомъ, не знаемъ. Остается неизвѣстнымъ также, когда онъ оставилъ военную службу ⁵.

При императорѣ Павлѣ въ 1798 году, стало-быть 31-го года, Кутузовъ назначенъ былъ кураторомъ Московскаго университета, будучи присоединенъ къ М. М. Хераскову и князю Ѡ. Н. Голицыну, изъ коихъ первый получилъ это званіе еще при Екатеринѣ II, а послѣдній незадолго до Кутузова. Есть извѣстіе, что именно къ этому времени относится первый доносъ Кутузова на Карамзина: онъ обвинялъ его въ якобинствѣ. Современники полагали, что онъ прибѣгъ къ этому «постыдному и жестокому» средству изъ чувства литературной зависти; по однимъ извѣстіямъ, доносъ этотъ не былъ доведенъ до свѣдѣнія императора, по другимъ Павелъ I будто бы выразился такъ: «Карамзина не знаю, а Кутузова знаю», и оставилъ доносъ безъ послѣдствій ⁶. Тѣмъ не менѣе, указомъ 12 іюня 1800 года, Кутузовъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники. Любопытнѣе всего, что товарищъ его по кураторству князь Ѡ. Н. Голицынъ въ своихъ «Запискахъ» высказался такъ по поводу назначенія нѣсколькихъ кураторовъ: «при семъ случаѣ

⁴ См. *Собесѣдникъ Россійскаго слова* за 1783 г., ч. V, стр. 137, стихотвореніе подъ заглавіемъ: «Письмо къ моему другу», стало-быть автору было не болѣе 16 лѣтъ; *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія* за 1788 г., ч. XXIX, стр. 85, стихотвореніе на смерть Грейга, за 1789 г., ч. XXXIII, стр. 76, Ода на взятіе Очакова; *Московскій Журналъ* за 1791 г., стр. 96, ч. II, стр. 96, стихи въ честь Суворова на взятіе Измаила. Кромѣ того Кутузовъ перевелъ въ 1795 году съ французскаго оперу въ 2-хъ дѣйствіяхъ «Притворная любовница».

⁵ Къ военной службѣ П. И. относится анекдотъ о томъ, какъ онъ, бывъ кирасирскимъ майоромъ или подполковникомъ, былъ арестованъ при въѣздѣ въ Москву, въ костюмѣ арлекина, забывъ переодѣться послѣ домашняго спектакля, даннаго на какой-то подмосковной дачѣ, и въ такомъ видѣ провелъ цѣлую ночь на гауптвахтѣ. См. «Выдержки изъ старой записной книжки» (кн. П. А. Вагемскаго), въ *Русскомъ Архивѣ* за 1876 г., кн. II, стр. 217.

⁶ См. *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля*, ч. III, стр. 132 и 133: «невѣдѣніе или доброта людей, управлявшихъ тогда дѣлами, спасли его (Карамзина): въ гнусномъ дѣлѣ увидѣли они одно литературное соперничество и съ пренебреженіемъ бросили его, не доводя о томъ до императора». За Карамзина заступился предъ Павломъ I графъ Ѡ. В. Растопчинъ, бывший съ нимъ въ давней дружбѣ. См. *Атеней* за 1858 годъ, т. III, № 23, стр. 485.

я сдѣлалъ примѣчаніе, какъ легко добиться можно должности или мѣста, которое впрочемъ совсѣмъ не нужно, да и лишнее. Сверхъ того можно испортить учрежденный порядокъ. Тутъ вскорѣ возродилась ненависть, споры и даже жалобы. Къ счастью моему я принужденъ былъ уѣхать въ чужіе края». Тѣмъ не менѣе Кутузовъ оставался въ званіи куратора до 1803 года, т.-е. до назначенія мочетелемъ Н. Н. Муравьева⁷. Послѣ отставки отъ кураторства, онъ въ 1805 году назначенъ былъ сенаторомъ, присутствующимъ въ 6-мъ департаментѣ. Къ этому-то времени и относятся наиболѣе крупныя изъ его литературныхъ произведеній. Онъ издалъ въ 1803 году переводъ стихотвореній Грея, и Мерзляковъ въ своемъ письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 22 сентября того же года говорилъ: «Писалъ ли я тебѣ о томъ, что Кутузовъ въ мѣсяцъ перевелъ всего Грея! О, бѣдный Грей! этого мало: въ полторы недѣли онъ же перевелъ 14 одъ Пиндаровыхъ. Страшное беззаконіе, за которое наказываютъ его перстнями»⁸. Дѣйствительно, въ началѣ слѣдующаго года появилась книжка: «Творенія Пиндара»; переводъ съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство, на баснословіе, на исторію Грековъ, ихъ игры, празднества и проч. (въ 2-хъ частяхъ). Въ 1805 году появились: «Стихотворенія Саффы» и «Четыре части дня, поэма кардинала Берниса»; наконецъ въ 1807 году: «Творенія Гезіода»⁹. Всѣ эти переводы дѣлались не съ оригиналовъ, а съ французскихъ переводовъ. Въ то же время Кутузовъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи журнала «Другъ Просвѣщенія» вмѣстѣ съ графами Д. И. Хвостовымъ и Г. С. Салтыковымъ. Тогдашніе литературные критики говорили, что они стали издавать общій журналъ для того, чтобы печатать въ немъ свои стихи, которыхъ не принимали другія изданія. И. И. Дмитріевъ въ своемъ письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 15 ноября 1805 года писалъ: «Лирикъ нашъ или прото-

⁷ См. Записки О. Н. Голыцына въ *Русскомъ Архивѣ* за 1874 г., стр. 1326. Кутузовъ желалъ сохранить за собой званіе куратора и при новомъ уставѣ университетовъ; но Завадовскій отказалъ въ томъ. См. *Архивъ князя Воронцова*, кн. XII, стр. 302. Во время своего кураторства Кутузовъ написалъ двѣ оды: на покореніе всей Италіи Россійскими войсками въ 1799 году и императору Александру I отъ имени Московскаго университета въ 1801 г. Срв. *Русскій Архивъ* за 1867 годъ, стр. 987.

⁸ Тамъ же, 1871 г., стр. 143.

⁹ *Гр. Геттанди, Сравнительный словарь*; т. I, стр. 233.

дѣлающъ Хвостовъ безпрестанно кадитъ Гомеру и Пиндару и нечетъ оду за одой. Друзья просвѣщенія присоединили къ тричленному анку своему оберъ-секретаря Самдунова и съ первою рымскою книжкою на будущій годъ пустятъ громъ на Русскитъ путешественниковъ и на все, гдѣ только встрѣтятъ слезу». Въ послѣднихъ словахъ ясенъ намекъ на отношенія Кутузова къ Карамзину. О способѣ, какимъ редактировался «Другъ Просвѣщенія», оставилъ указаніе М. А. Дмитріевъ: по его словамъ, «три стихотворца собирались вмѣстѣ читать свои произведенія и рѣшать, достойны ли они помѣщенія въ журналѣ. При этомъ разборѣ, какъ скоро пѣса третьяго оказывалась плоха, двое наперерывъ превозносили ее для того только, чтобы ихъ собственные произведенія при ней показались читателямъ лучше. Послѣ этого можно судить, каковы были всѣ стихотворенія, помѣщаемыя въ этомъ журналѣ!»¹⁰

Въ 1809 году Кутузовъ дважды напомнилъ о себѣ: «Одою на заключеніе мира съ Швеціей и вкупѣ на покореніе Измаила» и стихотвореніемъ, называвшимся «Чувствованія Москвы при прибытіи императора Александра I» (6 дек.). Это посѣщеніе Москвы было первымъ послѣ коронаціи Государя. Онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ сестрой своей великою княгиней Екатериною Павловною. Къ этому времени относится ихъ знакомство съ Карамзинимъ, который былъ приглашенъ Великою Княгинею въ Тверь, гдѣ она жила вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ, управлявшимъ тремя губерніями, и былъ у нея въ февралѣ 1810 г. Екатерина Павловна стала покровительствовать съ тѣхъ поръ Карам-

¹⁰ См. *Русскій Архивъ* за 1867 г., стр. 984; за 1871 г., стр. 411. М. А. Дмитріева, *Мелочи изъ запаса моей памяти* (М., 1869), стр. 83. «Друга Просвѣщенія» вышло 36 книжекъ. И. И. Дмитріевъ написалъ такое шуточное объявленіе о его выходѣ въ свѣтъ на второй годъ:

Во славу троицы пѣвцовъ,
Журналъ для толка, а не вкуса,
Имѣетъ быть и впредь въ печати Гиппіуса,
Хвостовъ, Кутузовъ, Салтыковъ.

Въ первый годъ своего существованія «Другъ Просвѣщенія» печатался въ типографіи Бекетова, въ третій годъ у Рѣшетникова. Здѣсь печатались и нѣкоторыя стихотворенія, писанныя Кутузовымъ въ ранніе годы его литературной дѣятельности, не находившія прежде себѣ мѣста въ журналахъ.

зину, который успѣлъ прочесть ей въ Твери первые томы «Исторіи Государства Россійскаго». Въ это самое время гр. Завадовскій просилъ Государя объ увольненіи его отъ должности министра и въ московскомъ обществѣ стали ходить слухи, что Александръ хотѣлъ предложить Карамзину управление министерствомъ народнаго просвѣщенія съ званіемъ директора. Но этому помѣшалъ Сперанскій, посовѣтовавшій назначить сперва Карамзина попечителемъ Московскаго университета, къ чему представилась возможность, потому что 11 апрѣля на мѣсто Завадовскаго назначенъ былъ гр. А. К. Разумовскій. Но Карамзинъ отказался отъ предложенной ему должности. Тѣмъ не менѣе слухи о предполагавшихся назначеніяхъ его стали извѣстны обществу и могли безпокоить тѣхъ, кто разсчитывалъ на эти мѣста. Должности попечителя искалъ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, за котораго ходатайствовали предъ Рааумовскимъ зять послѣдняго, фельдмаршалъ гр. И. В. Гудовичъ, бывшій главнокомандующимъ въ Москвѣ, и игравшій видную роль между масонами О. А. Поздѣвъ, состоявшій въ перепискѣ съ Разумовскимъ со времени его попечительства. Кутузовъ былъ назначенъ попечителемъ 17 мая съ оставленіемъ и въ должности сенатора, а Карамзину данъ 1 іюля орденъ св. Владимира 3-й степени, и въ грамотѣ на оный сказано было: «Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію Россійскихъ изящныхъ писменъ и словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи, обращаютъ на васъ особенное наше вниманіе»¹¹. Поздѣвъ, благодаря Разумовскаго за назначеніе Кутузова попечителемъ, писалъ отъ 2 іюня: «Благодарю васъ много за Кутузова; милость сдѣлана ему великая; но сіе продолжите тѣмъ: исходатайствуйте, чтобъ онъ жилъ здѣсь, въ Москвѣ, что и должно бы; а когда надобно, то призывайте его на время, и еще, исходатайствуйте ему столовыя деньги, усовершенствуйте его наставленіями безъ бережи; а тѣ, кои вы писали, чтобы совѣтами ему не оставляли его, беречь, они это будутъ дѣлать по всей ихъ возможности, и онъ обѣщалъ слушаться»¹². Въ послѣднихъ словахъ, конечно, разумѣлись совѣты самого Поздѣва и близ-

¹¹ См. А. А. Васильчкова, *Семейство Разумовскихъ*; т. II, стр. 52—53, 64, 360, 448, 466; Поюдина, *Николай Михайловичъ Карамзинъ по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ*; ч. II, стр. 60. *Атеней* 1858 г., т. III, № 23, стр. 478. Шевырева, *Исторія Московскаго университета*, стр. 400.

¹² А. А. Васильчкова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 466.

кихъ къ нему лицъ, т.-е. масоновъ. Но какая же была связь у Разумовскаго и Кутузова съ масонами, и съ кѣмъ изъ нихъ былъ близокъ послѣдній, кого онъ общалъ слушаться?

Въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, русское масонство уже пережило первый возрастъ своего существованія—Новиковскій періодъ, такъ благопріятно отразившійся на русской литературѣ, не чуждавшійся важнѣйшихъ вопросовъ общественной и государственной жизни, и приближалось ко второму возрасту, внесшему въ нашу литературную и общественную жизнь направленіе строго мистическое. Первое десятилѣтіе нынѣшняго столѣтія было такимъ образомъ переходнымъ въ судьбахъ русскаго масонства. Самъ Новиковъ удалился отъ всего и жилъ въ деревнѣ. Многие изъ истинныхъ друзей его, къ числу коихъ принадлежалъ напримѣръ Х. А. Чеботаревъ¹³, сходили со сцены. Другіе изъ прежнихъ дѣятелей Новиковскаго періода, сохранившіе привязанность къ формальностямъ масонства, но не забывшіе удара, нанесеннаго имъ въ 1792 году, робко возобновили въ первые же годы Александровскаго царствованія свои собранія; но не могли уже высѣяться до просвѣтительной роли прежнихъ масоновъ, и встрѣтятся съ либеральными начинаніями самого правительства и доносившимися съ запада ученіями новыхъ мистиковъ, слагавшимися подъ вліяніемъ событій революціонной эпохи, стали и къ тѣмъ, и къ другимъ во враждебныя отношенія. Во главѣ этого кружка масоновъ, очутившагося на распутьи между мартинистами Новиковскаго пошиба и новыми мистиками, въ родѣ Фесслера, Шредера и другихъ, сталъ О. А. Поздѣвъ, игравшій пѣкогда видную роль въ масонствѣ Новиковскаго времени. Новое же поколѣніе масоновъ не имѣло еще всѣми признаннаго вождя, но уже недовѣрчиво относилось къ прежнимъ наставникамъ масонства, не понимавшимъ потребностей новаго времени. И гр. Разумовскій, и Кутузовъ находи-

¹³ Въ 1813 году Н. И. Новиковъ писалъ Д. П. Руничу: «всѣмъ Милосердаго Господа Бога, изъ человекѣвъ вы четверо только миѣ остались, отъ коихъ могу ожидать помощи: вы съ Лукьяномъ Яковлевичемъ и Харитонъ Андреевичъ съ Матвѣемъ Яковлевичемъ». Здѣсь рѣчь идетъ о Яковлевѣ, Чеботаревѣ и зятѣ его, профессорѣ Мудровѣ. Въ томъ же письмѣ говорится: «я хотѣлъ было писать къ общему другу нашему Хар. Андр. о семъ; но, зная нѣжность и чувствительность сердца его и любовь его ко миѣ, побоялся, чтобы онъ не испугался, что въ болѣзни его могло быть крайне вредно и опасно». *Русскій Архивъ* за 1871 г. стр. 1039—1041.

лись въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Поздѣва, который, судя по сохранившейся перепискѣ его самого и Кутузова съ Разумовскимъ ¹⁴, свободно давалъ совѣты второму и откровенныя наставленія первому и какъ бы руководилъ ихъ служебными отношеніями: въ назначеніи Разумовскаго министромъ, а Кутузова попечителемъ, Поздѣвъ видѣлъ средство для противодѣйствія ученіямъ новыхъ мистиковъ и вліянію ихъ на русское общество. Узнавъ о прибытіи въ Петербургъ Фесслера, вызваннаго Сперанскимъ для профессорскихъ обязанностей въ духовной академіи, онъ писалъ Разумовскому: «Старайтесь, выходить позволеніе, какое можно, на работы масонскія въ обѣихъ столицахъ, или глухо. Слышу графъ И. В. Гудовичъ призываетъ Кутузова и совѣтовалъ оставить ложу говоря: «да вѣдь, братецъ, я самъ былъ въ масонствѣ давно, да тутъ ничего не нашель, тутъ ничего вѣтъ; то это оставь, я тебя прошу». То будто можетъ быть оселкомъ то, что онъ ничего не нашель. Да что же и найти человѣку, который желалъ быть богатъ—и есть, чиновенъ—и есть, обвѣшанъ знаками чести временной—и есть.... Васъ прошу, при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ, не упуская его изъ виду, дать разумѣть графу Ивану Васильевичу, что отъ тѣхъ масоновъ, конхъ вы знаете, нечего ему опасаться и коли дадутъ пмъ инспекцію надъ ложами, то можно быть и Государю и государству покойными; что не только сами неудобны къ безпокойству, но еще и *остерегутъ*, и узнають, и не допустятъ что-нибудь мыслить противъ Государя и государства.... Если же пойдетъ на это ходъ дѣла сего, что явно закотить позволить, то надобно *великое бдѣніе* и надъ самими мастерами стуловъ, дабы эта святая, великая и полезная вещь Государю и государству не исказилась, а приносила бы Государю и государству ту пользу, кою и должна приносить, формируя обучающихся ей въ людей вѣрныхъ Государю и отечеству и примѣрами своими больше (а не кичливыми словами) ослабляя въ другихъ пороки, особливо буйность, неповиновеніе и дерзость, и мотовство въ молодости, кривыя толки о вольности, словомъ все то, что мутитъ спокойство Государя и государства» ¹⁵. Итакъ ма-

¹⁴ Графъ А. К. Разумовскій еще въ первую половину царствованія Екатерины II былъ членомъ масонскаго *Capitulum Petropolitanum*. А. Н. Пытина, *Русское масонство до Новикова*, въ *Вѣстникѣ Европы* за 1868 годъ, т. III, № 6, стр. 567.

¹⁵ А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 472—473.

соны Поздѣвскаго кружка брались за роль «остерегателей», за что добивались отъ правительства признанія ихъ дѣятельности. А пока этого признанія не послѣдовало, они должны были смотрѣть на гр. Разумовскаго, какъ на посредника между ними и правительствомъ, и потому, обращались со своими остереженіями къ нему. Но роль остерегателей крайне скользкая, и не всѣ друзья Поздѣва могли такъ хладнокровно указывать на ея цѣли, какъ онъ, а иные могли перейти даже и за тѣ предѣлы, которые наиѣтилъ самъ Поздѣвъ. Такимъ именно остерегателемъ и явился П. И. Голенищевъ-Кутузовъ съ первыхъ же дней своего попечительства.

Письма Кутузова къ министру начались жалобами на профессора естественнаго права, бывшаго и членомъ Историческаго Общества, І. Ѳ. Буле, за его частыя поѣздки въ Тверь по вызову Великой Княгини Екатерины Павловны, за подачу ей различныхъ проектовъ по училищной части, за сношенія съ Фесслеромъ¹⁶. А затѣмъ онъ обращается къ Разумовскому съ извѣстнымъ доносомъ на Карамзина (отъ 10 августа 1810 года): «Ревнуя о единомъ благѣ, стремясь къ единой цѣли, не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г-на Карамзина. Вы знаете, что оныя исполнены вольнодумческаго и якобинческаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперъ еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождавшимъ. Осемь надобно очень подумать, буде не для насъ, то для потомства. Государь не знаетъ, какой гибельный ядъ въ сочиненіяхъ Карамзина кроется. Оныя сдѣлались классическими. Какъ могу то воспретить, когда оныя рескриптомъ торжественно одобрены? Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, давно бы пора его запереть; не хвалить его сочиненія, а надобно бы ихъ сжечь. Вы не по имени Министръ Народнаго Просвѣщенія; Вы мужъ, вѣдающій, что есть истинное просвѣщеніе; Вы орудіе Божіе, озаренное внутреннимъ свѣтомъ и подкрѣпляемое силою свыше; Васъ, безъ Вашего исканія, самъ Господь призвалъ на дѣло его и на распространеніе его свѣта,

¹⁶ Тамъ же, стр. 289, 297, 332, 336, 338: «отъ всего сердца со слезами благодарю Господа Бога, когда университетъ отъ г. Буле будетъ избавленъ» (12 марта 1811 г.).

въ планѣ несповѣдимыхъ судебъ его, Вы должны быть органомъ его истины, вопиющимъ противу козней лукаваго и его орудій. И Вы и я дадимъ отвѣтъ предъ судомъ Божиимъ, когда не ополчимся противъ сего яда, во тьмѣ пресмыкающагося, и не поставимъ оплота сей тлетворной водѣ, всякое благочестіе утопить угрожающей. Ваше есть дѣло открыть Государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага Божія и яко орудіе тьмы. Я долженъ сіе къ вамъ написать, дабы не имѣть укоризны на совѣсти; еслибы я не былъ Попечитель, я бы вздыхалъ, молился и молчалъ: но увѣренъ будучи, что Богу дамъ отвѣтъ за вѣренное мнѣ стадо, какъ я умолчу предъ Вами, и начальникомъ моимъ и благодѣтелемъ? Карамзина превозносятъ, боготворятъ! Во всемъ Университетѣ, въ Пансіонѣ читаютъ, знаютъ наизусть: что изъ онаго будетъ! Подумайте и попечитесь о семъ! Онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сіесы или въ первые консулы; это здѣсь всѣ знаютъ и всѣ слышатъ; я молчу и никому о семъ слова ни писалъ, ни говорилъ, а къ Вамъ я обязанъ это сдѣлать. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, но объ Университетахъ надобно подумать, и сію заразу какъ-нибудь истребить. Вы меня благоразумнѣе, опытнѣе; Вы мудрости и доброты болѣе меня въ тысячу разъ преисполнены! Попечитесь о семъ.... Тутъ не мое частное благо, а всеобщее! Въ томъ Вамъ самъ Господь поможетъ»¹⁷.

При тогдашнихъ отношеніяхъ Карамзина къ Александру I доносъ Кутузова не могъ бы имѣть никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для исторіографа, еслибъ и былъ доведенъ до свѣдѣнія Госудря. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Рауновскій не рѣшился представлять Александру внушеній, шедшихъ отъ Кутузова, во всей ихъ наготѣ. Тѣмъ не менѣе, въ обществѣ знали о проискахъ Кутузова, и литераторы, болѣе или менѣе расположенные къ Карамзину, преслѣдовали остерегателя колкими эпиграммами¹⁸. Но Кутузовъ не унимался и продолжалъ напол-

¹⁷ Чтенія Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1838 годъ; кн. 2, смѣсь, стр. 185—186.

¹⁸ «О сколь религія священная страдаетъ!

«Вольтеръ ее бранилъ, Кутузовъ защищаетъ».

Но всей вѣроятности самая ранняя изъ эпиграммъ на эту сторону въ дѣятельности Кутузова, особенно же прославленную въ позднѣйшей сатирѣ А. О. Воейкова «Домъ сумашедшихъ». Кн. П. А. Вяземскій, дружный съ Карамзиннымъ, также обозвалъ въ стихахъ Кутузова плохимъ сенаторомъ, кураторомъ, ораторомъ и поэтомъ.

нять выходками противъ Карамзина свои письма къ Разумовскому. Въ этихъ письмахъ, кромѣ воплей противъ историографа, любопытны указанія на связи съ нимъ нѣкоторыхъ членовъ Московскаго университета и только что закрытаго Историческаго Общества,—связи, раздражавшія Кутузова и побуждавшія его иногда къ нелѣпнымъ выходкамъ противъ людей, ни въ чемъ невинныхъ. Подобныя выходки въ письмахъ Кутузова къ Разумовскому не рѣдко сердили послѣдняго, который жаловался на Кутузова Поздѣву, а послѣдній всячески старался оправдывать безразсуднаго фанатика, имъ защищаемаго.

Безпокойная натура Кутузова сказывалась и въ тѣхъ изліяніяхъ о его собственномъ душевномъ настроеніи, которое онъ также вносилъ въ свои письма къ Разумовскому. «Благо мнѣ что я, бѣдный, уязвленный іерихонскій странникъ, писалъ онъ министру отъ 13 іюня 1710 года, нашелъ въ Васѣ благотворнаго Самарянина, спускающаго проливать слезы утѣшенія во встревоженную многими скорбями мою душу». А сообщая о пріѣздѣ Феслера въ Москву въ началѣ слѣдующаго года, какъ о желаніи волка вкрасться въ овчарню, онъ прибавлялъ: «а такъ какъ Господь Богъ ввѣрилъ мнѣ, недостойному, два стада, то поддержите меня и пожалуйте, да сей волкъ не расхититъ добрыхъ овецъ! Я не наемникъ, то и не убѣгу, а буду елико силъ достанетъ, радѣть объ овцахъ. Господь да поможетъ мнѣ милосердіемъ! Не скрою однако же отъ Васѣ, благодѣтеля моего, что таковой гость не весьма мнѣ пріятенъ». Пославъ официально нѣсколько донесеній министру о мнѣніяхъ профессора Буле, какъ выраженныхъ въ его сочиненіяхъ, такъ и высказанныхъ на лекціяхъ, въ одномъ изъ частныхъ своихъ писемъ къ Разумовскому Кутузовъ объяснялъ руководившія имъ при составленіи донесеній побужденія такими размышленіями масонскаго пошиба: «лучше желаю я совѣмъ не служить, нежели не ополчаться противъ невѣрія, неистовства и порока, когда на сію брань призванъ. Чего мнѣ бояться, когда я творю дѣло Божіе? А за свое дѣло Богъ постоитъ. Чего мнѣ бояться, когда побораю по Немъ и по Его Святѣйшей истинѣ? Аще Господь со мною, что сотворитъ мнѣ челоуѣкъ? *Я бдѣнъ! Я нищъ! и безъ подпоры!* но думаете ли вы, что я за какія-нибудь сокровища міра соглашусь ползати, лстятъ и потворствовать пороку и безбожію, сильными міра сего покровительствуемымъ. Хлѣбъ и воду буду я ѣсть и въ потѣ лица моего и то, и другое пріобрѣтати, но не престану, по вѣрѣ моеи, творить правду и противоборствовать злу, царствую-

щему въ мірѣ. Нагъ и босъ возвѣщу истину Господа моего братіи моей, и въ церквахъ воспою Его! Не боюсь я сего писать по почтѣ, пусть кто захочетъ читаетъ! Я бы желалъ чтобы Государь Императоръ сіе прочиталъ, онъ бы узналъ меня короче и увѣрился бы, что любящій Бога и его правду умѣетъ любить и подобіе Божіе, своего Монарха, готовъ жизнью за него пожертвовать и служить ему до изнеможенія и истощенія всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, претерпѣвая горестъ, обиду, нищету и нужду и при всемъ томъ, сохраняя столько твердости и присутствія духа, сколько нужно для совершенія своего служенія дѣятельно и неутомимо. Худо вы меня знаете в. с. ежели думаете, что до безконечности мнѣ лестны знаки почестей и отличія. Правда, сіи пароксизмы ко мнѣ грѣшному, яко еще не къ возрожденному и не умертвившему совершенно седмиглавой гидры грѣховъ, приступали по временамъ и на меня нападали, васъ безпокоили! Но живъ Богъ и жива душа моя! Сей живый Богъ помогъ мнѣ и поможетъ съ корнемъ вырвать гнѣздящееся во мнѣ зло грѣха прародительскаго. Кресты я носилъ отъ дѣтства, а паче крестъ бѣдности; ношу его и нынѣ, крайне тягостный и сугубо тягостный, потому что съ семействомъ его раздѣляю! Но буди воля Господня со мною; прошу и молю его отъ всего сердца, да дастъ мнѣ силы и крѣпость не унывать; молю его, да и вамъ милосердіе Великаго Крестonosца поможетъ подвигомъ добрымъ подвизатися и стяжать вѣнецъ правды»¹⁹. Подобныя изліянія характеризуютъ лишь одну сторону въ дѣятельности Кутузова: внутреннее убѣжденіе, заставлявшее его смотрѣть именно такъ, а не иначе, на чужіе поступки и рѣчи. Именно этимъ убѣжденіемъ и объяснялъ М. П. Погодинъ вышеприведенное письмо Кутузова къ Разумовскому о Карамзинѣ, говоря: «Не станемъ приписывать этого несчастнаго письма злему расположенію, желанію повредить, мщенію или зависти. Все это было бы противно. Доноситель вѣрно увлекался своими понятіями; видѣлъ, ослѣпленный и пристрастный, вредъ тамъ, гдѣ его не было, и искренно боялся его послѣдствій. Обращенія Карамзина къ природѣ, еще въ «Письмахъ Русскаго путешественника», употребленіе словъ о Творческомъ Разумѣ, вмѣсто Бога, и подобные собственно литературные обороты, вмѣстѣ съ

¹⁹ А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 296, 332, 330, 331.

благоприятными отзывами о Руссо и Вольтерѣ, которые считались тогда главными виновниками революціи, подали поводъ людямъ, имѣвшимъ свои очки и свои виды, къ подозрѣніямъ разнаго рода. Они не хотѣли вникнуть въ смыслъ выраженій Карамзина, не хотѣли разобрать, что хвалилъ онъ Руссо и Вольтера, имѣя въ виду ихъ достоинства и таланты, а отнюдь не ихъ увлеченія и злоупотребленія, — и заподозрили Карамзина въ страшныхъ замыслахъ⁹⁰.

Дѣятельность Кутузова не ограничивалась однакожь одними остерегательствами въ духѣ той теоріи, которую высказалъ Поздѣевъ. Будучи крайне подозрителенъ къ дѣйствіямъ другихъ, и въ то же время страстно желая выслужиться, что подтверждается и многими изъ его писемъ къ министру, Кутузовъ даже тамъ, гдѣ не были нарушаемы проповѣдуемая имъ начала, гдѣ рѣчь шла объ обычныхъ служебныхъ отношеніяхъ, велъ себя иногда крайне запальчиво, являлся начальникомъ придирчивымъ. Жалобы на такой его образъ дѣйствій доходили до Разумовскаго, который въ свою очередь жаловался на своего подчиненнаго покровителю его О. А. Поздѣеву. Любопытны объясненія, которыя давалъ въ этихъ случаяхъ Поздѣевъ министру, ибо, несмотря на всю ихъ умѣренность относительно Кутузова, они бросаютъ на его характеръ довольно ясный свѣтъ. Такъ въ одномъ письмѣ Поздѣевъ говоритъ: «что надлежитъ до Кутузова, то, конечно полезно бы ему во всемъ посовѣтываться, хотя его характеръ весьма къ самодѣйствію стремящійся, и я ему говорилъ и говорю о терпѣніи, объ ожиданіи, о безвременномъ и весьма нетерпѣливомъ настояніи по его какимъ-либо представленіямъ или прожектамъ. Онъ обѣщався, но есть характеры кои весьма не скоро зачинаютъ прохладаться, хотя и сами бы хотѣли, ибо трудно характеры импетные останавливать и имъ останавливаться безъ постояннаго отъ Бога исправленія, чтобы Онъ влилъ силъ. Съ натурою бороться, словно какъ съ жизнію бороться, ибо *уродливая* натура тоже живетъ во всей ея силѣ, которую побѣждать чего стоить? Сколько можно и сколько спросится, *буду ему совѣтывать*, а между тѣмъ при случаѣ не худо ему и подтвердить, что ему, по его характеру и привычкамъ, *совѣтъ друга* крайне нуженъ». Но Кутузовъ, обѣщавшій, при вступленіи въ должность попечителя, слушаться Поздѣева,

⁹⁰ М. П. Погодина, Н. М. Карамзинъ; ч. II, стр. 64.

повидимому не сдержалъ своего слова, и Поздѣевъ чрезъ нѣсяць снова долженъ былъ давать такія объясненія о немъ Разумовскому: «Это правда, что онъ часто ошибается, ибо все судить и писать ежели кому, то все по чувствамъ своимъ, не подозрѣвая о ихъ ошибочности, чему подвержены всѣ пылкіе, склонные къ энтузіазму, кои не вѣдаютъ, что первое паденіе и послѣдующія, всѣ отъ того, что основывались и повѣрили чувствамъ, любятъ восхищаться, но не туда; а потому что предписано и въ примѣрѣ показано чувства смирять, а ими не восхищаться; къ этому принадлежитъ, т.-е. къ восхищенію, увеличивать бездѣлицы, не обдумывать, не углубляться. Что надлежитъ до сочиненій Карамзина, кои даны университету за классическія книги, кои онъ, т.-е. Кутузовъ, привезъ ко мнѣ съ подчеркнутыми имъ мѣстами, на кои хотѣлъ я вамъ кое-что сказать; но это такая пустошь, что лѣнь читать и съ самаго начала, когда онъ данъ университету, лучше бы ихъ не принимать; а тогда, какъ ихъ приняли, то больше смотрѣли на то, чтобы ихъ куплей сдѣлать барышъ автору и мягкое гладкое писаніе предпочли пользѣ. Когда-нибудь выберу не всѣ тѣ мѣста, кои Кутузовымъ подчеркнуты, а нѣкоторыя и вамъ нѣчто скажу, то вы изволите взглянуть, слѣдуетъ ли ихъ оставить, или все отставить. Теперь съ отношеніями Павла Ивановича къ вамъ, по вашимъ ко мнѣ письмамъ, познакомленъ и совѣтовалъ, что ежели о чемъ онъ самъ представилъ, то отнюдь бы не повторялъ и не наскучалъ, что и со мной по нашимъ сношеніямъ съ нимъ мнѣ извѣстно. Во многомъ, я знаю, что онъ, какъ безпокойный и назойливый дитя чаетъ что онъ дѣлаетъ дѣло, по его зрѣнію въ вещи, хорошо; а не подозрѣваетъ, что его зрѣніе разбѣгается и не далеко видитъ. Что дѣлать! не вдругъ человѣка изъ окружности поворачишь на прямой радіусъ къ центру»²¹. Но дѣло въ томъ, что и самъ Поздѣевъ иногда, не развѣдавъ вполнѣ, что дѣлалось въ средѣ новыхъ мистиковъ, и въ какихъ отношеніяхъ къ нимъ былъ Карамзинъ, сообщалъ Разумовскому преувеличенныя о нихъ свѣдѣнія. Такъ въ началѣ 1811 года онъ въ двухъ письмахъ говорилъ о пребываніи Феслера въ Москвѣ, о Московской ложѣ француза Мезанса, о свиданіи Карамзина съ тѣмъ и съ другимъ, и приложилъ даже собственноручное объясненіе Мезансева катехизиса. Разумовскій разгласилъ о томъ въ Петербургѣ, и другъ Карамзи-

²¹ А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 487, 491, 496.

на И. И. Дмитріевъ извѣстилъ его по секрету, что Государю извѣстны его сношенія съ Мезансемъ. Карамзинъ отвѣчалъ на это Дмитріеву: «Какъ удивило меня твое письмо *по секрету!* Ради Бога, мой любезный, какъ можно скорѣе доложи нашему дражайшему Государю, что я сколь восхищаюсь симъ знакомъ Его милости-ваго ко мнѣ расположенія, столь удивляюсь несправедливости Московскихъ донесеній: я только одинъ разъ въ жизни видѣлъ Шевалье де-Мезансъ, и онъ никогда не бывалъ у меня въ домѣ, ибо своєю наружностію и тономъ мнѣ не понравился, и получивъ отъ меня сухой отвѣтъ на свои учтивыя фразы не разсудилъ за благо ко мнѣ прѣхать. Какъ можно доносить къ Императору столь ложно! Я даже подозрѣваю тутъ намѣреніе повредить мнѣ. Другъ твой едва ли можетъ быть обманутъ шпиономъ... Французскіе шпионы никогда не подумаютъ войти въ связь со мною: *я не фанатикъ и не плачу.* Увѣдомь, когда объ этомъ скажешь Государю. Мнѣ больно то, что осмѣливаются писать къ Нему столь не основательно»²³.

Карамзинъ не давалъ покоя масонамъ Поздѣвскаго направленія своей литературной дѣятельностію и еще болѣе своимъ приближеннымъ къ Александру I положеніемъ. Но онъ еще сильнѣе волновалъ Кутузова своимъ участіемъ къ Чеботареву и Историческому Обществу, когда рьяный попечитель накинудся на Общество и его предсѣдателя подъ предлогомъ ихъ бездѣятельности. Когда стало извѣстно въ Москвѣ, какого рода донесеніе отправилъ къ министру попечитель о дѣлахъ Общества, Карамзинъ встрепенулся и рѣшился было дѣйствовать противъ интригъ Кутузова. Кутузовъ по обычаю отправилъ 2 декабря 1810 г. длинное письмо къ министру, въ коемъ, перемѣшивая извѣты на литературныя мнѣнія Карамзина съ жалобами на привязанность къ историографу университетскихъ профессоровъ, говорилъ: «за нужное почитаю донести вашему сіятельству, что г. историографъ Ка-

²³ Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866; стр. 137—138. Отъ кого шелъ этотъ доносъ о сношеніяхъ Карамзина съ де-Мезансомъ можно видѣть изъ слѣдующихъ объясненій Поздѣва въ письмѣ его отъ 18 марта 1811 г.: «что надлежитъ до Мезансовою ложи, то не всѣ же могли провѣдать, кому было приказано; то не надобно дивиться, что наши всѣ уведомления явились съ тѣмъ несходны, въ чемъ, я думаю, вы посланнымъ и катихизисомъ даже увѣрились; а отъ меня поручено было такъ опровергать, что Кутузовъ и не зналъ даже, чрезъ кою я это дѣлаю».

разинъ сегодня отправляется въ Петербургъ и, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, ѣдетъ именно нарочно для того, чтобы дѣйствовать противу васъ и, *яко депутатомъ отъ всего Историческаго Общества*, просить, что они всѣ несправедливо обижены. Между прочимъ одинъ изъ его знакомыхъ вопрошалъ его, зачѣмъ онъ ѣдетъ, то онъ ему отвѣчалъ: *затѣмъ, чтобы Разумовскій и его всѣ затѣи полетѣли къ чорту*. Противу же указа и противу васъ онъ говоритъ публично и, словомъ сказать, самолюбіе его такъ оскорблено, что онъ въ ярости и бѣшенствѣ и не думалъ ѣхать въ Петербургъ до разрушенія Общества, а теперь нарочно ѣдетъ. Прислать онъ у г. министра юстиціи (т. е. И. И. Дмитріева), съ коимъ онъ очень друженъ, а потому и мѣры берите, какія ваше благоразуміе и твердость вамъ внушитъ. Его же намѣреніе все и цѣль та, чтобы новое Общество не утвердилось, и даже говорить, что онъ будетъ имѣть особую бесѣду съ Государемъ. Главныя и сильнѣйшія мѣры тѣ, что я вамъ неоднократно писалъ: нужно необходимо его демаскировать какъ чловѣка вреднаго Обществу и коего всѣ писанія тѣмъ опаснѣе, что, подъ видомъ пріятности, пренсполнены безбожія, матеріализма и самыхъ пагубныхъ и возмутительныхъ правилъ: да и безпрестанные его публичные толки вездѣ обнаруживаютъ его яко якобинца. Возьмите даже его «Марѣу Посадницу». Какой республиканскій духъ, и какая пустая выдумка, имѣющая цѣлю только воспалить духомъ республиканскимъ! Вложилъ въ уста пьяной и глупой бабы ораторскія рѣчи въ защиту вольности Новгородцевъ и заставилъ ее говорить какъ Демосѣена. И позволено ли историческое происшествіе, бывшее недавнѣе какъ за 200 лѣтъ, исказить вымыслами и на какой конецъ какъ на якобинскій? ²³ Я скоро очень доставлю вамъ выписку изъ *проклятыхъ* его сочиненій, гдѣ увидите весь ядъ, который онъ разлитъ стараяся на бѣдное наше юношество, полюбившее, къ несчастію, его бредни. *Не въ чинѣ его жаловать надобно, а весьма присматривать*

²³ Любопытно сопоставить съ отзывомъ Кутузова о «Марѣ Посадницѣ» отзывъ Вигеля, который въ своихъ «Воспомнаніяхъ» такъ осторожно упомянулъ о доносахъ его на автора Марѣы; говоря о талантѣ Карамзина, Вигель замѣтилъ: «примѣчательно въ немъ было быстрое развитіе таланта, и до того уже необычайнаго; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что сама бѣдная, милая Лиза уже казалась дѣвчонкой въ сравненіи съ величественною Марѣой: что это за красота! и что за сила въ ея изображеніи!» («Воспомнанія»; ч. III, стр. 138.) Таковъ разладъ между сужденіями объ одномъ и томъ же проповеденіи двухъ современниковъ его и притомъ литераторовъ.

за нимъ и за его знакомыми. У него бываютъ сборщица, гдѣ любимые разговоры—кощунство на счетъ религіи и св. писанія, конми онъ явно ругается! Возьмите хоть одну маленькую его книжку, вездѣ продающуюся, подѣ названіемъ «Разговоръ о счастіи», и увидите явный матеріализмъ и зловерное для юношества ученіе. А у насъ въ университетѣ его сочиненія, какъ модель штиля, сдѣлались классическими. Я не могу формально противъ этого возстать, ибо всѣ возопіютъ: *это личность*. А вы предписать это можете. Да и что за авторъ! куда онъ годится! противенъ всякой нравственности, а штиль, про который такъ кричатъ, не вѣдающіе русскаго языка! штиль самый дурной, не правильный и не русскій! Загляните въ книгу «О старомъ и новомъ русскомъ слогѣ», сочиненную вице-адмираломъ Шишковымъ, или удостойте Шишкова о семъ поговорить; онъ ясно доказываетъ, что сей авторъ худо грамотѣ знаетъ. Но какъ бы то ни было, поѣхалъ онъ въ Петербургъ не за добромъ, а съ великими замыслами и интригами, *вся его партія* здѣсь уже заранѣе ему какъ идолу покланяется, думая, что онъ будетъ случайнымъ человѣкомъ. *Профессоры наши курятъ сигары предъ нимъ и многіе были въ первый день праздника съ визитомъ, а у меня не были*. Вотъ какое онъ вліяніе здѣсь имѣетъ. Вы одни можете уронить его цѣну и сдѣлать, чтобы онъ не такъ у двора принятъ былъ, какъ его обожатели воображаютъ, и чтобы не съ триумфомъ сюда возвратился, какъ они всѣ увѣрены. А самое сильное для него пораженіе: 1) если уставъ Общества Исторіи утвердится, ибо онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ утверждению его помѣшаетъ; 2) если вы, яко отъ самихъ себя, разсудить изволите написать ко мнѣ бумагу, что его сочиненія не употреблять, яко классическія, въ университетѣ и во всѣхъ училищахъ. Исторіею же своею, коей еще не видалъ никто, или весьма малое число людей видѣли, хвастаетъ онъ заранѣе, что всѣ наши хроники, всѣ писатели прежде него вралы, а онъ откроетъ свѣтъ въ нашей исторіи! Но заранѣе можно сказать, что это будетъ романъ, ибо самъ онъ говорилъ, что на русскихъ хроникахъ не утверждался, а основывался на иностранныхъ, на примѣръ, на Оларіѣ и ему подобныхъ. Тутъ только одно замѣчаніе г. исторіографу сдѣлать можно, а именно, что ежели новѣйшіе иностранные писатели, какъ-то: Леклеркъ, Шапъ, Перенъ вралы насчетъ Россіи небылицы и тогда, когда мы со всею Европою въ сношеніи, то могли ли о насъ справедливо писать древнѣйшіе иностранцы, на коихъ г. исторіографъ утверждаетъ. Несторъ бредитъ, по его

мнѣнію, яко глупый монахъ, и вотъ развязка, почему *Нестора нарочно въ уюжденіе ему Чеботаревъ не далъ издавать*, дабы дать время выдать исторію и дабы изданіе Нестора не ускорило и не изобличило бы игривости г. историографа и не опровергло бы всѣхъ его вымысловъ и фантазій. *Это у него съ Чеботаревымъ условлено было и онъ летитъ въ Петербургъ, дабы и намъ помѣшать его изобличить изданіемъ странныхъ мѣтотисей.* Итакъ ваше сіятельство лучше меня изволите знать, какія брать мѣры для чести университета, для блага общаго и для собственной вашей славы предъ публикой, которая, буде нашъ уставъ не утвердится, еще болѣе будетъ прославлять и достоинство, и силу г. историографа, такъ уже щедро награжденнаго за одно намѣреніе издать исторію. Простите мнѣ ваше сіятельство мое многоглаголаніе: оно изъ одной любви къ отечеству протекаетъ. Я только-что сегодня свѣдалъ о поѣздкѣ г. историографа, то и послѣшилъ на тяжелой почтѣ о семъ васъ увѣдомить. Спѣшу послать Разговоръ его о счастіи. Этимъ можете его изобличить. Ядовитыя мѣста противу нравственности нарочно мною подчеркнуты, потрудитесь хоть взглянуть на нихъ. Я вскорѣ къ вамъ пришлю выписку изъ всѣхъ его сочиненій». ²⁴

Опасенія Кутузова не оправдались: въ тотъ самый день, какъ онъ излагалъ ихъ въ своемъ письмѣ къ Разумовскому, послѣдній докладывалъ Александру I о закрытіи прежняго Общества и учрежденіи другаго. 14 декабря, какъ мы уже знаемъ, Кутузовъ привелъ въ исполненіе первую часть доклада и занялся приготовленіемъ ко второй. Не далѣе какъ черезъ восемь дней «начертавъ предварительно правила, которыми должны руководимы быть члены учреждаемаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», онъ пригласилъ къ себѣ въ домъ на частное вечернее засѣданіе: отставнаго майора и почетнаго члена Московскаго университета Платона Петровича Бекетова, отставнаго тайнаго совѣтника и кавалера Бориса Ивановича барона фонъ-Фитингофа, статскаго совѣтника, профессора и кавалера Прохора Игнатьевича Суворова, профессора и секретаря Совѣта Ивана Алексѣевича Двигубскаго, отставнаго майора Сергѣя Николаевича Глинку, Правительствующаго Сената 6-го департамента экзекутора Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, надворнаго совѣтника и кавалера Петра Михайловича Дружинина, профессора Романа Фодоровича Тимковскаго, профес-

²⁴ А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 325—327.

сора Василья Михайловича Котельницкаго, коллежскаго ассессора Сергѣя Павловича фонъ-Визина и переводчика иностранной коллегии Якова Іевлевича Бардовскаго. Охотникъ поораторствовать въ кругу людей ему знакомыхъ, Кутузовъ обратился къ гостямъ своимъ съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что неудачи, постигающія иногда ученія Общества, происходятъ обыкновенно или отъ неимѣнія устава или вслѣдствіе недостатка въ единодушіи и усердіи со стороны членовъ, отчего такія Общества, не будучи ими пружинами руководимы и возгремѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ однимъ именемъ или нѣсколькими малыми листочками, исчезали, какъ мгновенные метеоры, не оставя слѣдовъ бытія своего. Благотворное правительство, не отказывавшее имъ въ своемъ покровительствѣ, не видя однакожь ни малѣйшей пользы отъ нихъ, должно было прекращать ихъ засѣданія и изобрѣтать средства къ образованію новыхъ, болѣе дѣятельныхъ и полезныхъ Обществъ. Такое предсловіе прямо относилось къ только-что закрытому Кутузовымъ Историческому Обществу, ибо другихъ примѣровъ, несмотря на сдѣланное имъ обобщеніе, ораторъ не могъ указать. А потому, приписавъ закрытіе прежняго Общества прозорливости Александра I, онъ заявилъ, что Государю благоугодно, чтобъ Общество вновь составилось и возродилось подобно Фениксу изъ пепла своего. Отдавъ хвалу Александру словами: «буди благословенна неутомимая отеческая попечительность Монарха благотворнаго, о благѣ подданныхъ непрестанно помышляющаго», Кутузовъ объявилъ, что составленіе новаго Общества и начертаніе правилъ для онаго возложены Государемъ на него: «Таковой подвигъ неизреченно великъ, по слабости силъ моихъ и по недостаточеству моихъ дарованій! Единая столь лестная Его Величества ко мнѣ довѣренность меня ободряетъ, подкрѣпляетъ и даетъ мнѣ надежду, что усердіе ко благу общему, пламенное желаніе исполнить волю моего Монарха и благотворителя замѣняютъ мои недостатки». Сославшись потомъ на достоинства и способности присутствовавшихъ, Кутузовъ предложилъ имъ начертаніе своихъ мыслей о дѣятельности новаго Общества, приглашая своихъ гостей усовершенствовать и дополнить эти мысли. «Паче же всего, милостивые государи, потщитесь одушевиться пламеннымъ усердіемъ къ благу отечества, безпредѣльнымъ желаніемъ исполнить волю нашего Государя, освятить нашъ кругъ согласіемъ, дружбою и любовью, безъ коихъ таковое Общество прочно и твердо быть не можетъ. И тогда, конечно, добрыя намѣренія наши увѣичаются, сіе Общество, яко

младенецъ изъ пеленъ возникающей, можетъ-быть огромнымъ колоссомъ, къ славѣ и пользѣ отечества главу свою возвышающимъ; мы сподобимся животворнаго одобренія и милости нашего Государя и благодѣтеля; само Провидѣніе не лишитъ насъ Всемогущей Его помощи, и какъ мысли наши такъ и подвиги перейдутъ въ потомство. Озаряемся благотворнымъ блескомъ безсмертнаго и во всѣхъ вѣкахъ жить долженствующаго Россамъ и всему міру любезнаго и священнаго имени Александра I, яко отца и покровителя истиннаго просвѣщенія»²⁵.

Прочитавъ затѣмъ документы, имѣвшіе отношеніе къ закрытію прежняго Общества, Кутузовъ предложилъ на разсмотрѣніе присутствовавшихъ составленный имъ уставъ. Онъ былъ одобренъ единогласно и всѣми подписанъ для отсылки къ министру. Послѣ того присутствовавшіе стали просить Кутузова принять на себя званіе предсѣдателя. Но въ отвѣтъ на это онъ произнесъ вторую рѣчь, въ которой признавалъ, что конечно имѣлъ бы нѣкоторое право быть предсѣдателемъ въ новомъ Обществѣ, по оказываемому къ нему Высочайшему довѣрію, по усердію его ко благу отечества, и что такое званіе было бы для него лестно; но съ одной стороны не желая никому давать повода упрекать его въ честолюбіи, любоначалии и первенствованіи, а съ другой—ссылаясь на многочисленныя обязанности, возложенныя на него двоякимъ служеніемъ, какъ во храмъ Ѧмиды, такъ и въ святилищѣ музъ, онъ торжественно отрекся отъ предсѣдательства: «да заградятся уста готовыхъ разглашать, что я сего желалъ!» прибавилъ онъ. Но убѣжденный въ томъ, что преобразуя Общество даетъ ему какъ бы новое бытіе, Кутузовъ позаботился указать главу для вновь создаемаго тѣла и предложилъ въ предсѣдатели П. П. Бекетова въ такихъ выраженіяхъ: «любовь къ отечеству, ревнованіе къ общему благу, неутомимая дѣятельность его въ предпріятіяхъ, суть отличительныя его свойства; обширныя познанія Россійской литературы, Исторіи и Древностей его украшаютъ; изслѣдованія ихъ и собраніе къ онымъ матеріаловъ суть его любимыя упражненія, Да умолчу о другихъ его любезныхъ и почтенныхъ качествахъ, являющихъ въ немъ челоуѣка и гражданина! ибо сіе можетъ-быть притчено пристрастіемъ связующей меня съ нимъ дружбы! но я

²⁵ См. Приложеніи № III.

сказалъ то только, въ чемъ каждый благомыслящій отдастъ ему справедливость. Вотъ, милостивые государи, мой образъ мыслей, изъясненный со свойственною мнѣ откровенностію! онъ меня удостоивъ являетъ, что, подъ руководствомъ такого предсѣдателя, Общество должно процвѣтать, укрѣпляться съ пользою и честью возлюбленнаго мнѣ университета и всего отечества. Вашему прозорливому благоразумію и свободной волѣ предаю одобреніе сего предложеннаго мною выбора»²⁶.

Едва ли кто изъ присутствовавшихъ могъ превзойти П. П. Бекетова личными, родственными и литературными связями своими съ извѣстными людьми того времени: такъ обширны были его отношенія къ людямъ всевозможныхъ поможений въ обществѣ и партиі въ литературѣ. Онъ былъ сынъ отставнаго полковника Петра Аванасьевича и племянникъ Астраханскаго губернатора Никиты Аванасьевича Бекетовыхъ и родился 11 ноября 1761 года. У отца его, принадлежавшаго къ дворянству Новгородскаго намѣстничества, было не мало родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имѣній, заселенныхъ 7426 душами. Отъ перваго брака Петра А—ча съ дѣвцею Репьевою и родился второй предсѣдатель Историческаго Общества. Уже по отцу своему онъ былъ въ родствѣ съ И. И. Дмитриевымъ, мать котораго была родная сестра Петра А—ча. Но второй бракъ отца доставилъ фамиліи Бекетовыхъ еще большія связи. Онъ женился на одной изъ дочерей знаменитаго по своимъ богатствамъ заводчика Ивана Борисовича Мясникова-Твердышева. Принцъ Ивановъ, три сестры которой были въ замужествѣ также за очень извѣстными въ то время людьми: Аграфена за А. Ф. Дурасовымъ, Екатерина за Г. В. Козицкимъ и Дарья за А. Пашковымъ. Отъ втораго брака у Петра А—ча было трое сыновей и три дочери, изъ коихъ младшая Елена была замужемъ за А. Д. Балашевымъ, въ послѣдствіи оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ, а съ 25 іюля 1810 года министромъ полиціи и Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. П. П. Бекетовъ сперва учился въ Казани и Симбирскѣ вмѣстѣ съ И. И. Дмитриевымъ, потомъ въ Москвѣ въ пансіонѣ Шадена, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ и Н. М. Карамзинымъ, который также былъ дальнимъ родственникомъ ихъ. Въ 1779 году онъ поступилъ

²⁶ См. Приложеніи № IV.

въ гвардейскій Семеновскій полкъ, гдѣ служилъ тогда и Дмитріевъ, и къ этому времени относятся его первые литературные опыты. 1-го января 1788 года онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ премьеръ-майора для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ и поступилъ въ герольдмейстерскую контору при Сенатѣ, пробывъ при ней до 1798 года, послѣ чего опять вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ приобрѣлъ большой домъ на Кузнецкомъ мосту на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Университетскія Клиники, завелъ типографію и словолитню, ставшею скоро лучшею въ Москвѣ по своимъ изданіямъ, которыя отличались чистымъ, красивымъ шрифтомъ и тщательною отдѣлкою чертежей и рисунковъ; въ то же время онъ сталъ собирать древности и письменные памятники Русской исторіи, завелъ у себя кабинеты нумизматической и минералогической и принималъ участіе въ изданіи журналовъ. Прежде всего онъ началъ издавать: «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ», котораго и вышло четыре тетради въ 1801 и 1802 годахъ. Этотъ журналъ имѣлъ эпиграфъ: «Душа писателей въ твореніяхъ видна; но самый образъ ихъ бываетъ намъ пріятенъ». Коротенькія біографическія свѣдѣнія о лицахъ, изображенныхъ на портретахъ, которые и составляли сущность изданія, писаны были Карамзинымъ. Затѣмъ Бекетовъ принималъ участіе въ изданіи «Друга Просвѣщенія» за первый его годъ (1804). Между книгами, вышедшими изъ его типографіи, особенно любопытны по именамъ авторовъ и переводчиковъ и по изяществу печати, какое только было доступно въ то время: «Допъ Кихотъ» въ переводѣ Жуковского; «Донъ-Коррадо де-Геррера или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», руссійское произведеніе Н. И. Гнѣдича, только еще выступавшаго тогда на литературное поприще; «Сочиненія и переводы» И. О. Богдановича. А въ годъ избранія Бекетова въ предсѣдателя Историческаго Общества, имъ было издано «Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году февраля 5 дня, при бракосочетаніи Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича съ Государынею Царицею Евдокією Лукьяновною изъ рода Стрѣшневыхъ» (съ 63 рисунками). Онъ же помогъ С. Н. Глинкѣ при изданіи «Русскаго Вѣстника», основаннаго въ 1808 году, что засвидѣтельствовано самимъ Глинкою, сказавшимъ: «если «Русскій Вѣстникъ» заслужилъ какое-либо вниманіе, то за это я обязанъ П. П. Бекетову. Зная, что я не имѣю никакихъ средствъ къ изданію моихъ трудовъ, онъ взялъ на свой отчетъ печатаніе первыхъ книжекъ. Великодушіе его оживило меня и подвигло къ трудамъ,

но возможности моей посвящаемымъ пользѣ общественной. Какому бы ни подвергся жребію «Русскій Вѣстникъ», но изъ души моей никогда не истребится благодарность къ сему благодѣтельному любителю словесности».

Остается упомянуть, что П. П. Бекетовъ славился по Москвѣ своими вечерами по четвергамъ, на которыя собирались всѣ любители литературы того времени и которые даже были воспѣты нѣкоторыми изъ нихъ въ различныхъ по таланту стихахъ²⁷. Можно сказать, что едва ли между современниками могли найтись люди, почему-либо недовольные избраніемъ Бекетова въ председа-

²⁷ О П. П. Бекетовѣ см. статью А. Н. Корсакова: «Бумаги П. П. Бекетова» въ *Русскомъ Архивѣ* за 1880 годъ, кн. III, стр. 327—404. И. И. Дмитріева, *Взглядъ на мою жизнь* (М. 1866); стр. 265, 266, 267, 280, 286. По поводу своей жизни въ Сызрани въ 1794 г. Дмитріевъ говоритъ: «для меня достаточно было одной моей семьи и двоюроднаго моего брата П. П. Бекетова: съ нимъ я вмѣстѣ учился въ Казани и Омбирскѣ; вмѣстѣ служилъ въ гвардіи и, къ счастью моему, вмѣстѣ доживаю теперь и старость» (стр. 70). *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву* (Спб. 1866); стр. 9, 69, 91, 93, 118, 121, 125, 142, 460, 462; 07, 050, 0160, 0163 и 0177. Начиная съ 1788 года и до самой кончины Карамзина встрѣчаются въ его письмахъ частыя упоминанія о Бекетовѣ, у котораго онъ часто бывалъ, равно какъ и Бекетовъ у него. *Гр. Гетцади, Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученияхъ*; т. I, стр. 76—77, 349. Первые литературныя произведенія Бекетова появились въ «Санктпетербургскомъ Вѣстникѣ» 1780 года. Это были: переводъ съ французскаго двухъ статей: «Мысли Мильтоновы» (ч. VI, стр. 115 и 123) и «Размышленія одного дикаго человѣка, которыя можно почесть предсказаніемъ» (ч. VI, стр. 280—282) и стихъ къ портрету Вольтера (тамъ же, стр. 283). Въ 1794 году онъ помѣстилъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» двѣ, довольно извѣстныя въ свое время пѣсни: «Всего богатства міра» и «Не свѣти ты мѣсяцъ» (ч. IV, стр. 89—91). Между бумагами П. П. Бекетова сохранилось между прочимъ письмо къ нему Н. Радищева изъ Малоярославца отъ 17 іюля 1810 года объ изготовленномъ имъ переводѣ сочиненій Лаверна. Изъ стиховъ на четверговые пиры Бекетова приведемъ слѣдующія:

Хоть здѣсь не многолюдный пиръ,
Печатныхъ не было билетовъ;
Но мы забыли цѣлый міръ
Затѣмъ, что похваля насъ Бекетовъ.

Хозяинъ всѣмъ любезенъ намъ,
Сей пиръ превыше всѣхъ банкетовъ,
Когда пріятели, друзьямъ
Такъ радъ любезный нашъ Бекетовъ.

тели Историческаго Общества. Если справедливо замѣчаніе Вегеля о первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, что «тогда въ Россіи стоило что-нибудь написать, да только напечатать, чтобы приписаться къ цеху даже ученыхъ», то Бекетовъ имѣлъ полное право на титулъ ученаго и на званіе предсѣдателя въ Историческомъ Обществѣ. Если П. И. Кутузовъ, претендовавшій на это званіе, свидѣтельствовалъ о своихъ познаніяхъ въ исторіи литературы древней и новой, въ Латинскомъ языкѣ, даже въ химіи, ботаникѣ и медицинѣ, то Бекетовъ, не считавшій себя такимъ энциклопедистомъ, и бывшій по преимуществу любителемъ русской старины, конечно болѣе его отвѣчалъ своему новому назначенію²³. Не мало говорило въ пользу Бекетова, какъ общественнаго дѣятеля, и то обстоятельство, что онъ умѣлъ сохранять одинаково добрыя отношенія къ людямъ различныхъ литературныхъ партій. Онъ оставался въ пріязни и съ Карамзинымъ, и съ Голенищевымъ-Кутузовымъ, которые и по литературной дѣятельности, и по положенію среди остальныхъ членовъ Общества, были антиподами. Конечно Кутузовъ, по личному опыту знавшій о готовности Бекетова жертвовать на литературныя предпріятія, предлагая его въ предсѣдатели Общества, рассчитывалъ и въ этомъ случаѣ на его щедрость, ибо хорошо понималъ, что не малою причиною безуспѣшной дѣятельности Общества при Чеботаревѣ было безденежье.

Секретаремъ Общества, конечно также по предложенію Кутузова, избранъ былъ профессоръ естественной исторіи Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій (род. 1771 г.), происходившій изъ духовнаго званія, учившійся въ Харьковскомъ коллегіумѣ, въ коемъ потомъ былъ учителемъ риторики, а по окончаніи курса въ Университетѣ (1793—1796) поступившій на службу въ Университетскій пансіонъ, съ званіемъ адъюнкта, затѣмъ пробывшій долгое время за границей и произведенный въ 1808 году въ ординарные профессоры. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ русскихъ ученыхъ и писателей той эпохи по зоологіи, сравнительной анатоміи, ботаникѣ, физикѣ и даже технологіи. Онъ уже успѣлъ издать до того времени, когда вступилъ въ Историческое Общество, нѣсколько учебниковъ по разнымъ отдѣламъ естествен-

²³ *Воспоминанія Ф. Ф. Визеля*; ч. III, стр. 146. *А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 293.

но—историческихъ наукъ, и извѣстенъ былъ рѣчью, произнесенною на Университетскомъ актѣ 30 іюля 1806 года: «О нынѣшнемъ состояніи земной поверхности». Въ то время онъ былъ уже членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ: Вольнаго Экономическаго въ Петербургѣ, Московскихъ—Испытателей Природы, Соревнованія Физическихъ и Врачебныхъ наукъ, Парижскаго Академическаго наукъ, Геттингенскихъ — Физическаго, Повивальнаго и Ботаническаго и Корреспондентомъ Гальваническаго Общества въ Парижѣ. Но конечно не за ученые заслуги въ предметахъ своей специальности выбранъ былъ онъ въ секретари Историческаго Общества, а потому что былъ секретаремъ университетскаго совѣта, какъ и первый секретарь Общества П. А. Сохацкій²⁹. Казначеемъ Общества избранъ былъ директоръ Московской губернской Гимназіи и членъ Общества Любителей Коммерческихъ знаній и Испытателей Природы Петръ Михайловичъ Дружининъ, котораго Кутузовъ, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ должность попечителя, представлялъ уже къ наградѣ.

По избраніи должностныхъ лицъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ членовъ заявили, какими именно трудами намѣреваются принести пользу Обществу. Самъ Кутузовъ выразилъ готовность заняться изслѣдованіемъ древней Россійской поэзіи; Бекетовъ редакціею лѣтописей, а Тимковскій сличеніемъ Несторовой лѣтописи Пушкинской, представивъ притомъ одиннадцать листовъ ея, уже сличенныхъ и выправленныхъ въ шесть дней, что «Общество приняло тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что членамъ его извѣстно, съ какою медленностью происходило сличеніе въ бывшемъ Обществѣ». Баронъ Фитингофъ обѣщалъ заняться изслѣдованіемъ древнихъ русскихъ монетъ и медалей; Двигубскій изслѣдованіемъ состоянія заводовъ, фабрикъ и ремеслъ, а Котельницкій—медицины въ Россіи до Петра Великаго, и оба эти заявленія о предметахъ, не только оставшихся до тѣхъ поръ необработанными, но даже и неупомянутыми никогда въ историческихъ сочиненіяхъ, приняты были присутствовавшими въ засѣданіи съ отличительнымъ удовольствіемъ, яко существенно къ упражненіямъ и цѣлямъ Общества принадлежащія». Глинка изъяснилъ го-

²⁹ *Биографическій словарь* профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета; ч. I, стр. 290—294. *Гр. Геттади, Справочный Словарь*; ч. I, стр. 282—283.

товность быть редакторомъ журнала, который предположено было издавать отъ имени Общества, и даже обѣщаль пожертвовать для такой цѣли имѣвшіеся въ его распоряженіи историческіе матеріалы листовъ на 12. Наконецъ Бардовскій думаль заняться развѣдываніемъ древнихъ манускриптовъ по монастырямъ въ Москвѣ и сводомъ польскихъ рукописей съ русскими. Въ заключеніе этого совѣщательнаго засѣданія рѣшено было, по утверженіи устава для преобразованнаго Общества, присоединить къ членамъ «образователямъ» его посредствомъ балотировки новыхъ членовъ, для чего каждый изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи 22 декабря могъ предложить трехъ кандидатовъ, и за тѣмъ уже въ присутствіи всѣхъ имѣть торжественное собраніе ³⁰.

Въ тотъ же день Кутузовъ отправилъ частное письмо къ Разумовскому, въ коемъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ съ наступавшими праздниками, давалъ коротенькое извѣстіе о только что происшедшемъ засѣданіи: «Вопервыхъ, имѣю честь донести в. с., что Общество Историческое образовано. Президентомъ выбранъ Бекетовъ по причинамъ, о коихъ я имѣлъ честь прежде вамъ доносить, да и потому: 1) чтобы не сказано было, что я, желая президентства, противу сего Общества дѣйствовалъ; 2) что по занятіямъ моимъ мнѣ и свободнаго времени мало. Правило или уставъ, въ коемъ все къ лучшему придумано, готовъ, и ежели на завтрешней тяжелой почтѣ не успѣю, то непремѣнно на слѣдующей и уставъ и протоколъ перваго засѣданія буду имѣть честь при официальномъ моемъ донесеніи в. с. представить. Веда неутомимую мою дѣятельность, прошу, по приложенной при семъ запискѣ, попещись о доставленіи какого-либо *успѣшному моему духу ободренія*, которое и для васъ самихъ предъ глазами публики нужно показать поддержаніемъ моихъ трудовъ, подъ вашимъ руководствомъ къ пользѣ общей дѣйствующихъ» ³¹. Четыре дня спустя Кутузовъ отправилъ министру уже официальное донесеніе объ учреженіи, составленіи и образованіи новаго Общества, при чемъ посылаалъ протоколъ засѣданія бывшаго 22 декабря, двѣ рѣчи сказанныя имъ въ этомъ же засѣданіи, правило или уставъ, имъ же начертанный и присутствовавшими въ засѣданіи одобренный ³².

³⁰ См. Приложеній № II.

³¹ А. А. Васильчикъ а, *семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 327.

³² См. Приложеній №№ I—IV.

Отправивъ уставъ въ Петербургъ, Кутузовъ весь сосредоточился на хлопотахъ о его утвержденіи. Онъ опасался прорисковъ противъ него со стороны враждебной партіи, и очень обезпокоился, когда адъютантъ Чеботаревъ просилъ у него на Рождественскихъ праздникахъ позволенія ѣхать въ Петербургъ; зная «его необузданное поведеніе и дерзкій языкъ», Кутузовъ ходатайствовалъ у министра, чтобы тотъ предписалъ ему, какъ попечителю, что не соизволяетъ на отпускъ Чеботарева. Кутузовъ имѣлъ основаніе думать, что написанный имъ уставъ во всякомъ случаѣ не будетъ утвержденъ министромъ во всѣхъ его подробностяхъ; ибо включилъ въ него не мало такихъ льготъ какъ для самаго Общества, такъ и для его членовъ, какими пользовались даже не всѣ Государственныя учрежденія и находившіяся на службѣ оныхъ лица.

Наступилъ февраль, а извѣстія объ утвержденіи устава все еще не было. 13 числа Кутузовъ отправилъ письмо къ Разумовскому о своихъ подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ торжественному открытію Общества: «1) Руководствуясь наставленіями вашими о приглашеніи членовъ въ Историческое Общество, я за обязанность поставилъ самъ лично съ благодарностію доставить графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину рукопись древняго Несторова лѣтописца, въ коей мы, благодаря г. Тимковскому, болѣе уже нужды не имѣемъ; а при семъ случаѣ пригласилъ его сіятельство въ члены вновь составляемаго Общества, что онъ принялъ весьма благопріятно, давъ обѣщаніе быть самымъ дѣятельнымъ нашимъ членомъ и всѣми силами благу Общества содѣйствовать; 2) а такъ какъ графъ Алексѣй Ивановичъ объявилъ мнѣ, что онъ сію рукопись непременно отправитъ въ Петербургъ; да сверхъ того свѣдалъ я, что онъ въ сношеніи съ г. Оленинымъ, пекущимся о скорѣйшемъ изданіи сей лѣтописи, то въ предупрежденіе, чтобы насъ не выпередилъ г. Оленинъ, не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству испросить, чтобы сія рукопись подарена была вновь составляющемуся Историческому Обществу; 3) мы приступимъ немедленно къ печатанію лѣтописца, и всѣ силы употребимъ, чтобы онымъ не мѣшкать. Какъ же скоро получимъ отъ вашего сіятельства разрѣшеніе, то и къ другимъ работамъ Общества приступитъ, учредя предварительно періодическія засѣданія»³³.

³³ А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 329—330.

Когда Кутузовъ писалъ приведенное здѣсь письмо, уставъ уже былъ утвержденъ, хотя и съ значительными перемѣнами, о чемъ Разумовскій уведомилъ московскаго попечителя официальнымъ письмомъ отъ 22 февраля. Онъ сообщалъ, что право получать изъ всѣхъ архивовъ, какіе есть въ государствѣ, нужныя для Общества свѣдѣнія, также изъ монастырей и казенныхъ библиотекъ книги или рукописи, онъ считалъ нужнымъ ограничить; что требованіе, чтобы никакая книга, до Россійской Исторіи касающаяся, не могла быть напечатана безъ одобренія Общества, считаетъ мѣрою притѣснительною и налагающею, помимо общей цензуры, новыя оковы на умы, взаменъ чего можно поставить Обществу въ обязанность задавать замѣчанія на таковыя сочиненія. Далѣе министръ отвергъ предложенное Кутузовымъ наименованіе Общества Императорскимъ, потому что и прежнее Общество не имѣло такого названія. Отказано было также въ предложенныхъ Кутузовымъ къ ежегодной выдачѣ Обществу 5000 руб. изъ остатковъ отъ училищныхъ суммъ, такъ какъ остатки эти бываютъ не важны и кромѣ того на нихъ лежитъ много другихъ расходовъ. Равнымъ образомъ Разумовскій не нашелъ удобнымъ испрашивать у Государя единовременнаго пособія въ 3000 руб. на устройство помѣщенія для собраній Общества. Не согласился онъ также на дарованіе права иногороднымъ корреспондентамъ Общества отправлять въ Общество чрезъ почту пакеты, посылки и письма безъ платежа въсовыхъ денегъ. Министръ исключилъ и тотъ параграфъ, которымъ предполагалось освободить дома и квартиры членовъ Общества отъ постоевъ и другихъ повинностей, а самимъ членамъ предоставить университетскій мундиръ. Причину такой отиѣны Разумовскій изложилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «домы профессоровъ и учителей и занимаемые ими покои освобождены отъ постоевъ и прочихъ полицейскихъ повинностей для того, чтобы совершенно успокоить въ многотрудныхъ единообразныхъ занятіяхъ классъ людей, посвятившихъ жизнь на образованіе согражданъ, большею частію при самомъ бѣдномъ состояніи; но Общество Исторіи состоитъ все почти изъ чиновниковъ гражданскихъ. Носить университетскій мундиръ членамъ Общества, кромѣ принадлежащихъ къ университету, я также не нахожу надобности. Съ сей стороны Общество сіе должно равняться съ другими Обществами, которыя не пользуются симъ преимуществомъ». Наконецъ Разумовскій исключилъ изъ устава званіе членовъ «образователей». Кутузовъ конечно не былъ доволенъ такими измѣненіями; но ихъ вполне одобряла противная

партія ³⁴. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ А. К. Разумовскій извѣщалъ Кутузова, что съ своей стороны утверждаетъ какъ предсѣдателя Обществомъ избраннаго, такъ и членовъ онаго.

³⁴ См. Приложеніи № VI. Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву изъ Твери отъ 20 марта 1881 года: «Платонъ Петровичъ давалъ мнѣ читать *исправленный* и подписанный Министромъ Уставъ новаго Историческаго Общества. Статьи объ освобожденіи членовъ отъ городскихъ повинностей, о полученіи изъ казны денегъ, о ценсурѣ и проч. выкинуты къ сожалѣнію автора; но весь уставъ есть нелѣпость въ глазахъ знающаго человѣка и произведеніе смѣшнаго невѣжества въ этомъ дѣлѣ» (*Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 142). Кромѣ указанныхъ въ письмѣ гр. А. К. Разумовскаго къ И. И. Голенищеву-Кутузову измѣненій въ проектѣ устава, составленномъ послѣднимъ, были и другія, состоявшія главнымъ образомъ въ редакціонныхъ поправкахъ. По сличеніи подлинной рукописи представленнаго Кутузовымъ устава, хранящейся въ дѣлахъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, съ уставомъ, напечатаннымъ въ 1 ч. «Записокъ в Труды Общества Исторіи и Древностей» (стр. I—XXIV), оказались между ними слѣдующія разнорѣчія. Въ рукописи § 1-му предшествовало такое предисловіе: «Начало Исторіи отечества нашего по крайней мѣрѣ съ тѣхъ временъ, когда имя Россіи извѣстнѣе въ Европѣ, содержится въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ. Но сіи лѣтописи, дошедшія до нашихъ временъ, обезображены невѣжествомъ переписчиковъ, дерзостью объяснителей и замѣчателей; критическій разборъ ихъ требуетъ столь многоразличныхъ знаній, трудовъ великихъ, постоянныхъ и продолжительныхъ, что жизнь одного человѣка, и самая долгая, едва ли будетъ для того достаточна. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обширныхъ предѣлахъ Россійской Державы находится множество памятниковъ нашей древности, для объясненія и собранія коихъ нужны ученія и другія пособія». Затѣмъ уже слѣдовалъ § 1 въ такомъ изложеніи: «Для удобнѣйшаго выполненія по возможности сею нампренія учреждается при Имп. Моск. Ун. Общ. Ист. и Древн. Рос.», а въ печатномъ уставѣ выкинуты первые семь словъ, и «учреждается» поставлено между словами «Университетѣ» и «Общество». Въ § 6 вмѣсто: «свою особую печать», какъ стояло въ проектѣ, сказано въ утвержденномъ уставѣ: «свою общественную печать»; въ § 12 вмѣсто: «соучаствовать не желаетъ» принято: «участвовать не желаетъ»; въ § 13 вм. «повременно читаетъ»—«по временамъ читаютъ»; въ § 17 вм. «всякій членъ»—«каждый членъ»; въ § 26 вм. «кончитъ засѣданія»—«оканчиваетъ засѣданія»; въ § 31 вм. «въ день учрежденія Общества»—«въ день открытія Общества»; въ § 33 вм. «дневную записку»—«дневную записку»; въ § 44 вм. «1) имена ихъ напечатаны будутъ»—«1) имена ихъ печатаны будутъ» и вм. «3) они получаютъ особаго рода дипломы»—«3) они получаютъ особаго рода дипломы»; въ § 45 вм. «почтено будетъ»—«сочтено будетъ»; въ § 59 вм. «въ день Высочайшаго утвержденія онаго»—«въ день открытія сею Общества»; въ § 60 вм. «какія либо переѣмны»—«какія нибудь переѣмны». Между этими измѣненіями къ важнѣйшимъ надо отнести конечно опущеніе предисловія и двукратную замѣну словъ «учрежденіе» или «утвержденіе» Общества словомъ «открытіе», ибо Высочайше Общество утверждено было еще въ 1804 году и дважды учреждать или утверждать одно и тоже было бы странно: такую переѣмную въ на-

Уставъ Общества, утвержденный Государемъ 21 января 1811 года въ редакціи, составленной въ министерствѣ, состоялъ изъ девяти главъ. Первая, опредѣляя составъ, права и преимущества

ложеніи устава признавалась непрерывность въ существованіи Общества и дарованіе ему устава считалось только преобразованиемъ прежняго, а не основаніемъ совершенно новаго Общества. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ рукописномъ уставѣ параграфъ о членахъ «образователяхъ», стоявшій предъ § 20 печатнаго, изложенъ былъ такъ: «Тѣ изъ членовъ, которые приглашены были къ изложенію сего Устава, имѣютъ называться образователями Общества и подъ сими названіемъ имена ихъ сохраняются въ Архивахъ Общества». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ измѣненія и поправки въ проектъ Устава, присланномъ Кутузовымъ, произведены были не самимъ гр. А. К. Разумовскимъ, а директоромъ министерской канцеляріи И. И. Мартыновымъ, пользовавшимся большимъ довѣріемъ еще при гр. П. В. Завадовскомъ, при коемъ онъ писалъ большую часть уставовъ учебныхъ заведеній, всѣ инструкціи, набиралъ чиновниковъ и составлялъ штаты для училищъ только что учрежденнаго Министерства Народнаго Просвѣщенія которому и самое названіе придумано было имъ же. Гр. А. К. Разумовскій, несмотря на сильное нерасположеніе къ Мартынову, удержалъ его въ вышеназванной должности и Мартыновъ еще сильнѣе прежняго сталъ трудиться. Самъ писатель, переводчикъ греческихъ классиковъ, членъ Россійской Академіи, Мартыновъ отлично зналъ нѣмцянину и притязанія Кутузова, который въ свою очередь ненавидѣлъ его. Въ томъ самомъ письмѣ, въ коемъ Кутузовъ извѣщалъ о заведеніи, бывшемъ у него на дому, онъ сообщалъ министру яко благодѣтелю своему, о «нѣкоемъ слухѣ касательно учебныхъ польскихъ фундашей и особыхъ по онымъ и будтобы весьма удивительныхъ дѣйствіяхъ г. Мартынова». Позднѣе, потерявъ цѣлый рядъ неудачъ въ своихъ представленіяхъ министру, благодаря предусмотрительности тогоже Мартынова, Кутузовъ просто ругалъ его во всѣхъ письмахъ къ Разумовскому. Такъ 10 июля 1814 онъ писалъ: «г. Мартыновъ дастъ ко гдѣву на меня возбуждаетъ; наволыте-ка посмотрѣть въ №№ 35, 36 и 37 книжекъ «Объ уснѣхахъ Народнаго Просвѣщенія» статью: *теорія удовольствій*, не лезетъ ли тутъ чистый матеріализмъ на стр. 320 и слѣдующихъ. Вотъ что г. Мартыновъ выдаетъ, а потомъ какъ до чего дойдетъ, то скажетъ, что вы приказали... Господь Спаситель мой всегда со мною; онъ меня не оставитъ, онъ вамъ откроетъ глаза и дастъ вамъ зрѣть всю мерзость Мартынова, коему вы вѣщаетесь ко вреду вашему и коего если бы не было при васъ, то вы бы были много довольны да и всѣ вами бы были довольны... Вы и всѣ ваши подчиненные будутъ спокойны и довольны. Мало ли честныхъ и способныхъ людей? а вы къ Мартынову привязались и отъ этого страдаетъ все, что вамъ подчинено. Спросите по совѣсти у добрыхъ людей: что вамъ скажутъ про Мартынова? вольнодумецъ, интересанъ, бездѣльникъ, лицемеръ, ничего святаго неимѣющій. Люблю васъ до безконечности, а потому и больно видѣть, что вы змія ядовитаго при себѣ имѣете». См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 63, 327 и 521. Е. Колбасина, *Литературные дѣятели прежняго времени*. (СПб. 1859); стр. 38—75.

Общества, такъ говорила о его занятіяхъ: «Главнѣйшія упражненія сего Общества будутъ состоять въ критическомъ разборѣ древнихъ Русскихъ лѣтописей, въ сличеніи ихъ списковъ, какіе только Обществу достать будетъ можно, въ исправленіи погрѣшностей, вкравшихся въ нихъ по нерадѣнію, невѣжеству или затѣйливости переписчиковъ. Когда такимъ образомъ лѣтописи будутъ исправлены, и подлинный смыслъ ихъ будетъ по возможности отысканъ, въ то время Общество постарается о скорѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ ихъ изданіи; и какъ теперь начато уже изданіе древнѣйшаго русскаго лѣтописца Нестора, то Общество постарается привести его къ окончанію, послѣ чего приступитъ къ такому же изданію другихъ лѣтописей (§ 2). Общество постарается собирать древнія рукописи, медали, монеты и другіе памятники, служащіе къ объясненію разныхъ происшествій въ Русской исторіи, для чего войдетъ въ переписку съ разными особами, въ разныхъ мѣстахъ Россіи живущими, которыя могутъ доставлять ему вещи или свѣдѣнія такового рода (§ 3). Поелику цѣль сего Общества та, чтобы привести въ ясность Россійскую исторію, то оно обязано обнародовать замѣчанія свои на всякія нелѣпыя сочиненія, до Россійской исторіи касающіяся» (§ 5). А послѣдняя глава добавляла слѣдующими опредѣленіями характеристику указанныхъ въ первой главѣ занятій: «Общество будетъ ежегодно издавать по одной книгѣ актовъ, состоящихъ какъ изъ разсужденій, которыя члены читаютъ по временамъ въ Обществѣ, такъ и изъ всѣхъ происшествій, до Общества касающихся, съ описаніями засѣданій (§ 62). Сверхъ сихъ актовъ, послѣ каждаго засѣданія будетъ припечатываемо въ публичныхъ вѣдомостяхъ о всемъ, въ засѣданіи происшедшемъ, дабы отечество видѣло, что Общество находится *въ недрамлющей дѣятельности* (§ 63). Сверхъ актовъ Общество будетъ издавать особый журналъ, въ изданіи котораго, сколько возможно, будетъ держаться хронологическаго порядка. Въ журналахъ будутъ помѣщаемы древніе анекдоты, трактаты, грамоты, описаніе древнихъ обрядовъ, посольствъ и другихъ происшествій, не напечатанныхъ и въ архивахъ хранящихся». (§ 64).

Приведенными параграфами уставъ, повидимому, старался предупредить возможное со стороны Общества бездѣйствіе и съ одной стороны, ограничивая его занятія изученіемъ и изданіемъ лѣтописей, опроверженіемъ «нелѣпыхъ» сочиненій о Русской Исторіи, изданіемъ особаго журнала, готовъ былъ установить даже количественную норму для этихъ занятій, по крайней мѣрѣ для глав-

ной отрасли ихъ. Такъ въ § 61 было сказано: «при сличеніи лѣтописцевъ и при изданіи оныхъ Общество именно опредѣляетъ, чтобы не меньше такого-то числа печатныхъ листовъ выходило въ такое-то время». Въ этомъ требованіи виденъ ясный намекъ на неудавшуюся попытку издать русскую начальную лѣтопись, предпринятую Обществомъ въ самые первые годы его дѣятельности. Но такъ какъ изданіе лѣтописей не могло занять одновременно всѣхъ членовъ Общества, то имъ и поставлено было въ обязанность читать въ засѣданіяхъ разсужденія, издавать сборники историческихъ документовъ и разбирать «нелѣпыя сочиненія», для каковыхъ разборовъ образцомъ могли служить «Примѣчанія генералъ-майора Болтина на Русскую Исторію г. Леклерка», изданныя еще въ прошломъ столѣтіи. Также заботливость о поощреніи членовъ Общества къ занятіямъ проглядываетъ и во второй главѣ устава, говорящей о членахъ, качествахъ ихъ, должностяхъ, преимуществахъ и выборѣ ихъ. Наиболѣе рѣзкія требованія обращены были уставомъ къ дѣйствительнымъ членамъ. Вотъ какъ говорилось о ихъ обязанностяхъ въ упомянутой главѣ: «Чтобъ быть членомъ сего Общества, нужно: 1) быть извѣстну въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями или отличными свидѣніями въ Россійской Исторіи и Древностяхъ; 2) извѣстну быть по трудолюбію, по жизни неразсѣянной, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ членомъ Общества; 3) чтобы обстоятельства его не отлучали навсегда или на очень долгое время отъ Москвы (§ 9). Каждый членъ долженъ принять на себя трудъ по какой-либо части, по своему произволенію, но назначить срокъ, хотя самый дальній, въ который представить Обществу то, что предпринялъ сочинить, о чемъ и объявляетъ Обществу на письмѣ; сіе объявленіе записывается въ дневную записку и подлинное хранится въ архивѣ Общества (§ 10). Дабы упражненія продолжаемы были безъ всякой остановки, каждый членъ-имѣющій нужду отлучиться изъ города, долженъ объявить: 1) на долго ли отлучается; 2) гдѣ будетъ мѣсто его пребыванія; 3) можетъ ли имѣть сношеніе съ Обществомъ во время его отсутствія; 4) будетъ ли во время отсутствія обрабатывать порученную ему часть; по симъ объявленіямъ Общество дѣлаетъ свои распоряженія, или, смотря по удобности, поручаетъ трудъ другому (§ 11). Когда членъ отлучится, не давъ о семъ знать Обществу, потомъ, спустя три мѣсяца, не явится въ собраніе или не извѣститъ о мѣстѣ своего пребыванія, то Общество приметъ сіе знакомъ, что онъ болѣе въ трудахъ его участвовать не желаетъ (§ 12). Если кто, и

въ городѣ живущій, въ три засѣданія сряду не дастъ письменно знать предсѣдателю о причинахъ своего отсутствія, то Общество приметъ сіе также знакомъ, что онъ болѣе членомъ Общества быть не желаетъ; почему о такомъ предсѣдателъ объявляетъ всему Обществу, и имя его изъ списка членовъ исключается (§ 13). Если членъ Общества заболѣетъ и болѣзнь его продолжится болѣе мѣсяца: то, дабы не было отговорки, что такое-то сочиненіе не издано за болѣзнію такого-то члена, заболѣвшій членъ объявляетъ о своей болѣзни Обществу, которое на мѣсто больного редакцію или иной трудъ поручаетъ, по общему согласію, другому члену (§ 14). Кромѣ того члены обязывались сдѣлать одновременное пожертвованіе въ пользу Общества: деньгами, книгами или другимъ чѣмъ (§ 16). Права членовъ заключались лишь въ томъ, что они какъ участники общихъ трудовъ, могли безденежно получать изданія Общества.

Чрезвычайно важную роль при опредѣленіи отношеній членовъ къ Обществу долженъ былъ играть параграфъ восемнадцатый, ограничивавшій число членовъ *тридцатью*. Это условіе, дававшее возможность Обществу дѣлать строгій выборъ между учеными, занимавшимися Русскою Исторіей, могло превратить со временемъ Общество какъ бы въ Академію историческихъ знаній. Придавая особое значеніе въ литературныхъ кружкахъ тѣмъ лицамъ, которыя удостоились чести быть избранными въ члены Историческаго Общества, оно должно было вызывать неизбежную конкуренцію между тѣми учеными, которые по открытіи свободнаго мѣста въ Обществѣ желали бы поступить въ число его членовъ. Вотъ почему избраніе новыхъ членовъ «на убыльма мѣста» обставлено было строгими правилами: членъ, почему-либо выбывающій изъ Общества, долженъ былъ заблаговременно извѣщать оное о томъ, чтобы Общество «могло на мѣсто его прискать другаго» (§ 20); на мѣсто выбывшаго такимъ образомъ или умершаго члена могли быть предложены новые; но предлагавшій долженъ былъ доказать, что указываемый имъ кандидатъ обладаетъ всѣми качествами, требуемыми Обществомъ отъ своихъ сочленовъ, и кромѣ того обязать за предлагаемаго, что онъ «приметъ на себя какое-нибудь сочиненіе или полезное для Общества порученіе» (§ 21); предложеніе новыхъ членовъ допускалось только письменное (§ 22), а самое избраніе происходило посредствомъ баллотировки, которая «яко вѣрнѣйшій способъ къ избранію, ни подъ какимъ видомъ ни для кого не оставялась» (§ 23). Однакожъ, какъ мы увидимъ

въ послѣдствіи, условіе, ограничивавшее число членовъ тридцатью и удержанное даже при пересмотрѣ устава въ 1816 году, соблюдалось Обществомъ буквально только «до нашествія Французовъ».

Кромѣ членовъ Общество имѣло: благотворителей, соревнвателей и корреспондентовъ. Число ихъ не было ограничено. Должностныя лица Общества выбирались изъ членовъ; изъ нихъ предсѣдатель на неопредѣленный срокъ, но утверждался въ своемъ званіи Министромъ народнаго просвѣщенія; на время его отлучки избирался временный предсѣдатель; секретарь и казначей выбирались только на три года. Можно сказать, что главная обязанность предсѣдателя выражена была въ §§ 25 и 28: «Предсѣдатель обязанъ наблюдать, чтобы всѣ статьи сего устава соблюдаемы были не нарушимо. Предсѣдатель никакихъ отзывовъ и сношеній по дѣламъ Общества ни съ кѣмъ не имѣетъ безъ общаго совѣтованія, дабы ошибки предсѣдателя не пали на цѣлое Общество». Такъ какъ въ вѣдѣніи секретаря находилась переписка Общества, изъ которой мало-по-малу образовывался архивъ его, то § 35 устава предупреждалъ: «Буде со временемъ умножится архивъ, Общество потщится имѣть особаго архивариуса, который состоитъ въ вѣдѣніи секретаря». Должность эта, сколько намъ извѣстно, долгое время не была замѣщена, и уже въ послѣдствіи учреждены были въ Обществѣ актуариусы съ извѣстнымъ вознагражденіемъ за ихъ труды. По уставу 1811 года, занятія казначея не ограничивались только веденіемъ денежной отчетности, но и завѣдываніемъ разными коллекціями, принадлежавшими Обществу. Однакожъ § 40 заключалъ въ себѣ такое постановленіе на случай увеличенія этихъ коллекцій: «Если Общество будетъ имѣть свою достаточную сумму, то употребитъ старанія пріобрѣтать старинныя русскія рукописи, до Россійской Исторіи относящіяся, такового же рода книги, для составленія библіотеки, и разныя рѣдкости, относящіяся до Древностей и Исторіи Россіи, о чемъ особое попеченіе будетъ возложено на нѣсколькихъ членовъ; и когда библіотека составитя, тогда Общество избересть изъ членовъ своихъ библіотекаря, а до тѣхъ поръ входящія въ Общество вещи хранятся у казначея, который отвѣчаетъ за цѣлость оныхъ».

Засѣданія Общества предполагались уставомъ троякія: обыкновенныя разъ въ мѣсяцъ, чрезвычайныя въ особыхъ случаяхъ по усмотрѣнію предсѣдателя и торжественныя разъ въ годъ, въ день открытія Общества. Къ числу характеристическихъ подробностей, опредѣлявшихъ порядокъ занятій во всѣхъ этихъ засѣданіяхъ,

можно отнести слѣдующія: «Въ засѣданіяхъ члены защищаютъ мѣста по старшинству вступленія (§ 53). Если случится какое-нибудь совѣтываніе, то собираются голоса, начиная съ младшихъ членовъ (§ 52). Во время чтенія, разсужденія и совѣтыванія всякія стороннія матеріи воспрещаются, дабы время напрасно не терялось; запрещаются также сатиры, колкія насмѣлки и вспылчивыя выраженія, и буде бы сіе случилось, то предсѣдателю предоставляется право крохкимъ образомъ заставить прервать такія непристойности или в совѣтѣ засѣданіе закрыть (§ 56). Еслибы случилось, что кто-либо изъ стороннихъ прислалъ въ Общество сочиненіе неприличное или не заслуживающее вниманія; то Общество передаетъ оное забвенію и объявляетъ въ вѣдомостяхъ, что такое-то сочиненіе по такимъ-то причинамъ отвергнуто; но имя приславшаго не объявляется» (§ 58). Въ торжественныхъ собраніяхъ, кромѣ обычныхъ отчетовъ, еще опредѣляется задача для рѣшенія сторонними особамъ, объявляется приговоръ присланнымъ на прежнія задачи рѣшеніямъ и за лучшее опредѣляется медаль. Прочія сочиненія, не удостоившіяся награжденія, уничтожаются» (§ 59). Наконецъ уставомъ предвидѣна была возможность измѣненій въ его правилахъ и потому дозволялось каждому члену Общества предлагать такія измѣненія, которыя, по одобреніи всѣми членами, должны быть представляемы на утвержденіе Министра народнаго просвѣщенія (§ 60).

Мы не безъ причины остановились съ такою подробностію на уставѣ 1811 года, ибо онъ за немногими измѣненіями, принятыми въ 1816 году, до сихъ поръ сохраняетъ силу дѣйствующаго закона для Общества, и въ этомъ видѣ можетъ-быть названъ древнѣйшимъ изъ уставовъ русскихъ ученыхъ Обществъ, составляющимъ своего рода историческій памятникъ ³⁵.

³⁵ Кромѣ того Уставъ опредѣляетъ, что Общество имѣетъ свою печать, на которой «изобразится Государственный гербъ съ надписью: Печать Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (§ 6) и выдаетъ членамъ благотворителямъ, соревнователямъ и корреспондентамъ дипломы по формѣ, имъ составленной (§ 7), а для предметовъ, требующихъ продолжительнаго и тщательнаго разсмотрѣнія, назначаетъ особо нѣсколько членовъ (§ 57), т. е. избираетъ комиссіи въ подобныхъ случаяхъ. Уставъ напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XXI, № 24492, въ 1 кн. «Записокъ и Трудовъ» Общества, стр. I—XXIV, въ «Періодическомъ Сочиненіи о уставахъ Народнаго Просвѣщенія», кн. XXX, стр. 38—56, въ «Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просв. Т. I: Царствованіе Александра I. Изд. 2 (Сиб. 1875), № 205, стр. 679—689.

Прежде чѣмъ открыть преобразованное Общество, Кутузовъ созвалъ на 8 марта для предварительнаго сѣщанія тѣхъ членовъ, которыхъ онъ называлъ «образовательными». Явились всѣ по числу бывшихъ въ засѣданіи 22 декабря, за исключеніемъ С. Н. Глинки, Б. И. Фитингофа и С. П. фонъ-Визина, за то прибылъ Н. Н. Сандуновъ. По прочтеніи устава присутствовавшіе разсуждали о временіи и порядкѣ торжественнаго открытія Общества и о другихъ формальностяхъ, связанныхъ съ этимъ дѣломъ. Назначено было открыть дѣйствія Общества 13 марта, когда праздновалось восшествіе на престолъ Александра I. Въ этотъ торжественный день присутствовало 19 членовъ; снова прочтенъ былъ секретаремъ Двигубскимъ уставъ; постановлено было имѣть навсегда 13 марта днемъ годовыхъ торжественныхъ собраній. Предсѣдатель Бекетовъ прочелъ имена членовъ, которые и заняли свои мѣста по старшинству вступленія и такимъ образомъ Общество открыло свои дѣйствія. Предъ началомъ ихъ предсѣдатель прочиталъ рѣчь, въ которой «показавши кратко пользу Исторіи вообще, исчислилъ источники и пособія, касательно Россійской Исторіи, трудности, сопряженныя съ изслѣдованіемъ Древностей и заключилъ приглашеніемъ членовъ приступить къ новымъ подвигамъ въ объясненіи Древней Россійской Исторіи»³⁶.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣятельности Общества по его внутреннему устройству, по его внѣшнимъ сношеніямъ и по собственно научнымъ работамъ, необходимо ознакомиться съ предшествовавшею дѣятельностью тѣхъ изъ его членовъ, о которыхъ до сихъ поръ не было говорено. Нѣтъ надобности снова упоминать о томъ, чѣмъ могли быть полезны для Общества перешедшіе изъ почетныхъ въ дѣйствительные члены, согласно уставу—

³⁶ Оба засѣданія Общества изложены въ источникахъ тройко: а) въ отдѣльныхъ дневныхъ запискахъ для каждого, которыя и помѣщены въ Приложеніяхъ къ этой главѣ подъ №№ VII и VIII въ томъ видѣ, какъ онѣ были доставлены Кутузовымъ гр. Разумовскому; б) въ I части «Записокъ и Трудовъ» Общества (Москва, 1813), стр. XXXIX—XLIV, гдѣ протоколы обомъ засѣданій слиты въ одинъ съ прибавкой письма Кутузова, какъ попечителя, къ Бекетову, какъ предсѣдателю, о которомъ нѣтъ и поминна въ донесеніяхъ попечителя къ министру, и еще съ выдержкой изъ письма Разумовскаго къ Кутузову отъ 22 февраля о сокращеніяхъ въ уставѣ, причѣмъ изъ него приведены только самыя первыя и самыя послѣднія строки, все же существенное выкинуто; в) въ артикулѣ, предназначавшемся для напечатанія въ газетахъ, сообщенномъ Кутузовымъ министру и помѣщаемомъ въ Приложеніяхъ подъ № IX.

гр. А. И. Муонинъ-Пушкинъ, А. Ф. Малиновскій, Н. Н. Бантышъ-Каменскій; прежніе дѣйствительные: П. А. Геймъ, А. А. Прокоповичъ-Антонскій и Х. А. Шлецеръ, такъ какъ о нихъ уже было говорено въ изложеніи Исторіи Общества подъ предсѣдательствомъ Х. А. Чеботарева. Можно только упомянуть, что въ 1810 и 1811 годахъ, когда происходило преобразование Общества, Геймъ составилъ каталогъ важнѣйшихъ книгъ библіотеки гр. А. К. Разумовскаго и издавалъ «*Moskowsische Zeitung*», что въ 1811 году Прокоповичъ-Антонскій сдѣлался первымъ предсѣдателемъ открывшагося тогда при университетѣ Общества Любителей Словесности, и стало быть едва ли могъ принимать дѣятельное участіе въ трудахъ Общества Историческаго ²⁷. Н. М. Карамзинъ, хотя и оставшійся въ числѣ членовъ Общества, не бывалъ однакожъ въ его засѣданіяхъ и 21 апрѣля писалъ А. И. Тургеневу: «объ Историческомъ Обществѣ ни слова кромѣ того, что я въ немъ не былъ и не буду, ибо не люблю пустяковъ». І. Ф. Буле чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ службу при университетѣ и перѣѣхалъ въ Тверь въ качествѣ библіотекаря при дворѣ Великой Княгини Екатерины Павловны, по какому случаю Кутузовъ написалъ Разумовскому: «касательно профессора Буле, благодарю Бога, что онъ насъ съ честью оставилъ. Университетъ избавился отъ орудія сатаинскаго, а вы и я отъ приступовъ доставлять ему награжденія, конхъ онъ не заслуживалъ и кон, можетъ-быть, и рѣкой на него польются, но не чрезъ насъ, такъ у насъ на совѣсти ничего лежать не будетъ. Слава Богу, что онъ насъ отъ него избавилъ» ²⁸. О самомъ преобразователѣ Общества П. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ и новомъ предсѣдателѣ его П. И. Бекетовѣ было уже довольно говорено выше, а потому обратимся къ тѣмъ членамъ, о которыхъ или вовсе не упоминалось до сихъ поръ, или не сказано ни слова о ихъ ученой и литературной дѣятельности. Будемъ говорить о нихъ въ томъ порядкѣ, какъ они стоятъ въ спискѣ членовъ, представленномъ Кутузовымъ министру.

²⁷ См. *Биографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*, I, стр. 190 и 15; *М. А. Дмитриева, Мелочи изъ запаса моей памяти*; стр. 167—170.

²⁸ См. письмо Карамзина къ Тургеневу въ *Москвитинѣ* за 1855 годъ, № I, стр. 93. Выбыли изъ членовъ: Х. А. Чеботаревъ, Н. Е. Черепановъ, П. И. Страховъ, М. М. Снегиревъ, А. М. Гавриловъ и А. Х. Чеботаревъ,—все профессора университета, очевидно принадлежавшіе къ одному кружку. Слова Кутузова о выходѣ Буле у А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 362.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на Петрѣ Стопановичѣ Валуевѣ, который женившись на Дарьѣ Александровнѣ Кошелевой, началъ службу камеръ-юнкеромъ въ 1772 году, а въ 1798 году былъ уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и во время открытія новаго Общества занималъ мѣсто главнаго управляющаго надъ Кремлевскою Экспедиціей и Оружейною Палатою. Вотъ что говоритъ Ф. Ф. Вигель о его служебныхъ успѣхахъ: «Императоръ Александръ, хотя послѣ коронаціи ни разу не заглядывалъ въ Москву (т.-е. до 1809 г.), однако же будучи, какъ извѣстно, великій строитель, чрезвычайно пекся объ ея украшеніи. Воспользовавшись сею склонностію, старый царедворецъ П. С. Валуевъ, подалъ мысль учредить родъ строительной комиссіи, подъ именемъ Кремлевской экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ и сдѣлать его начальникомъ оной. Москва много отъ этого выиграла: онъ былъ человекъ съ вкусомъ, къ тому же гибкій, угодительный, часто ѣздилъ въ Петербургъ и умѣлъ выпрашивать суммы на поддержаніе старыхъ зданій и на распространеніе ихъ и на возведеніе новыхъ. Рядовой и весьма не богатый дворянинъ, онъ, женившись на дѣвицѣ, которая была въ близкомъ родствѣ съ сильными вельможами, былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ, а при Павлѣ оберъ-церемоніймейстеромъ, осыпанъ наградами; потомъ отставленъ и высланъ изъ Петербурга. Послѣ того въ Москвѣ, убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора вельможъ, естественнымъ образомъ сталъ въ ихъ ряду, пока не создалъ себѣ въ ней пріятнаго служенія. Оставаясь однимъ изъ ея кумировъ (въ числѣ коихъ такъ много встукановъ) онъ самъ однако же не забывалъ часто ѣздить на идоломоленіе въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, наружная сторона Вознесенскаго монастыря, Синодальная типографія и Ирѣсенскіе пруды останутся всегда славными его памятниками»³⁹. Въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, Валуевъ извѣстенъ былъ, какъ издатель двухъ историческихъ описаній: Оружейной Палаты и стариннаго Коломенскаго дворца⁴⁰.

³⁹ *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля*; ч. III, стр. 52. Срв. кн. П. Доморукова, *Россійскую родословную книгу*, ч. IV, стр. 332. Но Валуевъ не всегда бывалъ гибокъ и угодителемъ, что отчасти доказываетъ его переписка съ гр. Рапончинымъ въ 1813 году. См. *Библиографическія Записки* за 1861 г., № 1, стр. 19—23.

⁴⁰ Эти изданія Валуева имѣли такіа заглавія: 1) Историческое описаніе древняго Россійскаго музея, подъ названіемъ Мастерской и Оружейной Палаты, въ Москвѣ обрѣтающагося, съ гравюрами. Ч. I; Москва 1807; 2) Историческія свѣ-

Далѣ въ спискѣ членовъ стоятъ имена четырехъ профессоровъ университета: Ф. Х. Рейнгарда, Л. А. Цвѣтаева, А. О. Мерзлякова и М. Т. Каченовскаго. Филиппъ Христіанъ или Христіанъ Егоровичъ Рейнгардъ, уроженецъ Виртембергскаго королевства, слушалъ лекціи въ университетахъ Тюбингенскомъ, Іенскомъ и Марбургскомъ, былъ профессоромъ политической и ученой исторіи въ Кельнѣ, а въ Москву пріѣхалъ въ 1803 году по приглашенію тогдашняго попечителя М. Н. Муравьева, и назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ на кафедрѣ практической философіи, исторіи философіи и правъ естественнаго и народнаго, а въ послѣдствіи занималъ и другія должности въ университетѣ. Кромѣ сочиненій богословскаго и философскаго содержанія, онъ извѣстенъ былъ Москвитамъ латинскою рѣчью, произнесенною въ 1805 году, въ день полувѣковаго юбилея университета: «Объ ожидаемыхъ плодахъ, какъ принесенныхъ, такъ и имѣющихъ быть оказанными Русскими университетами отечественной литературѣ»⁴¹. Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, получившій образованіе въ Московской Славено-Греко-Латинской Академіи и Московскомъ университетѣ, пробывшій за границею съ 1801 по 1805 годъ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ кураторомъ княземъ О. М. Голицынымъ, получилъ степень доктора въ Геттингенѣ, а въ Парижѣ званіе члена юридической академіи. Возвратившись на родину, онъ сдѣлался профессоромъ по кафедрѣ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ и потомъ преподавалъ почти всѣ отрасли юридическихъ наукъ, но любимымъ предметомъ его было Римское право. Во время преобразованія Историческаго Общества онъ былъ извѣстенъ своею рѣчью въ день полувѣковаго юбилея университета: «О взаимномъ вліяніи наукъ на законы и законовъ на науки», и курсомъ

дѣнія, изъ лѣтописей отечественныхъ и преданій изустныхъ извлеченныя, о селѣ Коломенскомъ, съ присоединеніемъ видовъ и чертежа внутреннему расположенію стариннаго царскаго дворца съ теремами, до 1767 года тамъ находившагося, и двумъ дворцовымъ церквамъ, за нѣсколько вѣковъ сооруженнымъ и до нынѣ существующимъ; въ листъ съ 4 планами и 7 грав. таблицами. М. 1809. См. *Гр. Геннади, Стравочный Словарь*; ч. I, стр. 130.

⁴¹ См. *Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*; ч. II, стр. 328—329. Доклады Рейнгарда по должности инспектора казенныхъ студентовъ гр. А. К. Разумовскому въ бытность послѣдняго Московскимъ попечителемъ, см. въ книгѣ А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 237—248.

лекцій о теоріи законовъ. Въ 1810 году комиссія составленія законовъ Россійской имперіи избрала его, какъ уже извѣстнаго ученаго, своимъ корреспондентомъ ⁴². А. Θ. Мерзляковъ (род. въ 1778 г., умеръ 26 іюля 1830 г.) за Оду, которая написана имъ, когда онъ учился въ Пермскомъ главномъ народномъ училищѣ, и которая была поднесена Екатеринѣ II, отправленъ былъ на казенный счетъ въ Москву, гдѣ и воспитывался сперва въ университетской гимназій, а потомъ въ университетѣ. Его литературная дѣятельность, начатая въ Перми, продолжалась и въ тѣ годы ученія, которые принадлежали Москвѣ ⁴³. Затѣмъ онъ помѣщалъ свои сочиненія въ «Утренней Зарѣ» (1800—1808 г.), гдѣ печатались труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Въ 1804 году онъ занялъ въ званіи адъюнкта катедру Россійскаго краснорѣчія и поэзіи, которую до тѣхъ поръ занималъ Х. А. Чеботаревъ, а 30 октября 1810 года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка Россійскаго. Изъ его актовыхъ рѣчей произнесена была до преобразования Историческаго Общества одна, носившая заглавіе: «Слово о духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое она имѣла на нравы и на благосостояніе народовъ». Принявъ катедру уже отъ состарѣвшагося Чеботарева, онъ совершенно измѣнилъ харак-

⁴² См. *Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*; ч. II, стр. 537—541. Надо упомянуть, что первое литературное произведеніе Л. А. Цвѣтаева относится къ 1797 г., когда онъ, еще будучи студентомъ, написалъ: «Чувствованія при погребеніи профессора Шадена», напечатанныя въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени»; ч. XVI, стр. 57—60.

⁴³ Стихотворенія Мерзлякова за это время помѣщались въ слѣдующихъ журналахъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій» за 1792 и 1793 годы, «Россійскій Магазинъ» за 1792 г., гдѣ и напечатана вышепомянутая ода (ч. I, стр. 257—262),—«Пріятное и полезное препровожденіе времени» за 1795—1798 гг. Срв. изданнымъ Обществомъ Любителей Россійской Словесности подъ редакціей М. П. Полуденскаго «Сочиненія А. Θ. Мерзлякова» (М. 1867, въ 2-хъ томахъ). Въ это изданіе не вошли: двѣ эпиграммы и пѣсня: «Взвейся выше, понесися», напечатанныя въ «Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій» и показанныя въ «Историческомъ розысканіи о русскихъ современныхъ задачахъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева (стр. II, 695, 698) принадлежащими Мерзлякову; равнымъ образомъ изъ напечатанныхъ въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» у Полуденскаго пропущена пѣсня: «Красное солнышко за гѣсъ спустилося» (у Неустроева стр. 767). За то Неустроевъ ошибочно приписалъ А. Максимовичу девять стихотвореній Мерзлякова, напечатанныхъ Полуденскимъ подъ №№ СII—СХ.

теръ преподаванія, придавъ изученію русской словесности, долго соединявшемуся съ преподаваніемъ древнихъ литературъ, болѣе самостоятельное значеніе и какъ критикъ и писатель содѣйствовалъ литературнымъ занятіямъ и литературному образованію не только студентовъ, но и тогдашнихъ Московскихъ писателей⁴⁴. Изъ различныхъ отзывовъ о Мерзляковѣ, какъ преподавателѣ, достаточно будетъ привести отзывъ М. А. Дмитриева: «Живое слово Мерзлякова и его неподдѣльная любовь къ литературѣ были столь дѣйственны, что воспламеняли молодыхъ людей къ той же неподдѣльной и благородной любви ко всему изящному, особенно къ изящной словесности! Его одна лекція приносила много и много плодовъ, которые дозрѣвали и безъ его пособія; его разборъ какой-нибудь одной оды Державина или Ломоносова, открывалъ такъ много тайнъ поэзіи, что руководствовалъ къ другимъ дальнѣйшимъ открытіямъ законовъ искусства! Онъ бросалъ сѣмена, столь свѣжія и въ землю столь воспріимчивую, что ни одно не пропададо, а приносило плодъ сторицею. Я не помню, чтобы Мерзляковъ когда-нибудь искалъ мысли и выраженія, даромъ что онъ немножко завкался; и не помню чтобы когда-нибудь, за недостаткомъ идей, онъ выпускалъ намъ простую фразу, облеченную въ великолѣпное выраженіе: выраженіе у него рождалось вдругъ и вылетало вмѣстѣ съ мыслию; всегда было живо, ново, сотворенное на этотъ разъ и для этой именно мысли. Вотъ почему его лекціи были для насъ такъ привлекательны, были нами такъ цѣнны, и приносили такую пользу! Его слово было живо, неподдѣльно и убѣдительно⁴⁵. Само собою разумѣется, что Мерзляковъ подобно Прокоповичу-Антонскому, по своей литературной дѣятельности, стоялъ ближе къ Обществу Любителей Россійской Словесности, чѣмъ къ Обществу Историческому; но его оды на современныя событія и оду-

⁴⁴ Вотъ какъ самъ Мерзляковъ говорилъ объ отношеніи своего преподаванія къ предшествовавшему въ письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 4 іюня 1823 г.: «Всякой признается, что я поставилъ классъ руссійскаго краснорѣчія на настоящую ногу послѣ Чеботарева, при которомъ онъ былъ хуже грамматическаго; я ввелъ и критику, и новый способъ преподаванія, которому всѣ теперь слѣдуютъ; я первый началъ учить ему философски, какъ изящному искусству, а прежде меня далѣе Бургіевой Риторикѣ никто не простирался». *Русскій Архивъ* за 1871 годъ, стр. 0155. Срв. *Биографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*, ч. II, стр. 52—100.

⁴⁵ См. *Мелочи изъ запаса моей памяти*; стр. 160.

племенные патриотическія рѣчи обличали его съ людьми того времени, занимавшимися политическою исторіей.

Прямѣе и непосредственнѣе всѣхъ изъ названныхъ выше профессоровъ входилъ въ дѣятельность Историческаго Общества Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (род. 1 ноября 1775 г., ум. 19 апрѣля 1842 г.). Происходя изъ греческой фамиліи Качони, онъ, получивъ образованіе въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ, служилъ сперва урядникомъ въ Екатеринославскомъ казачьемъ ополченіи (1788—1793), потомъ поступилъ въ Харьковскій губернскій магистратъ, а въ 1795 году снова перешелъ въ военную службу и былъ сержантомъ въ Таврическомъ гренадерскомъ, а затѣмъ въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку, но попалъ подъ судъ, въ 1801 г. былъ оправданъ и уволенъ въ отставку, послѣ чего поступилъ бібліотекаремъ къ графу А. К. Разумовскому и сталъ готовиться къ ученому званію. Уже во время своихъ странствій изъ одной службы въ другую Каченовскій посвящалъ все свободное время литературѣ⁶. Собственно ученая служба его началась съ 1805 года, когда онъ со степенью магистра философій поступилъ въ преподавателя академической при университетѣ гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ подъ свою редакцію «Вѣстникъ Европы», основанный Карамзинымъ. Пока графъ Разумовскій былъ попечителемъ Московскаго университета, Каченовскій управлялъ дѣлами его канцеляріи въ званіи старшаго письмоводителя. Онъ оставилъ эту должность, когда попечителемъ назначенъ былъ Голенищевъ-Кутузовъ. Имѣвъ большое вліяніе на дѣла при Разумовскомъ, онъ конечно не могъ разчитывать на тоже самое при его преемникѣ: Кутузовъ даже успѣлъ пожаловаться Разумовскому на невниманіе къ нему и къ канцелярской службѣ со стороны Каченовскаго, который въ томъ году получилъ уже званіе экстра-ординарнаго профессора.

⁶ Такъ въ журналѣ «Инокрена или Утѣха любословія», издававшемуся съ 1799 по 1801 г., напечатаны его: «Отпусивая жаворонку» (ч. II, стр. 278—281) стихотвореніе: «Чувство по прочтеніи Орла» (ч. III, стр. 96); статейки: «Источникъ дружбы», перев. съ франц. (ч. IV, стр. 3—8);—«Цѣна несчастія», пер. съ фр. (тамъ же, стр. 71—76); разговоръ: «Парижаннинъ и Каравъ» съ фр. (ч. XI, стр. 17—27);—«Письма Фонтенеля и доктора Юнга», съ фр. (тамъ же, стр. 65—85); въ «Новостяхъ Русской Литературы» за 1802 г.: «Возвращеніе на мою родину», пер. изъ Бумфильда (ч. IV, стр. 78—81),—«Видѣніе» (тамъ же, стр. 93—95). См. также *Біографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета* ч. I, стр. 383—403 (статья С. М. Соловьева); *Гр. Геттади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ*; ч. II, стр. 124—125, 399.

Впрочемъ Кутузовъ очень скоро сошелся съ человѣкомъ, который успѣлъ сдѣлаться близкимъ къ гр. Разумовскому, и даже дважды выступилъ на защиту Каченовскаго, обиженнаго I. О. Буле и кн. П. И. Шаликовымъ ⁴⁷. Наконецъ въ то самое время, какъ открылась дѣятельность преобразованнаго Историческаго Общества, Каченовскій произведенъ былъ въ ординарные профессора изящныхъ искусствъ и археологій. Изъ его статей, относящихся къ русской и славянской исторіи и напечатанныхъ до 1811 года, особенно важны были слѣдующія: 1) «*Объ источникахъ для Русской исторіи*», гдѣ разсмотрѣнъ вопросъ о происхожденіи и самомъ составленіи русской начальной лѣтописи, приписываемой Нестору, частныхъ лѣтописей Симона Суздальскаго и Іоанна Новгородскаго, лѣтописныхъ сборниковъ Радзивиловскаго, Никоновскаго, Архангелогородскаго, втораго Новгородскаго, печатныхъ Древняго лѣтописца, Царственнаго лѣтописца, Царственной книги, Степенной

⁴⁷ А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 30, 292, 296, 298, 316, 347 и 369. При письмѣ къ Разумовскому отъ 28 августа 1811 года Кутузовъ сообщалъ свои замѣчанія на программу профессора Буле, приехавшую къ каталогу университетскихъ лекцій, и въ 3 прим. было сказано: Буле—«трудъ г. профессора Каченовскаго похваленъ, но жаль, что онъ ничего не писалъ самъ, а все почерпнулъ и занялъ отъ Шлецера»; Кутузовъ исключилъ эти слова въ печати, ибо «сія обидная личность не можетъ-быть ни принята, ни пропущена ни въ какой цензурѣ». Въ письмѣ отъ 24 ноября того же года было сказано: «Не бесполезнымъ почитаю довести вашему сіятельству, до чего дошла злоба и вешествово модныхъ слезливыхъ писателей, русскихъ якобинцевъ. Нѣкто князь Шаликовъ, злая на нашего Каченовскаго за критики на слезивцевъ, письменно угрожаетъ Каченовскаго прибить до полусмерти. Почему бѣдный Каченовскій принужденъ былъ просить защиты у полиціи, и я долженъ былъ вчера имѣть сношеніе съ оберъ-полицмейстеромъ по сему дѣлу, о коемъ я предварительно доношу вашему сіятельству для того, что оно, сдѣлавшись здѣсь громно, конечно дойдетъ и до Петербурга. Каченовскій совершенно правъ, онъ вамъ извѣстенъ, то ничего о немъ и не скажу какъ то, что поведеніе его самое почтенное и пристойное, а князь Шаликовъ, какъ всей публикѣ здѣсь извѣстно, есть человѣкъ буйный, необузданный, безъ правилъ и безъ нравственности». Надо однакожь замѣтить, что М. Т. Каченовскій въ первые годы своей литературной дѣятельности не былъ похожъ на строгаго ученаго, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни. Въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (ч. III, стр. 139) сохранился такой отзывъ о Каченовскомъ того времени, о которомъ мы здѣсь говоримъ: «Всѣ недруги его, а ихъ было много, отдавали справедливость его уму и учености; но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ онъ всѣ тѣ ненавистныя свойства, которыя отличаютъ Грековъ нынѣшняго и всѣхъ прошедшихъ временъ и которыя послѣ я имѣлъ случай такъ коротко узнать,—безпокойный духъ, высокомеріе, пронырство, раздражительность и вѣчная жажда мести».

книги, наконецъ хронографовъ, родословныхъ и разрядныхъ книгъ; при чемъ авторомъ высказанъ былъ довольно правильный взглядъ на состояніе славянскихъ племенъ до Рюрика; 2) «*Паралельныя мѣста въ Русскихъ лѣтописяхъ*», гдѣ Каченовскій объяснивъ, что приступая къ изложенію Русской исторіи прежде всего должно критически разсмотрѣть лѣтописи, сличить разные списки, одни дополнить, другіе сократить, доказываетъ, что наши лѣтописи, начиная съ половины IX вѣка, становятся подробнѣе лишь съ конца XI и въ разсказѣ о первыхъ двухъ столѣтіяхъ содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о многихъ событіяхъ, заимствованныя изъ иностранныхъ источниковъ, въ доказательство чего и указываетъ на нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній; 3) «*Краткая выписка о первобытныя народы, въ Россіи обитавшихъ и о пришельцахъ, съ ними соединившихся до составленія государства*», въ которой авторъ, опредѣливъ мѣста разселенія литовскихъ, финскихъ и славянскихъ племенъ, касается также вопроса о Казарахъ, Волохахъ и Варяго-Руссахъ, причемъ о послѣднихъ говоритъ, что они были не Финны, не Прусы и не Славяне; 4) довольно строгій разборъ переведенной на русскій языкъ «*Исторіи Россійской имперіи въ царствованіе Петра Великаго, соч. Волтера*»; 5) «*Исследование банинаго строенія*», о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ,—собственно критическая статья по поводу книжки, имѣвшей такое же заглавіе и изданной въ Петербургѣ въ 1809 г. А. И. Мартосомъ (типogr. Ив. Глазунова, in 8, на 35 ст.), который, отвергнувъ мнѣнія, высказанныя В. Н. Татищевымъ, кн. М. М. Щербатовымъ и генералъ-майоромъ И. Н. Болтиннымъ по поводу извѣстія, находящагося въ Кенигсбергскомъ лѣтописномъ спискѣ подъ 1809 г., о постройкѣ Переславскимъ епископомъ Ефремомъ каменнаго банинаго строенія, вывелъ такіа положенія: а) епископъ Ефремъ построилъ каменную стѣну монастырскую, а не городъ, потому что строеніе городовъ не относилось къ обязанности архіереевъ; б) епископъ Ефремъ построилъ куполы на церквахъ, а не бани, потому что святителю неприлично было строить общенародныя бани; в) церквей съ куполами до того времени въ Россіи нигдѣ не было; г) народныя бани, больницы и врачи прибавлены къ Несторову сказанію позднѣйшими бытописаніями, начиная съ Татищева. Съ своими замѣчаніями на эти положенія и выступилъ Каченовскій, чѣмъ и вызвана была не малая полемика въ то время ⁴³.

⁴³ Перечисленные здѣсь статьи Каченовскаго были помѣщены въ «Вѣ

Далѣ въ спискѣ членовъ слѣдовали: Иванъ Петровичъ Бекетовъ и Борисъ Ивановичъ фонъ-Фитинговъ. Первый извѣстенъ развѣ только тѣмъ, что былъ братомъ новаго предсѣдателя Общества, подобно ему служилъ въ молодости въ военной службѣ, былъ случайнымъ свидѣтелемъ внезапнаго ареста своего двоюроднаго брата, поэта И. И. Дмитріева, что случилось 6 января 1797 года, вслѣдствіе чего Дмитріевъ попалъ въ товарищи министра удѣловъ, между образованными же людьми своего времени считался любителемъ лумизматики⁴⁹. Тою же самою спеціальностью извѣстенъ былъ между членами Общества и баронъ Фитингофъ (род. въ Ригѣ въ 1767 году, ум. въ Маріенбургѣ въ 1829 г.). Сынъ сенатора и братъ знаменитой Варвары Юліаніи Крюднеръ, имѣвшей нѣкоторое время вліяніе на Александра I своими мистическими внушеніями, внукъ по матери фельдмаршала гр. Миниха, тайный совѣтникъ Христофоръ Бурхардъ, названный русскими Борисомъ Ивановичемъ, Фитингофъ былъ извѣстенъ, какъ любитель естественныхъ и техническихъ знаній, былъ въ послѣдствіи почетнымъ членомъ Петербургской Академіи наукъ и президентомъ Петербургскаго минералогическаго Общества, а при самомъ преобразованіи Общества Историческаго признанъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго Университета⁵⁰.

стникъ Европы»: первая за 1809 г. ч. 43, № 3, стр. 193; ч. 44, № 5, стр. 3; № 6, стр. 98; ч. 46, № 15, стр. 209; вторая за тотъ же годъ ч. 48, № 18, стр. 133; третья за тотъ же годъ, ч. 47, № 19, стр. 202; четвертая за тотъ же годъ ч. 48, № 21, стр. 61; пятая за 1810 годъ ч. 49, № 1, стр. 60. Возраженія автора брошюры, которую разбиралъ въ послѣдней статьѣ Каченовскій, помѣщены были въ томъ же году ч. 53, № 18, стр. 145; отвѣтъ на нихъ Каченовскаго въ ч. 54, № 23, стр. 218. Подробнѣе этотъ споръ изложенъ былъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ статьѣ: «Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣстуетъ лѣтописецъ Несторъ» (ч. 60, № 22, стр. 116, за 1811 годъ и ч. 61, № 1, стр. 25, за 1812 годъ), и потомъ законченъ Каченовскимъ въ статьѣ: «Еще нѣсколько словъ о банномъ строеніи» (ч. 65, № 17, стр. 38, за 1812 г.), гдѣ онъ доказывалъ употребленіе слова «баня» въ лѣтописи въ значеніи мѣста, гдѣ купаются, а не купола, и существованіе крестьянницъ при церквахъ, что отвергалось Мартосомъ. О Мартосѣ см. Гр. Генади, *Справочный Словарь*, ч. II, стр. 293.

⁴⁹ О И. П. Бекетовѣ см. М. А. Дмитріева, *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 26, 87, 134; *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 104, 241, 245, 341, 372; 07, 0160, 0163; И. И. Дмитріева, *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 125, 286.

⁵⁰ О баронѣ Фитингофѣ см. *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, стр. 0175; I. P. v. Recke u. K. E. Napiersky, *Allgemeine Schriftsteller. und Gelehrten-Lexi-*

За Фитингофомъ въ спискѣ членовъ опять слѣдовали два университетскихъ профессора: Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ и Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій. Съ послѣднимъ мы уже познакомились какъ съ секретаремъ Общества. Что касается П. И. Суворова, то онъ появленіемъ своимъ среди любителей отечественной исторіи обязанъ былъ исключительно П. И. Кутузову. Происходя изъ духовнаго званія, онъ въ дѣтствѣ былъ помѣщенъ въ Тверскую семинарію въ 1758 году а чрезъ семь лѣтъ отправленъ въ Оксфордскій Университетъ, гдѣ, пробывъ десять лѣтъ, получилъ дипломъ на званіе дѣйствительнаго магистра наукъ, что давало ему право гражданства въ Англии, а возвратившись на родину назначенъ былъ въ октябрѣ 1775 года въ Морской кадетскій корпусъ, сперва преподавателемъ, потомъ инспекторомъ, пользовался особеннымъ расположеніемъ И. Л. Голенищева-Кутузова, дослужился до чина подполковника, но при выходѣ въ отставку въ 1795 году переименованъ былъ въ коллежскіе совѣтники; три года спустя снова вступилъ на службу въ Черноморское Штурманское училище въ г. Николаевѣ профессоромъ и въ 1803 году опять вышелъ въ отставку съ полною пенсіею. Кутузовъ, сдѣлавшись попечителемъ, письмомъ отъ 2 іюня 1810 года ходатайствовалъ предъ Разумовскимъ о назначеніи Суворова, согласно его собственному желанію, профессоромъ въ Московскій Университетъ. «Не стану о немъ распространяться, писалъ Кутузовъ, а скажу только, что онъ человекъ рѣдкій, и что у насъ въ университетѣ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равнаго нѣтъ, какъ по учености, такъ по моральному характеру». О Суворовѣ говорилъ Разумовскому и адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, бывший незадолго предъ тѣмъ морскимъ министромъ. Такъ какъ Суворовъ былъ въ отставкѣ и получалъ уже полный пенсіонъ, то въ Московскій университетъ опредѣленъ былъ Именнымъ указомъ 2 іюня 1810 года въ званіи ординарнаго профессора высшей мате-

kon der Provinzen Livland, Estland und Kurland; Bd. IV (Mitau, 1832), s. 433. П. И. Кутузовъ въ письмѣ къ гр. Разумовскому отъ 9 марта 1811 года между прочимъ извѣщалъ, что «сдѣлалъ почетнымъ членомъ университета извѣстнаго своими знаніями барона Фитингофа, который, кромѣ разныхъ, весьма хорошихъ подарковъ Обществу натуралистовъ, оба наши Общества какъ сіе, такъ и физико-медицинское, обязался поддерживать ежегодною суммою, и въ каждое изъ сихъ Обществъ внести уже по 200 рублей за годъ впередъ». См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 335.

матики. Такъ какъ Кутузовъ, предлагая Суворова, имѣлъ въ виду вакантную кафедру чистой математики, то сталъ просить Разумовскаго переименовать его «поболѣе точнымъ терминамъ», чтобы не говорили, что утверждается новая кафедра, и чтобы заградить уста всѣмъ могущимъ вопіять противъ того. Положеніе Суворова въ университетѣ оказалось крайне стѣснительнымъ, съ одной стороны вслѣдствіе недостатка въ матеріальныхъ средствахъ къ жизни въ новомъ для него городѣ, а съ другой—вслѣдствіе соперничества, возникшаго между нимъ и другими профессорами математическихъ наукъ. Прибавимъ, что ученія и литературныя заслуги П. И. Суворова не имѣли никакого отношенія къ русской исторіи, если не считать принадлежащими сюда двѣ сказанныя имъ рѣчи: На торжество мира между Россійской имперіей и Оттоманскою Портою, 2 сентября 1793 года, и на коронаваніе Александра I⁵¹.

Слѣдующимъ по порядку членомъ былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка (род. 1775, ум. 5 апрѣля 1847 г.), отставной бригадъ-маіоръ Сычевскаго ополченія, извѣстный патріотъ и народный дѣятель во время борьбы съ Наполеономъ, начавшій въ 1808 году издавать журналъ «Русскій Вѣстникъ», который былъ исключительно посвященъ Россіи и о которомъ Вигель сказалъ слѣдующія любопытныя слова: «Для успѣховъ болѣе всего нужно умѣнѣе выбирать время. Когда изданіемъ сего журнала Сергѣй Николаевичъ Глинка сдѣлался извѣстенъ Москвитчамъ, начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками, и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимо умножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патріотъ; безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Пусть нынѣ смѣются надъ такими людьми, я люблю ихъ непреклонный характеръ цѣликомъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, журналъ его при всемъ несовершенствѣ своемъ былъ полезенъ, даже благодѣтеленъ для провинцій». Почти то же самое сказано о «Русскомъ Вѣстникѣ» Глинки и въ воспоминаніяхъ М. А. Дмитриева: «Сначала цѣль его, при изданіи этого журнала,

⁵¹ *Біографическій Словарь профессоровъ М. Ун.*; ч. II, стр. 476—478. *Ө. Ө. Веселая, Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса*, стр. 162. *А. А. Василькова, Семейство Разумовскихъ*, ч. II, стр. 290, 295, 302, 306, 471, 411, 417, 418.

была напомнить Русскимъ родную Русь, ея старину и подвиги; потому мало по-малу, онъ перешелъ къ совершенной ненависти враждебнаго намъ тогда народа, очаровавшаго насъ языкомъ, модами и вредными обычаями. Журналъ Глинки, несмотря на оппозицію приверженцевъ моды и галломаніи, пришелся совершенно по времени и имѣлъ успѣхъ необыкновенный. Приверженцы европейства не возлюбили Глинку, идущаго поперекъ, но многіе обрадовались его патриотизму». Не трудно было однакожь предвидѣть, что такой горячій и искренній патриотъ, какимъ былъ С. Н. Глинка, будетъ лишь временнымъ гостемъ въ Историческомъ Обществѣ, преобразованномъ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ, патриотизмъ котораго имѣлъ совершенно иную подкладку, прикрывая собою разныя эгонистическія и самолюбивыя цѣли. А потому не удивительно, что С. Н. Глинка, изъявлявшій въ засѣданіи 22 декабря готовность заняться редакціей журнала, который Общество намѣрено было издавать, чрезъ годъ съ небольшимъ выбылъ, подобно І. Ф. Буле изъ членовъ «по отсутствію изъ Москвы», какъ сказано въ протоколѣ засѣданія 13 марта 1812 года⁵².

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій (род. 1787, ум. въ 1836 г.) обязанъ былъ своею начальною карьерой гр. А. К. Разумовскому, у котораго было пять воспитанниковъ и столько же воспитанницъ съ фамиліей Перовскихъ: А. А. воспитывался въ Московскомъ университетѣ, и въ то время, какъ гр. Разумовскій былъ попечителемъ послѣдняго, первый получилъ степень доктора философіи и словесныхъ наукъ⁵³. Потомъ онъ служилъ при Мо-

⁵² *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля*, ч. III, стр. 138, *М. А. Дмитриева, Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 103. *Гр. Геттади, Справочный словарь о писателяхъ*; ч. I, стр. 220—223. Приложеніи въ сей главѣ № XIV.

⁵³ Воспитанники гр. А. К. Разумовскаго, носившіе фамилію Перовскихъ были: Николай, бывшій губернаторомъ въ Крыму; Алексѣй, о коемъ здѣсь говорится; Левъ, извѣстный въ послѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта и графъ; Василій также графъ, извѣстный какъ Оренбургскій генералъ-губернаторъ и членъ Государственнаго Совѣта; Борисъ графъ и членъ Госуд. Совѣта. Всѣ они имѣли отчества Алексѣевичей, кромѣ старшаго, Николая Ивановича. Матерью ихъ и дяти сестеръ ихъ была Марья Михайловна Соболевская, въ послѣдствіи Денисьева. Подробнѣе о нихъ см. *А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 112—113, 437. Для полученія степени доктора А. А. Перовскій, по тогдашнему обычаю, прочелъ: «Три пробныя лекціи», напечатанныя подъ этимъ заглавіемъ въ одной брошюрѣ въ Москвѣ въ 1808 году. Первая лекція озаглавлена: «Wie sind Thiere und Gewächse von einan-

сковскихъ департаментахъ Сената, ѣздилъ въ 1809 году съ сенаторомъ П. А. Обрезковымъ для ревизіи Владимірской губерніи; въ 1810 году, благодаря содѣйствію П. И. Кутузова, получилъ мѣсто экзекутора въ 6-мъ департаментѣ сената, въ которомъ служилъ и Кутузовъ, и вообще былъ близокъ къ послѣднему, коего онъ посѣщалъ «каждый день по дружбѣ», но чрезъ котораго онъ тщетно добивался чести быть принятымъ въ масонство, чему воспротивился О. А. Поздѣевъ. При этомъ Кутузовъ объяснялъ Разумовскому: «за нужное почитаю донести, что Алексѣй Алексѣевичъ часто меня посѣщая, наступалъ неоднократно о принятіи его въ нашъ кругъ; я подъ разными предлогами сіе отлагалъ, наконецъ вчера онъ требовалъ еще настоятельнѣе, чтобы я ему непременно сказалъ причины столь долгой отсрочки. Я, будучи уже отъ О. А. приготовленъ и наставленъ, какъ съ нимъ дѣйствовать, сіе сказалъ ему: что будучи в. с. облагодѣтельствованъ, а поелику Алексѣй Алексѣевичъ такъ къ вамъ близокъ, то не смѣю на это рѣшиться и дать ему слово безъ вашей воли. Онъ на это сказалъ: какъ можно сомнѣваться чтобы графъ былъ противъ этого? Я отвѣчалъ, что не сомнѣваюсь, но что доколь отъ васъ разрѣшено не будетъ, я обѣщать ему ничего не могу, и такъ, совѣтую ему къ вамъ писать, а между тѣмъ не вѣдая исполнить ли онъ сей совѣтъ, за нужное почелъ васъ о семъ его положеніи увѣдомить, и шагу съ нимъ рѣшительнаго не сдѣлаю, не получа вашего наставленія, какъ съ нимъ дѣйствовать, на что и буду ожидать отъ васъ приказанія, коимъ, при первомъ вѣрномъ ѣздкѣ, прошу покорнѣйше меня снабдить. Съ другимъ я бы зналъ какъ дѣйствовать, но съ человѣкомъ, толь близкимъ къ вашему сердцу, я крайне въ затрудненіи потому только, что крайне остерегаюсь противъ васъ, моего благодѣтеля, погрѣшить, чего и доброю волею, ей-ей не только словомъ или дѣломъ, но ниже мыслію не желаю». О. А. Поздѣевъ отъ 18 марта того же года объясняетъ: «Что надлежитъ до вашего Алексѣя Алексѣевича, то онъ у меня былъ токмо съ письмомъ вашимъ и послѣ не бывалъ и ко мнѣ не

der unterschieden, und welches ist ihr Verhältnisz zu den Mineralien?» (стр. 1—21); вторая: «Sur le but et l'utilité du système des plantes de Linné» (стр. 23—43); третья: «О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи» (стр. 45—68). Послѣдняя лекція любопытна для исторіи акклиматизаціи растеній въ Россіи; въ ней между прочимъ говорится о возможности разведенія чернаго чая въ Закавказьѣ.

вѣдигъ; и это хорошо, ибо, по его дѣламъ, рано еще нашими бесѣдами заниматься; а надобно ему напередъ оглядѣть миръ съ его красотами, да какъ онъ почувствуетъ непріятности, тогда пожелаетъ говорить, можетъ быть, еще и о матеріяхъ поважнѣе; а Павелъ Ивановичъ желаетъ видно самъ его побуждать и мнѣ не одинъ разъ говорилъ, что онъ хочетъ ѣхать ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ видно, что Павелъ Ивановичъ хочетъ. То надобно въ этихъ случаяхъ молодость не тянуть: ибо если она и согласится, то изъ видовъ временныхъ, чѣмъ тотъ самъ, который тянетъ, первый обманется и будетъ обманутъ, къ чему Кутузовъ много имѣетъ опытовъ; но они его еще не научили». Трудно сказать, чѣмъ могъ быть полезнымъ Историческому Обществу А. А. Перовскій; но онъ вскорѣ оставилъ Москву и потомъ поступилъ въ военную службу. Въ послѣдствіи онъ былъ извѣстенъ какъ попечитель Харьковскаго учебнаго округа, а еще болѣе какъ авторъ романа «Монастырка», изданнаго имъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго⁵⁴.

Три слѣдующихъ по списку члена были весьма извѣстные профессора университета: Николай Николаевичъ Сандуновъ, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій и Василій Михайловичъ Котельницкій. Сандуновъ, Московскій уроженецъ, получившій образованіе сперва въ дворянской гимназіи, а потомъ въ университетѣ по факультетамъ юридическому и словесному, началъ свою педагогическую службу еще въ 1787 году, но скоро перешелъ въ секретари къ генералъ-губернатору возвращенныхъ отъ Польши областей Тутолмину, отъ котораго поступилъ въ канцелярію комиссіи о составленіи законовъ Россійской Имперіи, въ званіи сочинителя, а оттуда въ 1798 году въ оберъ секретари 6 департамента сената, гдѣ и узналъ его Кутузовъ. Несмотря на извѣстную рѣзкость Сандунова даже въ обращеніи съ людьми, стоявшими къ нему въ начальственныхъ отношеніяхъ, и на неуступчивый вообще характеръ, всѣ, знавшіе его и служившіе съ нимъ, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Въ то время, какъ Кутузовъ сдѣлался попечителемъ, профессоръ практическаго законоискусства и синдикъ университета, З. А. Горюшкинъ, въ свое время большой знатокъ какъ гражданскаго, такъ

⁵⁴ См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 137, 289, 307, 322, 328, 333, 354, 375, 377, 382, 391, 489, 493, 495 и 512.

и уголовного судопроизводства и судопроизводства, уже устарѣлъ и особенно былъ плохъ какъ синдикъ. Все это заставило Кутузова какъ выражался онъ въ письмѣ къ Разумовскому отъ 6 июня 1810 года, подумать о томъ, какъ бы добрымъ образомъ избавиться отъ Горюшкина. Съ этою цѣлью онъ указалъ министру на Сандунова, рекомендуя его въ такихъ выраженіяхъ: «Онъ учился и студентомъ былъ въ университетѣ; юриспруденцію такъ знаетъ, какъ мало есть людей ее знающихъ. Онъ у насъ первый оберъ-секретарь и дѣятельностію, и способностями, и безкорыстіемъ. Я, шесть лѣтъ будучи съ нимъ въ одномъ департаментѣ, могу сіе засвидѣтельствовать. Онъ беретъ и лекціи Горюшкина практическаго законоискусства читать и синдикомъ быть; и я увѣренъ, что онъ сдержитъ слово, ибо онъ человекъ умный, острый, въ обращеніи пріятный и веселый. Наши русскіе профессора всѣ его любятъ, ибо онъ былъ ихъ товарищъ, съ нѣмцами онъ скоро сдружится, ибо имѣетъ къ тому всѣ способности, три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій знаетъ совершенно. Что намъ лучше этого человека, и можно ли Горюшкина съ нимъ сравнить для всякой должности? Повѣрьте в. с., что онъ намъ есть полезное приобрѣтеніе и дѣла правленія совсѣмъ иной ходъ и теченіе при немъ возьмутъ. Онъ просилъ меня, чтобы я узналъ волю и склонность в. с. Я соображая всѣ описанныя обстоятельства подумалъ, что на совѣсти будетъ упрекъ, коли не донесу о семъ вамъ». Въ силу такихъ ходатайствъ Сандуновъ былъ назначенъ профессоромъ гражданскаго и уголовного судопроизводства. Въ литературѣ того времени онъ былъ извѣстенъ одною только драмой «Отецъ семейства» (по расположенію барона Гемингема), изданною еще въ 1794 году, посвященною А. А. Прокоповичу Антонскому и отличавшеюся замѣчательною для того времени простотою и жгостію языка⁵⁵. Р. Θ. Тимковскій (род. въ 1784 г., ум. въ 1820 г.), учившійся сперва въ Кіевской академіи, потомъ въ Московской гимназіи и университетѣ, еще находясь въ послѣднемъ образилъ свои занятія исключительно на изученіе греческой и латинской словесности. Съ 1806 по 1809 годъ онъ пробылъ за границей въ Галльскомъ, Лейпцигскомъ и Геттингенскомъ университетахъ, причемъ избранъ былъ въ члены Лейпцигскаго филологическаго Общества. Профессоромъ Московскаго университе-

⁵⁵ См. *Биографическій Словарь профессоровъ М. Ун.*; ч. II, стр. 388—397. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 291, 302, 396, 410, 414.

та онъ сдѣлался въ октябрѣ 1810 года; между учеными того времени онъ извѣстенъ былъ какъ опытный критикъ древнихъ текстовъ. Одинъ изъ біографовъ его такъ характеризовалъ его ученые качества: «Съ глубокими свѣдѣніями въ Греческой и Римской словесности, Романъ Ѳедоровичъ соединялъ основательное знаніе Древностей и Исторіи. Какъ искусный критикъ, онъ умѣлъ тонко раздроблять предметъ и глубоко проникать въ оный; порядокъ и точность были средствомъ и цѣлю его изслѣдованій, какія онъ посвящалъ и на разсмотрѣніе исторической истины, и на опредѣленіе происхожденія и значенія одного слова. Кромѣ древнихъ языковъ, ему были извѣстны Нѣмецкій, Французскій, Англійскій и Польскій. Философія была также любимымъ его занятіемъ. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей, онъ приобрѣлъ ту опредѣленность, ясность и порядокъ, съ какими выражался на письмѣ и на словахъ, и не только на отечественномъ, но и на Латинскомъ языкѣ, который сдѣлался для него какъ бы природнымъ. Какъ филологъ, руководимый образцами всѣхъ образованныхъ народовъ, при изъясненіи на лекціяхъ своихъ классическихъ писателей Греціи и Рима, онъ знакомилъ слушателей съ духомъ ихъ и вкусомъ, открывалъ въ нихъ средства мыслить и писать. Но стараніе быть точнымъ въ мысляхъ не рѣдко затрудняло его въ выраженіяхъ: все что ни выходило изъ-подъ пера его, стоило ему большихъ трудовъ. Занимаясь классическою литературою, сей ученый съ прискорбіемъ видѣлъ, что другіе письменные памятники Славянской словесности, какъ сокровища филологическихъ и историческихъ свѣдѣній, тлѣютъ въ забвеніи, не озаренныя здравою критикою». Последнее обстоятельство конечно повліяло на то, что Тимковскій не только примкнулъ къ Историческому Обществу по его преобразованіи, но и сталъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ его. Отношенія къ нему П. И. Кутузова достаточно характеризуются тѣмъ, что, сдѣлавшись попечителемъ, Кутузовъ представилъ его изъ экстро-ординарныхъ въ ordinарные профессора, объясняя свое представленіе въ письмѣ къ гр. Разумовскому отъ 3 октября 1810 года такимъ образомъ: «О Тимковскомъ общая молва, личное съ нимъ знакомство и обрѣтеніе въ немъ отличныхъ свѣдѣній, скромности и самой лучшей нравственности, побуждаютъ меня надѣяться, что в. с. изволите обратить на него милостивое ваше вниманіе и произведеніе его утвердить»⁵⁶.

⁵⁶ *Біографическій Словарь профессоръ М. Ун*; ч. II, стр. 486—498. А. А.

В. М. Котельницкій (род. въ 1770 г., ум. 11 января 1844 г.) воспитанникъ Московской гимназiи и университета, преподавалъ въ послѣднемъ съ 1804 года медицинскую химию, фармакологию, фармацію, рецептуру и исторiю медицины, а въ теченiе 1810 года произведенъ сперва въ экстра-ординарные, потомъ въ ординарные профессора по кафедрѣ врачебнаго веществословія и врачебной словесности, подъ каковыми названiями разумѣлись тогда выше-названныя части медицинскихъ наукъ, и кромѣ того въ томъ же году назначенъ былъ членомъ цензурнаго комитета, состоявшаго тогда изъ университетскихъ профессоровъ. Въ годъ преобразованiя Общества на актѣ 5 iюля онъ произнесъ «Слово о началѣ, успѣхахъ и постепенномъ усовершенствованiи химiи». По преданiямъ, онъ былъ одинъ изъ краснорѣчивыхъ преподавателей того времени ⁴⁷.

Наконецъ списокъ членовъ, утвержденныхъ въ этомъ званiи при преобразованiи Общества, заканчивался именами: Сергѣя Павловича фонъ-Визина и Якова Iевлевича Бардовскаго. Первый былъ сынъ П. И. фонъ-Визина (род. 1745, ум. 1803 г.) и племянникъ знаменитаго автора «Недоросля». Отецъ извѣстенъ былъ какъ переводчикъ, сочиненiя котораго помѣщались въ разныхъ журналахъ 1760—1764 годѣвъ, каковы: «Полезное Увеселенiе», которое издавалъ М. М. Херасковъ, въ то время ассессоръ конференцiи при Московскомъ университетѣ; «Собранiе лучшихъ сочиненiй къ распространенiю знанiя и къ произведенiю удовольствiя, или Смѣшанная библіотека о разныхъ физическихъ, экономическихъ, та-кожъ до мануфактуръ и до коммерцiи принадлежащихъ вещахъ», которую издавалъ профессоръ всеобщей исторiи И. Г. Рейхель; «Доброе Намѣренiе», издателемъ коего былъ только что кончившій курсъ въ университетѣ В. Д. Санковскій. Въ послѣднемъ журналѣ П. И. фонъ-Визинъ, кромѣ переводовъ напечаталъ и нѣсколько мелкихъ стихотворенiй. Сынъ его Сергѣй Павловичъ, еще будучи воспитанникомъ университетскаго благороднаго пансіона,

Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 318, 322, 330, 414. Речи, произнесенныя въ торжественныхъ собранiяхъ Имп. Моск. Ун. русскими профессорами онаго съ краткими изъ жизнеописанiями. Ч. III. (М., 1821), стр. 172—173.

⁴⁷ *Биографическій Словарь М. У. ч. I, стр. 430—431; А. А. Васильчикова, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 404, 423. Гр. Тетяны, Справочный Словарь; ч. II, стр. 168.*

помѣстилъ нѣсколько мелочей въ «Утренней Зарѣ», бывшей литературнымъ органомъ пансіона. Этотъ-то фонъ-Визинъ, состоявшій уже въ линіи коллежскаго ассессора и былъ членомъ Историческаго Общества⁵⁸. Я. И. Бардовскій былъ извѣстенъ какъ переводчикъ разныхъ сочиненій, направленныхъ противъ безвѣрія философовъ XVII вѣка, и только что предъ преобразованиемъ Общества издалъ въ переводѣ съ французскаго два такихъ разсужденія Лагарпа и Бильбея Портіуса. Онъ переводилъ также и нѣкоторыя изъ масонскихъ сочиненій. Кроме того Бардовскій былъ весьма близокъ къ адмиралу А. С. Шишкову и въ борьбѣ послѣдняго съ реформаторами русскаго языка, во главѣ которыхъ стоялъ М. Н. Карамзинъ, поддерживалъ ревнителей стараго направленія. Въ своихъ письмахъ къ Бардовскому Шишковъ хвалилъ его за употребленіе слова «изувѣръ» вмѣсто слова «фанатикъ» и за обстоятельныя разсужденія о словѣ «имство». «Признаюсь, что я, писалъ ему Шишковъ, очень люблю толкованіе словъ. Мнѣ кажется, не отыскивая корня ихъ, не можемъ мы знать силу вѣтвей, изъ которыхъ состоитъ языкъ. Наука сія есть самая важная, необходимая для процвѣтанія языка и словесности». Этому-то Бардовскому, послѣ изгнанія Наполеона изъ Россіи, Шишковъ исходатайствовалъ у Александра I порученіе заняться собраніемъ свѣдѣній о нашествіи непріятеля на Москву, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ. Хотя Бардовскій и напечаталъ тогда же приглашеніе о доставленіи ему помянутыхъ свѣдѣній, а Шишковъ въ письмѣ отъ 11 мая 1813 года далъ довольно подробное наставленіе, въ какомъ духѣ и направленіи слѣдуетъ описывать нашествіе французовъ; но возложенное на него сочиненіе не появилось въ свѣтъ, и долго ли получалъ Бардовскій жалованье за него, не извѣстно. Что же касается направленія, которое онъ долженъ былъ дать своему сочиненію, то въ наставленіяхъ Шишкова о томъ между прочимъ говорилось слѣдующее: «не худо краткимъ и нечувствительнымъ образомъ войти въ историческое разсмотрѣніе нравственности Гальскаго народа, гдѣ откроется широкое поле говорить о ядовитыхъ книгахъ ихъ, о развратныхъ правилахъ, о неистовыхъ дѣлахъ, породившихъ чудовищную революцію и тысячи старыхъ и новыхъ Маратовъ и Робеспьеровъ...

⁵⁸ Неустурова, *Историческое разысканіе о русскихъ погребенныхъ издаваніяхъ и сборникахъ*; стр. LXV, 83, 87, 90, 92, 98—101, 841.

Въ противоположность сему, безъ всякаго самохвальства, можно отдать справедливость, что въ нашемъ народѣ не было никогда иныхъ книгъ, кромѣ насаждающихъ благонравіе, иныхъ кромѣ благочестивыхъ». Таковымъ предстояло быть единственному съ исторической программой сочиненію Бардовскаго⁴⁹.

На Бардовскомъ оканчивался первоначальный списокъ 27 членовъ Общества; но такъ какъ уставъ послѣдняго разрѣшалъ имѣть 30 членовъ, то за выходомъ изъ числа оныхъ І. О. Буле и С. Н. Глинки, имѣлось пять свободныхъ мѣстъ. А потому въ теченіе 1811 и 1812 годовъ избрапы были въ дѣйствительные члены: въ засѣданіи 1 іюня 1811 года гр. Г. С. Салтыковъ, 19 сентября того же года К. О. Калайдовичъ и Д. А. Облеуховъ, 7 мая 1812 года гр. А. А. Мусицъ-Пушкинъ.

Графъ Григорій Сергѣевичъ Салтыковъ былъ сынъ генералъ-майора С. Вл. Салтыкова (род. 1739, ум. въ 1800 г.), и вмѣстѣ съ сестрами Пеллагею и Аграфеною, какъ рожденные до брака отца съ ихъ матерью, носили имя Жердѣевскихъ до указа 11 мая 1801 года, коимъ Александръ I вскорѣ послѣ смерти отца даровалъ имъ всѣ права наслѣдства. Самъ Григорій Сергѣевичъ (род. 16 января 1777 года, ум. 16 апрѣля 1814 г.), женатъ былъ на гр. Елиз. Ст. Толстой, но дѣтей послѣ себя не оставилъ. Еще подъ именемъ Григорія Жердѣевскаго онъ участвовалъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени». Уже сдѣлавшись Салтыковымъ, онъ участвовалъ вмѣстѣ съ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ и гр. Д. И. Хвостовымъ въ изданіи «Друга Просвѣщенія». Такимъ образомъ Салтыковъ сдѣлался членомъ Общества по ста-

⁴⁹ См. *Гр. Гениади, Справочный Словарь о писателяхъ*; ч. I, стр. 65—66; 349. Важнѣйшія переводныя сочиненія изъ названныхъ выше были: 1) Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII вѣка, противъ христіанскаго благочестія, соч. Лагарпа, съ фр. (М. 1810); 2) Краткое изложеніе главныхъ доводовъ, неоспоримо утверждающихъ истину и Божественное начало откровенія христіанскаго, соч. Бильбея Португуса; съ франц. (М. 1811); 3) Іоанна Месона разсужденіе о познаніи самого себя, въ которомъ показывается сущность и важность, превосходство и великая польза сей глубокой науки, также и средства къ достиженію оной; съ нѣм., по англійскому подлиннику исправленный, 3 части (М. 1820). О своихъ отношеніяхъ къ А. С. Шишкову самъ Бардовскій сообщилъ свѣдѣнія, издавъ въ 1841 году брошюру: «*Девятнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шихова*». Срв. *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 172, 070, 075—077.

рымъ связямъ съ Кутузовымъ ⁶⁰. Константинъ Федоровичъ Калайдовичъ (род. въ 1792, ум. въ 1832 г.) принадлежалъ вмѣстѣ съ Каченовскимъ и Тимковскимъ къ числу членовъ, оставившихъ по себѣ наибольшую память въ русской исторической литературѣ. Но въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, онъ былъ еще только начинающимъ писателемъ. Сынъ елецкаго лекаря Ф. Дм. Калайдовича, переселившася въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Москву, онъ кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ 10 мая 1810 г. Еще до выхода изъ университета онъ сопутствовалъ директору Императорскаго Общества Испытателей Природы Гр. Фишеру фонъ-Вальдгейму въ его поѣздкѣ по Московской губерніи для минералогическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ наблюдений, и издалъ книжку подъ заглавіемъ «Плоды трудовъ моихъ» (1808), въ коей помѣщены были какъ его собственныя сочиненія, такъ и переводы. Съ 1810 года онъ былъ преподавателемъ въ академической гимназіи и благородномъ пансіонѣ при университетѣ, и читалъ лекціи Русской Исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ ⁶¹. Собственно ученая его дѣятельность началась съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался членомъ Историческаго Общества. О Дмитріѣ Александровичѣ Облеуховѣ можно сказать, что онъ началъ свою служебную дѣятельность подъ руководствомъ Кутузова, сдѣлавшись правителемъ канцеляріи попечителя послѣ того, какъ Каченовскій оставилъ эту должность. Онъ однакожъ не покидалъ при этомъ и ученыхъ занятій, ибо окончивъ курсъ по физико-математическому отдѣленію готовилъ диссертацию на степень доктора, которую и получилъ въ іюнѣ 1811 года послѣ диспута и трехъ публичныхъ лекцій. Ходатайствуя послѣ того предъ Разумовскимъ о наградѣ Облеухова, Кутузовъ писалъ министру, что Облеуховъ его добрый помощникъ и дѣятельный работникъ, его правая рука, дворянинъ умный и просвѣщенный. Графъ Александръ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 1788, ум. отъ раны въ сраженіи подъ Люнебургомъ 23 марта 1813 г.), былъ сынъ уже извѣстнаго Обществу

⁶⁰ См. кн. П. Дворукова, *Россійская родословная книга*, ч. II, стр. 78. М. А. Дмитриева, *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 83, 100, 101. Неустроева, *Историческое розысканіе о периодическихъ изданіяхъ*; стр. XI, 759—760.

⁶¹ Гр. Гстади, *Справочный Словарь о писателяхъ*, ч. II, стр. 92. П. А. Безсонова, *Матеріалы для жизнеописанія К. Ф. Калайдовича, и особенно для изображенія ученой его дѣятельности*, въ «Чтеніяхъ» Общества за 1862 годъ, кн. III, отд. I, стр. 1—11.

собираетеля древностей А. И. Мусина-Пушкина. Онъ получилъ домашнее воспитаніе, служилъ сперва въ Московскомъ архивѣ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1801—1807), потомъ находился въ командировкахъ при сенаторѣ Алексѣевѣ въ Западномъ краѣ, при князѣ Прозоровскомъ и князѣ Багратионѣ въ Молдавіи, гдѣ участвовалъ въ сраженіи противъ Турокъ, а съ 1812 г. вмѣстѣ съ Ярославскимъ ополченіемъ участвовалъ въ войнахъ противъ Наполеона. Онъ любилъ заниматься исторіей, но всѣ его бумаги и ученые труды сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году; сохранился только его дневникъ, веденный съ 1809 по 1813 годъ ⁶².

При возобновленіи своей дѣятельности Историческое Общество не имѣло ни благотворителей, ни соревнователей, ни корреспондентовъ. Почетнымъ званіемъ благотворителей удостоены были въ теченіе года нѣсколько лицъ, или сдѣлавшихъ въ пользу Общества значительное пожертвованіе деньгами и книгами, или оказавшихъ ему покровительство: въ засѣданіи 12 апрѣля—дворянинъ Зой Павловичъ Зосима ⁶³ и купецъ Игнатій Ѳерапонтовичъ Ѳерапонтовъ ⁶⁴, 10 ноября—министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій, Андрей Андреевичъ Глазуновъ ⁶⁵, Николай Ивано-

⁶² Гр. Гетцади, *Справочный Словарь о писателяхъ*, ч. II, стр. 357—358. Биографическія свѣдѣнія о гр. А. А. Мусинѣ-Пушкинѣ обнародованы были Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ при изданіи перевода М. П.—на «Рѣчи Флавіана, патріарха Александрійскаго, къ Греческому императору Ѳеодосію просительной о помилованіи города Антиохіи» (М. 1813, in 8). Срв. «Записки и Труды» Общества, ч. II, стр. 22—23.

⁶³ Одинъ изъ четырехъ братьевъ: Анастасія, Николая, Зоя и Михаила Зосимъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью на пользу умственнаго и духовнаго возрожденія новогреческой народности, истратившихъ большія суммы на изданіе древнихъ греческихъ писателей въ разныхъ типографіяхъ Европы. Зой П.—чѣ пожертвовалъ полный экземпляръ этихъ изданій для бібліотеки Московскаго университета и оказалъ значительныя денежныя пособія Обществамъ Испытателей Природы и Историческому, о чемъ будетъ упомянуто на своемъ мѣстѣ. См. *Шевырева, Исторія Московскаго Университета*, стр. 373, 404. Въ спискахъ членовъ онъ значился такъ: «дворянинъ, Московскаго университета и Общества Испытателей Природы почетный членъ и ордена Св. Анны 2-го класса кавалеръ». Последнюю награду онъ получилъ главнымъ образомъ за пожертвованіе Историческому Обществу.

⁶⁴ О немъ см. любозытную брѣшюру К. Ѳ. Калайдовича: *Извѣстіе о древностяхъ Славено-русскихъ и объ Игнатіи Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ*. М. 1811.

⁶⁵ Въ спискѣ членовъ значится такъ: коллежскій ассессоръ и ордена Св. Владиміра IV степени кавалеръ.

вичъ Матрунинъ ⁶⁶ и неизвѣстная особа, пожертвовавшая 1000 рублей, 1 декабря—кн. Василий Дмитриевичъ Голицынъ ⁶⁷ и 20 мая 1812 г. калужскій первостатейный купецъ Я. И. Бублинъ ⁶⁸. Ихъ имена были написаны золотыми буквами на доскѣ, находившейся въ залѣ засѣданій. Соревнователей въ теченіе года избрано было двадцать: 12 апрѣля 1811 года—К. Ѳ. Калайдовичъ, перешедшій вскорѣ въ число дѣйствительныхъ членовъ, 2 мая—Левъ Ѳеодоровичъ Людоговскій ⁶⁹, Дмитрій Ивановичъ Дмитревскій ⁷⁰ и Александръ Александровичъ Писаревъ ⁷¹, 1 іюня—Александръ Ивановичъ Тургеневъ ⁷² и Александръ Ивановичъ Ермолаевъ ⁷³, 19 сен-

⁶⁶ Довольно извѣстный въ свое время любитель старинныхъ книгъ, ѣздившій для пріобрѣтенія ихъ по разнымъ губерніямъ. См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*, ч. II, стр. 345.

⁶⁷ Въ спискѣ: дѣйствительный статскій совѣтникъ.

⁶⁸ О немъ см. Приложеній № XVII.

⁶⁹ Л. Ѳ. Людоговскій былъ извѣстенъ Московскому университету еще съ 1790 года, какъ секретарь при главномъ кураторѣ его И. И. Шуваловѣ, былъ потомъ директоромъ Смоленской гимназій въ теченіе 25 лѣтъ и умеръ въ чинѣ д. ст. сов. О немъ см. мою статью: «*Осмотръ Н. А. Бекетовымъ Смоленскіе училищъ по каишествіи Наполеона*», въ «Русскомъ Архивѣ» за 1879 г., кн. III, стр. 65, 73, 74, 77—80, 85—87. Срв. *Биографическій Словарь профессоровъ Московскаго Университета*; т. I, стр. 416. Онъ издалъ въ 1790 году въ Спб.: «*Географическій Словарь Новаго Завѣта*», съ планомъ и картою. См. *Гр. Гашади, Стравочный Словарь*; ч. II, стр. 268.

⁷⁰ Директоръ Владимірской гимназій съ 1808 г., которому гр. А. К. Разумовскимъ порученъ былъ также и надзоръ за больнымъ сыномъ его гр. Кириллою А—мъ, заключеннымъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Дмитревскій посылалъ министру донесенія о состояніи его сына, подѣ конецъ ввпавшаго въ сумашествіе. См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*; ч. II, стр. 138, 139, 329, 484.

⁷¹ А. А. Писаревъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка полковникъ, Россійской Академіи, Бесѣды Любителей Россійскаго Слова, Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ членъ и ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалеръ (род. 1780, умеръ 1848), въ послѣдствіи предсѣдатель Историческаго Общества и попечитель Московскаго учебнаго округа (1825—1830), а съ 1840—1845 военный губернаторъ Варшавы. Подробнѣе говорить о немъ придется въ другихъ главахъ.

⁷² А. И. Тургеневъ (род. 28 марта 1784, ум. 3 дек. 1845), сынъ И. П. Тургенева, бывшаго между прочимъ директоромъ Московскаго университета съ 15 ноября 1796 года по 21 ноября 1803, слишкомъ извѣстное въ исторіи русскаго просвѣщенія лицо, чтобы о немъ распространяться здѣсь. Для нашей цѣли достаточно привести слѣдующія слова его: «я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Мо-

гября—епископъ Евгений Болховитиновъ ⁷⁴, Иванъ Семеновичъ Орлай де-Карва ⁷⁵, Августъ Лербергъ ⁷⁶, Филиппъ Иваиновичъ

ску, въ тогдашній кругъ друзей» («Периодъ Н. М. Карамзина съ А. И. Тургенева», въ «Москвитинѣ» за 1855 г., № 1, стр. 82), и слова Карамзина въ письмѣ къ нему отъ 21 апрѣля 1811 года: «говорить ли о Кутузовѣ? Онъ самъ себя наказываетъ злобою: это чувство неприятно. По сіе время не удалось ему сдѣлать мнѣ зла, а что будетъ впередъ, не знаю и знать не хочу. Мнѣнія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ и то невольнымъ»... (Тамъ же, стр. 93). Слѣдуетъ однакожь упомянуть, что въ 1872 году въ Лейпцигѣ изданы были: «Шесть А. И. Тургенева къ Николаю И. Тургеневу» (брату его, автору известной книги «La Russie et les Russes», въ трехъ томахъ), относящіяся къ 1826—1828 гг. А. И. Тургеневъ былъ уже членомъ Историч. Общества; см. выше, стр. 48.

⁷⁴ А. И. Ермолаевъ (род. въ 1780 г., ум. 10 июня 1828) археологъ и нумизматъ, бывший съ 1808 г. помощникомъ хранителя рукописей С.-Петербургской Публичной библиотеки, а потомъ и хранителемъ, за годъ до своего избранія въ соровнователи Историческаго Общества совершилъ археологическое путешествіе съ К. М. Бороздиннымъ (род. 13 мая 1731 г., ум. 10 мая 1848), который въ 1826—1832 гг. былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа. Онъ помогалъ также своими свѣдѣніями гр. Н. П. Румянцеву и Н. М. Карамзину въ ихъ археографическихъ поискахъ. См. *Гр. Гешади, Справочный Словарь о Русскихъ писателяхъ*; ч. I, стр. 345 и 105.

⁷⁵ Евгений (род. 18 дек. 1767 г., ум. 23 февр. 1837) былъ тогда епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, Академіи Россійской и Медико-Хирургической, Московскаго университета, Бесѣды Любителей Россійскаго Слова, Обществъ: Любителей Россійской Словесности и Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ почетный членъ, и ордена Св. Анны 1-го класса кавалеръ, впоследствии митрополитъ Кіевскій. Онъ уже и тогда известенъ былъ какъ авторъ, переводчикъ или издатель многихъ сочиненій. Изъ историческихъ изданій его важнѣйшими въ то время считались: «Описание Воронежской губерніи», «Исслѣдованіе о соборахъ Россійской церкви», «Разсужденіе о церковномъ пѣвнѣ», «Разсужденіе о чинахъ Греко-Россійской церкви», Историческіе разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода». Срв. «Сборникъ статей II отдѣленія Имп. Акад. Наукъ», т. V, вып. I, стр. 12—14. Необходимо упомянуть, что его «Словарь Русскихъ писателей» впервые сталъ печататься въ «Другѣ Просвѣщенія» за 1805 и 1806 гг., въ изданіи коего дѣятельное участіе принималъ и П. И. Голенщевъ-Кутузовъ.

⁷⁶ Въ спискахъ членовъ значится: Медико-Хирургической въ С.-Петербургѣ Академіи ученый секретарь, коллежскій совѣтникъ, гофъ-медикъ, словесныхъ наукъ магистръ, философіи, медицины и хирургіи докторъ и ордена Св. Владимира 4-й степени кавалеръ.

⁷⁷ Августъ (собственно Ааронъ) Хр. Лербергъ (род. 7 февр. 1770 г., умеръ 24 июля 1813), экстраординарный академикъ, изслѣдователь древней Русской Исторіи. Онъ также былъ членомъ Историческаго Общества при Чеботаревѣ, см. выше стр. 48.

Кругъ ⁷⁷, Густавъ Еверсъ ⁷⁸, Николай Петровичъ Брусловъ ⁷⁹, Николай Сергѣевичъ Арцыбашевъ ⁸⁰ и Гавріилъ Петровичъ Успенскій ⁸¹, 4 января 1812 года—Петръ Федоровичъ Калайдовичъ ⁸², 14 февраля—князь Иванъ Алексѣевичъ Голицынъ ⁸³, 1 апрѣля—

⁷⁷ Иог. Филиппъ Кругъ (род. 29 янв. 1764 г., ум. 4 июня 1844) съ 1789 по 1795 г. жилъ въ Москвѣ; онъ ревностно собиралъ монеты и медали и сталъ изучать русскую археологію и исторію. Былъ членомъ Общества еще при Чеботаревѣ; а во время новаго избранія состоялъ уже экстраординарнымъ академикомъ и выдалъ два сочиненія: «*Zur Münzkunde Russlands*» (1807), тогда же переведенное и на русскій языкъ, и «*Kritischer Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands*» (1810). См. о немъ статью П. Фусса въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. XLV, отд. III, стр. 52, и статью: «*Sodmütheis Kruna kancлеру гр. Румянцову въ помозу Русской Исторіи*», тамъ же, ч. LXV, отд. V, стр. 1.

⁷⁸ Иог. Фил. Густавъ Еверсъ (род. 4 июля 1781, ум. въ 1830 г.), былъ съ 1810 г. профессоромъ Русской Исторіи и географіи въ Дерптѣ, выдалъ къ 1811 г. по этимъ предметамъ слѣдующее сочиненіе: «*Vom Ursprunge des Russischen Staats*» (1808 г.).

⁷⁹ Н. П. Брусловъ еще въ 1799 году былъ директоромъ бумагопрядильной фабрики при Воспитательномъ Домѣ, а съ 1820 по 1834 г. губернаторомъ въ Вологдѣ; умеръ въ 1849 году. Кромѣ повѣстей и перевода одной комедіи, онъ извѣстенъ былъ въ началѣ сего столѣтія тѣмъ, что издавалъ «Журналъ Россійской Словесности» на 1805 годъ, въ 3 частяхъ; а въ 1811 году онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» (ч. 55, № 4, стр. 284): «Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства», заключающее въ себѣ между прочимъ возраженія на мнѣнія Шлецера и Миллера о несуществованіи политическихъ формъ жизни у Восточныхъ Славянъ до Рюрика и разборъ мнѣній о достовѣрности Іоакимовой гѣтописи. Срв. *Гр. Геттади, Справочный Словарь*, ч. I, стр. 110.

⁸⁰ Н. А. Арцыбашевъ извѣстенъ обширнымъ сводомъ гѣтописныхъ извѣстій о Русской Исторіи, который былъ задуманъ имъ еще въ 1802 г., а изданъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ только въ 1838—1841 гг. въ трехъ томахъ, четвертый же томъ, заключающій извѣстія съ начала XVIII вѣка, былъ только начатъ печатаніемъ, но не конченъ за смертію автора, послѣдовавшюю 27 августа 1841 г. Первымъ печатнымъ трудомъ его была книжка: «О первобытной Россіи и ея жителяхъ» (Спб. 1808), а въ 1811 г. онъ выдалъ: «Приступъ къ Повѣсти о Русскихъ». См. статью *К. Н. Вестужева-Рюмина* о немъ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», т. V (1862), стр. 570—572, и *Гр. Геттади, Справочный Словарь о Русскихъ писателяхъ*; ч. I, стр. 48.

⁸¹ Г. П. Успенскій (умеръ въ 1820 г.), профессоръ исторіи, статистики и географіи въ Харьковскомъ университетѣ, выдалъ въ 1811—1812 гг.: «*Откъ о древностяхъ Россійскихъ*» (въ двухъ частяхъ).

⁸² П. О. Калайдовичъ, кандидатъ словесныхъ наукъ, Общества Любителей Россійской Словесности членъ, братъ вышепомянутаго археолога.

⁸³ Кн. Н. А. Голицынъ (род. 2 авг. 1787, ум. 19 мая 1812 г.), инженеръ-капитанъ. Такъ какъ онъ избранъ въ соревнователи за три только мѣсяца до

архієпископъ Ярославскій Антоній ⁸⁴; 7 мая—епископы: Владиміръ-ошій и Суздальскій Ксенофонтъ ⁸⁵, Нижегородскій и Арзамаскій Моисей ⁸⁶ и Старорусскій Іоасафъ ⁸⁷.

Ясно, что Общество, строго соблюдая требованія устава о постоянномъ по возможности пребываніи дѣйствительныхъ членовъ въ Москвѣ, избирало иногородныхъ ученыхъ, даже и очень извѣстныхъ въ литературѣ, только въ соревнователи. Нельзя однакожь пройти молчаніемъ, что ни при Чеботаревѣ, ни при Кутузовѣ не былъ предложенъ въ число членовъ находившійся тогда еще въ живыхъ знаменитый издатель «Древней Россійской Виелювника» Н. И. Новиковъ. Между тѣмъ въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ Общества встрѣчались лица, неизвѣстныя трудами по Русской Исторіи, недостатокъ коихъ для нихъ впрочемъ по уставу замѣнялся «отличными свѣдѣніями въ Россійской Исторіи и

своей смерти, то въ печатный списокъ членовъ не попалъ. Онъ былъ извѣстенъ какъ составитель: «Статистическихъ таблицъ Всероссійской Имперіи или Физическое, политическое, статистическое начертаніе Россіи, съ XIX столѣтія изъ новѣйшихъ писателей выписанное» (М. 1807, въ листъ, 73 стр. текста и XLII таблицы), посвященныхъ Александру I, а также переводомъ «Хронологическихъ таблицъ» Ж. Блера (М. 1808—1809, въ 2 частяхъ). Изъ перваго труда его видно, что авторъ былъ образованный и трудолюбивый человекъ. Весьма сочувственное воспоминаніе о немъ П. В. Хавскаго напечатано подъ заглавіемъ: «Извѣстіе о хронологическихъ трудахъ князя Ив. А. Голицына» въ «Временникѣ» Общества Ист. и Др. Рос., кн. XXIII, Смѣсь, стр. 34—36. Отецъ его, князь А. И. Голицынъ, также былъ плодовитый писатель. См. о немъ Гр. Гетцади, *Справочный Словарь*, ч. I, стр. 235—236, о сынѣ стр. 237.

⁸⁴ Антоній Знаменскій (род. 1761, ум. 10 авг. 1824 г.), былъ Ярославскимъ архієпископомъ съ 1806 по 1820 годъ. О сочиненіяхъ его см. у Геннади, ч. I, стр. 34—35.

⁸⁵ Ксенофонтъ Троепольскій былъ Владимірскимъ епископомъ съ 1800 по 1821 годъ; умеръ 4 мая 1834 г. О немъ см. П. М. Строева, *Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской церкви* (Спб. 1877); стр. 274, 295, 293, 290, 659 и 549.

⁸⁶ Моисей Близнецовъ-Платоновъ былъ епископомъ Нижегородскимъ съ 28 мая 1811 г. по 10 января 1825 (день его кончины); съ 1800 по 1808 г. онъ былъ послѣдовательно архимандритомъ Златоустовскаго, Богоявленскаго и Законоохранскаго монастырей въ Москвѣ и славился какъ проповѣдникъ. См. о немъ у Гетцади въ «Словарѣ», ч. II, стр. 336; у Строева, въ «Спискахъ», стр. 196, 177, 161, 953, 607. Макарія (архим., нынѣ архієп.), *Исторія Нижегородской іерархіи* (Спб. 1857); стр. 200—222.

⁸⁷ Іоасафъ Срѣтенскій былъ Старорусскимъ епископомъ съ 21 ноября 1810 по 6 мая 1813 г.; умеръ 1 марта 1827 г. См. Строева *Списки*, стр. 40, 50, 495.

древностяхъ». Какъ литераторы, въ широкомъ смыслѣ слова, они конечно были, по понятіямъ времени, на своемъ мѣстѣ и въ Историческомъ Обществѣ. Но если въ дѣйствительные члены избирались только по предложенію наличныхъ членовъ, и чаще всего П. И. Кутузова; то изъ перечисленныхъ нами благотворителей и соревнователей, набравшихся въ теченіе цѣлаго года, многіе приняты были въ эти званія вслѣдствіе ихъ собственнаго заявленія. Такія заявленія были вызваны распоряженіями Общества, принятыми имъ въ первое же время по своемъ возрожденіи. Такъ въ первомъ же засѣданіи оно постановило напечатать свой уставъ въ двухъ стахъ экземплярахъ; во второмъ рѣшено было напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» краткую выписку изъ устава, съ приглашеніемъ всѣхъ любителей Отечественнѣй Исторіи «споспѣшествовать успѣхамъ Общества своими сочиненіями или благотворительными вспоможеніями»; въ третьемъ засѣданіи определено было «послать циркулярныя письма ко всѣмъ преосвященнымъ архіереямъ, приложивъ къ нимъ по экземпляру устава, съ приглашеніемъ не угодно ли будетъ кому-либо изъ нихъ споспѣшествовать занятіямъ Общества въ качествѣ соревнователей; въ томъ же засѣданіи предложено было «припечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», чтобы тѣ, которые намѣрены продать какія-нибудь рѣдкія книги, какъ рукописныя, такъ и печатныя, относящіяся до Россійской Исторіи, или какія-нибудь старинныя русскія монеты, медали или другія вещи изъ русскихъ древностей, таковыя могутъ отнестись къ предсѣдателю Общества, и буде Общество найдетъ нужными продаваемыя вещи и одобрить оныя, то онѣ будутъ куплены»⁸⁸. Всѣ эти опубликованныя Обществомъ постановленія, предложенныя большею частію П. И. Голенщевымъ-Кутузовымъ, имѣли очень благопріятныя для него послѣдствія. Возобновлявшаяся такимъ образомъ дѣятельность Общества встрѣчена была большимъ сочувствіемъ не только въ самой Москвѣ, но и въ другихъ краяхъ Россіи.

Уже во второмъ засѣданіи 12 апрѣля 1811 года, читаны были письма на имя попечителя университета отъ первыхъ благотворителей Общества, приносявшихъ въ его пользу значительныя по-

⁸⁸ См. «Замѣтки и Труды Общества», кн. I, стр. XLIV, LIX, LXVIII—LXIX. Печатаніе устава въ 200 экз. принялъ на свой счетъ предсѣдатель Общества.

жертвованія. По своему содержанію и общественному значенію эти письма заслуживаютъ быть приведенными здѣсь сполна ⁸⁹.

Первымъ читалось слѣдующее письмо:

Милостивый государь

Павель Ивановичъ!

«Когда дошло до нашего свѣдѣнія, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, одобренное Его Величествомъ Государемъ Императоромъ и утвержденное г. министромъ народнаго просвѣщенія, воспріяло новое бытіе въ нѣдрахъ Московскаго университета, коего ваше превосходительство находитея начальникомъ: то мы твердо увѣрены со всѣми прочими, что знаменитые подвиги онаго будутъ полезны не только для отечества, но и для всего ученаго свѣта. Такимъ образомъ, ревнуя и сами всегда общему благу и стараясь споспѣшествовать распространенію и приумноженію наукъ, мы, желая раздѣлить труды почтеннаго Общества, принимаемъ на себя издержки первой издаваемой лѣтописи. На сей конецъ я подписую вмѣстѣ съ братьями моими сумму *три тысячи шестьсотъ рублей*, означенную въ примѣрномъ счетѣ, который я имѣлъ честь получить при письмѣ вашего превосходительства. Половину суммы, то-есть 1800 руб., при семъ препровождаю, а другую по отпечатаніи книги немедленно буду имѣть честь доставить.

«Единственное же наше желаніе состоитъ въ томъ, чтобы почтенное Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, пріемля сіе пожертвованіе, яко знакъ истиннаго нашего къ нему усердія,

⁸⁹ Мы вообще останавливаемся съ особенною подробностію на исторіи Общества за 1811—12 годы по двумъ причинамъ: 1) по тѣсной связи его первыхъ успѣховъ и того сочувствія, съ какимъ они встрѣчены были современниками, съ общимъ движеніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи за то время; 2) потому что единственный нечтанный, за истребленіемъ въ пожаръ 1812 года архива и библіотеки Общества, источникъ для его исторіи за первые девять лѣтъ существованія (I часть «Записокъ и Трудовъ») составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, и стало бытъ систематическое изложеніе его содержанія будетъ не бесполезно и для русской исторіографіи. Списокъ всѣхъ документовъ, имѣющихъ значеніе для исторіи Общества и напечатанныхъ въ первой части «Трудовъ» см. въ Приложеніяхъ къ сей главѣ подъ № XIII.

приказало напечатать 1000 экземпляровъ и оставляя для себя 600, потрудились отправить 100 экземпляровъ въ подарокъ всѣмъ архіереямъ и губернаторамъ; 200 экземпляровъ назначило бы безденежно въ пользу всѣхъ находящихся въ Россіи губернскихъ гимназій, полагая каждой изъ нихъ по четыре экземпляра, а остальные доставило бы намъ.

«Утруждая васъ просьбою моею, извѣститъ обо всемъ этомъ гг. членовъ Общества, съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю пребыть

Милостивый государь

вашего превосходительства

покорнѣйшимъ слугою

Зой Зосима съ братьями.

Марта 20 1811 г.

Удостоивъ Зосиму «за такое патріотическое пожертвованіе» званія благотворителя, постановивъ написать его имя золотыми буквами на доскѣ, имѣющей быть въ залѣ засѣданій, и о пожертвованіи его объявить въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Общество кромѣ того поручило своему предсѣдателю засвидѣтельствовать почтенному благотворителю благодарность отъ его имени. Въ распоряженіи Общества не было большихъ средствъ къ выраженію его признательности. Но П. И. Голенщевъ-Кутузовъ увѣдомилъ съ своей стороны о пожертвованіи Зосимы графа А. К. Разумовскаго и тотъ, докладывая о томъ Александру I, обратилъ его вниманіе и на другія благодѣянія Зосимы, обращенныя имъ въ разное время на пользу наукъ и литературы. Александръ подписалъ слѣдующій рескриптъ отъ 8 мая 1811 года:

«Господинъ Зой Зосима!

«Съ особеннымъ удовольствіемъ внималъ Я докладу Министра Народнаго Просвѣщенія объ отличной ревности, съ каковою вы способствуете успѣхамъ народнаго просвѣщенія, жертвуя знатною частию своего имущества на содержаніе учебныхъ заведеній и распространеніе наукъ. Желая изъяснить вамъ, сколь пріятны Мнѣ подвиги ваши, а особливо наградить васъ за усердіе, оказанное Россійскимъ ученымъ заведеніямъ приношеніями въ пользу учрежден-

ныхъ при Московскомъ Университетѣ Обществъ: Испытателей Природы и Исторіи и Древностей Россійскихъ, жалую васъ кавалеромъ Ордена св. Анны втораго класса, коего знаки, при себѣ препровождаемые, имѣете возложить на себя и носить по установленію. Впрочемъ Я увѣренъ, что такое отличіе будетъ для Васъ новымъ побужденіемъ содѣйствовать распространенію наукъ».

Зосима оправдалъ эту увѣренность и въ послѣдствіи, когда Общество задумало издавать «Русскія Достопамятности», внесъ на нихъ напечатаніе 1951 рубль, т.-е. сумму, которая, по расчетамъ самаго Общества, оказалось необходимою для того ⁹⁰.

Вторымъ въ засѣданіи 12 апрѣля читалось письмо отъ неизвѣстнаго, адресованное отъ 9 апрѣля также на имя П. И. Голенищева-Кутузова. Оно было такого содержанія: «Усмотрѣвъ изъ изданнаго въ публику плана начертанныя правила для учрежденнаго, съ Высочайшаго благоволенія, въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ ученаго Общества, предназначеннаго къ собранію и составленію исторіи достопамятныхъ происшествій и древностей Россіи, смѣю изъявить Вашему Превосходительству живѣйшія чувствованія моего удовольствія, съ какимъ взиралъ я на толико достохвальное и патриотическаго духа исполненное для пользы Отечества нашего намѣреніе, которому цѣлыя столѣтія время протекшихъ не являютъ еще подобныхъ примѣровъ, въ достиженіи цѣли коего и совершенномъ окончаніи какъ Вашему Превосходительству, такъ и всѣмъ почтеннымъ господамъ членамъ, Общество сіе составляющимъ, сердечно и искренно желаю счастливаго успѣха. А при изъявленіи Вамъ сихъ моихъ чувствованій истиннымъ побуждаюсь усердіемъ споспѣшествовать общей отъ того для Отечества пользѣ и благу приношеніемъ сильного моего пожертвованія, которое состоитъ въ бронзовой съ позолотою чернилицѣ съ приборомъ, на мраморномъ пьедесталѣ, и двадцати аршинахъ малиноваго бархата, для украшенія того стола, за коимъ имѣетъ быть засѣданіе; а при томъ приношу еще Государственными банковыми ассигнаціями на *тысячу рублей*, съ такимъ моимъ желаніемъ, чтобъ почтенное сіе Общество благоволило обратить ихъ, доколѣ существованіе его продолжится, на ежегодный процентный доходъ для употребленія онаго на издержки,

⁹⁰ См. «Замѣтки и Труды» ч. I, стр. XLVI, XLVII, LXXI—LXXIV, CXXIV, CXXV.

въ коихъ по предметамъ занятія его надобность встрѣчаться будетъ; когда же достигнетъ совершеннаго окончанія трудовъ своихъ, тогда употребить и самую ту сумму, на что и какъ заблагоразсудить по своему благоусмотрѣнiю. Что все къ Вашему Превосходительству при семъ почтеннѣйше препровождая, какъ васъ, такъ и всѣхъ господъ членовъ помянутаго Общества прошу принять сіе мое малое приношеніе не по цѣнѣ качества и достоинства его, но какъ искреннюю жертву моего усердія и уваженія къ значимости предмета трудовъ ихъ, коихъ есть цѣлю единая Отечественная польза». Принявъ пожертвованіе, Общество постановило объявить и о немъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но съ такимъ прибавленіемъ, что ему «весьма бы пріятно было, еслибы г. неизвѣстный благотворитель благоволилъ объявить свое имя, чтобы Общество могло принести ему за его пожертвованіе должную признательность и имѣть удовольствіе именемъ его украсить списокъ своихъ благотворителей». Неизвѣстный однакожъ не открылъ своего имени Обществу. А въ слѣдующемъ засѣданіи, происходившемъ три недѣли спустя, т.-е. 2 мая, П. И. Кутузовъ представилъ въ Общество новое письмо и опять отъ имени неизвѣстнаго лица, которое на этотъ разъ было занято мыслию по возможности украсить залу засѣданій Общества и выражало свою мысль такимъ образомъ: «Усердствующій искреннѣйше благу Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, но желающій быть неизвѣстнымъ и тѣмъ самымъ доказать, что ни тщеславіе, ни славолубіе, но единая любовь къ отечеству его одушевляетъ, изъявивъ уже предварительно свое желаніе украсить залу засѣданій Общества на своемъ иждивеніи, приемлетъ смѣлость предложить Обществу объ образѣ украшенія свои мысли, кои Общество властно одобрить, пополнить, или совсѣмъ отвергнуть, замѣня оныя чѣмъ-либо совершеннѣйшимъ, что все приметъ усердствующій съ благодарностью, и всѣ желанія Общества по сему предмету исполнить въ точности своимъ иждивеніемъ потщится. Лста себя надеждою, что Общество приметъ начертаніе его мыслей благоснисходительно, онъ изъявляетъ свои желанія, состоящія въ томъ:

«1. Что такъ какъ весьма прилично, чтобъ кого-либо изъ историковъ Россійскихъ поставлены были бюсты въ залѣ собранія; поелику бюста Нестора или другихъ отыскать едва ли будетъ возможно, то бы поставить бюсты двухъ безсмертныхъ нашихъ стихотворцевъ: Ломоносова и Хераскова. Первый на сіе имѣетъ право кромѣ лирическаго неувядаемаго вѣнца тѣмъ, что сдѣлалъ опытъ

Россійской Исторіи и издалъ краткій Лѣтописецъ; а второй потому, что написалъ двѣ эпическія поемы, изъ Россійской Исторіи почерпнутыя, и единственныя, какія мы имѣемъ, и сверхъ того долговременно съ честію начальствовалъ надъ университетомъ, въ коемъ Общество Историческое воспріяло свое начало *.

«2. Чтобы зала была освѣщена одною большою всячею лампою посрединѣ и нѣсколькими другими **.

«3. Чтобы полъ комнаты обить былъ ковромъ, который по доставленіи извѣстія о мѣрѣ пола также доставленъ быть имѣеть.

«4. Чтобы стѣны и потолокъ росписаны были приличнымъ и красивымъ образомъ, на что когда Общество подрядитъ живописца и извѣститъ о договорной съ нимъ цѣнѣ, то деньги немедленно доставлены будутъ.

«5. Чтобы въ простѣнкахъ между окнами были зеркала; почему и просить усердствующій увѣдомитъ, сколько простѣнковъ, какая ихъ ширина и какая высота отъ пола до потолка. По полученіи сего извѣстія зеркала оныя также будутъ доставлены.

«6. Чтобы хотя на двухъ стѣнахъ залы были живописныя картины, взятыя изъ важныхъ и весьма знаменательныхъ происшествій Русской Исторіи. Сюжеты или программы усердствующій отдастъ на произволъ Общества, а просить только увѣдомитъ объ избранныхъ Обществомъ сюжетахъ и о мѣрѣ, каковую по стѣнамъ комнаты картинамъ дать прилично. Усердствующій обязуется хорошимъ мастерствомъ оныя картины написанныя въ приличныхъ рамахъ въ теченіе года Обществу доставить.

«Буде Общество удостоить сіи мысли одобренія, то да благоволитъ оно, сдѣлавъ объ оныхъ разсужденіе и принявъ, какія за благо сочтетъ, мѣры о своихъ по вышеписаннымъ предметамъ предположеніяхъ извѣститъ г-на Попечителя Университета, чрезъ коего какъ усердствующій получить свѣдѣніе, такъ и Общество получить мои приношенія. Ежели же сверхъ сихъ, по крайнему моему разумѣнію кажущихся мнѣ приличными, украшеній Общество заблагоразсудитъ какіе-либо предметы къ вѣщшему благолѣпію его засѣданій придумать, и сообщить мнѣ о его желаніяхъ

* «Буде Общество приметъ сіе за благо, то оба бюста сихъ великихъ людей на хорошихъ постаментахъ Обществу доставлены быть имѣютъ немедленно».

** «Всѣ оныя лампы также будутъ доставлены».

чрезъ того же г-на Попечителя, то я не премину сообразно онымъ все доставить или вещами или суммою, каковую Общество на сіе положить. Я счастливъ буду, ежели оныя Обществу будутъ пріятны, ежели Общество, вопреки завистующимъ зоилямъ, процвѣтать и возвышаться будетъ, и ежели сей мой поступокъ и строгое храненіе неизвѣстности докажутъ, что существуютъ многіе истинные сердцемъ Россіяне, кои, не изъ наградъ и изъ тщеславія, истинной пользѣ Историческаго Общества содѣйствовать готовы.

«Кромѣ же сихъ моихъ приношеній, кои въ скорѣйшемъ времени доставлены будутъ, изъясняю Обществу, что ежели Богу угодно будетъ продолжить мою жизнь; то я во все теченіе оной за сладчайшій поставлю долгъ, всѣми моими силами, и какъ только могу промыслить, благу Общества Историческаго споспѣшествовать, и къ желанію Обществу совершеннаго и день отъ дня возрастающаго процвѣтанія присовокупляю увѣреніе о истинномъ и безпредѣльномъ моемъ къ нему уваженіи, какъ и о томъ, что я, будучи Россіянинъ природою, сердцемъ и душою, съ сими чувствованіями всегда пребуду усердствующимъ Обществу; но желающимъ навсегда быть неизвѣстнымъ. Москва, апрѣля 30-го 1811»⁹¹.

Общество постановило исполнить желаніе неизвѣстнаго и поручило казначею составить смѣту, во что обойдется украшеніе залы засѣданій. Шестое засѣданіе, бывшее 10 ноября, происходило уже «въ особой, какъ сказано въ протоколахъ Общества, для того назначенной залѣ, которая иждивеніемъ одной почтенней благотворительной особы, усердствующей Обществу, но желающей быть неизвѣстною, прекрасно отдѣлана и убрана великолѣпнымъ образомъ, соотвѣтствующимъ важности предмета. Портретъ Государя Императора превосходной работы, и бюсты историко-поѣтовъ Россіи Ломоносова и Хераскова умножаютъ великолѣпіе прочихъ украшеній»⁹². Въ томъ же засѣданіи, когда Голеніщевъ-Кутузовъ предложилъ признать первымъ благотворителемъ графа А. К. Рамовскаго, «котораго высокому покровительству одолжено Общество своимъ уставомъ и многими выгодами, способствующими къ достиженію цѣли, Обществомъ предположенной», въ списокъ благо-

⁹¹ Тамъ же, стр. СПІ.

⁹² См. «Записки и Труды» ч. I, стр. XLVII—L, LXIII—LXVIII.

творителей занесена была и неизвѣстная особа, «сидившею въ которой отдѣлана зала засѣданій Общества»⁹³.

Не лишнимъ будетъ замѣтить здѣсь, что Общество вообще заботилось о возможно лучшемъ устройствѣ своей виѣшней обстановки. Такъ еще во второмъ засѣданіи предсѣдатель П. П. Бекетовъ представилъ образецъ эмблематическихъ изображеній для дипломовъ, которые должно было раздавать Общество своимъ сочленамъ. Изображенія, одобренныя Обществомъ, состояли въ слѣдующемъ: «сверху вензеловое имя Государя Императора Александра I, окруженное сіяніемъ, разгоняющимъ мрачныя облака; подъ оными, между двумя столпами готическаго ордена, соединяются вѣтви масличныя и лавровыя, сквозь которыя проходитъ и обвивается вокругъ столповъ повязка; на ней сверху подпись, взятая изъ 76 псалма Давидова: *мѣта стѣнная помянухъ*; на изгибахъ же ея, лежащихъ на столпахъ, начертаны имена древнихъ нашихъ Дѣписателей, какъ-то: Симона Суздальскаго, Іоанна Новгородскаго, Кипріяна, Макарія и Никона; на основаніяхъ столбовъ изображены виды двухъ знаменитѣйшихъ въ древности городовъ Россійскихъ: Новгорода и Кіева. Между столпами внизу въ срединѣ находится камень, найденной на островѣ Таманѣ, съ надписью, объяснившею положеніе древняго Тмутараканскаго княженія; на камнѣ лежитъ раскрытая книга, изображающая (что видно и изъ находящейся на ней надписи) Лѣтопись Несторову, какъ главнѣйшій предметъ трудовъ Общества; по обѣимъ сторонамъ камня лежатъ разныя древнія оружія и остатки сокрушенныхъ идоловъ, какъ памятники древности, изъ которыхъ Исторія часто извлекаетъ важныя открытія»⁹⁴.

Но возвратимся къ болѣе важнымъ пожертвованіямъ. Въ томъ же самомъ засѣданіи 12 апрѣля, въ коемъ заявлено было о пожертвованіяхъ Зосимы и неизвѣстнаго благотворителя, читано было также письмо на имя П. И. Голенищева-Кутузова отъ И. Ѳ. Ферапонтова, который говорилъ въ немъ: «узнавъ, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ начальствомъ вашихъ основанное, получило по Монаршему изволенію вновь бытіе свое,

⁹³ Подаренной Обществу П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ во второмъ засѣданіи, бывшемъ 12 апрѣля 1811 года.

⁹⁴ Тамъ же, стр. LVII—LVIII.

я несказанно былъ обрадованъ симъ пріятнѣйшимъ для меня извѣстіемъ. Любя искренно свое отечество, его исторію и все русское, все близкое моему сердцу, я издавна съ великимъ стараніемъ собиралъ всѣ древности, объясняющія Исторію Отечественную и просвѣщеніе народное; обстоятельства мои не позволяли мнѣ всего удерживать въ рукахъ моихъ, и важнѣйшія сокровища перешли къ извѣстнымъ любителямъ нашихъ древностей; но при всемъ томъ, въ нынѣшнее время, при умноженіи охотниковъ и уменьшеніи рѣдкостей, я ласкаюсь пріятнѣйшею надеждою по возможности быть полезнымъ вашему истинно Патриотическому Обществу и на самомъ дѣлѣ показать любовь къ отечеству и почтеніе къ вашему собранію. Не имѣя большаго достатка, я на первый разъ по возможности приношу Обществу *пятьсотъ рублей* и пятнадцать древнихъ книгъ. Если мое малое, но усердное приношеніе будетъ благопріятно Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, то я потщусь сдѣлать и вѣдшее пожертвованіе въ пользу Общества». Включивъ Отрапонтова въ число своихъ благотворителей и публиковавъ о его пожертвованіи, Общество въ четвертомъ засѣданіи своемъ выслушало письмо графа Разумовскаго къ Кутузову о пожалованіи Отрапонтону Государемъ золотой медали на алой (александровской) лентѣ съ надписью: «за полезное». Послѣ этого Отрапонтонъ вновь пожертвовалъ Обществу нѣсколько рукописей старинныхъ вещей и книгъ ⁹⁵. Въ третьемъ засѣданіи, происходившемъ 2 мая, заявлено было о пожертвованіи 200 руб. Н. Н. Муравьевымъ, который не былъ членомъ Общества; въ пятомъ засѣданіи 19 сентября—о пожертвованіи коллежскимъ ассессоромъ и кавалеромъ А. А. Глазуновымъ 1000 руб. ⁹⁶. Изъ дальнѣйшихъ пожертвованій особенное вниманіе Общества обратили на себя приношенія рукописями и книгами: отъ Н. И. Матрунина, представившаго до 140 рукописей и книгъ и получившаго за то Монаршее благоволеніе ⁹⁷, А. Дмитріева-Мамонова, удостоившагося той же награды, и князя Василія Дм. Голицына. Изъ нихъ Дмитріевъ-Мамоновъ сопровождалъ свой даръ такимъ письмомъ на имя Ку-

⁹⁵ Тамъ же, стр. L—LI, LXXV—LXXVI, LXXXII, CXVIII.

⁹⁶ Тамъ же, стр. LXII, XCVI, CIII.

⁹⁷ Тамъ же, стр. LXXVI—LXXXI, LXXXVI—XCIII. Слѣдуетъ упомянуть также, что затѣмъ наибольшее число книгъ подарилъ Обществу И. С. Орлай именно 63 (стр. CXXVI—CXXIX), а П. С. Вадуевъ принялъ на свой счетъ издержки по изготовленію печати для Общества (стр. XLIV).

тузова: «Безпредѣльная моя любовь къ отечеству заставляетъ меня желать быть полезнымъ по мѣрѣ силъ моихъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденному; на сей разъ ничего болѣе не могу я принести оному въ даръ, кромѣ моей библіотеки, состоящей изъ 1157 книгъ французскихъ и нѣмецкихъ, въ числѣ коихъ нѣкоторыя находятся до нашей Отечественной Исторіи касающіяся. Прилагая у сего оныхъ книгъ каталогъ, всепокорнѣйше васъ прошу, милостивый государь, сіе мое приношеніе Историческому Обществу доставить и увѣрить его, что благосклонное онаго принятіе одобрить меня къ вѣщимъ со временемъ въ пользу наукъ пожертвованіямъ». ⁹⁸ Еще любопытнѣе было письмо князя В. Д. Голицына: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, писалъ онъ П. И. Кутузову, въ устройствѣ и успѣхахъ котораго принимаете вы столь дѣятельное участіе, должно быть почитаемо однимъ изъ спасительнѣйшихъ учрежденій бдительнаго о благѣ общественномъ правительства. *Помянухъ тѣмъ древняя*, поучаемся мы добродѣтели и крѣпости во брани и благоразумію въ мирѣ и любви отечественной. Не имѣя никакого другаго средства способствовать успѣхамъ столь благонамѣреннаго заведенія, приношу я въ даръ ему мою библіотеку, состоящую изъ 1030 французскихъ книгъ и нѣсколько медалей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, числомъ 160, осмѣливаясь покорнѣйше просить ваше превосходительство доставить Обществу сіе мое приношеніе» ⁹⁹. Не мало книгъ, рукоисей и старинныхъ вещей пожертвовано было Обществу его членами, въ особенности самимъ предсѣдателемъ П. П. Бекетовымъ. Сперва онъ представилъ 278 книгъ, потомъ 64, состоявшія болѣею частью изъ старинныхъ проповѣдей. По поводу послѣднихъ онъ обратился къ Обществу съ слѣдующимъ письменнымъ заявленіемъ: «Исторія языка не должна быть чужда исторіи дѣяній народовъ. Часто измѣненія перваго могутъ, за недостаткомъ историческихъ извѣстій, объяснять перемѣны, происходившія въ послѣднихъ. Церковное краснорѣчіе у насъ, можетъ-быть, болѣе нежели гдѣ-либо означаетъ сіи измѣненія, по причинѣ, что въ древнія времена въ Россіи просвѣщеніе почти исключительно сосредоточивалось въ духовномъ званіи. Имѣя съ давняго времени въ своей библіотекѣ

⁹⁸ Тамъ же, стр. СХ—СХІ.

⁹⁹ Тамъ же, стр. СХІІ—СХІІІ.

нѣкоторое собраніе поучительныхъ словъ и другихъ книгъ, относящихся къ сему предмету, писанныхъ отъ начала XVII столѣтія почти до нашихъ временъ, я счелъ, что онѣ съ пользою помѣщены быть могутъ въ библиотекѣ Общества; почему и представляю себѣ за удовольствіе предложить ихъ въ даръ оному»¹⁰⁰. Какъ эти пожертвованія П. П. Бекетова, такъ и быстрые успѣхи Общества, обнаружившіеся въ первый же годъ по принятіи имъ на себя званія предсѣдателя, обратили на дѣятельность Бекетова особенное вниманіе графа А. К. Разумовскаго. Въ третьемъ засѣданіи Общества читано было слѣдующее письмо министра къ Бекетову:

Милостивый государь мой

Платонъ Петровичъ!

«Получая непрерывно отъ г. попечителя Московскаго университета Павла Ивановича Голенничева-Кутузова извѣстія о быстрыхъ успѣхахъ вновь устроеннаго при университетѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, не могу не приписать большую часть сихъ успѣховъ отличному усердію къ Обществу и ревностнымъ трудамъ вашимъ, какъ предсѣдателя онаго, тѣмъ паче, что вы приношеніемъ въ даръ Обществу не малаго числа полезныхъ, а частію и рѣдкихъ историческихъ книгъ, явили новый опытъ ревности, съ каковою вы желаете споспѣшествовать трудамъ сего заведенія. Принимая въ успѣхахъ онаго искреннее участіе, за особенное удовольствіе себѣ поставляю увѣрить васъ въ совершенной моей благодарности, каковую принося вамъ также за доставленную мнѣ рѣчь, говоренную вами при открытіи засѣданій Общества, пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вамъ,

Милостивый государь мой

покорнымъ слугою

Гр. Алексій Разумовскій.

С.-Петербургъ.

Апрѣля 21 1811 года¹⁰¹.

Въ седьмомъ засѣданіи, происходившемъ 1 декабря 1811 г. читались: рескриптъ Государя майору Бекетову о пожалованіи ему

¹⁰⁰ Тамъ же, стр. СXXX—СXXXVI.

¹⁰¹ Тамъ же, стр. LIX—LX.

ордена Св. Владиміра 4-й степени въ награду за «отличное стараніе о возможномъ усовершенствованіи учрежденнаго при Московскомъ университетѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», письмо Разумовскаго къ Кутузову о томъ же и письмо послѣдняго къ награжденному, въ которомъ онъ восхвалялъ его «примѣрные подвиги, клонящіеся ко благу Общества, стремленіе возвести оное на степень возможнаго совершенства и приведеніе упражненій его въ столь краткое время въ желаемую дѣятельность»¹⁰³ Вообще надобно признать, что и попечитель университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ и министр народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій принимали постоянное и прямое участіе въ заботахъ о внѣшнихъ успѣхахъ Общества. Кутузовъ участвовалъ въ составленіи устава и возобновленіи его дѣятельности; онъ предложилъ большую часть новыхъ членовъ Общества, какъ дѣйствительныхъ, такъ благотворителей и соревнователей; онъ побуждалъ извѣстныхъ ему лицъ къ пожертвованіямъ на пользу Общества, и всѣ важнѣйшія приношенія поступили чрезъ него; наконецъ ему принадлежатъ многія изъ предложеній, клонившихся къ распространенію свѣдѣній въ публикѣ объ Обществѣ и вообще заботы о внѣшнемъ его устройствѣ.

Но кромѣ публичныхъ выраженій своей заботливости о судьбѣ преобразованнаго имъ Общества, Кутузовъ хлопоталъ о немъ безпрестанно въ своихъ письмахъ къ гр. Разумовскому. Въ двухъ письмахъ отъ 16 и 27 марта онъ доносилъ объ открытіи дѣйствій Общества, которое, по его словамъ, никогда еще «не было на столь твердомъ основаніи». Однакожъ онъ понималъ, что эти основанія были бы еще тверже, если бы у Общества съ самаго начала были опредѣленные доходы, на что онъ и продолжалъ намекать министру: «смѣю Васъ увѣрить, писалъ онъ между прочимъ, что подъ такимъ предсѣдателемъ Общество пойдетъ отъ силы въ силу; хотя весьма бы нужно денежное пособіе, однакожъ кое-какъ уладили, собравъ болѣе 500 рублей. Сіе очень нужно было, ибо въ кассѣ прежняго Общества ни копѣйки не нашлось. Надѣюсь, по ревности г. президента, что съ помощію его и другихъ добрыхъ, благотворительныхъ Россіянъ, соберемъ еще и гораздо болѣе».

Когда З. П. Зосима представилъ свое первое пожертвованіе Обществу, Кутузовъ писалъ Разумовскому: «ради Бога ободрите

¹⁰³ Тамъ же, стр. CVII—CIX.

Зосиму; ежели мы его поддержимъ, то много добра готовъ сдѣлать и нашимъ финансамъ помочь; онъ говоритъ, что ежели сіе пожертвованіе его будетъ благопріятно принято, то онъ важнѣйшія сдѣлаетъ пособія всему Университету вообще, и драгоцѣнную рѣдкую свою коллекцію золотыхъ и серебряныхъ медалей готовитъ ему въ подарокъ, кромѣ ленежныхъ имъ предположенныхъ пособій». Говоря о пожертвованіяхъ Н.И. Матрунина старинными книгами, Кутузовъ писалъ: «онъ историческому Обществу человекъ весьма нужный и необходимый, какъ по его безпредѣльной охотѣ къ русскимъ древностямъ, такъ и потому что онъ всю жизнь свою посвятилъ отыскиванію древнихъ книгъ и, чрезъ безпрестанное въ томъ упражненіе, получилъ много опытныхъ по сей части свѣдѣній. Онъ и нынѣ продолжаетъ о семъ заботиться, и, не жалѣя ни трудовъ ни денегъ, ѣздитъ по разнымъ губерніямъ для сдѣланія новыхъ пріобрѣтеній, кои онъ обязуется всѣ посвятить Историческому Обществу. Вотъ причины, по коимъ осмѣливаюсь обратить на него милостивое Ваше вниманіе, и тѣмъ болѣе къ тому ободряюсь, что изъ всѣхъ приношеній сдѣланныхъ разными лицами Обществу, его приношеніе, по существу, по рѣдкости, по самой даже цѣнѣ, есть превосходнѣйшее, полѣзнѣйшее и къ составу трудовъ Общества нужнѣйшее. Скажу при томъ и то, что по самой страсти его къ изысканіямъ, я не знаю человека, кто бы болѣе его имѣлъ каналовъ, связей и сношеній для полученія сихъ намъ необходимыхъ книгъ». Если же ходатайствуя о награжденіи П. П. Бекетова, Кутузовъ и былъ кратокъ, то конечно по тому, что за Бекетова былъ еще болѣе сильный ходатай А. Д. Балашовъ. За то Кутузовъ не позволилъ въ предисловіи къ программѣ лекцій профессора Буле напечатать слѣдующихъ словъ: «Общество Исторіи и древностей Россійскихъ возобновилось, но желательно, чтобы Кліо столькожь ему благопріятствовала, сколько помогаетъ оному предсѣдательствующій его Московскій Плутусъ». Противъ этихъ строкъ Кутузовъ замѣтилъ: «сіе крайне обидно какъ для всего Общества такъ и для предсѣдателя г. Бекетова, коего усердіе и пожертвованія не посмѣянныя, а благодарности достойны». Но прося за другихъ, ходатайствуя о наградахъ имъ, Кутузовъ не забывалъ и себя. Прося за Зосиму, онъ въ концѣ письма прибавлялъ: «не забудьте меня, грѣшнаго, видя неутомимые мои труды и попеченія объ общемъ благѣ... Всякое Ваше порученіе есть для меня бремя самое легкое, а исполненіе онаго сладостнѣйшее удовольствіе; вся жизнь моя будетъ непрестаннымъ засвидѣтель-

створаніемъ моею къ Вамъ безпрѣдѣльной приверженности, что чтить Васъ и любить есть священный мой долгъ». Въ письмѣ отъ 24 ноября 1811 года, Кутузовъ между прочимъ дѣлалъ вопросъ: «ежели на приношенія Зосимы и Ферапонтова обращено вниманіе, то неужели мои пожертвованія и труды по службѣ онаго не стоятъ?» Наконецъ онъ обратился чрезъ письмо къ Н. К. Загряжской, прося ее предстательствовать за него предъ гр. Разумовскимъ. Къ письму приложены были: реестръ пожертвованій, какъ единовременнымъ такъ и ежегоднымъ, сдѣланнымъ сенаторомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ со вступленія его въ званіе попечителя, и краткая записка о его службѣ. Всѣхъ пожертвованій высчитано было на 2478 рублей, въ томъ числѣ на 750 рублей Историческому Обществу. Къ служебнымъ заслугамъ отнесены были: устройство четырехъ Обществъ и цензурнаго Комитета, разныя постройки по округу и университету и объѣздъ четырехъ губерній для осмотра училищъ. При этомъ объ Историческомъ обществѣ было сказано такъ: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшее въ совершенной бездѣйственности, возстановилъ по предписанію г. министра, сочинилъ оному уставъ, привелъ сіе Общество въ дѣятельность, составилъ оному библіотеку до 800 томовъ, приобрѣлъ оному капиталъ болѣе 7000 рублей, ободрилъ многихъ къ пожертвованіямъ, и сіе Общество, на самую лучшую ногу постановленное, труды свои успѣшно продолжаетъ». Пересчитавъ всѣ свои служебныя заслуги, Кутузовъ такъ окончивалъ свою записку: «произведеніемъ всего того, въ толь краткое время, въ дѣйствіе, обязанъ онъ единственно неусыпнымъ и безпримѣрнымъ попеченіямъ г. Министра Просвѣщенія, который всѣ его представленія, доводя до свѣдѣнія Государя Императора, подкрѣплялъ ихъ своимъ ходатайствомъ и испрашивалъ на оныя высочайшаго утвержденія. Сверхъ сего, перевелъ онъ Россійскими стихами трехъ знаменитыхъ классическихъ писателей: полныя творенія Пиндара, Гезіода и Феокрита. Первые два напечатаны, а третье печатается. *Таковой пользы словесности никто изъ Россіянъ не принесъ и таковыя трудовъ никто не предпринялъ.* За свою таковую, только вкратцѣ изображенную, службу сенаторъ и попечитель Голенищевъ-Кутузовъ ничего не удостоился получить, кромѣ столовыхъ денегъ, по штату положенныхъ, *ниже жалованья*, кромѣ давно получаемаго сенаторскаго оклада по 3000 р. въ годъ. Въ сіе же время нѣкоторые гг. сенаторы, какъ-то: Пестель и Недеинскій, младшіе его, получили ордена св. Александра Невска-

го, иные получили бриліантовые знаки, другіе денежныя награжденія, даже губернаторы и почтъ-директоры получили ордена св. Владиміра; но сенаторъ и попечитель Кутузовъ, въ ревности, усердіи и дѣятельности ни кому не уступая, не удостоился ни какого, даже малѣйшаго одобренія, хотя уже 9 лѣтъ какъ онъ имѣеть честь носить орденъ св. Анны. Истину всего вышеписаннаго, во всей полнотѣ и силѣ можетъ засвидѣтельствовать достопочтеннѣйшій Министръ Народнаго Просвѣщенія, коему, по безпрестанному его съ сенаторомъ Кутузовымъ сношенію, болѣе нежели кому-нибудь всѣ подвиги его извѣстны. Къ сему должно присовокупить, что сенаторъ г. Кутузовъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 1800, іюля съ 13-го, слѣдовательно болѣе 11 лѣтъ». Какой награды желалъ для себя самъ Кутузовъ, это лучше всего видно изъ нѣсколькихъ строкъ, находящихся въ приложеніи къ письму его отъ 16 апрѣля 1812 года, въ которыхъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ говорить о своемъ стѣсненномъ положеніи: «нужда! нужда! в. с. заставляетъ меня о себѣ напоминать. Мнѣ ѣсть нечего, съ женой и дѣтьми. Можно ли обвинять нищаго за то, что онъ у каждаго окошка вопіеть и докучаетъ о кускѣ хлѣба! Онъ мнѣ всего нужнѣе, а не лента! я бы и ту отдалъ, кою имѣю, за кусокъ хлѣба!» Но никакой награды Кутузовъ въ это время не получилъ, что легко объясняется тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ произвелъ на в. кн. Екатерину Павловну, будучи приглашенъ ею къ обѣду 2 іюля 1811 года, когда онъ проѣзжалъ чрезъ Тверь въ свою деревню. Кутузовъ при этомъ всячески расхваливалъ великой княгинѣ и Карамзина, и Буле; но она на другой день писала Карамзину: «à cette occasion j'ai eu un grand plaisir en voyant que le méchant se trahit lui même; sa phisionomie, ses actions, etaient en parfait contraste avec ses discours». Кутузовъ посигишилъ съ своей стороны отпривать длинное письмо къ гр. Разумовскому, объясняя что, какъ и почему онъ отвѣчалъ великой княгинѣ на ея вопросы, и прося у него покровительства. Около того же времени Ростопчинъ представилъ Екатеринѣ Павловнѣ «Записку о Мартинистахъ», въ коей такъ отзывался о П. И. Кутузовѣ: «К., бывшій полицейскимъ шпіономъ въ царствованіе Павла, человѣкъ глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья, великій мартинистъ, поучающій юношество и, къ несчастью, попечитель Московскаго Университета»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ См. А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*, ч. II, стр. 336, 339,

Графъ А. К. Разумовскій съ своей стороны не только былъ ходатаемъ за интересы Общества предъ Александромъ I, но содѣйствовалъ успѣхамъ его и другими мѣрами. Такъ онъ, по представленію Кутузова, входилъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ св. Синода княземъ А. Н. Голицынымъ объ открытіи духовныхъ библіотекъ для изслѣдованій Общества, и Синодъ указомъ отъ 12 іюля 1811 года вновь предписалъ своей Московской конторѣ, своимъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ, также ставропигіальнымъ лаврамъ и монастырямъ: «сжели въ подвѣдомственныхъ имъ библіотекахъ окажутся гдѣ нужны свѣдѣнія и матеріалы для изданія предпринимаемаго Обществомъ журнала, то бы согласно требованію попечителя Московскаго Университета отпускать оныя въ Общество съ росписками»¹⁰⁸. За тѣмъ гр. Разумовскій разослалъ циркулярное отношеніе ко всѣмъ начальникамъ губерній, кромѣ входившихъ въ составъ Московскаго учебнаго округа, прося ихъ содѣйствовать успѣхамъ Общества въ такихъ выраженіяхъ: «При Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учреждено съ Высочайшаго соизволенія Общество, имѣющее цѣлю собраніе памятниковъ Отечественннй Исторіи и Древностей и обработываніе собранныхъ матеріаловъ для сообщенія оныхъ публикѣ. Источники, изъ коихъ Общество сіе можетъ почерпать свои свѣдѣнія, разсыяны по всей Россіи, представляющей искателямъ древностей вездѣ драгоцѣнныя слѣды и памятники нашей Исторіи и Литературы. По сему уваженію обращаюсь и къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о содѣйствованіи успѣхамъ помянутаго Общества обращеніемъ вниманія вашего на всѣ предметы вѣренннй вашему управленію губерніи, имѣющіе Историческую цѣну, и поощреніемъ и въ другихъ изысканій всякихъ памятниковъ, древнихъ книгъ, преданій, основанныхъ на несомнительныхъ признакахъ, и другихъ предметовъ, имѣющихъ связь съ цѣлю Общества. Всѣ таковыя матеріалы, которые прошу сообщать попечителю Университета, г-ну тайному совѣтнику, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, находящемуся въ Москвѣ, равно и пожертвованія любителей Исторіи и Древностей, дѣлаемые въ пользу

345, 347, 354—359, 362, 369, 374 и 382. Приложеніи №№ X и XI. «Русскій Архивъ» за 1875 г., кн. III стр. 80. *Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина* (Спб. 1862 г.) стр. 95—96. Срв. *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 153.

¹⁰⁸ Тамъ же, стр. LXXXVII—XCV.

Общества, для распространения его круга дѣйствій, приняты будутъ онымъ съ благодарностію, а заслуживающіе вниманіе я поставлю себѣ въ обязанность доводить до свѣдѣнія Государя Императора, имѣвъ уже неоднократно счастье видѣть, съ каковымъ удовольствіемъ Его Императорское Величество принимаетъ донесенія о сдѣланныхъ въ пользу Историческаго Общества пожертвованіяхъ и жалуесть знаки своей милости принесшимъ оному отличную пользу. Для соображенія вашего препровождаю при семъ экземпляръ Высочайше одобреннаго Устава Общества, и я увѣренъ, что усмотрѣвъ изъ онаго, какую пользу можетъ принести сіе установленіе, вы съ удовольствіемъ примете на себя трудъ содѣйствовать его успѣхамъ». ¹⁰⁹

Дѣйствительно нѣкоторые губернаторы прислали Обществу заявленія о своей готовности содѣйствовать его успѣхамъ. Такъ поступили губернаторы: Калужскій, Ярославскій, Смоленскій, Тульскій, Вологодскій и Виленскій. Послѣдній, Лавинскій, кромѣ того представилъ графу Разумовскому, что полученный имъ Уставъ Общества, будучи изданъ на одномъ русскомъ языкѣ, не можетъ быть обнародованъ во вѣренной ему губерніи «по незнанію многими изъ тамошнихъ ученыхъ нашего языка; а потому и успѣхи, какихъ-бы ожидать надо, не такъ будутъ удовлетворительны». Графъ Разумовскій, находя замѣчаніе Лавинскаго основательнымъ, полагалъ полезнымъ перевести Уставъ на польскій языкъ, и потому предложилъ Обществу: если оно согласно будетъ принять на свой счетъ напечатаніе перевода, что не можетъ составить значительныхъ издержекъ, то онъ предпишетъ Виленскому Университету перевести и напечатать оный. Общество, имѣя въ числѣ своихъ членовъ Я. І. Бардовскаго, «знающаго порядочно польскій языкъ», поручило ему сдѣлать польскій переводъ Устава. Виѣсть съ тѣмъ оно нашло необходимымъ, для бѣльшаго распространенія свѣдѣній о своихъ цѣляхъ, просить о переводѣ Устава на французскій языкъ графа Г. С. Салтыкова, а на нѣмецкій и латинскій Ф. Г. Рейнгарда. ¹¹⁰ Слѣдуетъ прибавить, что безъ сомнѣнія сно-

¹⁰⁹ Тамъ же, стр. СХХІ—СХХІІ. Пятьдесятъ экземпляровъ Устава рѣшено было Обществомъ доставить министру для разсылки губернаторамъ въ осьмомъ засѣданіи, которое происходило 4 января 1812 года. См. «Записки и Труды» стр. СХVІ.

¹¹⁰ Тамъ же, стр. СІ, СХІV, СХLІІІ—СХLІV. Переводы эти были представ-

шеніямъ Министра Народнаго Просвѣщенія съ губернаторами Общество обязано тѣмъ, что получило единовременныя пособія: въ 100 рублей отъ города Борисоглябска, 200 рублей отъ гор. Любима, чрезъ ихъ городскихъ головъ, купцовъ Селиверстова и Скорнякова, и 250 рублей отъ дворянъ Костромской губерніи чрезъ мѣстнаго губернатора, отъ капитана Доломанова и гвардіи прапорщика Сафонова 35 р. чрезъ Воронежскаго губернатора ¹¹¹.

Очевидное сочувствіе, какимъ встрѣчена была дѣятельность преобразованнаго Общества какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ краяхъ Россіи, было причиною того, что до нашествія Наполеона на Москву, въ теченіе 17 мѣсяцевъ по открытіи своихъ засѣданій, Общество получило всего 19226 руб., составило библиотеку изъ 2736 книгъ и 96 рукописей, обладало собраніемъ медалей и монетъ въ 458 экземплярахъ и имѣло нѣсколько старинныхъ и рѣдкихъ вещей ¹¹². Назовемъ важнѣйшія изъ нихъ. Изъ книгъ наиболѣе заслуживающія вниманія были: Острожская *Библія* (Ивана Федорова и князя Константина Константиновича, 1581 года, въ листъ),—*Апостолъ*, напечатанный повелѣніемъ патріарха Россійскаго Игнатія (бывшаго во времена самозванца) при Димитріѣ Ивановичѣ 7114 (1606) гѣда, въ листъ. Обѣ эти книги названы были въ реестрахъ Общества «весьма важными рѣдкостями», а о второй прибавлено: «нѣкоторые думаютъ, что въ смутное время и

лены названными членами въ торжественномъ засѣданіи, бывшемъ 13 марта 1812 года; но надо думать, что издать ихъ въ свѣтъ Общество не успѣло, ибо вскорѣ открылась отечественная война, прервавшая его дѣятельность до 1815 года.

¹¹¹ О первыхъ двухъ пожертвованіяхъ заявлено было въ засѣданіи 5-го февраля 1812 года, о третьемъ въ засѣданіи 11-го марта того же года, см. I ч. «Трудовъ и Записокъ», стр. СХХV, СХLIV, о четвертомъ въ Моск. Вѣдом. за 1812 г., №№ 29 и 67.

¹¹² Всѣмъ вѣтмъ пожертвованіямъ напечатаны при протоколахъ засѣданій описи, кромѣ книгъ, полученныхъ отъ Дмитріева-Мамонова и князя В. Д. Голицына, а также медалей—отъ послѣдняго. Денежныя суммы составились, кромѣ указанныхъ въ текстѣ пожертвованій (всего на 7,001 рублей) и пожертвованія Билибина въ 10,000, о которомъ будетъ говорено далѣе, еще изъ остатковъ въ 250 рублей, переданныхъ казначею прѣжняго Общества А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ въ первомъ же засѣданіи по утвержденіи устава, затѣмъ изъ единовременныхъ пожертвованій нѣкоторыхъ членовъ на основаніи § 16 въ 1025 руб. и ежегодныхъ обязательствъ нѣсколькихъ членовъ на 950 рублей. См. «Записки и Труды», ч. I, стр. XLIII, XLIV, CIV. См. для дополненія «Москов. Вѣдом.» за 1812 г., № 67 отъ 21 августа.

въ междуцарствіе совсѣмъ ничего не было печатано въ типографіи Московской, даже и совсѣмъ оное пресѣклось; но несправедливость такого мнѣнія опровергается симъ памятникомъ отъ времени Григорія Отрепьева¹¹³; Обѣ книги были пожертвованы И. Ѳ. Отрапонтovýmъ. Къ числу его же даровъ относились: *Часословъ*, напечатанный повелѣніемъ князя Острожскаго въ Острогѣ, въ началѣ XVII вѣка, въ осьмушку, — *Кіевскій Часословъ* 1626 года, въ четвертку, — *Евангеліе*, изданное паномъ Лукашею Мамоничемъ въ Вильнѣ при королѣ Сигизмундѣ въ 1600 году, въ листъ, — *Славянская Грамматика* Мелетія Смотрицкаго, изданная въ Москвѣ въ 1648 году, въ четвертку, — *Ученіе и хитрость ратнаго строенія* (1647), — первое изданіе *Уложенія*, — *Кіевскій Патерикъ* (1678, въ листъ), — *Псалтырь*, переложенная стихами Симеономъ Полоцкимъ (1680, въ листъ). Объ этой книгѣ въ отзывѣ Общества было сказано: «примѣчанія достойна потому, что Ломоносовъ, прочтя ее первую, воспламенился пѣническимъ жаромъ»¹¹⁴. Большинство книгъ, пожертвованныхъ П. П. Бекетовымъ, принадлежало къ числу изданныхъ въ прошломъ столѣтіи и по содержанію своему прямо относившихся къ Русской Исторіи: тутъ были изданія лѣтописей академическія и другія, Россійскія Исторіи Татищева, Ломоносова, Шербатова и другихъ, изданія Новикова, описанія областей и намѣстничествъ, житія разныхъ историческихъ лицъ, записки, журналы и письма ихъ и всякія «Разысканія» въ области Русской Исторіи, выходившія въ свѣтъ въ прошломъ столѣтіи. Но особенною цѣльностью отличалось подаренное имъ Обществу собраніе духовныхъ книгъ: Вертоградъ душевный Фикарія Святогорца, Казанье Захарія Копистенскаго, Мечь духовный и Трубы словесъ проповѣдныхъ Лазаря Барановича, Обѣдъ душевный и Вечера душевная Симеона Полоцкаго, Боги поганскіи въ болванахъ мѣшкаючи и Души умерлыхъ въ тѣла выходячи Іоаннікія Голятовскаго, Руно орошенное Лаврентія Крещеновича, Осмь блаженствъ Іоанна Максимовича, слова Ѳеодана Прокоповича, Арсенія Могиланскаго, Платона Петрункевича, Маркелла Родышевскаго, Симона Тодорскаго, Сильвестра Кулябки, Кирилла Флоринскаго, Дмитрія Сѣченова, Аванасія Топольскаго, Іоасафа Горленка, Алексѣя Флорова, Евстафія Могиланскаго, Панкратія

¹¹³ Тамъ же, стр. ЛП.

¹¹⁴ Тамъ же.

Чернысскаго, Кирилла Ляшевецкаго, Порфирія Крайскаго, Самуила Миславскаго, Соломона Доброгорскаго, Іоанна Ставровскаго и другихъ проповѣдниковъ прошедшаго столѣтія ¹¹⁵. Книги, пожертвованныя Н. И. Матрунинымъ, принадлежали большею частію къ числу изданныхъ въ прошломъ столѣтіи; по содержанію многія между ними не относились непосредственно къ Русской Исторіи; но были также и книги, изданныя въ XVII вѣкѣ, и весьма многія Петровской эпохи. Древнѣйшею изъ нихъ была книга: *Лексиконъ Славяно-Россійскій*, Памвы Беринды (въ Кутейнскомъ монастырѣ, 1653 года); за нею слѣдуютъ: *Мессія правдивый* (Кіевъ, 1669 г.), *Жезлъ* сооруженный отъ всего свещеннаго собора (Москва, 1676), *Исторія о блудномъ сынѣ* съ рисунками (1685), переводъ *Бесѣдъ Григорія Богослова, Василія Великаго, Аванасія Александрійскаго и Іоанна Дамаскина* книга Небеса (Москва, 1686), *Псалтырь* въ переводѣ Симеона Полоцкаго (стало быть уже второй экземпляръ въ библиотекѣ Общества), *Азбука* Каріона, въ листъ, съ фигурами (1692), *Зерцало богословіи* Черниговскаго архимандрита Кирилла (1692) и т. д. Книги, пожертвованныя Орлаемъ, касаясь преимущественно исторіи Россіи, западныхъ и южныхъ Славянъ, а также Турціи, были большею частію латинскія и отчасти нѣмецкія и французскія. Библиотеки Дмитріева-Мамонова и князя В. Д. Голицына, пожертвованныя ими Обществу, но не описанныя въ его актахъ, какъ мы видѣли выше изъ отзыва самихъ жертвователей, состояли преимущественно изъ французскихъ книгъ, и конечно между ними преобладала литература второй половины прошлаго столѣтія. Затѣмъ нѣкоторые изъ членовъ подарили Обществу свои изданія.

Любопытно, что нѣкоторыя изъ книгъ, подаренныхъ Обществу, обратили на себя вниманіе Александра I, который пожелалъ видѣть ихъ; почему гр. А. К. Разумовскій и вытребовалъ ихъ отъ Общества ¹¹⁶.

¹¹⁵ О политическомъ и историческомъ значеніи большей части этихъ проповѣдей см. мою статью въ «Лѣтописяхъ Русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихомировымъ, т. II (М. 1859), отд. III, стр. 1—33, подъ заглавіемъ: «Придворныя проповѣди въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны».

¹¹⁶ Эти книги были слѣдующія (см. «Записки и Труды», ч. I, стр. LXXVШ—LXXIX, LXXXIV—LXXXVI):

1) Ученія и хитрости ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. Москва, 1647 г., въ листъ.

Что касается собранія рукописей, то оно составилось въ 1811 и 1812 годахъ такимъ образомъ. И. Ѳ. Ѳерапонтовъ подарилъ: Космографію (въ листъ),—Аристотелеву Діалектику политику, переведенную для князя Константина Ивановича Острожскаго въ началѣ XVI вѣка (въ листъ,—Служебникъ, писанный полууставомъ глѣтъ за 300 (въ четвертку), — Житіе Кирилла Бѣлозерскаго (въ четвертку),—Житіе Савватія Соловецкаго (въ четвертку),—Древнюю крюковую потную книгу, употребляемую у старообрядцевъ (въ восьмушку),—Житіе Петра Великаго. Н. И. Матрунинъ пожертвовалъ: Извѣстіе о рожденіи, воспитаніи и житіи Никона патріарха Московскаго (1690 г. въ листъ), — Списокъ съ государевой гра-

-
- 2) Ученія и практики артиллеріи и проч. Москва, 1711, въ листъ.
 - 3) Книги мореплаванія зѣло потребной, переведенной съ западной въ 1677 году въ Стокгольмѣ и напечатанной въ 1722 году въ С.-Петербургѣ, въ восьмушку.
 - 4) Художества огненные и разныя воинскія орудія ко всякимъ городовымъ приступамъ и къ оборонѣ приличныя, издателемъ Юсифомъ Бойлотомъ Лангрини изобрѣтенныя и проч.
 - 5) Новая, фундаментъ умышленіемъ, Артиллерія Бруинха.
 - 6) Краткое собраніе Льва миротворца Августѣйшаго Греческаго Кесаря, показующее дѣла воинскихъ обученіе. Въ Амстердамѣ, 1700.
 - 7) Повѣренныя воинскія правила, како неприятельскія крѣпости силою брати. Въ Москвѣ, 1709.
 - 8) Новое обыкновенное воинское обученіе купно съ краткимъ растолкованіемъ, и также какъ чины единъ по единому послѣдуютъ и проч.; рукопись.
 - 9) Слава торжествъ и знаменъ побѣдъ Великаго Государя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, печатана въ Амстердамѣ.
 - 10) Уставъ воинскій, напечатанъ на російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ въ С.-Петербургской типографіи 1717 года.
 - 11) Генералитетъ или табель о полевой арміи, напечатана повелѣніемъ Петра Великаго.
 - 12) О ратномъ дѣлѣ, напечатано въ Москвѣ 7157 (1649) года.
 - 13) Новое крѣпостное строеніе на мокромъ или назкомъ горизонтѣ и проч.
 - 14) Описаніе артиллеріи, въ ней же написана все, еже къ начинанію артиллерійскаго вѣдомства и основанія ея хотящему у сего дѣла быти вѣдати подобаетъ и проч.
 - 15) Артикулъ воинскій, купно съ процессомъ и проч.
 - 16) Разговоръ адмирала съ капитаномъ о командѣ и проч.
 - 17) Меморіи и записки артиллерійскія, въ которыхъ описаны мортиры, петарды и проч.

Возвращены ли были эти книги Обществу, изъ протоколовъ его засѣданій не видно. Но вытребованныя позднѣе гр. Разумовскимъ двѣ рукописи: «Росписъ сошному и вытному разводу» и «Поверстная книга» возвратились въ Общество. См. «Записки и Труды», ч. I, стр. СХVI, СXLVI.

моты, какова прислана къ окольничьему и воеводѣ ко князю Данилу Степановичу Велико-Гагину изъ посольскаго приказа (въ четвертку),—Зрѣлище житія челоѳческаго (въ четвертку),—О зачатіи и рожденіи Петра I (1680, въ листъ),—Древнюю рукопись, содер-жащую разныя справки касательно исторіи Россійской (1572 г., въ четвертку),—Исторію о возмущеніи Московскихъ стрѣльцовъ 1682 года (въ осьмушку), — Исторію царя Ѳедора Алексѣевича (въ четвертку),—Книгу, глаголемую Космографія (1546, въ листъ),—Исторію о Махметѣ, о сибирскихъ царяхъ и князьяхъ (1618 г., въ четвертку),—Лѣтопись Зарайскаго монастыря чудотворца Николая, писанную служителемъ онаго (1569 г., въ четвертку),—Исторію о древнегреческихъ царяхъ (1576 г., въ осьмушку),—Книгу Алфавитъ, содержащую толкованіе иностранныхъ реченій, яже обрѣтаются въ святыхъ книгахъ не преложены на русскій языкъ (въ четвертку),—О древнихъ дворянскихъ русскихъ фамиліяхъ (въ листъ),—Хронографъ (въ листъ),—Лѣтописецъ и толко-ваніе имени святыхъ, а при немъ Записки о бывшемъ въ Москвѣ въ 1661 году моровомъ повѣтріи (въ четвертку),—Сказаніе, для чего вселенскіе патріархи Римскихъ папъ отъ восточныя церкви отъ обычнаго поминанія и любопытнаго союза извергша,—Бесѣ-дованіе патріарха Московскаго митрополита Филарета съ патріар-хомъ іерусалимскимъ Ѳеофаномъ о прилогѣ въ водоосвященіи огня (1620),—Науку Архитеконику о экономіи, партикулярне всякій урядникъ (пер. съ пол.),—Трїодъ постную и житіе преподобнаго Пансіа Великаго, писанное Іоанномъ Колакомъ (въ листъ), и тутъ же слово на Успеніе Пр. Богородицы Григорія епископа Русскаго,—Притчу о пресвитерѣ Тимофеѣ, впадшемъ въ великій и тяжкій грѣхъ, при митрополитѣ Филиппѣ,—Отповѣдь Вальдемара Христіана, графа шлезвигскаго, патріарху Іосифу (1644),—Сказа-ніе и начертаніе епистолій ко всякимъ челоѳкамъ,—Роспись сош-ному и вытному разводу, — Синописисъ (списокъ съ издан. въ 1680 г.),—Сыщиковъ наказъ 7183 года,—Златый бисеръ, — О за-чалѣ Кожеезерскаго монастыря,—Примѣчательныя записки о де-шевыхъ цѣнахъ отдачи въ наемъ лавокъ въ 7189 и слѣд. годахъ,—Краткое сказаніе о Мартинѣ еретикѣ введшемъ расколъ, — Апо-столь (писанъ въ Ростовѣ 1549 года),—Службу и чудеса образа чудо-творнаго пр. Богородицы Ѳеодоровскія (полууставъ; при ней Исто-рія о нашествіи Батыя),—Лѣтописецъ русскій отъ потопа до 1548 года (скоропись),—Лѣтописецъ русскій краткій, писанный въ 7202 году для Мусина-Пушкина,—Лѣтописецъ отъ Рюрика до кончины

Петра Великаго (скоропись),—Хождение монаха Леонтія изъ Москвы на поклоненіе въ Іерусалимъ въ 1709 году, — Хождение Арсенія Суханова въ Іерусалимъ, — Мартина Кромера о дѣлахъ польскихъ (въ трехъ томахъ), — Отрывокъ старинной книги: Посланіе Апостола Павла къ Тимофѣю, писанный древнимъ письмомъ на пергаменѣ, и нѣсколько другихъ. А. П. Курбатовъ подарилъ: Лѣтописецъ отъ Царя Ивана Васильевича до Алексѣя Михайловича, — Царство Бориса Ѳедоровича Годунова и другихъ, — Лѣтопись Авраамія Палицына, — Исторію сочиненную графомъ Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ о бунтѣ въ городѣ Угличѣ, бывшемъ 1682 года, в Ядро Россійской Исторіи. К. Ѳ. Калайдовичъ представилъ: Суздальскую Лѣтопись и крюковую книгу; преосвященный Евгений двѣ уставныхъ грамоты и одну губную. А. Ѳ. Малиновскій принесъ въ даръ исторію объ Александрѣ Великомъ; В. М. Котельницкій — древній Лѣтописецъ. Особенное вниманіе Общества обратила на себя рукопись, подаренная ему въ засѣданіи 1-го декабря 1811 года, при слѣдующемъ письмѣ П. И. Голенищева-Кутузова на имя Предсѣдателя: «Препровождаю къ вамъ весьма рѣдкую съ раскрашенными рисунками рукопись, подъ названіемъ: *«Градъ царства небеснаго»*, подаренную Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и кавалеромъ Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинымъ, и по листамъ его рукою скрѣпленную. За нужное почитаю изъяснить, что сія книга достойна вниманія, яко поднесенная Царевичу Алексѣю Петровичу, какъ видно изъ ея заглавія, и для его ученія въ юношество сочиненная, со вмѣщеніемъ краткаго понятія о разныхъ наукахъ, кои лучшею тогдашнею живописью представлены въ аллегорическихъ фигурахъ. Сіе пріобрѣтеніе, будучи драгоцѣнно для Общества, обязываетъ оное изъяснить благодарность подносителю»¹¹⁷. Получая въ даръ историческія рукописи, Общество не отказывалось и отъ пріобрѣтенія ихъ покупкою. Такъ, въ засѣданіи 1 іюня «предсѣдатель представилъ рукописную древнюю лѣтопись, присланную къ нему съ тѣмъ, не угодно ли будетъ Обществу купить ее; и какъ она предварительно, по препорученію Общества, рассмотрѣна членомъ Р. Ѳ. Тимковскимъ и найдена заслуживающею вниманія, то и опредѣлено купить, буде продавецъ согласится взять за нее 25 рублей»¹¹⁸. Въ засѣ-

¹¹⁷ Тамъ же, стр. СХІ—СХІІ.

¹¹⁸ Тамъ же, стр. LXXXII.

даніи 5 февраля 1812 года П. И. Голенищевъ-Кутузовъ заявилъ, что профессоръ Баузе предлагаетъ Обществу «для покупки собраніе имѣющихся у него древнихъ рукописей, буде Общество найдеть ихъ для себя нужными». Общество, согласясь на такое предложеніе, поручило предсѣдателю и членамъ: барону Б. И. фонъ-Фитингофу, М. Т. Каченовскому и К. Ѡ. Калайдовичу, рассмотреть рукописи Баузе и представить о нихъ свое мнѣніе. Изъ актовъ Общества не видно однакожь, чтобы означенные члены успѣли исполнить возложенное на нихъ порученіе до занятія Москвы Наполеономъ ¹¹⁹. Изъ другаго, вполне достовѣрнаго, источника о библіотекѣ Баузе имѣются такія свѣдѣнія: «Поселившись въ Москвѣ, онъ началъ ревностно собирать Русскія древности: рукописи, старопечатныя книги, монеты. Онъ самъ ходилъ для этого по толкучему рынку и послѣ 39-ти лѣтнихъ стараній, дополнивъ свои сокровища покупкою старинныхъ книгъ и рукописей у извѣстнаго въ то время собирателя древностей Игнатія Ѡерапонтова, успѣлъ составить такое собраніе древностей, которое, по отзыву К. Ѡ. Калайдовича (въ его брошюрѣ объ И. Ѡ. Ѡерапонтовѣ), было едвали не единственнымъ въ своемъ родѣ. По смерти Баузе, Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ желало купить собраніе его, которое было оцѣнено въ 10,000 рублей. Къ сожалѣнію, покупка не состоялась, и оно погибло при нашествіи Французовъ; а отчасти разошлось по разнымъ рукамъ; остались только каталогъ этого собранія и небольшія замѣтки о достопримѣчательностяхъ его, написанныя Калайдовичемъ» ¹²⁰.

¹¹⁹ Тамъ же, стр. СХХХVII.

¹²⁰ См. «Биографическій словарь профессоровъ Москов. Унив.», ч. I, стр. 81—82. Біографъ проф. Баузе, Н. С. Тихонравовъ называетъ при этомъ и важнѣйшія рукописи, бывшія въ собраніи, руководствуясь какъ указаніями Калайдовича, такъ и рукописнымъ каталогомъ библіотеки Баузе, принадлежавшимъ Чертковской библіотекѣ. Точно такая же участь постигла коллекціи, доставшіяся проф. Хр. Л. Шлецеру отъ отца его. Подаривъ Обществу въ засѣданіи 1-го апрѣля 1812 г. пять лѣтописныхъ списковъ, а 20 мая нѣкоторыя сочиненія своего отца, онъ помѣстилъ въ № 53 «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 2 іюля 1812 года такую публикацію за своею подписью: «Продаются слѣдующія учебныя коллекціи:

1) Кабинетъ медалей древнихъ и новыхъ, собранный въ Геттингенѣ профессоромъ Ахенваллемъ знаменитымъ изобрѣтателемъ статистики, и умноженный покойнымъ отцомъ моимъ. Сей кабинетъ содержитъ въ себѣ около 1800 золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыя по внутреннему своему достоинству стоятъ по крайней мѣрѣ 500 руб. сер. Одна половина вышеупомянутыхъ медалей отно-

Намѣреніе Общества приобрести рукописи, принадлежавшія профессору Баузе, для насъ важно потому, что указывало съ одной стороны на серьезное желаніе имѣть подъ руками для своихъ изданій богатое собраніе историческихъ документовъ, а съ другой на обладаніе Обществомъ денежныхъ средствъ, необходимыхъ для такого приобретения. Впрочемъ изъ актовъ Общества мы видѣли,

сится къ Исторіи, между коими находятся древнія русскія монеты. Вторая половина относится къ статистикѣ и состоитъ изъ образчиковъ Европейскихъ и Азиатскихъ монетъ.

2) Собраніе предметовъ, относящихся къ Дипломатикѣ, состоящее изъ древнихъ актовъ на Латинскомъ, Славянскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, изъ одной прекрасной рукописи на Латинскомъ языкѣ, и изъ древнихъ отпечатковъ, подлинныхъ подписей знаменитыхъ мужей, и проч.

3) Около 230 томовъ, содержащихъ въ себѣ общую Исторію Сѣвера, и въ особенности Исторію Россіи. Сіе собраніе относится къ классическимъ сочиненіямъ и въ семь отношеній можетъ назваться рѣдкимъ. Лучшіе Исторіографы Россійскіе, Датскіе и Шведскіе, большая часть Россійскихъ Лѣтописцевъ, какіе до сихъ поръ извѣстны, многія древнія описанія Россійской Имперіи, древніе публичные акты оной, Лѣтописцы, относящіеся къ Исторіи другихъ Славянскихъ народовъ, Словари и Грамматика, служащіе къ познанію сѣверныхъ языковъ и проч., принадлежатъ къ составленію этого собранія.

4) Около 90 томовъ, писанныхъ о разныхъ предметахъ, въ числѣ коихъ находится сочиненіе Реймера о трактатахъ Великобританіи (*Sur les traités d'Angleterre*), которое сочиненіе по иностраннымъ каталогамъ одно стоитъ 300 р. сер.; лучшее изданіе Юстиніановыхъ уложеній; сочиненія о монетахъ съ весьма многими гравированными картинками, древнія изданія классическихъ писателей, другія сочиненія, напечатанныя въ XV столѣтіи; сочиненіе Спаларта о древностяхъ и проч.

5) Около 118 томовъ, о естественномъ правѣ и законодательной философіи, сочиненія лучшихъ авторовъ, которые писали о сихъ предметахъ.

6) Около 250 томовъ, содержащихъ въ себѣ начальное основаніе Географіи, Исторіи, Статистики, Натуральной Исторіи, Химіи, Физики, Математики и сочиненія о познаніи древнихъ и новыхъ языковъ и проч. Сіе собраніе также состоитъ изъ классическихъ сочиненій, весьма достаточныхъ для всякаго къ предуготовительнымъ познаніямъ упомянутыхъ предметовъ.

Сія собранія продаются всѣ вмѣстѣ и порознь; однако я желаю бы продать вдругъ по крайней мѣрѣ № 1—5. Подробнѣе о семъ узнать можно, адресуясь прямо ко мнѣ; впрочемъ можно препоручить одному или нѣсколькимъ гг. профессорамъ Императорскаго Московскаго Университета рассмотреть и оцѣнить мое собраніе. Я съ удовольствіемъ соглашусь на выгодныя условія, особенно когда они будутъ предложены мнѣ отъ какаго нибудь казеннаго публичнаго заведенія. Всѣ эти коллекціи погибли въ Московскомъ пожарѣ 1812 года. См. письмо Хр. Шлецера отъ 10 апр. 1814 года къ А. Ф. Малиновскому, въ «Чтеніяхъ» Общества за 1882 г. кн. I, стр. 6—7.

что оно намѣревалось приобрести отъ Баузе главнымъ образомъ его рукописи.

Что касается собранія монетъ и медалей, принадлежавшаго Обществу, то оно составилось единственно изъ пожертвованій членовъ его. Такъ, К. Θ. Калайдовичъ пожертвовалъ 8 монетъ, по его описанію слѣдующаго рода: 1 великокняжеская временъ татарскаго владычества, 1 Новгородская деньга, 1 Псковская, 1 Московская, 2 неизвѣстныхъ великокняжескаго періода, 1 Лжедмитрія и 1 съ надписью «царь и великій князь Владиславъ Жигимонтовичъ всея Руси»¹²¹. Князь И. А. Голицынъ подарилъ 12 древнихъ русскихъ монетъ¹²². Епископъ Вологодскій Евгенийъ прислалъ въ даръ Обществу 47 монетъ: 3 Новгородскихъ, 2 Псковскихъ, 10 Московскихъ великихъ князей изъ Рюрикава дома, по одной Бориса Годунова, Лжедмитрія, Василя Шуйскаго и Владислава Сигизмундовича, 3 Михаила Ѳеодоровича, изъ коихъ одна мѣдная, 1 неизвѣстнаго царя «съ необыкновеннымъ на оборотѣ гербомъ», 6 серебряныхъ, 1 золотая и 2 мѣдныя монеты Петра Великаго, 3 Екатерины I, 1 Петра II, 2 Анны Іоанновны, 3 золотыя Елизаветы Петровны, 2 серебряныя и 1 золотая Петра III, 2 золотыя Екатерины II и 1 золотая Павла I¹²³. наконецъ П. П. Бекетовымъ 117 русскихъ монетъ разныхъ временъ¹²⁴. Медали пожертвованы были: преосвященнымъ Евгениемъ мѣдная, выбитая Петру I въ Парижѣ 1717 года во время его тамъ пребыванія, П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ—10 серебряныхъ, изъ коихъ старшая была выбита въ честь канцлера Бестужева 1757 года, а младшая въ честь Александра I, выбитая въ Митавѣ въ благодарность за оказанныя имъ Курляндіи милости 1802 года¹²⁵; княземъ В. Д. Голицынымъ 160 золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, оставшихся безъ описи¹²⁶ и др. Собраніе историческихъ вещей состояло изъ: стариннаго образа, представлявшаго Тайную Вечерю и подареннаго Обществу профессоромъ Баузе, мѣднаго креста, найденнаго въ землѣ и поднесеннаго княземъ И. А. Голицынымъ,

¹²¹ См. «Записки и Труды» ч. I, стр. LXIX и CV.

¹²² Монеты Голицына не описаны Обществомъ. См. тамъ же, стр. CXLIX.

¹²³ Тамъ же, стр. XCVI—XVIII.

¹²⁴ См. «Москов. Вѣдом.» за 1812 г. № 29 отъ 10 апрѣля.

¹²⁵ Тамъ же, стр. XCVIII, CII—CIV.

¹²⁶ Тамъ же, стр. CXIII.

древняго образа Сергія чудотворца, рисованнаго на пергаментѣ, и древняго русскаго бердыша, поступившихъ отъ И. О. Оерапомтова, костяной стрѣлы, найденной въ рѣкѣ Сожѣ и представленной Н. И. Матрунинымъ ¹²⁷; 16-ти вещей, принесенныхъ въ даръ К. О. Калайдовичемъ, въ числѣ коихъ были: «древній русскій шлемъ, по остаткамъ украшеній и позолоты, на немъ примѣтной (должно думать) принадлежавшій знатной особѣ; наколѣнникъ изъ кольчуги; орудіе, насаженное на древкѣ, неизвѣстно что означавшее; партазанъ, носимый въ рукахъ поручиками, коего изображеніе можно видѣть въ Уставѣ ратномъ Царя Алексѣя Михайловича; разныя орудія изъ Оружейной Троицкой Сергіевой Лавры, относящіяся къ началу XVII вѣка: а) пять рогатокъ, которыя во время осады монастыря разсыпались подъ Троицкими стѣнами, извѣстныя по запискамъ монастырскимъ подъ именемъ *чесноку*, б) двѣ пары древнихъ конскихъ удилъ, в) пять желѣзныхъ орудій, неизвѣстно къ чему употреблявшихся; вѣрная модель съ креста, хранящагося въ Ростовскомъ Аврааміевомъ монастырѣ, которымъ по увѣренію книги Пролога, Авраамій сокрушилъ идола Велеса въ княженіе Владиміра I ¹²⁸; и наконецъ изъ нѣсколькихъ печатныхъ эстамповъ, полученныхъ отъ минералога и антикварія Эттера, находившагося при Главномъ Правленіи училищъ и представлявшихъ, по его мнѣнію, древняго славянскаго идола Перуна или Перкуна. Кромѣ того сореволюатель Общества, профессоръ Харьковскаго Университета Г. П. Успенскій прислалъ рисунокъ серебрянаго жетона, который былъ даваемъ во времена Петра I раскольникамъ при взятіи съ нихъ пошлины за *бороду*, съ предложеніемъ доставить Обществу такую монету, если ея не имѣется въ его собраніи. Общество отвѣчало, что «таковой серебряной монеты въ своемъ собраніи не имѣеть, почему и приметъ оную съ празнательностію» ¹²⁹.

Всѣ собранныя Обществомъ книги, рукописи, монеты, медали и старинныя вещи составляли нераздѣльное собраніе, носившее

¹²⁷ Тамъ же, стр. СХІІ, СХІХ, СVІ, СІ. П. П. Бекетовъ подарилъ Обществу два большихъ ящика изъ краснаго дерева со стеклами, для храненія въ нихъ монетъ и медалей.

¹²⁸ Тамъ же, стр. СV.

¹²⁹ Тамъ же, стр. СХІV. Этой монеты Общество получило два экземпляра: къ засѣданію 1 апр. 1812 г. отъ неизвѣстнаго изъ Казани, и отъ Успенскаго къ засѣданію 7 мая. См. «Москов. Вѣдом.» за 1812 г. №№ 29 и 44.

общее названіе библіотеки. А такъ какъ въ Уставѣ говорилось: «когда библіотека составится, тогда Общество изберетъ изъ членовъ своихъ библіотекаря», то еще въ засѣданіи 2 мая 1811 года М. Т. Каченовскій заявилъ, что охотно принимаетъ на себя эту должность. Общество выразило свое удовольствіе и согласіе на то, а въ помощники ему избрало К. Ѡ. Калайдовича ¹³⁰.

Заканчивая обзоръ внѣшней дѣятельности Общества въ теченіе первыхъ полутора года, по обнаруженіи его Устава, мы должны упомянуть, что въ засѣданіи 4 января 1812 года рѣшено было пересмотрѣть Уставъ, такъ какъ «въ теченіе года Общество увидѣло необходимость сдѣлать къ оному пополнительныя статьи», а въ засѣданіи 11 марта опредѣлено было произвести перемѣны и дополненія въ параграфахъ: объ обязанностяхъ членовъ (10—14), о выборѣ ихъ (21—22), о правахъ предсѣдателя (28), о храненіи библіотеки (40), о благотворителяхъ и соревнователяхъ (41—44), о корреспондентахъ (50) и о собраніяхъ Общества (51, 58 и 59). Въ этомъ же засѣданіи избранъ былъ особъй комитетъ для пересмотра Устава, въ составъ коего вошли: П. П. Бекетовъ, И. А. Двигубскій, П. М. Дружининъ, М. Т. Каченовскій, какъ должностныя лица, а изъ членовъ П. П. Голеніщевъ - Кутузовъ, Н. Н. Сандуновъ и гр. Г. С. Салтыковъ ¹³¹. Въ засѣданіи 20 мая дополненія и перемѣны въ Уставѣ, предложенныя означенными членами были общимъ собраніемъ одобрены ¹³², но отослать ихъ на утвержденіе министра за наступившей войной Общество не успѣло. Не лишне будетъ упомянуть, что архивъ Общества ко дню перваго годичнаго засѣданія (13 марта 1812 г.) имѣлъ въ себѣ 280 бумагъ ¹³³, которыя, вмѣстѣ съ поступившими затѣмъ до сентября, и стали жертвою Московскаго пожара.

Переходимъ къ обзору собственно ученой и литературной дѣятельности Общества въ 1811 и 1812 годахъ.

¹³⁰ Тамъ же, стр. LXX. Въ томъ же засѣданіи рѣшено было нанять въ помощь секретарю писца, съ жалованіемъ по 100 р. въ годъ.

¹³¹ Тамъ же, стр. CXIX, CXLIX—CL.

¹³² См. «Москов. Вѣд.» за 1812 г. № 49, отъ 19 іюня.

¹³³ См. «Моск. Вѣд.» за 1812 г. № 26, отъ 30 марта. Такъ какъ протоколы засѣданій: годичнаго 13 марта 1812 года и обыкновенныхъ 1 апрѣля, 7 и 20 мая и 1 іюня того же года никогда не были напечатаны въ изданіяхъ Общества, а только въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» того времени, то они и перепечатаются въ Приложеніяхъ къ сей главѣ подъ №№ XIV—XVII.

Въ первомъ засѣданіи Общества, происходившемъ по полученіи устава 13 марта 1811 года, П. П. Бекетовъ произнесъ рѣчь, въ которой приглашалъ членовъ ознаменовать начало вторичнаго бытія Общества дѣятельностію и неутомимымъ рвеніемъ въ трудахъ ¹²⁴. Цѣль этихъ трудовъ онъ старался объяснить значеніемъ историческихъ познаній. «Исторія, говорилъ онъ, есть, такъ сказать, наука насъ самихъ; она учитъ разсматривать человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, открываетъ намъ всѣ потаенные изгибы его сердца, показываетъ намъ его страсти, его замыслы, словомъ: какъ въ картинѣ всѣ дѣйствія человѣческія, равно какъ и причины, къ тому побудившія. Жаркая любовь къ отечеству однихъ—насъ восхищаетъ; твердость духа и мужество другихъ—удивляетъ; великодушныя чувствованія и дѣла третьихъ—приводятъ въ восторгъ. Напротивъ того: малодушныхъ—мы презираемъ; измѣнниками—гнушаемся; злодѣи, изверги, причинявшіе бѣдствія подобнымъ себѣ—вселяютъ невольно въ сердца наши ужасъ, и потомство платитъ имъ вѣчнымъ омерзеніемъ. Кто, читая исторію, не почувствуетъ въ себѣ желанія послѣдовать великимъ примѣрамъ, ею представляемымъ? Сколько было великихъ мужей, которые всѣмъ своимъ величіемъ обязаны единственно чтенію исторіи, ихъ воспламенявшей и родившей въ нихъ желаніе сравняться съ великими подлинниками, которые они въ ней находили! Еслибы неизвѣстный предшественникъ Квинта Курція не описалъ жизни Александра Великаго, Юлій Цезарь не былъ бы, можетъ-быть, столько славенъ во вселенной; Карлъ XII свою, хотя иногда и безразсудную, но со всѣмъ тѣмъ сверхъестественную неустрашимость почерпнулъ изъ того же источника; Титъ служилъ примѣромъ Генрику IV; Петръ Великій и безсмертная Екатерина останутся навсегда въ исторіи примѣрами къ подражанію; герой нашихъ временъ Суворовъ занялъ оттуда же великія черты, отличавшія славныхъ мужей, и соединя ихъ вмѣстѣ, есть ли не превзошелъ свои подлинники, то конечно сравнялся съ ними. Но одну ли только частную пользу получаютъ отъ Исторіи? Нѣтъ: цѣлыя государства обязаны ей бывали своимъ благоденствіемъ и славою. Правители, имѣвшіе въ рукахъ судьбу народовъ, немомъ имъ вѣранныхъ, находили въ ней повѣствованія о возвышеніи, величіи

¹²⁴ Рѣчь эта напечатана въ I части «Записокъ и Трудовъ» Общества, издавшой въ свѣтъ только въ 1815 году, стр. 1—24.

и упадкъ царствъ, и вникая внимательно, они научались способамъ возвысить свою державу, содѣлать величіе ея твердымъ и предупредить паденіе. Изъ всего сказаннаго мною, мы видимъ, сколь полезно знаніе Исторіи; но къ сему я долженъ присоветовать еще слѣдующее: нужно знать исторію другихъ народовъ, необходимо знать свою отечественную». (Стр. 2—4). Коснувшись русскаго лѣтописанія, упомянувъ о Несторѣ и его продолжателяхъ, а равно и о позднѣйшихъ лѣтописцахъ, Бекетовъ замѣтилъ: «многія изъ сихъ лѣтописей и по сіе время называются Несторовыми, потому что писавшіе ихъ помѣщали въ заглавіи Лѣтописи Несторову и его продолжателей, а потомъ уже писали свою частную, отъ чего въ недавнемъ времени, случилось, что въ попавшейся почтенному нашему историографу г-ну Карамзину рукописи, подъ названіемъ Несторовой лѣтописи, которою дѣйствительно она и начиналась, въ продолженіи оной нашлась лѣтопись Волинская, которая до сего времени была почти совсѣмъ неизвѣстна, и сіе нечаянное обрѣтеніе тѣмъ счастливѣе, что оно дополняетъ промежутокъ, находящійся въ нашей Исторіи, и весьма важно для связи оной. Такихъ лѣтописей находится множество». (Стр. 6—7). Переходя къ Степеннымъ книгамъ и Царственнымъ лѣтописямъ, Бекетовъ высказывалъ такой взглядъ на Русскую Исторіографію второй половины XVI и всего XVII вѣка: «Намѣреніе сочинителей Степенныхъ книгъ соединить всѣ наши частныя лѣтописи во едино, и привести въ порядокъ, было бы весьма полезно; но къ сожалѣнію, признаться должно, что едва ли они достигли своей цѣли; а послѣ нихъ многіе переписчики, выкидывая одно и прибавляя въ иныхъ мѣстахъ другое, совсѣмъ не относящееся къ Россійской Исторіи, привели ихъ еще въ большее замѣшательство, нежели порядокъ. Однакожь при всемъ томъ сожалѣть должно, что почтенный издатель не выдалъ конца оныхъ, говоря, что ни у одного списка, бывшаго у него въ рукахъ, онаго не отыскалось, хотя теперь точно извѣстно, что оный хранится въ рукописи. Но вообще сказать можно, что во всѣхъ лѣтописяхъ, содержащихъ въ себѣ царствованіе Царя Іоанна Васильевича Грознаго, первые годы его правленія описаны довольно подробно; послѣдніе же и самыя любопытныя столь коротко, что о важныхъ происшествіяхъ того времени упоминается только вскользь или и совсѣмъ ничего не говорится. Сія краткость, въ сравненіи съ подробностію прежнихъ лѣтописей, долженствуетъ удивить каждаго; но если вообразимъ характеръ Іоанна и духъ правительства въ

последніе годы его царствованія, то сіе молчаніе покажется естественнымъ, и чтобы имѣть понятіе о происшествіяхъ того времени, то остается прибѣгнуть къ лѣтописи князя Курбскаго и перепискѣ его съ Іоанномъ; но какъ первая, такъ и послѣдняя, къ сожалѣнію, и по сіе время не изданы въ свѣтъ; нѣсколько же списковъ съ оныхъ, которые мнѣ удавалось видѣть, всѣ вообще наполнены погрѣшностями. Въ наступившія послѣ того времена смутныя въ Россіи, число писателей лѣтописей уменьшилось, и извѣстнѣйшимъ изъ нихъ можно почесть келаря Троицы Сергіева монастыря Авраамія Палицына, который описалъ очень подробно осаду сего монастыря Поляками и коснулся и другихъ происшествій того времени. Въ правленіе Царей Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича одинъ только патріархъ Никонъ, какъ кажется, упражнялся въ составленіи полной Русской лѣтописи, а прочіе описывали только царскія коронаціи, свадьбы, посольства и т. п.; въ то же время писана книга подъ названіемъ «Повседневныхъ дворцовыхъ записокъ», въ которой ничего важнаго не находится, и которая состоитъ почти единственно изъ именъ служившихъ тогда особъ. Ко временамъ Царя Федора Алексѣевича, кажется, причислить должно Царственный Лѣтописецъ и Царственную книгу, которыя, слѣдуя послѣднему и вѣроятнѣйшему мнѣнію князя Щербатова, сочинены для употребленія при воспитаніи и ученіи Петра I, по совѣту учителя его Зотова, и составляли одно сочиненіе, изъ котораго промежутокъ, содержащій 62 года, считая отъ 1472 до 1534 года, утраченъ. Также и Синописисъ, напечатанный въ Кіевѣ въ 1679 году, и который можно считать самую древнѣйшею печатною книгою на нашемъ языкѣ, касательно Русской Исторіи». (Стр. 8—11). Упомянувъ вскользь о «Ядрѣ Россійской Исторіи», о «Русской Исторіи» В. Н. Татищева и сочиненіяхъ Ломоносова, Бекетовъ перечислилъ изданія лѣтописей, вышедшія въ царствованіе Екатерины II и, сказавъ о Запискахъ самой Екатерины, трудахъ князя М. М. Щербатова, Болтина, Голикова и митрополита Платона, ораторъ припомнилъ объ ученыхъ Нѣмцахъ, занимавшихся Русскою Исторіей: «Многіе изъ иностранныхъ, находившихся въ Россіи, говорилъ онъ, какъ-то профессора: Фишеръ, Байеръ, Шлецеръ и другіе, а особливо исторіографъ Миллеръ и Штриттеръ много трудились для нашей Исторіи. Воздадимъ долгъ благодарности праху всѣхъ тѣхъ писателей, которые, удѣляя время отъ другихъ важныхъ дѣлъ по должностямъ, ими занимаемымъ, посвящали оное на трудъ, клонящійся къ славіи нашего отече-

ства, и если находятъ въ ихъ твореніяхъ несовершенства, то да пощадить критика память ихъ; они будутъ всегда служить для будущаго историка собраніемъ матеріаловъ, которыхъ бы онъ съ потеряніемъ многого времени отыскивать былъ долженъ, а выбирая изъ нихъ съ разсмотрительностію, легко воспользоваться можетъ». (Стр. 14—15). Не забыты были Бекетовымъ сочиненія членовъ Общества: А. И. Мусина-Пушкина, А. Н. Оленина и П. С. Валуева. Упомянувъ о «пріятной надеждѣ на скорое появленіе въ свѣтъ давно ожидаемаго» сочиненія историографа Н. М. Карамзина, Бекетовъ обратился къ иностраннымъ писателямъ: «Разсмотрѣвъ положеніе Отчественной Исторіи нашей внутри Россіи, сказалъ онъ, если мы бросимъ взглядъ за предѣлы оной и прочтемъ повѣствованія о Россіи иностранныхъ, то увидимъ бездну невѣжества, лжи и нечестности, которыя они безстыдно выдавали за истину, и которыя легковѣрные люди принимали въ этомъ видѣ. Возьмите Страленберга, Шетгена, Нольтена и множество другихъ, о которыхъ я почитаю за излишнее распространяться, за долгъ поставляю однакожъ исключить изъ числа ихъ Герберштейца и Олеарія, повѣствованія которыхъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣютъ нѣкоторыя и достоинства. Но если стариннымъ иностраннымъ писателямъ въ оправданіе можетъ послужить малое въ тогдашнія времена сообщеніе Россіи съ другими землями, то, что должно заключить о новѣйшихъ, которые почти всѣ наполнены тѣми же, если еще не большими, погрѣшностями? А дабы удостовѣриться въ истинѣ сказаннаго мною, стоитъ только взглянуть, не говоря уже о многихъ другихъ, на Лакомбову Исторію перемѣнъ, бывшихъ въ Россійской Имперіи, и Волтерову Исторію Петра Великаго. Въ послѣдней же половинѣ прошедшаго вѣка вышли на французскомъ языкѣ почти въ одно время двѣ исторіи Россійскія: одна, писанная Левекомъ, другая—Леклеркомъ. Первая для иностранныхъ есть, можетъ-быть, при всемъ ея несовершенствѣ, лучшее произведеніе, какое они имѣютъ въ семъ родѣ; но взглянувъ на Леклеркову, кто подумаетъ, чтобы этотъ человекъ могъ осмѣлиться когда-либо писать исторію, а не меньше того, онъ ее написалъ и издалъ въ свѣтъ; ее читаютъ, а можетъ-быть есть люди, которые и вѣрятъ». (Стр. 17—18). Указавъ на различныя невѣрности въ изданной въ Парижѣ въ 1810 году книгѣ, переведенной съ англійскаго, подъ заглавіемъ «Geo-Chronologie de l'Empire», Бекетовъ восклицалъ: «Читая сіи нечестности, не придетъ ли каждому на мысль, что сіе писано въ XIV вѣкѣ или еще

и ранѣе? Однѣ развѣ новѣйшія времена напомнятъ тому противное. И вотъ какъ пишутъ о Русской Исторіи иностранные въ началѣ XIX вѣка! Не довольно ли уже побудительна и сія одна причина, дабы заставить насъ трудиться въ объясненіи нашей Отчественной Исторіи, тѣмъ болѣе, что Россія, достигшая до той степени величія, на которой она находится нынѣ, обращаетъ на себя взоры Вселенной, а Исторія ея еще столь мало извѣстна даже у самыхъ просвѣщенныхъ народовъ Европейскихъ». (Стр. 20). Въ заключеніе председатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ счелъ долгомъ упомянуть въ своей рѣчи о вещественныхъ остаткахъ древнѣйшихъ временъ и значеніи ихъ для Русской Исторіи. Онъ говорилъ: «Углубясь во мракъ вѣковъ, давно прошедшихъ, и руководствуясь единственно повѣствованіями, столько же темными тѣхъ непросвѣщенныхъ временъ, трудолюбивый дѣписатель долженъ бываетъ разыскивать происхожденіе народовъ, положеніе и названіе земель и древнія происшествія, не имѣя къ достиженію цѣли въ сихъ изысканіяхъ другой помощи, кромѣ лѣтописей, обезображенныхъ ошибками незначительныхъ и непросвѣщенныхъ переписчиковъ, а часто и грубымъ невѣжествомъ самихъ писателей, онъ приходитъ въ отчаяніе; но, блуждая долго во мракѣ, если представляется ему вдали свѣтящаяся точка, съ какимъ восторгомъ онъ къ ней стремится, и тѣмъ ближе приближается, она увеличивается, наконецъ часто, содѣлываясь для него свѣтиломъ, озаряетъ его въ столь трудныхъ изысканіяхъ. Сказанному мною примѣромъ можетъ служить камень, найденный на островѣ Таманѣ; до обрѣтенія онаго сколько было споровъ о мѣстоположеніи древняго Тмутараканскаго княженія: одни полагали его около Рязани, другіе на рѣкѣ Ворсклѣ; теперь исчезло почти сомнѣніе о его мѣстоположеніи, и нечаянный свѣтъ разогналъ тьму, покрывавшую нѣсколько вѣковъ сіе обстоятельство, важное для Русской Исторіи. Упомянувъ о камнѣ Тмутараканскомъ и коснувшись такимъ образомъ до древностей, находящихся у насъ въ Россіи, я присовокупить долженъ, что Россія, богатая древними лѣтописями, можетъ похвалиться, что имѣетъ въ нѣдрахъ земли и на поверхности оной и другіе важные остатки древностей, могущіе служить не только для объясненія нашей Отчественной Исторіи, но и Исторіи другихъ народовъ, хотя, къ сожалѣнію, до сего времени мало прилагаемо было старанія къ отысканію оныхъ. Таврида и прилежащія къ ней земли, сіи издревле цвѣтущія страны, ими наполнены, чему свидѣлствуютъ выше-

удомянутый камень Тмутараканскій; другой, найденный близъ города Екатеринодара, на которомъ надпись весьма сходствуетъ съ древними египетскими письменами; въ недавнемъ времени открытый г. Келлеромъ памятникъ царицы Комоссаріи, и отысканные гг. Падласомъ и Вакселемъ разные остатки древности. Въ Екатеринославской губерніи находятъ въ старинныхъ могилахъ множество древнихъ монетъ, оружія и разныхъ вещей; онѣ попадаются: въ Казанской губерніи въ окружности развалинъ древняго города Болгарь; въ Саратовской около Ахтубы, гдѣ также видны и нынѣ древнія развалины, и въ разсѣянныхъ по степи курганахъ; ихъ находятъ также нѣрѣдко и въ самой Сибири. При тщательномъ исканіи понадалось бы ихъ гораздо болѣе, и можетъ-быть нѣсколько такихъ счастливыхъ обрѣтений могли бы раздрать завѣсу и объяснить многія мѣста въ Исторіи, которыя до сего времени покрыты мракомъ неизвѣстности. Сего надѣяться и ожидать должно подъ начальствомъ его сіятельства г. Министра народнаго просвѣщенія, котораго отменныя дарованія, бдительная попечительность, любовь къ наукамъ и глубокія познанія ободряютъ каждого, посветившаго себя онимъ». (Стр. 21—24). Рѣчь кончалась обращеніемъ къ членамъ Общества, приглашеніемъ ихъ къ полезнымъ трудамъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Долгъ всякаго сына отечества споспѣшествовать по званію своему къ его славію. Званіе Общества нашего налагаетъ на насъ обязанность трудиться къ объясненію и обработыванію его Исторіи. Соединимъ общія силы наши, дабы достигнуть сей цѣли. Да озаритъ свѣтъ нынѣшнихъ временъ мракъ временъ прошедшихъ и найдетъ въ будущія, и да скажутъ нѣкогда потомки, читая труды нашего Общества; они любили свое отечество и трудились къ его пользѣ и славію». (Стр. 24).

Разсужденіе М. Т. Каченовскаго «О судебныхъ поединкахъ» *Краткое изслѣдованіе о Патерикѣ преподобнаго Нестора, Летописца Россійскаго*, предложенное въ рѣчи, читанной Р. Θ. Тимковскимъ по случаю открытія новой залы Общества, были важнѣйшими по содержанію статьями изъ числа прочитанныхъ въ засѣданіяхъ Общества того времени, первое въ засѣданіи 2 мая, а послѣднее 10 ноября 1811 г. ¹²⁵

¹²⁵ Разсужденіе Каченовскаго напечатано въ I ч. «Записокъ и Трудовъ» Общества, стр. 29—43; Изслѣдованіе Тимковскаго тамъ же, стр. 53—74.

Остановившая прежде на изслѣдованіи Тимковскаго, имѣющая форму рѣчи. Естественно было автору увлечься праздничнымъ видомъ засѣданія, въ которомъ онъ говорилъ, и прежде, чѣмъ перейти къ самому предмету своего изслѣдованія, обратиться къ членамъ Общества съ такими торжественными словами: «Почтеннѣйшіе члены! Изъ всѣхъ чувствъ сердца человѣческаго нѣтъ ни одного, которое въ сладости и благородствѣ могло бы превышать любовь къ отечеству. Священны для насъ узлы единокровія, дружбы и любви; при всемъ томъ, спѣша ко благу согражданъ, мы охотно ихъ съ себя слагаемъ. Любовь къ отечеству возвышаетъ духъ, хранитъ отъ измѣны, питаетъ, покоряетъ, животворитъ и ограждаетъ царства. Какъ древо насажденное при брегѣ источника, какъ сельскій цвѣтъ орошенный утреннею росой; такъ растетъ и красуется держава, которой сыны, забывъ покой и пріямъ, жертвуютъ всѣмъ для общей пользы и славы. Конечно такія событія извѣстны въ счастливыхъ странахъ Россіи болѣе, нежели гдѣ-либо. Только здѣсь обыкновенно жертвуютъ личными выгодами общему добру; только здѣсь древніе обычаи пребываютъ почти въ нервыбитномъ ихъ состояніи; только здѣсь отечественное небо и родительскій кровъ предпочитаютъ сокровищамъ чужихъ земель; только здѣсь, говорю, можно видѣть, какъ одинъ передъ другимъ снѣннѣе принести на пользу общую набытокъ своего дому, между тѣмъ какъ милосердый Монархъ, разсыпая щедрою рукою благотворенія на всѣ страны и состоянія государства, и поставляя себя единственною цѣлюю могущество, блескъ, спокойствіе и просвѣщеніе своихъ подданныхъ, являетъ высокій примѣръ неистощимой щедроты. Не стану говорить о Монаршей милости и чрезвычайныхъ пожертвованіяхъ частныхъ особъ, оказанныхъ Московскому Университету; онѣ памяты всѣмъ намъ, имъ удивлялись наши современники, ихъ превознесетъ похвалою позднее потомство. Довольно будетъ привести въ подтвержденіе вышесказаннаго мною одни знаменитыя пожертвованія, принесенныя въ даръ сему самому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ.—Едва сословіе наше, почтеннѣйшіе члены, воспріяло новое бытіе свое, какъ особы, украшенныя заслугами и почестями, благоволили принять въ немъ непосредственное, и при томъ живѣйшее участіе. Благороднѣйшая ревность къ истинному образованію и неутомимая дѣятельность его превосходительства господина Почетителя Университета поддержали и управляли оное. Недремлющая прозорливость его сіятельства, господина Министра

Народнаго Просвѣщенія, и великому духу его врожденная неуга-саемая любовь къ наукамъ даровали ему жизнь и силу. Самъ Мо-нархъ соизволилъ Высочайше одобрить оное. Когда же дошло сіе до слуха мужей, усердно любящихъ отечество, то приношенія по-слѣдовали за приношеніями. Добродѣтельному сердцу ихъ каза-лось всего сладостнѣе сдѣлать пособіе такому учрежденію, кото-рое поставило себѣ предметомъ изслѣдованіе и объясненіе подвиг-говъ, нравовъ и славы предковъ Россіи. Уже Общество наше имѣетъ значительную денежную сумму, которую положило упо-требить на изданіе важнѣйшихъ лѣтописей и другихъ сочиненій, относящихся къ отечественной Исторіи. Уже Общество наше имѣ-етъ библіотеку, состоящую изъ множества весьма рѣдкихъ и по-лезныхъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ. Уже попеченіемъ вы-шаго начальства открыты въ пользу и употребленіе наше всѣ со-кровищницы, въ коихъ хранятся письменные памятники Славян-ской древности. И се паки пламенная любовь ко всему отечест-венному, согрѣвая душу одного изъ высокопочтенныхъ нашихъ соотечественниковъ, побудила его соорудить нашимъ музамъ сей прелестный храмъ, котораго открытіе мы празднуемъ днесь съ признательностію. Остается только намъ, почтеннѣйшіе члены, собственнымъ трудолюбіемъ соотвѣтствовать оному отличному усер-дію, и работая неуспынно надъ предположенною цѣлію, показать свѣту, что духъ нашъ не только чувствуетъ въ полной мѣрѣ цѣну всѣхъ сдѣланныхъ Обществу приношеній, но и самъ оживотво-ренъ подобною ревностію къ общему благу. Конечно до сихъ поръ шаги наши еще медленны и немного учинено нами доселѣ; но та-ковъ законъ природы! Все прочное и долго-временное созрѣваетъ поздно, такъ дубы, кедры и оливы растутъ медленно и едва при-мѣтно. Но если не обманываетъ меня собственное рвеніе мое къ выгодамъ и успѣхамъ Общества, то чего нельзя ожидать отъ со-словія, коего члены, мужи опытные, свѣдущіе, благонамѣренные и дышащіе искренностію, согласились общими силами трудиться надъ предметами, составлявшими доселѣ ихъ пріятнѣйшее занятіе? Возможно ли сомнѣваться объ успѣхахъ тамъ, гдѣ все устроено, снабжено, и гдѣ главою избранъ мужъ, великодѣшій и дальпо-видности преисполненный? (Стр. 53—59).

Объяснивъ, что Кіевскій Патерикъ состоитъ изъ трехъ ча-стей, изъ коихъ въ первой находятся житія, писанныя предполо-жительно лѣтописцемъ Несторомъ, во второй—писанныя архиман-дритомъ Печерскимъ Поликарпомъ, а въ третьей—писанныя епи-

синономъ Владимирскимъ и Суздальскимъ Симономъ, Тимковскій обращается къ разсмотрѣнiю первой части. До него господствовало въ Русской историографіи мнѣніе, подтвержденное и Шлецеромъ, что «Несторъ, кромѣ лѣтописи написалъ еще Патерикъ, что сей Патерикъ во время непріятельскихъ набѣговъ утратился и что Симонъ сохранилъ только нѣкоторые отрывки отъ него, которые онъ потомъ распространилъ и умножилъ». Тимковскій, изучая Патерикъ и сравнивая его съ Начальною Лѣтописью, пришелъ къ убѣжденію, что Несторъ никогда не писалъ Патерика. Рядъ доказательствъ въ пользу такого убѣжденія Тимковскій излагалъ предъ слушателями въ такой послѣдовательности: Несторъ не могъ написать Патерика прежде Лѣтописи, ибо въ такомъ случаѣ упомянулъ бы въ ней о томъ, а между тѣмъ въ Лѣтописи подъ 1051 годомъ, въ рассказѣ о приходѣ лѣтописца къ Θεодосію, сказано: «А о Θεодосіевомъ житіи паки скажемъ», что Тимковскій относилъ къ извѣстіямъ Лѣтописи подъ 1074 и 1091 годомъ. Послеъ же Лѣтописи Несторъ не могъ написать Патерика, ибо «Лѣтопись его, по выкладкамъ новѣйшихъ ученыхъ, простирается до 1100 года, около котораго времени должно полагать и самую кончину его». Далѣе «все, что приписывается Нестору въ Патерикѣ, находится повтореннымъ въ его Лѣтописи въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, такъ что стоитъ только сравнить ту и другую книгу, чтобъ сказать рѣшительно, что это одно и то же произведеніе». Въ третьихъ, спрашивалъ Тимковскій: «гдѣ же сказано, что Несторъ написалъ Патерикъ, что сей Патерикъ пропалъ во время ратныхъ мятежей и, что епископъ Симонъ дѣлалъ изъ него извлеченія?» Въ предисловіи къ Патерику Тимковскій находилъ только извѣстіе о потерѣ житія Антоніева. Высказавъ эти соображенія, Тимковскій дѣлалъ такой выводъ изъ нихъ: «не рождается ли изъ сего самая вродная и непринужденная мысль, что Житія святыхъ Отецъ и прочія церковныя повѣствованія, помѣщенныя подъ именемъ Нестора въ первой части Патерика, суть не что иное, какъ извлеченія изъ его лѣтописи, умноженныя и распространенныя?» и для полнѣйшаго подтвержденія этой мысли имъ приведены были два новыхъ довода, которые должны были получить въ то время особое значеніе и потому приводятся здѣсь нами вполнѣ. «Въ рукописномъ Патерикѣ, хранящемся въ Синодальной библиотекѣ за № 431, въ посланіи архимандрита Поликарпа къ Акиндину на листѣ 68 читается слѣдующее весьма важное мѣсто: *Не аще носемъ ли твое*

*Преподобствіе написать, ижеже ми уже постигнемъ и въ память припомнимъ; аще тебѣ не потребно будетъ, но сущимъ по насъ помози ради оставимъ. Якоже блаженный Несторъ въ Лѣтописцѣ написа о преподобныхъ отцахъ, о Даміанѣ, Іереміи, и Матѳеи, и Исакіи, въ житіи святого Антонія; вся си описана суть житія ихъ, аще и кратце. Поликарпъ, который и самъ писалъ Житія Святыхъ, и не могъ не знать Несторова Патерика, еслибы оный дѣйствительно существовалъ, Поликарпъ не вѣдаетъ другаго сочиненія Несторова, кромѣ Лѣтописи и Житія Антоніева, о которыхъ мы уже упомянули выше сего. Онъ говоритъ ясно, что житія Даміана, Іереміи, Матѳея и Исакія, начертанныя вкратцѣ, читалъ онъ въ Несторовой Лѣтописи, а не въ Патерикѣ. И сіи самыя житія въ томъ же порядкѣ, видѣ и числѣ мы подлинно находимъ и теперь еще въ Несторовой Лѣтописи. Далѣе, издатель Патерика на листѣ 68 дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: *По семъ сказаніи блаженнаго епископа Симона начинаются наши житія святыхъ, написанныя блаженнымъ Несторомъ, отъ ниже житіе святого Стефана, Никона, Варлаама, Ефрема, Исакія и Даміана воспоминаетъ блаженный Несторъ на различныхъ мѣстахъ въ житіи преподобнаго Феодосія. Начеи же наши отъ святого Даміана, житіе святого Іереміи, Матѳея, и Исакія, воспоминаетъ той же въ своемъ Лѣтописаніи. Они признаются сами, что житія святыхъ отецъ, которыя мы читаемъ подъ именемъ Нестора, заимствованы ими не изъ его Патерика, но частію изъ житія преподобнаго Феодосія, сочиненнаго будто бы Несторомъ, а частію изъ его Лѣтописи. Къ сему наконецъ должно присовокупить еще и то, что Несторовы житія, находящіяся въ рукописномъ Патерикѣ Синодальной бібліотеки, о которыхъ сказано выше сего, не имѣютъ почти никакой замѣчательной перемены противъ древнѣйшихъ и лучшихъ списковъ Лѣтописи; такъ что можетъ-быть со временемъ окажется, что епископъ Симонъ и не помышлялъ никогда о дополненіи и поправкахъ того, что написано было Несторомъ, а что всѣ перемены произошли единственно отъ позднѣйшихъ издателей Патерика». (Стр. 67—69). Тимковскій однакожъ признавалъ существованіе особаго Житія Феодосія, которое встрѣчается подъ именемъ Нестора въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и въ самомъ Патерикѣ. Замѣтивъ, что нѣсколько листовъ, посвященныхъ житію одного только святого, не опровергаютъ его мнѣнія, онъ сознаетъ однакожъ, что въ этомъ Житіи находятся такія несогласія съ Лѣтописью, которыхъ онъ никакъ неумѣетъ сообразить. Сюда относятся: а) Начало житія, гдѣ**

авторъ говоритъ, что, написавъ сперва о житіи, убіеніи и чудесахъ Бориса и Глѣба, приступаетъ къ новому труду; между тѣмъ какъ въ Лѣтописи нѣтъ житія Θεодосіева, а въ Патерики нѣтъ житія Бориса и Глѣба, хотя, по мнѣнію Тимковскаго, изъ вышеприведенныхъ словъ слѣдовало бы ожидать, что оба житія будутъ стоять вмѣстѣ; б) противорѣчіе между Лѣтописью и Житіемъ къ повѣстии о полученіи Θεодосіемъ устава Студійскаго монастыря, по первой отъ черноризца Михаила, пришедшаго изъ Греціи съ митрополитомъ Георгіемъ, а по второму чрезъ Борена сына, иосѣданаго тогда Святыя мѣста, которому Θεодосій поручилъ списать уставъ, распростивъ сперва о немъ Михаила; в) лѣтописатель ясно и опредѣленно говоритъ о себѣ, что пришелъ въ Печерскій монастырь при игуменѣ Θεодосіи, въ Житіи же послѣдняго говорится, что авторъ его пришелъ уже при слѣдующемъ игуменѣ Стефанѣ. Въ виду всѣхъ этихъ противорѣчій, Тимковскій и утвердился въ слѣдующей мысли: «Одинъ и тотъ же писатель вѣроятно не могъ такъ очевидно противорѣчить себѣ; а слѣдовательно чрезъ сіе размыканіе и открывается напоследокъ весьма важная истина, что преподобный Несторъ не оставилъ намъ по себѣ никакого другаго намятника, кромѣ драгоценной Лѣтописи, названной имъ самимъ *Повѣстанми времѣнныхъ лѣтъ*». (Стр. 73).

Высказавъ такимъ образомъ свое мнѣніе объ отношеніяхъ Лѣтописи Нестора къ Патерику, Тимковскій закончилъ свою рѣчь новымъ обращеніемъ къ тому случаю въ жизни Общества, по которому она была произнесена, слѣдуя обычнымъ приемамъ ораторскаго искусства той эпохи. «Здѣсь надлежитъ уже, почтеннѣйшіе члены, говорить онъ, — склонить слово къ окончанію и принести достоюжную благодарность высокопочтенному мужу, который, усердствуя трудамъ нашего Общества, сооружилъ в украшилъ сіе святилище. Да устыдятся сего великодушнаго поступка его недоброжелатели отечественнаго блага, а юныя и невинныя души, взрая съ благоговѣніемъ на сію хранину, да согрѣваются подобною ревностію къ поддержанію пользы и чести своихъ единосемцевъ. Ты же, предержай въ руцѣ своей вся дѣла смертныхъ, Боже Святыи и Всемогуцій! даждь, да наши подвиги въ семъ новомъ вертоградѣ будутъ благоуспѣшны, согражданамъ полезны, вышнему начальству пріятны и достойны благоволенія Монарха, дражайшаго Отца Отечества» (стр. 73—74).

М. Т. Каченовскій такъ выразилъ побужденія, заставившія его прочесть въ засѣданіи Общества «*Разсужденіе о судебныхъ по-*

дималъ: «Къ исторіи государства необходимо принадлежить исследование народныхъ обычаевъ и постепенное ихъ измѣненіе. Исторія собственныхъ нашихъ предковъ тѣмъ болѣе для насъ любопытна, чѣмъ негдѣ сходны ихъ обычаи съ нашими. И однимъ уже силъ несходствомъ, по моему мнѣнію, достаточно изъясняется важная обязанность дѣеисателя, обязанность сохранить для потомства память о старинныхъ обыкновеніяхъ» (стр. 29). Приступая къ разъясненію самаго предмета своего разсужденія, М. Т. Каченовскій прежде всего останавливается на различныхъ отношеніяхъ древнихъ и новыхъ законовъ къ поединкамъ: «Достоинство особеннаго примѣчанія, говоритъ онъ, противоположность теперешняго образа мыслей съ прежнимъ въ разсужденіи поединковъ. Нынѣ строгость законовъ, охраняющихъ честь, жизнь и собственность каждаго гражданина, преслѣдуетъ поединщиковъ, какъ самоуправныхъ нарушителей общественнаго порядка; но было время, и тому еще прошло не болѣе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, когда поединки въ отечествѣ нашемъ происходили подъ наблюдениемъ самаго правительства. По судебнику Царя Іоанна Васильевича истецъ и отвѣтчикъ могли тяжбу свою окончить *битвою на поле* *. Кто одолѣлъ, тотъ былъ правъ; побѣжденный оставался виноватымъ, и платилъ пошлину чиновникамъ и служителямъ, которые должны были присутствовать при боѣ и наблюдать за порядкомъ. Свидѣтели обѣихъ сторонъ, въ случаѣ разногласія, также могли доказывать правду свою поединкомъ. Законъ позволялъ отвѣтчику при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вмѣсто себя нанять бойца противъ доносителя. Впрочемъ какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ имѣли право за себя выставить наемныхъ бойцовъ, когда сами не могли или не хотѣли сражаться» (стр. 29—31). Время и источникъ возникновенія судебныхъ поединковъ М. Т. Каченовскій, согласно со своими взглядами на древнѣйшую эпоху Русской исторіи, опредѣляетъ такъ: «Придерживаясь вѣроятнѣйшихъ догадокъ можно по крайней мѣрѣ показать, что они перешли къ намъ отъ Германскихъ народовъ еще до появленія Татаръ въ Европѣ». По его мнѣнію, можно было бы ожидать появленія судебныхъ поединковъ у насъ еще во времена первыхъ князей, вследствие тѣсныхъ связей съ сѣверными и западными странами Европы; но въ Русской Правдѣ нѣтъ статей о судебныхъ поединкахъ, въ об-

* Судебникъ, стр. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 62.

ясненіе чего Каченовскій говоритъ: «Не излишнимъ почитаю замѣтить, что у разныхъ сѣверныхъ народовъ, поселившихся въ Римскихъ провинціяхъ, судебные поединки наиболѣе въ обыкновеніи были тогда, когда уже испытанія желѣзомъ и водою служили для окончанія споровъ только между людьми низкаго состоянія. Въ Русской Правдѣ весьма ясно упоминается объ испытаніи желѣзомъ, водою и присягою. Въ прочемъ статья могла, что статьи о поединкахъ утратились» (стр. 33—34). Далѣе авторъ разсматривалъ обычай судебныхъ поединковъ въ Даніи, Исландіи, Англіи, Саксоніи, Франціи, Испаніи, Палестинѣ, Византіи и Литвѣ и привелъ для показанія сходства между законами о поединкахъ въ сѣверныхъ странахъ Европы и Судебникомъ соответственныя статьи изъ послѣдняго. Ссылаясь на краткость времени, онъ отказался отъ подробнаго описанія обрядовъ, которые соблюдались у разныхъ народовъ при судебныхъ поединкахъ. Далѣе высказаны были имъ теоретическія и историческія соображенія о причинахъ, вызвавшихъ въ средніе вѣка существованіе поединковъ. Такъ какъ эти соображенія, заканчивающія изслѣдованіе М. Т. Каченовскаго, составляютъ самую существенную часть его, то и приводимъ здѣсь ихъ вполнѣ: «Начала поединковъ отыскивать должно въ самыхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, еще не удерживаемыхъ властію законовъ. Въ обществѣ людей грубыхъ, незнакомыхъ съ многоразличными нуждами, и слѣдственно съ удобствами просвѣщенной жизни, неимѣющихъ понятія о гражданской безопасности, отвергающихъ всякое принужденіе несомнѣнное съ дикою ихъ свободою, каждой хочеть самъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ и собственною рукою наказать своего оскорбителя, и каждый самъ же принужденъ отражать нападеніе, не будучи защищаемъ законами. Въ такомъ состояніи общежитіе находилось у древнихъ Германцовъ. По свидѣтельству Тацита и Веллея Патеркула, распри, оканчиваемыя у Римлянъ судомъ, у Германцовъ рѣшаемы были силою оружія. Тоже самое наблюдаемо было у Готовъ и Шведовъ, какъ видно изъ описанія древнихъ законовъ ихъ и обычаевъ. Готы и Шведы, не чужіе нашимъ Варягамъ, были одной породы съ Германцами. Не можемъ рѣшительно приписывать Славянамъ того же обычая; но знаемъ по крайней мѣрѣ, что и они жили отдѣленными обществами подъ управленіемъ старѣйшинъ, не имѣли писанныхъ законовъ и были народъ воинственный. По завоеваніи сѣверными народами Римскихъ провинцій появились письменные законы Салическіе, Рипуарные, Бургундскіе и другіе. Государи увидѣли надобность въ обузданіи

дикаго самоуправства и частной войны между семействами. Духовныя власти всячески старались прекращать пагубныя разводы и междоусобія, хотя и не всегда съ желаемымъ успѣхомъ; ибо сильные, ни на что не взирая, не переставали присвоивать себѣ права мщениа. Определено взыскивать съ обидчиковъ денежныя пени; назначены цѣны за ударъ рукою, палкою, дубинною, за выбитой зубъ, за вырваной клокъ волосъ или бороды и даже за смертоубійство. Весьма часто встрѣчались затрудненія въ открытіи истины; надлежало доказывать ее свидѣтелями, коихъ число опредѣляемо было смотря по важности иска или доноса. Обвиняемый въ зажигательствѣ или убійствѣ, для оправданія себя, долженъ былъ представить семьдесятъ двухъ свидѣтелей. Наконецъ присяга, и по большей части ложная, сдѣлавшись обыкновенною, потеряла всякое значеніе: тогда выдуманы другіе способы находить истину, т.-е. судебныя испытанія, между которыми наиболѣе извѣстны испытанія желѣзомъ и водою, и они назывались *судомъ Божиимъ*. Но поединки, служившіе также къ открытію истины, одержали верхъ. Воинственные народы предпочли ихъ всѣмъ прочимъ испытаніямъ. Во всѣхъ странахъ Европы судилища обагрены кровію иногда людей невинныхъ и почтенныхъ. Престарѣлой, слабой, больной часто принуждены были отступить отъ праваго своего иска, для того чтобы не подвергнуться опасности сомнительнаго боя, или не надѣяться на успѣхъ бойца наемнаго. Письменные законы древней Руси, въ остаткахъ Русской Правды сохранившіеся и вообще многіе обычаи Новгородцевъ и Кіевлянъ чрезвычайно сходны съ Германцами. Ярославъ окруженъ былъ Варяжскою дружиною; Новгородскіе Славяне, задолго еще до знакомства съ Византійцами, ссорились, мирились и дружились съ Варягами, и Греческій Номоканонъ, принятый вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою, не истребилъ всѣхъ прежнихъ обычаевъ» (стр. 39—43) ¹³⁶.

¹³⁶ Кромѣ этого разсужденія М. Т. Каченовскій напечаталъ въ 1811 и 1812 годахъ слѣдующія статьи въ «Вѣстникѣ Европы», выходившемъ подъ его редакціей: 1) *Критическую статью по поводу «Нестора» Шлецера* (ч. 59, № 18, стр. 127; № 19, стр. 211). Въ этой статьѣ онъ защищалъ трудъ Шлецера отъ нападеній неавѣстнаго автора, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» С. Н. Глинки, направленныхъ противъ знаменатаго критика, какъ иностранца и прикрывавшихся именами добродѣтели, вѣры и отечества. Любопытно, что въ это же самое время и Кутузовъ возставалъ противъ изданія въ русскомъ переводѣ автобіографіи Шлецера (см. *Васильчикова*, Семейство Разумовскихъ; ч. II, стр. 352—354). Каченовскій

Въ засѣданіи 12 апрѣля 1811 года читалось: «*Описаніе мондыноу полтинника Царя Алексѣя Михайловича*», доставленное членомъ Борисомъ Ивановичемъ бар. фонъ-Фитингофомъ (ч. I, стр. 25—28). Это описаніе было переведено изъ книги: «*Nova litteraria maris Baltici et Septentrionis*», изданной въ Любекѣ 1700 г., въ четвертку; къ ней рисунокъ одинъ. Въ началѣ между прочимъ говорится: «Здѣсь мимоходомъ замѣтить должно, что Русскіе называютъ талеръ въ одну унцію *Ефимкомъ* отъ изображенія св. Ефима, которымъ первые талеры одной унціи украшены были, а Любскимъ потому, что талеры въ унцію были первыми привезены въ Россію любскими купцами». Баронъ Фитингофъ замѣчаетъ уже отъ себя по этому поводу: «Серебряная монета въ одну унцію (6 золотниковъ) первая чеканена въ долину, называемой Іоакимской (Ефимской), изъ серебра, добытаго въ тамошнихъ рудникахъ, почему по латынѣ называется *Ioachimicus*, по-русски Ефимокъ, а по-нѣмецки *Thaler* отъ нѣмецкаго слова *Thal* (долина). Таковыя крупныя монеты напередъ въ семь мѣстъ чеканены, а потомъ уже начали ихъ чеканить и въ другихъ мѣстахъ, а до того времени въ употребленіи были только мелкія и тонкія монеты, какъ-то: шлехи и гроши. Ефимова долина находится въ Богеміи, и понынѣ знат-

выступилъ въ своей статьѣ противъ смѣшенія вопросовъ чисто ученыхъ съ вопросами нравственными. Такъ какъ противникъ Шлецера приписывалъ ему намѣреніе унижать происхожденіи Русскаго народа, то Каченовскій представлялъ и свои доказательства въ пользу мнѣнія объ образованіи народовъ посредствомъ наростовъ (*colluvies gentium*). 2) *Взглядъ на устьѣхъ російскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія* (ч. 59, № 19, стр. 182). Сказавъ сначала о судьбѣ русскаго слова въ двухъ его теченіяхъ, языкѣ книжномъ и языкѣ гражданскомъ, отъ нашествія Татаръ до Петра, авторъ предложилъ краткій меречень ученыхъ произведеній нѣкоторыхъ ораторовъ временъ Петра I, Екатерины I и Елизаветы до Ломоносова. 3) *О похвальныхъ словахъ Ломоносова* (ч. 63, № 11, стр. 201). Здѣсь сперва говорится о томъ состояніи, въ которомъ Ломоносовъ засталъ Русскій языкъ, и что онъ для него сдѣлалъ, затѣмъ слѣдуетъ разборъ двухъ похвальныхъ словъ Ломоносова Елизаветѣ сказаннаго въ 1749 году, и Петру въ 1755 году. Подлѣ эта статья появилась въ III ч. «Трудовъ» Общества Любителей Россійской Словесности. Обѣ статьи Каченовскаго, и о русскомъ витійствѣ, и о Ломоносовѣ, имѣли для своего времени то важное значеніе, что служили руководствомъ для тогдашнихъ преподавателей, такъ что мнѣнія Каченовскаго о Феофанѣ Прокоповичѣ и Ломоносовѣ долго заучивались воспитанниками гимназій и даже слушателями университетовъ. Къ этимъ статьямъ примыкаетъ своею общою частью и отзывъ Каченовскаго о сочиненіи Гр. Зубчанинова: «Похвальное слово Петру Великому» (ч. 65, № 18, стр. 113).

ные серебряные рудники оной въ цвѣтущемъ состояніи». Къ словамъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ во время польской и шведской войны приказалъ выбить мѣдные *алтыны*, равные тремъ мѣднымъ копѣйкамъ, какъ въсомъ, такъ и достоинствомъ», не реводчикъ замѣчаетъ: «мѣдныя копѣйки, въ царствованіе Алексѣя Михайловича выбитыя, часто встрѣчаются; но алтыны мѣдныя нигдѣ не видны, ниже о нихъ въ какой-нибудь книгѣ упоминается, и такъ кажется, что сочинитель ошибся».

Въ зазданіи 19 сентября 1811 года прочитанъ былъ: *Опытъ описанія російскихъ монетъ*, соч. чл. бар. Б. И. фонъ-Фитингофа (стр. 75—113), а 1 декабря «*Продолженіе опыта*» (стр. 130—144). «Описаніе монетъ занимается только тѣмъ, что въ монетѣ можно узнать чувствами, а исторія монетъ заключаетъ въ себѣ все то, что берется изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ и общенародныхъ документ(въ),—вотъ мысль, отъ которой отправляется авторъ. Россія можетъ похвалиться предъ другими государствами множествомъ и разнообразіемъ древнихъ монетъ. При Петрѣ I выбито болѣе 40 неодинакихъ годами и клеймами цѣлковыхъ рублей, болѣе 30 разныхъ полтинниковъ, и слишкомъ 20 разныхъ четвертаковъ, и всѣхъ ихъ можно видѣть въ кабинетѣ Фед. Григ. Баузе. Обѣщаль описать русскія монеты еще въ 1700 г. ассесоръ Стокгольмской коллегіи древностей Николай Кедеръ, но послѣ него осталось только описаніе на латинскомъ языкѣ нѣкоторыхъ изъ числа находившихся у него русскихъ монетъ, изъ коихъ особенно любопытенъ весьма рѣдкій мѣдный полтинникъ Царя Алексѣя Михайловича, совершенно похожій величиною и видомъ на серебряные рубли сего Царя. Фитингофъ видѣлъ этотъ полтинникъ только въ собраніи Кедера. Далѣе обѣщаль въ 1779 г. представить описаніе русскихъ монетъ Авг. Людв. Шлерецъ, но умеръ не исполнивъ сего намѣренія. Однакожъ важно было бы получить ихъ бумаги, гдѣ конечно могутъ найтись и нумизматическія работы: бумаги перваго найдутся въ Стокгольмской Коллегіи Древностей, бумаги втораго можно получить чрезъ сына. Но у Шлецера и не могло быть надлежащаго матеріала для описанія: при Геттингенскомъ университетѣ было только составившееся изъ присылокъ учившагося въ немъ барона Аша собраніе русскихъ рѣдкостей, въ томъ числѣ монетъ съ Петра I. Недостаетъ также для описанія монетъ палеографіи Славянорусской. Тѣмъ не менѣе описаніе необходимо: «Извѣщаю знаменитое Общество, что я съ помощію и одобреніемъ онаго принимаю съ удовольствіемъ на свою часть обработать по

мѣрѣ слабыхъ дарованій и познаній моихъ русское нумизматическое описаніе и исторію, но... стану трудиться надъ предметомъ своимъ только по частямъ». Авторъ предлагаетъ на первый разъ описаніе гривенъ или гривенниковъ Петра I и начинаеть съ объясненія значенія слова: *гривна* или *гривенникъ*, и раздѣленія онаго; приводитъ мнѣніе Татищева о гривнѣ изъ Примѣчаній его къ Русской Правдѣ, заимствуя оныя однакожь изъ извлеченія, сдѣланнаго Шлецеромъ въ 3 части Нестор. лѣтописи; затѣмъ беретъ мнѣніе автора «Ядра Рос. Ист.», Бакмейстера въ прим. къ Древне-Рос. Ист. Ломоносова въ нѣмец. переводѣ, его же въ *Essai sur la Bibliothèque de l'Académie des Sciences à St.-Petersbourg*, Славяно-Греко-Лат. Словаря, Церковнаго Словаря, Леклерка *Histoire de Russie*, Рос.-Нѣм.-Франц. Словаря Нордстета. Всѣ толкованія недостоверны; но изъ ихъ сличенія можно вывести слѣдующее: гривна есть названіе вѣса (какъ фунтъ), воображаемое названіе монеты (какъ фунтъ стерлинговъ) или самой монеты какъ золотой, такъ и серебряной (цѣна всѣхъ трехъ значеній была разная въ разные времена); названіе золотой медали, носимой на шеѣ князьями и боярами въ знакъ почести, названіе ходячей серебряной монеты въ 10 коп. (со временъ Петра I). Далѣе слѣдуетъ описаніе серебряныхъ гривенъ и гривенниковъ Петра I по лѣтамъ и клеймамъ. Предложивъ общія замѣчанія о чеканкѣ Петровскихъ гривенниковъ, авторъ описываетъ 11 гривенниковъ (3, 4-я и 5-я таблицы): два 1701, три 1704, по одному 1703, 1705, 1706, 1709; 1713 и 1718 годовъ.

Въ прибавленіи же помѣщены: описаніе серебрянаго жетона, безъ видовъ и года, равнаго гривеннику, которыми, по мнѣнію Фитингофа, наполняли серебряные ковши, жалованные царемъ приближеннымъ людямъ въ торжественные дни (табл. 6); описаніе монеты въ 10 коп., чеканенной въ 1707 г. изъ композиціи, по образцу польскихъ монетъ, подобно тому при Елизаветѣ Петровнѣ для занятыхъ во время семилѣтней войны русскими войсками Пруссскихъ областей монеты, по прусскому образцу, съ изображеніемъ ея и латинскою подписью. Наконецъ идетъ описаніе пятаконъ двухъ видовъ, изъ коихъ на одномъ обозначалось: десять денегъ, на другомъ: пять копѣекъ. Первыхъ описаны три образца 1701, 1702, 1704, вторыхъ одинъ 1714.

Въ засѣданіи 1-го іюля 1811 года читались: «Замѣчанія на статью князя Щербатова объ одной Россійской монетѣ», членомъ

К. О. Калайдовичемъ (1 ч. «Трудовъ», стр. 44—52, съ тремя рисунками). Статья князя М. М. Щербатова: «Опытъ о древнихъ російскихъ монетахъ» помѣщена была въ Академическихъ Извѣстіяхъ на 1781 годъ; въ 7 главѣ ея (стр. 43—48) описана подъ № 9 въ числѣ «старинныхъ денегъ російскихъ незнаемыхъ съ одною Російскою надписью, хранящихся въ кунсткамерѣ И. Спб. А. Н.» серебряная монета, на одной сторонѣ которой изображенъ пагой человекъ съ мечемъ на стулѣ сидящій съ подписью на оборотѣ: «... Росто(вка) жена безумна... че...» Щербатовъ связываетъ появленіе этой монеты съ исторіей Ярославскаго князя Фодора Ростиславича, женатаго дважды: на Ярославской княжнѣ и на Татарской царевнѣ и относитъ ее къ 1275—1284 годамъ. Калайдовичъ прочелъ: «Жана Безина со чело...», при чемъ разумѣлъ Ивана Фрязина, современника Іоанна III. Монета, по которой доказывалъ свое чтеніе Калайдовичъ, имѣлась въ собраніи Баузе.

Въ засѣданіи 1-го декабря читано было: «Розысканіе о пришествіи Рюрика въ Ладогу», членомъ К. О. Калайдовичемъ (стр. 114—129). Авторъ его отвергаетъ мнѣніе, впервые высказанное Татищевымъ и повторенное Болтинымъ, Елагинымъ, Щербатовымъ, Миллеромъ, Стриттеромъ, Шлецеромъ и другими, о пришествіи Варяжскаго князя въ Ладогу и переселеніи чрезъ два года въ Новгородъ. Онъ отвергаетъ его на слѣдующихъ основаніяхъ: самое извѣстіе о немъ встрѣчается только въ трехъ и притомъ не древнѣйшихъ спискахъ начальной лѣтописи; названіе Старой Ладоги въ отличіе отъ новой относится не къ древнимъ временамъ, а къ 1704 г., причемъ ссылается на «Описаніе С.-Петербурга», сочиненное Богдановымъ (Спб. 1799, въ 8, стр. 217); выраженіе, встрѣчающееся въ Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ и Синодальномъ спискахъ лѣтописи: «пришедь ко Ильмену и сруби городокъ надъ Волховымъ и прозва Новгородъ» противорѣчитъ, по его мнѣнію извѣстію о древнѣйшемъ поселеніи Славянъ на берегахъ озера, Ильменя, что однакожь нельзя отвергать; еслибы Рюрикъ поселился первоначально въ Ладогѣ, то лѣтописецъ не могъ бы сказать: «тіи суть людіе Новгородцы отъ рода Варяжскаго, ... а первыи насельници въ Новѣгородѣ Словене», онъ сказалъ бы, что Ладожане суть отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне; наконецъ Цареградскій патріархъ Никифоръ II, жившій въ концѣ XIII вѣка, въ краткомъ лѣтописцѣ своемъ, который содержится въ Коричей, писанной въ концѣ того же столѣтія въ Новгородѣ въ листъ уставомъ и хранящейся въ Синодальной библіотекѣ подѣ

№ 82, а также помѣщенъ въ прибавленіи къ 1 ч. Никоновской лѣтописи, исчисляя важнѣйшія русскія происшествія, говоритъ: «и избрашася три брата съ роды своими; старый Рюрикъ сѣде Новѣгородѣ». Словомъ, К. Θ. Калайдовичъ стремился доказать, какъ онъ самъ выражается, что «Несторъ столь же много знаетъ о пришествіи Рюрика въ Ладогу, сколько и о родствѣ его съ Гостомысломъ». Самый же взглядъ автора на значеніе того или другаго объясненія спорнаго мѣста выражался въ началѣ его статьи такими словами: «разногласіе важное не столько по разстоянію мѣста, сколько по политическимъ видамъ, какіе изъ сего выводить можно. Въ первомъ случаѣ, послѣдую Нестору и полагая добровольное призваніе князей Варяжскихъ, мы видимъ ихъ какъ охранителей государства отъ нападеній внѣшнихъ, какъ простыхъ оберегателей границъ, служащихъ за извѣстную плату, или какъ людей недовѣрчивыхъ, которые, опасаясь идти въ страну, не весьма имъ извѣстную, къ народу, коего непостоянства каждый разъ о-и должны были опасаться; избрали себѣ пограничныя крѣпости, дабы при первомъ возмущеніи быть въ совершенной безопасности. Съ другой стороны представляется храбрый Норманнъ, презирающій всѣ опасности и съ твердою отважностію врывающійся внутрь земли Славянской».

Въ засѣданіи 4 января 1812 года прочтенъ былъ: «*Краткій чертежъ народовъ Славянскихъ, обитавшихъ на мѣстахъ нынѣшней Россіи до пришествия русскихъ князей въ Новгородъ, сочиненный современателемъ П. Θ. Калайдовичемъ*» (ч. I «Трудовъ», стр. 145—152). Это—краткое перечисленіе славянскихъ племенъ, заселявшихъ Русь сѣверную и южную: Славянъ, Кривичей, Дреговичей, Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей, Бужанъ, Дулебовъ, Тиверцевъ, Лютичей и Угличей, съ указаніемъ предѣловъ занятой каждымъ изъ нихъ страны, а въ примѣчаніяхъ къ онымъ краткія же извлеченія изъ начальной лѣтописи тѣхъ мѣстъ, гдѣ говорится объ этихъ племенахъ. Къ этой статьѣ впоследствии было присоединено: «*Прибавленіе о народахъ Славяно-русскихъ, явившихся по основаніи Россійскаго государства*» (тамъ же, стр. 153—158). Здѣсь точно такимъ же способомъ приведены свѣдѣнія о Туровцахъ, Поросянахъ, Голядахъ, Дручанахъ, Бродникахъ, Вятчанахъ, Двицанахъ, при чемъ уже замѣтно смѣшеніе географическихъ терминовъ съ этнографическими.

Въ томъ же засѣданіи прочтено было: «*Краткое извѣстіе о Владимірскихъ древностяхъ, сообщенное Θ. Θ. Калайдовичемъ*» (стр.

159—163). Въ немъ описаны: шпашакъ (табл. 8) и два метательныя копья, имѣющія видъ пернатыхъ стрѣлъ, хранящіяся въ Успенскомъ соборѣ; упоминаются гробницы двухъ женъ Александра Невскаго, Александры и Вассы, и дочери его Евдокии въ Аврааміевомъ монастырѣ; приводятся двѣ надписи въ церкви св. Георгія, построенной въ 1129 г. и бывшей нѣкогда монастыремъ, о погребенныхъ въ оныхъ княгинѣ Θεодосіи, матери Александра Невскаго, и князѣ Θεодорѣ Ярославичѣ, братѣ его.

Въ засѣданіи 4 января 1812 года К. Θ. Калайдовичъ читалъ статью: «*О смерти царя Θεодора Алексѣевича*»; положено было напечатать ее въ «Трудахъ», но, по выпускѣ уже изъ типографіи, нѣкоторые члены задержали изданіе «находя сомнѣніе въ описаніи смерти царя Θεодора», будто бы отравленнаго врачомъ фонъ-Гаденомъ и статья была исключена изъ первой части «Трудовъ»¹²⁷.

Въ засѣданіи 7 мая 1812 года читаны были А. Θ. Малиновскимъ: «*Примѣчанія на древніе славянскіе мѣсяцесловы*» гр. А. И. Мусина-Пушкина (напеч. во II ч. «Трудовъ», стр. 49—59). Отправляясь отъ той мысли, что названія мѣсяцевъ у разныхъ славянскихъ племенъ заимствованы были или отъ воздушныхъ явленій, или отъ сельскихъ работъ, или вообще отъ состоянія природы, авторъ объясняетъ этимъ то обстоятельство, что иногда одно и то же названіе употребляется для обозначенія нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ разныхъ славянскихъ земляхъ. Такъ «если Ноябрь принято было называть въ Кіевѣ Листопадомъ, то конечно имя сіе вовсе не свойственно оному было въ странахъ, къ полунощи лежащихъ, гдѣ въ ономъ мѣсяцѣ листь съ деревъ не падаетъ, но все уже бываетъ покрыто глубокимъ снѣгомъ; по сей то причинѣ оный и назывался на сѣверѣ Груднемъ, а Листопадомъ Октябрь». То же самое замѣчается относительно названій Червень и Червецъ, Съчень и Березозоль. Съ другой стороны разница названій одного и того же мѣсяца объясняется тою же причиною; такъ «въ Новгородѣ и Полоцкѣ въ Августѣ видимы бываютъ по вечерамъ зорницы, въ Кіевѣ и Черниговѣ въ семь мѣсяцѣ жнутъ хлѣбъ; отъ того самаго и назывался Августъ въ странахъ сѣверныхъ Заревомъ, а въ полуденныхъ Серпнемъ отъ орудія при жнитвѣ употребляемаго». При этомъ авторъ замѣтилъ, что только съ XVI вѣка въ сѣверно-русскихъ рукописяхъ начинаютъ употребляться и южныя

¹²⁷ См. «Чтенія» Общества за 1862 г., кн. 3, отд. I, стр. 13.

названія мѣсяцевъ; а въ старинныхъ рукописяхъ, какъ напримѣръ въ Остромировомъ евангеліи, Синодальномъ 1144 года, Полоцкомъ XIII или XIV вѣковъ приводятся древнія названія, которыя потомъ уже исчезли и на Сѣверѣ. Остромирово евангеліе авторъ называлъ «Евангеліемъ Новгородскаго Софійскаго собора, бывшимъ прежде въ Императорскомъ Кабинетѣ, а нынѣ въ Императорской библіотекѣ хранящимся». Приписка въ этомъ евангеліи съ именемъ Остромира приведена графомъ вполнѣ. Кромѣ указанныхъ памятниконъ онъ ссылался на принадлежавшее ему Сербское евангеліе, безъ обозначенія года, но въ которомъ по его словамъ «почеркъ и слова, вышедшія изъ употребленія, весьма сходны съ выше показаннымъ евангеліемъ Новгородскаго Софійскаго собора». Въмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обратилъ вниманіе на различіе хронологическихъ указаній въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ, происшедшее отъ употребленія разныхъ системъ счисленія: по Мартовскому году отъ сотворенія міра, употреблявшемуся и въ древней Россіи, по Сентябскому году, принятому и для церковнаго, и для гражданскаго обихода на Московскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1347 году при митрополитѣ Феогностѣ, и наконецъ по Январскому году, введенному Петромъ Великимъ. Въ концѣ замѣтки авторъ приложилъ сводъ разнымъ названіямъ Славянскихъ мѣсяцевъ. Замѣчанія свои онъ закончилъ такими словами: «почитая нужнымъ сообщить сіе примѣчаніе мое Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, думаю не бесполезно сдѣлать оное извѣстнымъ, дабы занимающіеся Отечественною Исторіею не погрѣшили, подобно тѣмъ, кои не зная, что первое счисленіе годовъ начиналось съ Марта, сдѣлали въ показанія лѣтъ разницу; и, подобно мнѣ, не приняли бы Сѣверныя названія мѣсяцевъ за ошибку у писца и Сѣвернаго Листопада за Малороссійскій Ноябрь, не зная, что тѣ же самыя названія мѣсяцевъ у южныхъ Славянъ даны были другимъ мѣсяцамъ на Сѣверѣ. Желательно при томъ, чтобы знающіе болѣе меня Славянскій языкъ приняли на себя трудъ изъяснить знаменованія именъ ихъ и показать ихъ корни».

Въ засѣданіи 7 мая 1812 года предсѣдатель П. П. Бекетовъ читалъ «*Краткое разсужденіе о нѣкоторыхъ медаляхъ или монетахъ Государя Императора Петра I и Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, съ изображеніемъ года, мѣсяца и числа*» (напеч. подъ измѣненнымъ нѣсколько заглавіемъ во II ч. «Трудовъ», стр. 233—238). Здѣсь рѣчь шла объ одной медали съ изображеніемъ Петра, имѣвшей надпись: 1 Февраля 1702 года, и о шести меда-

ляхъ временъ Елизаветы Петровны. Всѣ онѣ находились въ собраніи медалей И. П. Бекетова. О первой медали упоминается въ Описаніи путешествія Корнилія Брюина подъ 11 марта 1702 года, и слова Брюина приведены Бекетовымъ вполнѣ. Для медали временъ Елизаветы авторъ, не найдя никакихъ современныхъ объясненій, ограничился общимъ замѣчаніемъ, что вѣроятно эти медали биты были по случаю какихъ-нибудь происшествій при дворѣ и на память о неважныхъ быть-можетъ для исторіи обстоятельствахъ. Вообще онъ замѣчаетъ объ этихъ монетахъ слѣдующее: «Мнѣнія объ нихъ различны. Одни утверждаютъ, что онѣ дѣланы были на случай, когда вышесказанные Государя удостоивали воспринятіемъ отъ купели новорожденныхъ младенцевъ у нѣкоторыхъ знаменитыхъ особъ и что они, по заведенному у насъ издавна обыкновению, дарили родильницъ, сверхъ другихъ подарковъ, и сими монетами, въ воспоминаніе сего отличія получаемого ими: другіе думаютъ о нихъ иначе: но изо всѣхъ сихъ мнѣній, какъ мнѣ кажется, ни одного нѣтъ утвердительнаго, сіе тѣмъ страннѣе, что времена, въ которыя онѣ биты, отъ насъ такъ близки».

Были заявлены въ засѣданіяхъ Общества и другія статьи, изъ коихъ нѣкоторыя явились въ его изданіяхъ уже гораздо позднѣе и притомъ въ переработанномъ видѣ, а другія исчезли безъ слѣда. Къ первымъ принадлежатъ статьи епископа Вологодскаго Евгенія, заявленныя въ послѣднемъ предъ нашествіемъ Наполеона засѣданіи: «О личныхъ собственныхъ именахъ у Словено-Руссовъ» и «О разныхъ родахъ присягъ у Словено-Руссовъ», появившіяся въ печати только въ 1826 году. Ко вторымъ слѣдуетъ отнести: прежде всего рѣчь Р. Ѳ. Тимковскаго въ годичномъ засѣданіи 12 марта 1812 года, въ которой онъ между прочимъ предложилъ новое *Разысканіе о первыхъ двухъ мѣтописцахъ русскихъ Несторъ и шуметь Сильвестръ*; сообщеніе Ярославскаго губернатора «*Отъ которыхъ древностейъ, въ городѣ Угличѣ находящихся*», особливо касающихся до имѣвшаго въ ономъ свое пребываніе царевича Дмитрія, читанное въ засѣданіи 1 апрѣля 1812 года и предназначавшееся къ напечатанію въ изданіяхъ Общества, но не появившееся въ нихъ; *Замѣчанія* К. Ѳ. Калайдовича на «*Разсужденіе о войнѣ Святослава съ Греками*» Н. П. Брусилова, напечатанное въ изданіяхъ Петербургскаго Общества Любителей Словесности, которыя были читаны въ засѣданіи 7 мая 1812 года; *Жизнеописаніе профессора Баузе*, читанное барономъ Б. И. Фитингофомъ въ

точь же засѣданіи; «*Разсужденіе о золотой библѣ*» кандидата Саларева, читанное въ засѣданіи 1 іюня 1812 года. Такимъ образомъ очевидно, что всѣ статьи, вошедшія въ первую часть «Записокъ и Трудовъ Общества», появившюся въ свѣтъ уже въ 1815 году, были доставлены Обществу еще въ первый годъ послѣ его преобразования и тогда же отпечатаны. Это подтверждается и свидѣтельствомъ отчета, читаннаго въ годичномъ засѣданіи 13 марта 1812 года, гдѣ между прочимъ сказано: «Въ силу Устава собраны и изданы *Акты* Общества, содержащія въ себѣ Уставъ и Исторію онаго; тутъ же помѣщены девять разсужденій и рѣчей на разные предметы, читанныя членами во время засѣданія Общества. Сія книга приходитъ къ окончанію и отпечатано уже 15 листовъ». Дѣйствительно въ первой части «Трудовъ» Общества помѣщено десять разсужденій, изъ коихъ послѣднее, какъ мы уже знаемъ, прибавлено потомъ въ замѣну статьи К. О. Калайдовича «О смерти Царя Θεодора Алексѣевича». По поводу изданія Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку въ томъ же отчетѣ было сказано, что ея отпечатано уже 12 листовъ, и прибавлено въ поясненіе: «утомительное вниманіе и разборчивая осмотрительность, необходимыя при изданіи сихъ памятниковъ древностей, служатъ извиненіемъ въ медленности труда сего». Наконецъ Общество занималось изданіемъ *журнала* подъ названіемъ «*Достопамятности Русскія*», въ которомъ оно намѣревалось помѣщать разные древнія рукописи, достойныя любопытства, отысканныя въ архивахъ и сообщенныя соревнователями, прилагая къ издаваемымъ текстамъ нужныя замѣчанія и объясненія. ¹³⁸

Еще въ засѣданіи 4 января 1812 года редакціонный комитетъ Общества заявилъ, что имъ одобрены къ напечатанію въ «Русскихъ Достопамятностяхъ» слѣдующія статьи:

1. Посланіе Луки Жидяты (второго епископа Новгородскаго), жившаго въ половинѣ XI столѣтія.
2. Правда Русская, съ древнѣйшаго списка XIII вѣка, слитеннаго съ прежними оной изданіями.
3. Уставъ монастыря Θεодора Студійскаго, принятый игуменомъ Печерскимъ Θεодосіемъ въ свою обитель.

¹³⁸ См. дневныя записки всѣхъ названныхъ нами засѣданій частью въ I части «Записокъ и Трудовъ» Общества, частью въ Приложеніяхъ къ этой главѣ подъ №№ XIV—XVII.

4. Иоанна митрополита Русскаго, современника Несторова, посланіе къ Якову черноризцу.

5. Грамота, данная Всеволодомъ Новгородской церкви Иоанна Предтечи на Петрятинѣ дворещи, относящаяся къ началу XII вѣка.

6. Посланіе митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху, открывающее духъ сего Князя.

7. Сергѣя Кубасова, изображеніе лица и вида Князей Московскихъ.

8. Любопытное посланіе Посошкова къ Стефану Яворскому.

9. Окончаніе книги Степенной, котораго издатель Миллеръ не могъ отыскать въ спискахъ.

10. О хлѣбной мѣрѣ, оковахъ и четверикахъ.

11. Библиографическое разсмотрѣніе Евангелія, писаннаго въ 1144 году.

12. Библиографическое разсмотрѣніе древняго Лѣтописца Новгородскаго, хранящагося въ Синодальной библиотекѣ, и розысканіе о сочинителѣ онаго.

13. Описаніе пролога, принадлежащаго профессору Баузе.

14. Разсмотрѣніе древнѣйшей книги, напечатанной на языкѣ Славянскомъ.

15. Разсмотрѣніе Устава Княжества Литовскаго.

16. Разсмотрѣніе Апостола, напечатаннаго при Лже-Дмитріѣ.¹³⁹

Девять изъ вышеназванныхъ статей были отпечатаны до нашествія Наполеона на Москву, но появились въ свѣтъ въ I книгѣ «Достопамятностей» только въ 1815 году. Послѣднія шесть статей, большею частію библиографическаго содержанія, были устранены при выпускѣ «Достопамятностей», что и объяснено въ предисловіи; но той же участи подверглась и статья не библиографическая: «Монастырскій Уставъ Θεодора Студійскаго». Въ замѣнъ того въ печатное изданіе попали пять новыхъ статей, которыхъ прежде не имѣлось въ виду, именно: Уставъ Новгородскаго Князя Святослава; Правило Кирилла митрополита Русскаго; Уставная грамота Царя Ивана Васильевича, данная Двинскимъ тиунамъ; Уставная грамота, данная отъ Царя Ивана Васильевича Двиня-

¹³⁹ «Записки и Труды» Общества, ч. I, стр. СХV—СХVІІІ.

намъ; Губная грамота, данная отъ Царя Ивана Васильевича Бѣлозерцамъ.

Стоитъ остановиться на предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, которыми сопровождалась памятники, напечатанные въ «Достопамятностяхъ».

«Поученіе архіепископа Луки къ братіи» приготовлено было къ изданію Р. Ѳ. Тимковскимъ по двумъ рукописямъ, изъ коихъ одна исхода XVI вѣка, принадлежавшая П. П. Бекетову, писана была полууставомъ, другая, нѣсколько позднѣйшая, мелкаго полуустава, принадлежала В. М. Котельницкому. Изъ трехъ епископовъ носившихъ имя Луки: Новгородскаго, по прозвищу Жидяты (1036—1060), Бѣлгородскаго (1088—1089) и Ростовскаго (1185—1189), Тимковскій склонился въ пользу принадлежности поученія первому, т. е. Лукѣ Жидятѣ. Примѣчанія главнымъ образомъ сводились къ историко-филологическому толкованію словъ, причемъ, составившись однажды на Лексиконъ Памвы Беринды, авторъ замѣтилъ: «Жаль, что сія прекрасная книга такъ рано уже забыта у насъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ она драгоцѣнна для любителя Славянскаго языка и во многихъ случаяхъ подаетъ ему единственную помощь. Конечно, желательно, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ принялся за сочиненіе новаго Славянскаго Словаря, расположеннаго по образцу иностранныхъ; если бы по крайней мѣрѣ дополнилъ и издалъ вновь Лексиконъ Беринды. Мы теперь уже нѣкоторыя Славянскія слова и выраженія весьма мало понимаемъ, и часто прибѣгаемъ къ соображеніямъ и догадкамъ; что жъ будетъ наконецъ съ нашими потомками спустя нѣсколько сотъ лѣтъ, когда-можетъ быть и нынѣшній нашъ языкъ сдѣлается для нихъ труднымъ и неразумительнымъ? Надобно думать, что они многого вовсе не будутъ понимать и тогда вся вина падетъ на нашу безпечность. Сначала, пока не изданы еще всѣ древнія Славянскія сочиненія критически, безъ всякихъ умысленныхъ и неумысленныхъ поновленій подобно изданіямъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ, до тѣхъ поръ нельзя и ожидать полнаго Славянскаго Словаря, но станемъ мало-по-малу прокладывать дорогу. Если бы Буддей, Меурсій и Фаберъ не принимались за перо; то безъ сомнѣнія мы не имѣли бы превосходныхъ лексиконовъ Генриха Стефана, Дюканжа, Шнейдера, Шеллера и Геснера».¹⁴⁰

¹⁴⁰ См. «Русскія Достопамятности», ч. I, стр. 15—16. Это изданіе цѣлоче-

Издатель списка «Русской Правды», помещеннаго въ «Достопамятностяхъ», К. О. Калайдовичъ, упомянувъ въ своемъ предисловіи къ нему о прежнихъ изданіяхъ: Шлецера (1767), по списку Татищева (1786), по списку Крестинина (1788) и Болтина (1792), описываетъ тотъ древнѣйшій списокъ, во многихъ мѣстахъ не согласный съ прежними, принадлежавшій Синодальной бібліотекѣ и писанный на пергаментѣ въ листъ уставомъ въ два столбца въ концѣ XIII вѣка, который послужилъ для него основнымъ. Собственно этотъ списокъ содержалъ въ себѣ Кормчую, въ коей было одиннадцать статей русскаго происхожденія. Списокъ этотъ былъ открытъ Карамзинымъ, который въ примѣчаніяхъ къ своей «Исторіи» помѣстилъ нѣкоторыя изъ его статей, а большая часть остальныхъ вошла въ составъ первой книжки «Достопамятностей». Калайдовичъ относилъ «Русскую Правду» къ древнѣйшему ея виду ко временамъ Ярослава I, но ограничивался только догадками объ отношеніяхъ «Русской Правды» къ тому закону, который далъ Ярославъ Новгородцамъ въ 1016 году по разбитіи Святополка у Любеча. Положивъ Софійскій списокъ въ основаніе изданія своего, редакторъ «Достопамятностей», привелъ варианты изъ остальныхъ списковъ, пояснивъ: «при изданіи Правды Русской я послѣдовалъ тѣмъ же правиламъ, какія предназначилъ для Нестора одинъ изъ почтенныхъ членовъ Общества, профессоръ Тимковскій, то-есть чтобы ничего не прибавлять и не убавлять въ семь древнѣйшемъ списокѣ, а испорченныя мѣста поправлять внѣ текста съ возможною осмотрительностію, помощью вариантовъ, изъ коихъ всѣ важнѣйшіе исчислены» (стр. 27).

Въ предисловіи къ посланію Кіевского митрополита Никифора редакторъ «Достопамятностей», указавъ на рукопись Синодальной бібліотеки, писанную въ XVI вѣкѣ и заключающую въ себѣ весьма древній переводъ богословскаго сочиненія Меѳодія, епископа Патарскаго, говорилъ, что въ этой рукописи «сохранены два посланія митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху, драгоценныя для насъ по расположенію самаго сочиненія, но слогу чистому и пріятному, а болѣе по описанію душевныхъ качествъ кроткаго Владимира. Первое изъ нихъ, объ отступленіи Латинъ

ніа Луки Жидаты считалось въ то время образцомъ для подобныхъ работъ и лучшимъ изъ всѣхъ филологическихъ трудовъ Тимковскаго. См. свидѣтельство о томъ А. М. Кубарева въ «*Биографическомъ Словарѣ*» проф. Москов. Университета; ч. II, стр. 497.

отъ православной церкви, помѣстится въ семь изданій; а второе, писанное предъ днемъ св. Пасхи въ видѣ поученія, здѣсь теперь предлагается. Сочинитель, выбравъ матерію о постѣ приличную времени, въ которое писано Посланіе, съ великимъ благоразуміемъ рассуждаетъ о важности его; но находя неприличнымъ бесѣдовать о томъ съ такимъ Княземъ, *его же благочестіе воспитана и постъ вадом*, переходитъ къ началу добра и зла въ человѣкѣ, гдѣ разсматривая душу какъ существо безплотное и господствующее, дѣйствующее всѣми побужденіями человѣческими, обращаетъ вниманіе Князя къ пяти чувствамъ, посредствомъ коихъ душа принимаетъ впечатлѣнія. Кроткій и истинный пастырь, каковымъ въ сочиненіи семь представляется Никифоръ, находя по четыремъ непереткновеннымъ Владиміра, останавливается при пятомъ, и съ особенною попечительностію совѣтуетъ ему удаляться клеветныхъ ковъ, не внимать ихъ наущеніямъ и съ осторожностію довѣрять слуху» (стр. 59—60). Предисловіе къ посланію митрополита Іоанна къ черноризцу Іакову любопытно по стремленію редактора опредѣлить, которому изъ четырехъ Кіевскихъ митрополитовъ, носившихъ имя Іоанна въ теченіе XI и XII столѣтій, можно приписать означенное посланіе, и хотя редакторъ склонялся въ пользу Іоанна втораго (1080—1089), но все-таки отвелъ Посланію мѣсто въ концѣ XII вѣка. По поводу изданія самаго текста слѣдуетъ замѣтить, что одно мѣсто изъ него исключено изданіемъ «по нескромности своего содержанія» (стр. 99).

Остается прибавить, что самымъ важнымъ дѣйствіемъ Общества въ торжественномъ его засѣданіи 13 марта 1812 года было объявленіе двухъ задачъ съ наградой за ихъ разрѣшеніе золотыми медалями. Одна задача была предложена самимъ Обществомъ и состояла въ слѣдующемъ: *«При нѣкоторыхъ рукописныхъ и даже печатныхъ мѣтонисяхъ приложены показанія о городахъ Русскихъ, каковыя напримѣръ географическій отрывокъ, напечатанный А. Шлецеромъ при его Несторѣ (См. Несторъ, Russische Annalen, III Theil, s. 355 и 356). Весьма полезно было бы изяснить: 1) гдѣ именно находится или находилась каждый изъ городовъ, наименованныхъ въ самъ и другихъ подобныхъ ему древнихъ географическихъ показаніяхъ; 2) когда построенъ или, по крайней мѣрѣ, когда становится известнымъ въ исторіи; 3) по какимъ происшествіямъ или оставшимся древнимъ памятникамъ достоинъ примѣчанія»*. Вторая задача предложена была съ одобренія Общества отъ имени члена его барона Б. И. Фитингофа и ставила такой вопросъ: *«Языкъ, на которомъ*

писанъ принятый Русскими переводъ Библіи, тѣтописи ихъ и церковныя отцы ими переведенныя, и который они называютъ Словенскимъ, въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный Словенскій коренной языкъ, произведшій столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ только произведенный, подобно прочимъ? Когда же сіе найдено будетъ по достаточному изслѣдованію, то спрашивается, существуетъ ли еще подлинный Словенскій коренной языкъ, и гдѣ существуетъ оный». За разрѣшеніе первой задачи назначена была медаль въ 30 червонцевъ, изъ коихъ 20 выдавались изъ суммъ Общества, а 10 давалъ предсѣдатель его; за разрѣшеніе второй задачи баронъ Фитингофъ назначилъ отъ себя медаль въ 50 червонцевъ. Въ разрѣшеніи первой задачи могли принимать участіе не только постороннія лица, но и соревнователи его; о второй задачѣ было сказано, что она будетъ разослана на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ во всѣ Университеты и ученые Общества. Относительно отвѣтовъ на первую задачу было выражено желаніе, чтобы они были писаны на русскомъ языкѣ, хотя не устранились и отвѣты на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; никакого требованія въ томъ же родѣ относительно отвѣтовъ на вторую задачу не было высказано, хотя самое опубликованіе ея на трехъ языкахъ указывало, что отвѣты будутъ приниматься и не на одномъ русскомъ языкѣ. Срокомъ доставленія отвѣтовъ на первую задачу назначенъ былъ январь 1813 года, а рѣшеніе второй Общество ожидало въ 1814 году.

Наконецъ въ томъ же годичномъ засѣданіи заявлено было П. И. Кутузовымъ письмо Калужскаго первостатейнаго купца, коммерціи, совѣтника Я. И. Билибина, въ коемъ онъ «изъ усердія къ общей пользѣ предлагалъ сдѣлать отъ Общества нѣкоторыя путешествія, нужныя по многимъ обстоятельствамъ, на что опредѣлялъ отъ себя сумму 10,000 въ рубляхъ состоящую», которую онъ обѣщалъ доставить въ іюнѣ того же года. Общество приняло такое извѣщеніе съ истиннымъ удовольствіемъ и постановило удовлетворить патриотическому желанію Билибина. Въ засѣданіи 20 мая Билибинъ прислалъ въ счетъ пожертвованной имъ суммы 3,000 руб., предназначая ихъ «на пріобрѣтеніе рѣдкихъ древнихъ рукописей Обществу нужныхъ». Въ отвѣтъ на это и послѣдовало избраніе Билибина въ соревнователи съ занесеніемъ его имени на золотую доску. Такое крупное пожертвованіе давало возможность Обществу, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, не только ускорить изданіе: Несторовой гѣгописи по Лаврентьевскому списку,

Актовъ, какъ тогда думали назвать «Записки и Труды», заключающихъ въ себѣ протоколы засѣданій и ученые статьи въ оныхъ читанныя, и журнала подъ названіемъ «Русскія Достопамятности», но я предпринять какое-либо археологическое или археографическое путешествіе, для чего Общество обладало такими способными людьми, какъ Р. Ѳ. Тимковскій, М. Т. Каченовскій и К. Ѳ. Калайдовичъ. Но тогдашнія обстоятельства не могли благоприятствовать тому. Въ послѣднемъ предъ вакаціей засѣданіи, происходившемъ 1 іюня, Общество постановило отложить свои засѣданія до сентября, но въ сентябрѣ Москва была уже въ рукахъ Наполеона. Въмѣсто того, чтобы думать объ ученыхъ экспедиціяхъ, члены Общества должны были позаботиться о спасеніи ученыхъ сокровищъ Университета и своихъ собственныхъ библиотекъ, или о поступленіи въ военную службу. Изъ членовъ Общества, принимавшихъ наиболѣе дѣятельное и непосредственное участіе въ его издательской дѣятельности, Тимковскій уѣзжалъ на время Московскихъ бѣдствій въ Полтавскую губернію, а Калайдовичъ еще въ іюлѣ 1811 года записался подпоручикомъ въ Московское ополченіе, изъявивъ желаніе «служить до окончанія священной брани внутри имперіи». Самый капиталъ, пожертвованный Билибинымъ, подвергся отчасти вліянію тогдашнихъ событій. Еще 13 августа 1812 года П. И. Кутузовъ взялъ у казначея Общества П. М. Дружинина 1000 рублей «для приращенія процентовъ», причемъ, отвѣчая за цѣлость суммы, обязывался возвратить ее при первомъ требованіи Общества; а когда Билибинъ представилъ уже ему самому и остальные деньги, что было въ началѣ 1813 года, когда не только всѣ члены Общества были въ отсутствіи, но и университетъ еще не былъ открытъ, ни предсѣдателя, ни казначея Общества въ Москвѣ не находилось, да и не предвидѣлось надежды къ скорому открытію засѣданій и трудовъ Общества: то, дабы оный доставленный капиталъ не оставался безъ пользы и приращенія», П. И. Кутузовъ «разсудилъ за благо отдать оный изъ процентовъ на заемныя письма, какъ же скоро получить отъ предсѣдателя Общества увѣдомленіе, что она сумма для Общества нужна, то немедленно соберетъ какъ капиталъ, такъ и самые проценты и, по мѣрѣ поступления оныхъ, будетъ предсѣдателю Общества доставлять съ расчетомъ о сдѣлавшихся приращеніяхъ»¹⁴¹

¹⁴¹ См. Приложеній къ этой главѣ № XVIII и «Записки и Труды» Общества, ч. II, стр. 5.

Однакожь Кутузовъ не могъ уплатить образовавшійся на немъ такимъ образомъ долгъ Обществу, которое въ послѣдствіи и вело процессъ съ его наслѣдниками, окончившійся уже въ шестидесятихъ годахъ. Судьбѣ угодно было, чтобы имя Кутузова, преобразовавшаго Историческое Общество и всячески усердствовавшаго для расширенія его дѣятельности, упоминалось потомъ въ протоколахъ Общества въ теченіе 50 лѣтъ, какъ должника онаго.

Да и вообще положеніе Кутузова въ 1812 году не было изъ числа пріятныхъ. Указомъ 24 мая главнокомандующимъ Москвы вмѣсто гр. Гудовича, благоволившаго къ Кутузову, назначенъ былъ графъ А. Ѳ. Ростопчинъ, находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ къ Карамзину и враждебно смотрѣвшій на прошедшую дѣятельность Кутузова. Можно сказать, что Ростопчинъ, и опасавшійся, и ненавидѣвшій масоновъ, всячески преслѣдовавшій ихъ, относился къ Кутузову съ нѣкотораго рода презрѣніемъ¹⁴². Онъ запретилъ ему собирать у себя общество по опредѣленнымъ днямъ, и тотъ повиновался. Въ своемъ письмѣ къ Александру I отъ 3 августа 1812 года Ростопчинъ такъ аттестовалъ Кутузова: «Кутузовъ, который отравляетъ умы, былъ во времена императора Павла чиновникомъ тайной полиціи». Въ «Запискахъ» своихъ онъ выразился еще сильнѣе: «Кутузовъ, племянникъ фельдмаршала, самый пошлый человекъ, стихотворецъ, пьяница, обремененный долгами, донощикъ по вкусу къ шпіонству и крикунъ въ своей сектѣ»¹⁴³. Въ концѣ августа, когда Наполеонъ приближался уже къ Москвѣ, Кутузовъ вмѣстѣ съ Руничемъ и Лопухинымъ предложили Московскимъ департаментамъ Сената послать депутацію въ главную квартиру, чтобы узнать отъ главнокомандующаго, не въ опасности ли находится Москва, и пригласить Ростопчина въ Сенатъ, чтобы онъ сообщилъ свѣдѣнія о способахъ защиты и о мѣрахъ, какии намѣревались предпринять въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Ростопчинъ со своей стороны взглянулъ такъ на эту затѣю: «Вся эта продѣлка была дѣломъ самолюбія, и Сенатъ хотѣлъ присвоить себѣ право верховной власти. Я узналъ о ихъ предположеніяхъ въ тотъ же самый день и что эти сенаторы - мартинисты хотять убѣдить своихъ товарищей не оставлять города, представляя этотъ

¹⁴² См. М. А. Дмитріева, *Мелочи изъ записанной памяти*, стр. 239.

¹⁴³ См. А. Н. Попова, *Москва въ 1812 году*, въ «Русскомъ Архивѣ» за 1875 годъ, кн. II, стр. 272, 382, 383, 386; кн. III стр. 145, 184.

поступокъ, какъ долгъ самопожертвованія съ ихъ стороны, изъ любви къ Отечеству, по примѣру Римскихъ сенаторовъ, когда Галлы входили въ Римъ; но ихъ намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы, оставаясь въ Москвѣ, играть роль при Наполеонѣ, который бы и воспользовался ими. Къ несчастію Сенатъ, который собственно не болѣе какъ высшій судъ, по своей давности и по названію *правительствующій*, пользуется значеніемъ въ народѣ, несмотря на то, что его составъ, по причинѣ многочисленности и по выбору лицъ, далеко не таковъ, какъ бывалъ прежде. Большею частію онъ состоитъ изъ плохихъ генераловъ и такихъ лицъ, которыхъ не знаютъ куда дѣвать, и кресло сенатора есть нѣчто среднее между дѣйствительною службою и полною отставкою. Я весьма заботился, чтобы ни одного сенатора не оставалось въ Москвѣ и чтобы тѣмъ лишить Наполеона средства дѣйствовать на губерніи посредствомъ предписаній или воззваній, выходившихъ изъ Сената. Я рѣшился на поступокъ, который въ послѣдствіи считался деспотическимъ. 30 августа, когда сенаторы, честные люди и мартинисты, разсуждали, какъ отнестись со своими требованіями ко мнѣ и отправить свою депутацію въ главную квартиру и не приходила ни къ какимъ заключеніямъ, одинъ изъ моихъ адъютантовъ привезъ имъ мое посланіе, въ которомъ именемъ Государя я назначилъ имъ закрыть засѣданіе, выбрать одинъ изъ городовъ имперіи, куда они пожелаютъ отправиться, и выѣхать немедленно. Надо было повиноваться и выбирать между повинованіемъ и возмущеніемъ. Большая часть сенаторовъ были довольны моимъ сообщеніемъ, потому что оно рѣшало имъ выѣхать и такимъ образомъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Такъ какъ въ моихъ трехъ мартинистахъ не было ничего Римскаго, то и они повиновались и на другой день уже были за Московскою заставой¹⁴⁴. Насколько подозрѣнія Ростопчина не были преувеличены, рѣшить трудно; но что П. И. Кутузовъ требовалъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія, предъ приближеніемъ Наполеона къ Москвѣ, неограниченной власти для себя относительно университета, это доказывается письмомъ его къ Разумовскому отъ 19 августа того года. Жалуясь на распоряженія ректора И. А. Гейма и безсмѣннаго засѣдателя въ Университетскомъ Правленіи Х. А. Чеботарева, онъ прибавилъ: «за нужное почитаю, при

¹⁴⁴ «Русскій Архивъ» 1875, кн. III, стр. 184.

таковыхъ обстоятельствахъ, всепокорнѣйше в. с. просить, для удержанія порядка и подчиненности, снабдить меня, въ самоскорѣйшемъ времени, рѣшительными и строжайшими предписаніями, какими бы у меня развязаны были руки дѣйствовать такъ, чтобы мнѣ не смѣли дѣлать возраженій и дерзкихъ представленій, что безъ предъявленія вашихъ предписаній ничего исполнять не будутъ. О смѣнѣ же какъ г. ректора, такъ и непремѣннаго засѣдателя, всеубѣдительнѣйше в. с. прошу дать мнѣ ваше предписаніе, къ коему присовокупить такое, которое бы *уполномочивало* меня каждаго изъ моихъ подчиненныхъ отрѣшить немедленно, безъ представленія вамъ при нужномъ случаѣ». Изъ того же письма видно, что Кутузовъ дѣйствительно намѣревался оставаться въ Москвѣ: «я и отъ отпуска отказался, писалъ онъ, и остаюсь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мое присутствіе нужно; я не испуганъ, не потерялъ головы и съ твердостью и хладнокровіемъ дѣйствую»¹⁴⁵. Тѣмъ не менѣе распоряженіе Ростопчина заставило его прорѣшиться Москву на Ярославль.

¹⁴⁵ А. А. Васильчикова, *Семейство Разумовскихъ*, ч. II, стр. 383—384. Срв. *Воспоминанія И. М. Стрелова* въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 годъ, стр. 541. Слѣдуетъ упомянуть, что въ 1811 году, въ эпоху наибольшихъ хлопотъ П. И. Кутузова объ Историческомъ Обществѣ, издана была на счетъ П. П. Бекетова небольшая книжкѣ. «*Poesies d'un Russe. Moscou, typogr. S. Seliwanovsky* (2 номер. и 47 стр. in—8)». Здѣсь по 32 стр. помѣщены были собственные французскія стихотворенія Кутузова, а съ 33 стр. подъ заглавіемъ: «Traductions et imitations», переводы изъ Державина, Нелединскаго-Мелецкаго и др. См. *Я. Е. Грота, Сочиненія Державина*, т. IX, стр. 520.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ П ГЛАВЪ.

I. Письмо попечителя Московскаго Университета П. И. Голенищева-Кутузова къ Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому.

Сіятедьнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго мнѣ въ отношеніи вашего сіятельства отъ 8 декабря подъ № 1791, объ учрежденіи вмѣсто бывшаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ другаго, о избраніи членовъ дѣятельнѣйшихъ и о начертаніи правилъ для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ, имѣю честь донести вашему сіятельству: 1) что Общество учреждено, составлено, образовано и предѣдателемъ онаго единодушно избранъ отставной майоръ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, коего обширныя свѣдѣнія въ Россійской Исторіи и Древностяхъ, посвященіе цѣлой его жизни изслѣдованію оныхъ и безпредѣльное усердіе ко благу отечества, дѣлая его сего званія достойнымъ, удостовѣряютъ, что Общество подъ его руководствомъ достигнетъ предпоставленной ему важной цѣли; списокъ членовъ имѣю честь при семъ вашему сіятельству представить подъ литерою А; 2) что сего декабря 22 дня въ 6 часовъ пополудни, было первое новообразованнаго Общества засѣданіе, въ коемъ разсуждаемо было о порядкѣ его упражненій, почему и обязаннѣйшѣ себя почитаю протоколъ сего засѣданія представить вашему сіятельству на благоусмотрѣніе, подъ литерою В *; 3) правила или уставъ, начертанный мною и всѣми членами. въ семъ же засѣданіи

* См. слѣдующій за сими № II.

одобренный, имѣю честь вашему сіятельству здѣсь же поднести подъ литерою С на ваше утверждение; 4) двѣ рѣчи, говоренныя мною въ семь первомъ засѣданіи, здѣсь же прилагаю подъ литерами Д и Е* и, наконецъ 5) предсѣдателя Общества, единогласно избраннаго, оставшаго майора Платона Петровича Бекетова, имѣю честь вашему сіятельству представить на утверждение, и буде заблагоразсудите въ сходственность изложеннаго устава, то соблаговолите о утверженіи его, Бекетова, въ званіи предсѣдателя представить Государю Императору.

Такимъ образомъ получа 13 числа сего декабря почтеннѣйшее вашего сіятельства предписаніе и 22 открывъ засѣданіе съ изложеннымъ уже уставомъ, имѣлъ я неоцѣненное счастье въ точности по предписанію вашему немедленно, т.-е. въ девять дней отъ получения указа, исполнить волю Государя Императора; Общество составлено, образовано и уставъ его представленъ. Но несравненно я счастливѣе буду, ежели сіи труды мои, будучи вашимъ сіятельствомъ одобрены, подъ сѣнію вашего начальническаго предстательства, удостоены будутъ Монаршаго воззрѣнія, Общество Всемилостивѣйшаго покровительства, а уставъ Высочайшаго утвержденія.

Предаю труды мои, себя самого и ревностныхъ членовъ учрежденнаго мною Общества высокому вашему благоволенію и сильному покровительству, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Милостивый государь

вашего сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою

Павель Голенищевъ-Кутузовъ.

Москва

Декабря 26 дня 1810 г.

№ 590.

II. Дневная записка засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1810 года декабря 22 дня.

I. Во исполненіе Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, объявленной г. министромъ народнаго просвѣщенія въ его отношеніи отъ 8 декабря къ г. попечителю Московскаго Университета,

* См. №№ III и IV.

тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, его превосходительство, начертавши правила, которыми должны руководимы быть члены вновь учреждаемаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сего декабря 22 дня въ 6 часовъ пополудни, пригласилъ къ себѣ въ домъ господъ:

- 1) Отставнаго майора и почетнаго члена Московскаго Университета Платона Петровича Бекетова.
- 2) Отставнаго тайнаго совѣтника и кавалера Бориса Ивановича барона фонъ-Фитингофа.
- 3) Статскаго совѣтника, профессора и кавалера, Прохора Игнатьевича Суворова.
- 4) Профессора и секретаря совѣта Ивана Алексѣевича Двигубскаго.
- 5) Отставнаго майора Сергѣя Николаевича Глинку.
- 6) Правительствующаго Сената 6-го департамента экзакутора Алексѣя Алексѣевича Перовскаго.
- 7) Надворнаго совѣтника и кавалера Петра Михайловича Дружинина.
- 8) Профессора Романа Ѳedorовича Тимковскаго.
- 9) Профессора Василя Михайловича Котельницкаго.
- 10) Коллежскаго ассессора Сергѣя Павловича фонъ-Визина.
- 11) Переводчика Иностранной Коллегіи Якова Іевлевича Бордовскаго.

II. Когда всѣ собрались, его превосходительство открылъ заступаніе краткою рѣчью подъ № 1, въ которой сперва живо изобразилъ причины, по коимъ иногда ученые общества не приносятъ той пользы, какой ожидаетъ отъ нихъ отечество, въ какомъ положеніи находилось въ теченіе шести лѣтъ и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, потомъ предложилъ, что Его Императорскому Величеству угодно было, упомянутое Общество по причинѣ его малыхъ успѣховъ приказать закрыть, но, дабы не заградить путей благу и пользѣ, возникнуть могущихъ изъ изслѣдованія нашей отечественной исторіи, учредить другое дѣятельнѣйшее, для котораго правила начертать Высочайше возложено на него, г. попечителя, которыя онъ изложивши предлагаетъ на разсужденіе приглашеннымъ членамъ, желая, чтобы они, одушевляясь пламеннымъ усердіемъ къ благу отечества и безпредѣльнымъ желаніемъ исполнить волю Государя, единодушно стремились споспѣшествовать пользамъ новозаводимаго Общества.

III. Потомъ прочитаны всѣ предложенія его превосходительства, Совѣту Университета касательно бывшаго Историческаго Общества данныя, а равно и донесеніе предсѣдателя означеннаго Общества и наконецъ отношеніе его сіятельства г. Министра народнаго просвѣщенія, чтобы Общество во исполненіе Высочайшей воли было закрыто и учреждено другое дѣятельнѣйшее.

IV. Читанъ уставъ новаго Общества, разсмотрѣнъ, одобренъ всѣми единогласно и подписанъ, который и положено чрезъ г. попечителя представить его сіятельству г. Министру народнаго просвѣщенія на благоразсмотрѣніе и просить его сіятельство о походатайствованіи Высочайшаго сему уставу утвержденія.

V. По прочтеніи устава, его превосходительство изложилъ въ краткой рѣчи (№ 2) причины, по которымъ онъ не можетъ принять на себя званіе предсѣдателя въ семъ Обществѣ, какъ о томъ всѣ члены его просили, но предложилъ избрать Платона Петровича Бекетова, извѣстнаго по его обширнымъ въ Исторіи Россійской свѣдѣніямъ, его неутомимой въ предпріятіяхъ дѣятельности и его ревности къ общему благу, каковое предложеніе единогласно всѣми членами принято. Потомъ избраны единогласно же: въ секретари орд. проф. Двигубскій, а въ казначей надворный совѣтникъ и кавалеръ Дружининъ.

VI. Члены, одушевляемые единымъ чувствіемъ быть полезными отечеству и споспѣшествовать по силамъ великимъ намѣреніямъ Августѣйшаго Монарха, изъявили съ великою радостію своею готовность вступить въ новое поприще и приступить къ трудамъ, новымъ званіемъ на нихъ влагаемымъ, почему и объявили, чѣмъ каждый изъ нихъ намѣренъ заняться:

1) Павелъ Ивановичъ Голяницевъ-Кутузовъ изслѣдованіемъ древней россійской поэзіи.

2) Платонъ Петровичъ Бекетовъ редакцію лѣтописей.

2) Борисъ Ивановичъ баронъ фонъ-Фитингофъ изслѣдованіемъ древнихъ русскихъ монетъ и медалей.

4) Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій изслѣдованіемъ состоянія заводовъ, фабрикъ и ремеслъ въ Россіи до Петра Великаго.

5) Василій Михайловичъ Котельницкій изслѣдованіемъ медицинъ съ начала Россіи до Петра Великаго—объ сіи столь важныя статьи, не только никогда не обработанныя, ниже въ ясность приведенныя, но даже никогда и никѣмъ и не упомянутыя, не могли быть не при-

няты Обществомъ съ отличительнымъ удовольствіемъ, яко существенно къ его упражненіямъ и цѣли принадлежащія.

6) Сергій Николаевичъ Глинка редакціею журнала, который на-мѣрено Общество издавать, и для коего онъ имѣетъ матеріаловъ листовъ на двѣнадцать печатныхъ и которыми къ сугубому удовольствію Общества жертвуетъ Обществу.

7) Романъ Федоровичъ Тимковскій сличеніемъ Несторовой лѣтописи Пушкинской, которой и представилъ одиннадцать листовъ, сличенныхъ имъ и выправленныхъ въ шесть дней, что Общество приняло тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что членамъ Общества извѣстно, съ какою медленностью происходило сличеніе въ бывшемъ Обществѣ.

8) Яковъ Іевлевичъ Бардовскій развѣдываніемъ древнихъ манускриптовъ по монастырямъ въ Москвѣ и, какъ онъ знаетъ польскій языкъ, сводомъ польскихъ рукописей съ русскими.

VII. Когда уставъ Общества удостоится Высочайшаго утвержденія, то опредѣлено: Обществу, состоящему только изъ образователей, сдѣлать особое засѣданіе, въ которомъ каждый изъ членовъ имѣетъ право предложить въ члены до трехъ особъ, и, когда предложенные члены посредствомъ баллотированія будутъ избраны, тогда назначится торжественное собраніе всѣхъ членовъ, или открытіе Общества, послѣ чего какъ о преобразованіи Общества, такъ и объ открытіи онаго на новомъ основаніи, объявлено будетъ въ вѣдомостяхъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Секретарь Общества Иванъ Двигубскій.

III. Первая рѣчь попечителя Московскаго Университета П. И. Кутузова въ засѣданіи 22 декабря 1810 года.

Милостивые Государя!

Безчисленными опытами доказано, что всѣ ученыя Общества съ благонамѣренными видами и къ полезнѣйшей цѣли учрежденныя, ежели не достигали оной, то сіе происходило или отъ того, что не положено было для оныхъ Обществъ твердыхъ правилъ и плана къ произведенію удобнаго, или буде хотя оныя и существовали, то недостигли желаемаго успѣха отъ того, что члены не были исполнены единодушія, не оживлены пламеннымъ усердіемъ къ общему благу и не направлены неутомимымъ стремленіемъ къ достиженію предположенной имъ цѣли. А отъ того и произошло, что сіи Общества, не будучи сими пружинами руководимы, возникли на малое время, воз-

гремѣли нѣсколько мѣсяцевъ однимъ именемъ, или нѣсколькими малыми листочками, собирались раза два или три при ихъ началѣ, а потомъ жаръ ихъ охладѣлъ, цѣпь, связывавшая ихъ сначала, расторглась, и оныя Общества, яко мгновенные метеоры, исчезли, не токмо не принесли пользы, каковой отечество отъ нихъ ожидало, но даже не оставя и слѣдовъ ихъ бытія. Благотворное правительство, въ чаяніи, что отъ самого образованія сихъ Обществъ оныя пойдутъ отъ силы въ силу, будутъ процвѣтать, укрѣпляться, возвышаться и день ото дня приносить отечеству плоды зрѣлые и совершенные, не отказывало имъ въ своемъ покровительствѣ, но по времени вида, что сіи Общества, едва возникшія и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ никакой или весьма мало пользы принесли, существуютъ однимъ только именемъ, находилось въ печальной необходимости прекращать заведенія сихъ Обществъ и изобрѣтать средства къ образованію новыхъ дѣятельнѣйшихъ, полезнѣйшихъ и могущихъ соотвѣтствовать благимъ намѣреніямъ премудраго Государя, объемлющаго въ неизмѣримомъ пространствѣ его владѣній всѣ отрасли просвѣщенія, благу отечества споспѣшествующія.

Такъ точно случилось съ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Прозорливый Государь, по представленію неутомимаго его министра, усмотрѣвъ, что сіе Общество въ теченіе шести лѣтъ весьма малые произвело плоды, разсудилъ за благо оное уничтожить, но, дабы не заградить путей благу и пользѣ, возникнуть могущимъ изъ изслѣдованія нашей отечественной Исторіи и Древностей, Его Императорскому Величеству благоугодно было, чтобы Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вновь составилось и, воспріявъ съ новымъ образованіемъ новое бытіе, подобно фениксу изъ пепла своего возродилось. Буди благословенна неутомима отеческая попечительность Монарха благотворнаго, о благѣ подданныхъ непрестанно помышляющаго.

Его Императорскому Величеству благоугодно было возложить на меня какъ составленіе новаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, такъ и начертаніе правилъ для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ онаго. Таковой подвигъ неизреченно великъ по слабости силъ моихъ и по недостаточеству моихъ дарованій! Единая столь лестная Его Величества ко мнѣ довѣренность меня ободряетъ, подкрѣпляетъ и даетъ мнѣ надежду, что усердіе ко благу общему, пламенное желаніе исполнить волю моего Монарха и благотворителя замѣняютъ мои недостатки. Таковыми чувствованіями одушевляемъ, приглашаю я васъ,

мм. гг., къ составленію сего Общества. Примите приглашеніе сіе за непереложный знакъ моей къ вамъ довѣренности, уваженія къ вашимъ достоинствамъ и способностямъ, увѣряющимъ меня, что вы не откажете мнѣ въ помощи вашей, необходимо нужной къ произведенію въ дѣйство препорученнаго мнѣ плана. Начертаніе моихъ мыслей я вамъ при семъ предлагаю. Ваша опытность и совѣты да усовершенствуютъ и дополняютъ все то, что для достиженія нашей цѣли нужно.

Паче же всего, мм. гг., потщитесь одушевиться пламеннымъ усердіемъ ко благу отечества, безпредѣльнымъ желаніемъ исполнить волю нашего Государя, освятить нашъ кругъ согласіемъ, дружбою и любовію, безъ коихъ таковое Общество прочно и твердо быть не можетъ. И тогда конечно добрыя намѣренія наши увѣнчаются, сіе Общество, яко младенецъ изъ пеленъ возникающій, можетъ-быть огромнымъ колоссомъ, къ славѣ и пользѣ отечества главу свою возвышающимъ; мы сподобимся животворнаго одобренія и милости нашего Государя и благодѣтеля; само Провидѣніе не лишитъ насъ Всемогущей его помощи; и какъ мысли наши, такъ и подвиги перейдутъ въ потомство. Озаряемся благотворнымъ блескомъ безсмертнаго и во всѣхъ вѣкахъ жить долженствующаго Россамъ и всему міру любезнаго и священнаго имени Александра I-го, яко отца и покровителя истиннаго просвѣщенія.

IV. Вторая рѣчь попечителя Московскаго Университета П. И. Кутузова въ засѣданіи 22 декабря 1810 года.

Милостивые Государи!

Пригласивъ васъ составить Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, имѣя отъ Всемилостивѣйшаго нашего Государя лестное для меня препорученіе, сіе Общество вновь учредить, образовать и предначертать ему правила, имѣлъ бы я конечно нѣкоторое право, Высочайшею довѣренностію мнѣ даруемое, быть сего Общества предсѣдателемъ, чего бы надѣюсь и вы сами мнѣ не отказали, не по дарованіямъ моимъ и способностямъ, кои весьма ограничены, но по усердію моему къ благу и пользѣ отечества, заставившимъ меня напрягать всѣ мои силы къ приведенію въ дѣятельность всѣхъ ученыхъ Обществъ, при ввѣренномъ мнѣ Университетѣ состоящихъ. Лестно конечно, быть предсѣдателемъ Общества, къ столь полезной цѣли направленнаго и изъ благонамѣренныхъ сыновъ отечества состоящаго. Но дабы никакой завиствующій языкъ не могъ всѣхъ моихъ

по сему дѣлу шаговъ толковать такъ, что будто бы я единственно для приобрѣтенія предсѣдательства о преобразованіи сего Общества заботился, дабы всѣ ясно видѣли, что всѣ желанія мои, всѣ мысли, всѣ дѣйствія не имѣютъ цѣлю ложнаго честолюбія, любоначалія и первенствованія, но что оныя направляемы единою любовію къ отечеству, любовію къ наукамъ, ревнованіемъ о пользѣ общей, торжественно отрекаюсь отъ предсѣдательства, которое и принять я на себя не могу, какъ по вышесказаннымъ причинамъ, такъ и потому, что двоякое мое служеніе, какъ во храмѣ Фемиды, такъ и во святилищѣ музъ, толикія налагаетъ на меня обязанности, толикою предписуетъ мнѣ дѣятельность, что не въ силахъ я буду во всей точности исполнить должность предсѣдателя Общества, столь обширныя занятія предметомъ имѣющаго и долженствующаго своимъ трудолюбіемъ отвѣтствовать ожиданіямъ отечества и Государя! Вотъ, мм. гг., причины, по коимъ я отъ предсѣдательства уклоняюсь! Да заградятся уста готовыхъ разглашать, что я сего ждалъ! Но не оправдалъ бы я въ полной мѣрѣ довѣренности Монаршей, нѣ исполнилъ бы обязанности противу Общества, коему я долженъ такъ-сказать новое дать бытіе, еслибъ не заботился о томъ, чтобы сіе вновь созидаемое тѣло имѣло главу, могущую достойно имъ управлять и руководствовать ему къ достиженію успѣшными шагами совершенія его намѣреній, а потому обязаннымъ себя почитаю предложить вамъ, мм. гг., въ предсѣдателя Платона Петровича Бекетова; любовь къ отечеству, ревнованіе къ общему благу, неутомимая дѣятельность его въ предпріятіяхъ суть отличительныя его свойства; обширныя познанія Россійской литературы, Исторіи и Древностей его украшаютъ; изслѣдованія ихъ и собраніе къ онымъ матеріаловъ суть его любимыя упражненія. Да умолчу о другихъ его любезныхъ и почтенныхъ качествахъ, являющихъ въ немъ чловѣка и гражданина! ибо сіе можетъ-быть причтено пристрастіемъ связующей меня съ нимъ дружбы! но я сказалъ то только, въ чемъ каждый благомыслящій отдастъ ему справедливость.

Вотъ, мм. гг., мой образъ мыслей, изъявленный со свойственною мнѣ откровенностью! онъ меня удостовѣряетъ, что, подъ руководствомъ такого предсѣдателя, Общество должно процвѣтать, укрѣпляться съ пользою и честію возлюбленнаго мнѣ Университета и всего отечества. Вашему прозорливому благоразумію и свободной волѣ предаю одобреніе сего предложеннаго мною выбора.

У. Списокъ членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, нынѣ еще
Общества составляющихъ.

Предсѣдатель Платонъ Петровичъ Бекетовъ.

Ч л е н ы:

1. Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ.
2. Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій.
3. Николай Михайловичъ Карамзинъ:
4. Иванъ Андреевичъ Геймъ.
5. Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій.
6. Петръ Степановичъ Валуевъ.
7. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій.
8. Христіанъ Ф. Шлецеръ.
9. Филиппъ Христіанъ Рейнгардъ.
10. Юганнъ Феофилъ Буле.
11. Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ.
12. Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ.
13. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій.
14. Иванъ Петровичъ Бекетовъ.
15. Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ.
16. Борисъ Ивановичъ фонъ-Фитингофъ.
17. Прохоръ Игнатъевичъ Суворовъ.
18. Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій.
19. Сергѣй Николаевичъ Глинка.
20. Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.
21. Петръ Михайловичъ Дружининъ.
22. Николай Николаевичъ Сандуновъ.
23. Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій.
24. Василій Ммхайловичъ Котельницкій.
25. Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ.
26. Яковъ Іевлевичъ Бардовскій.

Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Марта 13 дня 1811 года.

**VI. Письмо Министра Народнаго Просвѣщенія къ почетному Московскаго
Университета.**

Милостивый государь мой

Павелъ Ивановичъ!

Сочиненный вашимъ превосходительствомъ уставъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ мною разсмотрѣнъ. Причины, побудившія меня сдѣлать въ немъ перемѣны или отмѣны, изложу только касательно важнѣйшихъ статей.

§ 1. Уничтоженъ мною, какъ предисловіе для устава не нужное.

§ 5. Дать Обществу право получать изъ всѣхъ архивовъ, какіе есть въ государствѣ, нужныя для него свѣдѣнія, также изъ монастырей и казенныхъ библиотекъ книги или рукописи, неудобно; а можно просить у начальниковъ ихъ на то позволенія посредствомъ министра, который въ необходимыхъ случаяхъ будетъ ходатайствовать о томъ и у Государя Императора.

§ 6. Чтобы никакая книга до Россійской Исторіи касающаяся, не могла быть напечатана безъ одобренія Общества: мѣра сія впервыхъ притѣснительна, ввторыхъ не полная. Притѣснительна потому, что за существованіемъ цензуры, не дозволяющей только противнаго вѣрѣ и правительству, явнаго соблазна и оскорбляющаго личность, сіе значило бы наложить новыя оковы на умы; издавать замѣчанія на таковыя сочиненія можно и должно поставить сему Обществу въ обязанность. Означенная мѣра есть не полная потому, что историческія сочиненія симъ параграфомъ опредѣляется отсылать на разсмотрѣніе Общества изъ общей округи цензуры, следовательно, не изъ всѣхъ училищныхъ округовъ, но хотя и изъ всѣхъ, то-есть еще цензуры при ученыхъ обществахъ, какъ-то Академіи Наукъ, Академіи Россійской, о которыхъ въ семъ параграфѣ ничего не сказано; даже самое Главное Правленіе училищъ издаетъ Россійскія Исторіи, не отдавая ихъ въ окружные цензурные комитеты на разсмотрѣніе.

§ 7. Уничтожается, какъ послѣдствіе § 6.

§ 8. Мною исключенъ потому, что и прежнее Общество не имѣло права именоваться Императорскимъ и многія другія Общества сего права также не имѣютъ, а потому въ § 9 вашего проекта слово «Императорскій» исключено; приобрѣсть названіе сіе можегь Общество со временемъ; когда усмотрѣны будутъ плоды онаго, тогда можно

будетъ исходатайствовать на то Высочайшее соизволеніе, такъ какъ сіе случилось съ Обществомъ Испытателей Природы.

Въ § 11 назначаете вы на содержаніе Общества 5000 р. ежегодно изъ училищныхъ суммъ, которыхъ за всѣми ихъ расходами, какъ вы полагаете, довольно бываетъ въ остаткѣ. Сего не можно сдѣлать потому, что остатки училищныхъ суммъ бываютъ не важны и скоро вовсе ихъ не будетъ по совершенномъ образованіи по штатамъ положенныхъ училищъ; сверхъ того лежатъ на сихъ остаткахъ стороннія важныя статьи. Выдачи 3000 р. испрашивать у Государя Императора на учрежденіе залы собранія, а особливо на портретъ Его Величества, неудобно. По симъ причинамъ § 11, равно и потому, что въ немъ заключаются разсужденія для устава излишнія, о временной мѣрѣ противу недостатка въ залѣ и о прочемъ, я исключилъ.

Пакеты, посылки и письма будутъ принимаемы въ почтамтахъ безъ платежа въсовыхъ денегъ потому, что посылаемы будутъ за печатью Общества съ государственнымъ гербомъ, а дать право корреспондентамъ Общества такое же, нахожу я не нужнымъ, ибо рѣдко случится имѣть имъ въ семъ пособіи надобность по малости издержекъ на переписку съ Обществомъ, сверхъ того предоставленіе такого права сему Обществу подастъ поводъ домогаться того же и другимъ Обществамъ; потому и § 12 мною исключенъ.

§ 13 исключается по той же причинѣ, что и другія существующія Общества пожелаютъ приобрѣсть такое же право. Дома профессоровъ и учителей и нанимаемые ими покои освобождены отъ постоя и прочихъ полицейскихъ повинностей для того, чтобы совершенно упокоить въ многотрудныхъ единообразныхъ занятіяхъ классъ людей, посвятившихъ жизнь на образованіе согражданъ, болшую часть при самомъ бѣдномъ состояніи; но Общество Исторіи состоитъ все почти изъ чиновниковъ гражданскихъ. Носить университетскій мундиръ членамъ Общества, кромѣ принадлежащихъ Университету, я также не нахожу надобности. Съ сей стороны Общество сіе должно равняться съ другими Обществами, которыя не пользуются симъ преимуществомъ.

§ 26 исключенъ, какъ содержащій въ себѣ происшествіе и съ уставомъ не совмѣстное. Впрочемъ въ газетахъ при объявленіи объ Обществѣ можно упомянуть и объ образователяхъ.

Отношенія Общества къ Университету, взаимныя ихъ по сему обязанности изложенныя въ §§ 72 и 73, сами собою уже разумѣются, такъ какъ Общество сіе учреждается въ нѣдрѣ Университета.

§ 74, какъ содержащій въ себѣ одновременную мѣру, также исключень.

Исправивъ такимъ образомъ уставъ, я подносилъ оный на усмотрѣніе Государя Императора и по Высочайшему одобренію его нынѣ препровождаю для приведенія въ дѣйствіе, утверждая вмѣстѣ какъ председателя, Обществомъ избраннаго, такъ и членовъ онаго и пребывая съ истиннымъ почтеніемъ

Вашего превосходительства

покорнымъ слугою

Гр. Алексѣй Разумовскій.

№ 567:

С.-Петербургъ

Февраля 22 дня 1811 г.

Его превосходительству П. И.

Голеннищеву-Кутузову.

VII. Дневная записка заведенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшаго 1811 года марта 8 дня въ присутствіи г. председателя Платона Петровича Беметова и гг. дѣйствительныхъ членовъ:

Павла Ивановича Голеннищева-Кутузова
 Прохора Игнатьевича Суворова
 Николая Николаевича Сандунова
 Ивана Алексѣевича Двигубскаго
 Алексѣя Алексѣевича Перовскаго
 Петра Михайловича Дружинина
 Романа Федоровича Тимковскаго
 Василія Михайловича Котельницкаго
 Якова Іевлевича Бардовскаго

I. Засѣданіе открыто чтеніемъ устава Общества, который удостоился Высочайшаго Его Императарскаго Величества одобренія и утвержденъ его сіятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія.

II. Потомъ члены разсуждали о назначеніи дня открытія Общества и опредѣлили: засѣданію для открытія Общества быть сего марта 13 число въ 6 часовъ пополудни, въ Университетѣ, какъ мѣстѣ, въ вѣдрахъ котораго оно учреждено, гдѣ и прежде были собранія онаго; къ сему, засѣданію циркулярнымъ письмомъ пригласить гг. членовъ, составляющихъ прежнее Общество.

III. Въ силу устава опредѣлено: въ слѣдующемъ засѣданіи составить форму дипломовъ, какъ для дѣйствительныхъ членовъ, такъ и для благотворителей, соревнователей и корреспондентовъ, а также сдѣлать шнуrowыя книги для записыванія входящихъ денегъ, книгъ и вещей и книги расходныя.

IV. Въ силу § 16 устава, въ которомъ сказано: «каждый членъ безъ отягощенія себя по мѣрѣ своего имущества долженъ сдѣлать какое-либо пожертвованіе», господа члены сдѣлали слѣдующія пожертвованія:

1. Г. председатель Общества объявилъ, что онъ будетъ вносить ежегодно по 200 рублей.

2. Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ будетъ вносить ежегодно же по 100 р.

3. Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ на сей годъ 25 р.

4. Николай Николаевичъ Сандуновъ на сей годъ 50 р.

5. Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій на сей годъ 25 р.

6. Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій будетъ вносить ежегодно по 100 рублей.

7. Петръ Михайловичъ Дружининъ на сей годъ 25 р.

8. Романъ Федоровичъ Тимковскій на сей годъ 25 р.

Деньги сіи опредѣлено записать въ шнуrowую книгу и отдать для храненія казначею Общества.

V. Доставленные бывшимъ председателемъ Общества Харитоновъ Андреевичемъ Чеботаревымъ книги и бумаги опредѣлено отдать по реестру для храненія, книги казначею, а бумаги секретарю Общества.

Председатель Общества Платонъ Бекетовъ.

Секретарь Общества Двигубскій.

VIII. Дневная записка засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшаго 1811 года марта 13 дня въ присутствіи г. председателя П. П. Бекетова и гг. членовъ:

Маляновскаго

Гейма

Валуева

Прокоповича-Антонскаго

Буле

Цвѣтаева

Голенищева-Кутузова.

Суворова.

Перовскаго.

Дружинина.

Сандунова.

Тимковскаго.

Мерлякова
Каченовскаго
Н. Бекетова

Котельницкаго.
фонъ-Визина.
Бардовскаго.

1. Засѣданіе открыто чтеніемъ отношенія его превосходительства г. попечителя Московскаго университета, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Павла Ивановича Голенищева-Кутузова къ председателю Общества Платону Петровичу Бекетову, при коемъ препровожденъ уставъ Общества, утвержденный его сїятельствомъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, и отношеніе г. министра къ г. попечителю, касательно устава.

2. Секретаремъ Общества прочитанъ уставъ, послѣ сего члены въ ознаменованіе своей благодарности къ Его Императорскому Величеству, въ благодѣтельное царствованіе котораго, достопамятное распространеніемъ и усовершенствованіемъ всѣхъ отраслей наукъ и художествъ, Общество получило бытіе свое и новое на прочномъ основаніи образованіе, единодушно опредѣлили: день сей 13 марта постановить навсегда днемъ годовыхъ его торжественныхъ собраній, въ которыхъ вкупѣ прославляема будетъ и знаменитая для наукъ эпоха: восшествіе на престолъ Его Императорскаго Величества.

3. Г. председатель провозгласилъ имена членовъ Общества, которые и заняли свои мѣста по старшинству вступленія и которымъ списокъ прилагается подъ буквою А. *

4. Потомъ произнесъ краткую рѣчь, въ которой показавши пользу историческихъ наукъ вообще и исчисливши сочиненія до Россійской Исторіи относящіяся, представилъ трудности и препятствія, сопряженныя съ изслѣдованіемъ древнихъ событій, и наконецъ. изложивши о цѣли Общества, приглашалъ членовъ вступить въ новое, трудное, но славное и общепользное поприще.

5. Разсуждаемо было о изданіи лѣтописи древнѣйшаго Россійскаго бытописателя Нестора, по списку Пушкинскимъ названному; причемъ г. председатель представилъ Обществу форматъ, буквы и образецъ бумаги для предназначаемаго изданія, что все Обществомъ одобрено и положено: производство печатанія поручить г. председателю и гг. членамъ Тимковскому и Каченовскому.

6. Гг. члены, по предложенію г. председателя и во исполненіе Устава, подписались сдѣлать слѣдующія пожертвованія въ пользу Общества:

* См. выше подъ № V.

Петръ Степановичъ Валуевъ обязался вносить по 100 р. ежегодно.

Иванъ Петровичъ Бекетовъ обязался вносить по 100 р. ежегодно.

Алексѣй Фодоровичъ Малиновскій 50 р. на сей годъ.

Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій 35 р. на сей годъ.

Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ 25 р. на сей годъ.

Г. проф. Буле 25 р. на сей годъ.

Алексѣй Фодоровичъ Мерзляковъ 25 р. на сей годъ.

Михайло Трофимовичъ Каченовскій 25 р. на сей годъ.

Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ 50 р. на сей годъ.

Василій Михайловичъ Котельницкій 25 р. на сей годъ.

Левъ Іевлевичъ Бардовскій 25 р. на сей годъ.

Сумма сія вмѣстѣ съ тою, которую вносить обязались члены: Голенищевъ-Кутузовъ, Бекетовъ, Суворовъ, Двигубскій, Дружининъ, Перовскій, Сандуновъ и Темковскій, составитъ 1035 рублей.

Копію и подписки опредѣлено дать казначею Общества для собиранія денегъ и внесенія въ шнуровую книгу прихода.

7. Г. предсѣдатель представилъ книгу денежной казны Общества и бумаги къ ней принадлежащія, полученныя имъ отъ бывшаго казначея Общества члена Прокоповича-Антонскаго и притомъ 250 р. денегъ, оставшихся за расходомъ, которыя и положено отдать г. казначею Общества Дружинину.

8. Г. предсѣдатель представилъ формы дипломовъ членамъ и благотворителямъ, которыя Обществомъ одобрены, и положено изготовить для нихъ потребныя доски съ приличными эмблемами.

9. Его высокоп-ство членъ Общества П. С. Валуевъ объявилъ, что онъ доставляетъ Обществу собраніе многихъ и любопытныхъ древнихъ рукописей; Общество, поблагодаря его, положило: для разбора сихъ рукописей, тотчасъ по полученіи ихъ, назначить нѣсколькихъ членовъ. Его же высокоп-ство объявилъ, что онъ принимаетъ на свой счетъ вырѣзать печать Общества, для чего Общество имѣетъ доставить ему рисунокъ печати.

10. Опредѣлено напечатать Уставъ Общества для раздачи гг. членамъ, причѣмъ предсѣдатель объявилъ, что онъ беретъ на свой счетъ напечатать 200 экз.

11. Опредѣлено: о происходившемъ въ семъ засѣданіи напечатать кратко въ Московскихъ Вѣдомостяхъ въ силу Устава.

Секретарь Общества Двигубскій.

Вѣрно: Магистръ Облеуховъ.

IX. Артикуль, который припечатанъ будетъ въ слѣдующихъ Вѣдомостяхъ.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, находящееся при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, чрезъ почтеннѣйшаго своего сочлена, его превосходительства, попечителя онаго Университета Павла Ивановича Кутузова-Голенищева имѣло счастье получить Уставъ свой, по высочайшему повелѣнію утвержденный его сіятельствомъ господиномъ Министромъ Просвѣщенія. Воспріявъ сей драгоцѣнный для себя опытъ внимательности благодѣтельнаго правительства, Общество торжествовало новое свое образованіе сего марта 13 дня особеннымъ засѣданіемъ, въ которомъ происходило слѣдующее:

1. Прочтено отношеніе къ г. президенту Общества П. П. Бекетову отъ его превосходительства г. попечителя, при которомъ онъ сообщаетъ ему Уставъ.

2. Секретарь Общества И. А. Двигубскій читалъ самый Уставъ, коимъ утверждены прочное основаніе Общества, постоянная цѣль и порядокъ трудовъ его.

3. Г. предсѣдатель провозгласилъ имена членовъ, которые заняли мѣста свои по старшинству вступленія.

4. Онъ же, г. предсѣдатель, произнесъ рѣчь, въ которой, показавъ важность наукъ историческихъ и вліяніе ихъ на просвѣщеніе и нравственность народовъ, исчислилъ всѣ извѣстные источники и пособия, которые имѣемъ мы по сіе время для сочиненія настоящей Россійской исторіи; потомъ говорилъ о трудностяхъ, которыя должны непременно встрѣтиться на семъ темномъ и сомнительномъ пути познаній человѣческихъ, и наконецъ заключилъ свое слово приглашеніемъ (22) членовъ къ дѣятельности постоянной и твердой, которая побѣждаетъ всѣ препятствія.

5. Составлены формы (образцы) дипломовъ, назначенныхъ какъ дѣйствительнымъ членамъ Общества, такъ и постороннимъ особамъ, пожелавшимъ принять въ трудахъ его благодѣтельное участіе.

6. По предложенію г. предсѣдателя положено издавать отъ Общества *Лѣтопись* древнѣйшаго Россійскаго бытописателя *Нестора* по списку такъ называемому *Пушкинскому*.

7. Дабы ознаменовать день сей вѣщимъ усердіемъ и готовностію содѣйствовать намѣреніямъ правительства, члены сдѣлали въ пользу Общества подписку. Сумма, такимъ образомъ собранная, простирается до 1035 рублей.

8. Ревностный и дѣятельный членъ Общества, столь знаменитый любовію къ древностямъ и славѣ отечественной, его высокоп-ство П. С. Валуевъ обѣщалъ въ непродолжительномъ времени доставить Обществу собраніе многихъ древнихъ рукописей. Члены, принимая съ должною признательностію сей новый опытъ усердія его высокоп-ства, положили, тотчасъ по полученіи рукописей, составить для разбора ихъ особенный Комитетъ. При томъ его высокоп-ство принялъ на свой счетъ вырѣзку печати Общества (и гравированіе дипломовъ по предложеннымъ образцамъ).

9. Общество положило напечатать Уставъ свой, что принялъ на себя г. предсѣдатель.

Наконецъ, члены назначили день сей, въ который получили они новый опытъ торжественныхъ своихъ собраній, дабы вмѣстѣ съ гласомъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, торжествующихъ всерадостное восшествіе на престолъ кроткаго и благодѣтельнаго своего Монарха, славилась и признательность наукъ за безчисленные его благодѣянія и мудрыя учрежденія, клонящіяся къ пользѣ и славѣ отечества.

Х. Письмо попечителя Московскаго университета къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Сіятельныйшій Графъ,

Милостивый государы!

Имѣю честь донести вашему сіятельству, что Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, новое бытіе воспріавшее отъ Устава, доставленнаго ему благодѣтельнымъ вашего сіятельства попеченіемъ, имѣло свое торжественное собраніе сего марта 13 днѣ. 2-е Всѣ прежніе члены, здѣсь въ Москвѣ находящіеся, были приглашены и, кромѣ трехъ господъ профессоровъ Страхова, Снѣгирева и Гаврилова, за разными причинами отказавшихся, всѣ обязались трудамъ Общества всѣми силами содѣйствовать 3-е Число присутствовавшихъ членовъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго въ копіи протокола, который и въ оригиналѣ за подписаніемъ всѣхъ членовъ буду имѣть честь вашему сіятельству представить на слѣдующей почтѣ. 4-е Изъ самаго же сего протокола изволите увидѣть о ревности, съ каковою принялись за дѣло, по сдѣланнымъ охотно денежнымъ пожертвованіямъ. 5-е Его высокоп-ство, дѣйст. т. сов. и кавалеръ П. С. Валуевъ, кромѣ денежнаго сдѣланнаго имъ пособія, дѣлаетъ Обществу приношеніе большаго ящика съ древними манускриптами, въ разва-

линихъ погребовъ Кремлевскихъ имъ найденнаго, печати и доски для диплома, кои на свое иждивеніе обязался вырѣзать и въ скорѣйшемъ времени Обществу доставить. 6-е Извѣстный споспѣшествователь наукъ знаменитый грекъ Зой Павловичъ Зосима, узнавъ о утвержденіи Общества на прочномъ основаніи, предложилъ какъ Несторовъ Лѣтописецъ, такъ и другіе печатать на свое иждивеніе, о чемъ подробнѣйшее донесеніе какъ о суммѣ имъ жертвуемой, такъ и о порядкѣ печатанія буду имѣть честь вашему сіятельству на слѣдующей почтѣ представить. 7-е Не позже какъ на слѣдующей недѣлѣ приступимъ мы къ печатанію Лѣтописца по списку г. Тимковскимъ свѣренному, къ чему уже сдѣлалъ приступъ утвержденіемъ формата-выборомъ литеръ и заготовленіемъ бумаги по согласію членовъ. Сіе предварительное донесеніе за долгъ поставилъ я вашему сіятельству сдѣлать, дабы скорѣйше изволили видѣть, что Общество по предначертаніямъ вашимъ приступило съ желаемою дѣятельностію къ своимъ работамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно благоуспѣшными шагами къ цѣли своей шествовать будетъ. На слѣдующей же почтѣ еще подробнѣйшія донесенія, до сего Общества касающіяся, буду имѣть честь вашему сіятельству сдѣлать.

Такимъ образомъ, имѣвъ удовольствіе два Общества при университетѣ едва именованнаго существованія, т.-е. сіе историческое и физико-медицинское, возбудить къ дѣятельности и содѣйствовать къ постановленію ихъ на прочномъ основаніи, вашимъ покровительствомъ утвержденномъ, остается мнѣ просить ваше сіятельство о продолженіи вашего начальническаго благоволенія, какъ къ симъ двумъ Обществамъ, такъ и къ тому, который за счастье и честь вмѣнить съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всю жизнь пребыть,

Милостивый государь,

Вашего сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою

Павелъ Г. Кутузовъ.

№ 257.

Москва

Марта 16 дня 1811 г.

XI. Письмо попечителя Московскаго университета къ Министру Народнаго Просвѣщенія.

Сіятедьнѣйшій графъ,

Милостивый государь!

Представляя при семъ 4 экземпляра напечатаннаго Устава Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, за должность почитаю вашему сіятельству при семъ случаѣ изъяснить, что сіе Общество никогда еще не было на толь твердомъ основаніи и въ такой дѣятельности, въ каковой оно нынѣ находится, и что если оно отъ его начала въ теченіе шести лѣтъ существовало однимъ только именемъ, что и вашему сіятельству достаточно было извѣстно, то сіе ничему иному нельзя приписать, какъ упорной и ничѣмъ не пробуждавшейся бездѣйственности бывшаго г. предсѣдателя Чеботарева, на коего и всѣ члены всегда вину возлагая ничѣмъ не могли его преклонить даже къ учрежденію заведеній порядочнымъ образомъ. Таковыя г. Чеботарева поступки заставляли всѣхъ членовъ единодушно желать не токмо, чтобы предсѣдательство его прекратилось, но чтобы и членомъ Общества онъ не былъ.

Что все присовокупляя къ недавнимъ моимъ о семъ Обществѣ донесеніямъ, предаю оное вашему начальническому покровительству и вниманію. За честь поставляю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда пребыть,

Милостивый государь,

Вашего сіятельства

всепокорнѣйшимъ слугою

Павелъ Г. Нутузовъ.

№ 301.

Москва

Марта 27 дня 1811 года.

XII. Донесеніе члена Общества М. Т. Каченовскаго о разсмотрѣнныхъ имъ письменныхъ отношеніяхъ Духовныхъ Консисторій касательно Россійскихъ Лѣтописей и Хронографовъ, поданное въ засѣданіе 5 февраля 1812 года.

По препорученію Общества я разсмотрѣлъ письменныя отношенія отъ Духовныхъ Консисторій и отъ другихъ мѣстъ и лицъ касательно Россійскихъ рукописныхъ Лѣтописей и Хронографовъ.

Консисторіи: Вятская, Полтавская, Курская, Казанская, Псковская, Смоленская, Подольская и Орловская, и монастыри: Симоновской и Троицкой Калязинской отозвались, что въ ихъ библіотекахъ рукописныхъ Лѣтописей и Хронографовъ не оказалось.

Слободская Украинская Консисторія увѣдомляетъ, что въ библіотекѣ Харьковскаго Коллегіума хранится одна только собственноручная лѣтопись св. Димитрія Ростовскаго, которая издана уже въ свѣтъ г. Розановымъ, по дозволенію Святѣйшаго Синода.

Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Семинарское Правленіе увѣдомляетъ, что харатейной списокъ Несторовой Лѣтописи подъ № 105, находившійся у г. Исторіографа Карамзина, нынѣ считается за Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Рязанская Духовная Консисторія, упомянувъ въ сообщеніи своемъ, что въ библіотекахъ подвѣдомственной ей епархіи оригинальныхъ лѣтописей и хронографовъ нигдѣ не оказалось, прибавляетъ къ тому, что въ самой Консисторской архивѣ имѣются древнія разныя лѣтописи и со списковъ копии и прочія разнаго названія бумаги, заключающія въ себѣ много достопамятностей. По указу Святѣйшаго Синода, въ оной Консисторіи 1791 года сочинена изъ старинныхъ тетрадей и бумагъ вѣдомость, содержащая въ себѣ разныя достопамятности. Копія съ той вѣдомости прислана въ Общество вмѣсто требуемаго реестра о Лѣтописяхъ и Хронографахъ. Я нашелъ упомянутую вѣдомость достойною вниманія и почитаю справедливымъ, чтобы за доставленіе оной засвидѣтельствована была Рязанской Консисторіи должная благодарность. Что жъ касается до упоминаемыхъ въ сообщеніи разныхъ *древнихъ лѣтописей*, то Консисторія, за силою Высочайшаго соизволенія и указа Святѣйшаго Синода, обязана доставить Обществу реестръ хранящихся въ архивѣ историческихъ оригинальныхъ достопамятностей.

Изъ Московской святѣйшаго Синода конторы, отъ преосвященныхъ Павла архіепископа Ярославскаго и Ксенофонта епископа Владимірскаго, изъ духовныхъ консисторій: С.-Петербургской, Астраханской, Новгородской, Архангельской и Нижегородской, Кіевопечерскія Лавры изъ духовнаго собора, изъ монастырей: Ставронигіальнаго Соловецкаго и Ростовскаго Яковлевскаго получены отношенія, что въ оныхъ епархіяхъ и монастыряхъ есть оригинальныя лѣтописи и хронографы и нѣкоторыя другія рукописныя сочиненія, до исторіи относящіяся.

Въ числѣ прочихъ рукописей замѣчены мною находящіяся въ нижеозначенныхъ мѣстахъ Хронографы, именно: въ Ярославскомъ

архіерейскомъ домѣ въ десть *Хронографъ* на 624 страницахъ; Владимірской епархіи въ мужескомъ Юрьевскомъ, Архангельскомъ монастырѣ *Хронографъ письменный* и проч.; въ Архангельской семинаріи *Хронографъ отъ начала міра до временъ царя Михаила Федоровича*. Я почитаю за нужное вытребовать упомянутые Хронографы съ тѣмъ, чтобы по разсмотрѣніи какъ оныхъ, такъ и находящихся въ здѣшней Синодальной библиотекѣ подь № 222, 224 и 225, лучшей изъ нихъ напечатать на иждивеніи Общества. При множествѣ изданныхъ въ свѣтъ разныхъ лѣтописей мы до сихъ еще поръ не имѣемъ печатнаго Хронографа.

Я замѣтилъ также слѣдующія рукописи: въ реестрѣ С.-Петербургской консисторіи подь № II въ четвертку, *Повѣсть о Сибири*; подь № III *Книга древнихъ Государства Россійскаго Грамотъ, Манифестовъ, Посольствъ и военныхъ походовъ*; подь № XI *Чинovníкъ Савинскихъ походовъ*;—въ реестрѣ Астраханской Консисторіи подь № 3 о *взятіи Иерусалима* (NB. въ сей книгѣ находятся многія статьи, касающіяся до Русской исторіи); по реестру Новгородской Консисторіи находящіяся въ Кирилловскомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ три книги письменныя въ четверть, подь № 16 и 40; въ реестрѣ Кіево-Печерской Лавры подь № 37 *Описаніе краткое о малой Россіи*, и въ отношеніи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря *Лѣтописецъ содержащій въ себѣ повѣсти разныхъ матерій*. Не угодно ли будетъ Обществу истребовать и сіи рукописи для разсмотрѣнія, и если онѣ окажутся приличными, помѣстить въ издаваемыхъ при Обществѣ *Достопамятностяхъ*.

Опредѣлено: Означенныя г. членомъ Каченовскимъ рукописи истребовать, что сдѣлать поручить г. предсѣдателю Общества въ силу § 4 Устава, равнымъ образомъ изъ Рязанской Консисторіи истребовать реестръ хранимыхъ въ ней древнихъ Лѣтописей; за присланную же изъ оной въ 1804 году вѣдомость, содержащую разныя достопамятности, засвидѣтельствовать отъ Общества благодарность.

(Изъ 1 части «Записокъ и Трудовъ Общества, стр. СXXXIX—СXLII).

XIII. Списокъ документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ къ Протоколамъ засѣданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, напечатанныхъ въ I книгѣ „Записокъ и Трудовъ“ Общества.

1. Письмо попечителя Московскаго Университета, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера П. И. Голеницева-Кутузова къ пред-

сѣдателю Общества П. П. Бекетову объ утвержденіи Устава и съ предложеніемъ открыть дѣйствія Общества отъ 3 марта 1811 года (XXXIX—XLI).

2. Письмо Министра Народнаго Просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго къ попечителю Московскаго Университета П. И. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 22 февр. 1811 года (стр. XLI).

3. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову по поводу возобновленія дѣйствій Общества; отъ 29 марта 1811 года (стр. XLV).

4. Письмо дворянина Зоя Павловнча Зосимы къ П. И. Голенищеву-Кутузову съ пожертвованіемъ 3000 руб. въ пользу Общества, отъ 20 марта 1811 года (стр. XLVI—XLVII).

5. Письмо неизвѣстнаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову объ украшеніи залы засѣданія Общества отъ 9 апрѣля 1811 года (стр. XLVIII—XLIX).

6. Письмо Игнатія Ѳерапонтова къ П. И. Голенищеву-Кутузову съ пожертвованіемъ для Общества 500 рублей, отъ 10 апрѣля 1811 года (стр. LI).

7. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. П. Бекетову съ благодарностію за дѣйствія его по званію предсѣдателя Общества и за рѣчь, говоренную при открытіи онаго, отъ 25 апрѣля 1811 года (стр. LIX—LX).

8. Письмо неизвѣстнаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову, отъ 30 апрѣля 1811 года (стр. LXIII—LXIV).

9. Письмо тогоже неизвѣстнаго къ членамъ Общества съ проектомъ украшеній для залы его засѣданій и изъявленіемъ готовности принять на свой счетъ всѣ издержки по этому дѣлу, отъ 30 апрѣля 1811 года (стр. LXIV—LXVII).

10. Письмо П. И. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о Высочайшей наградѣ З. П. Зосимѣ, отъ 20 мая 1811 года (стр. LXXI—LXXII).

11. Рескриптъ Императора Александра I З. П. Зосимѣ, отъ 8 мая 1811 года (стр. LXXII—LXXIII).

12. Письмо гр. Разумовскаго къ З. П. Зосимѣ, отъ 15 мая 1811 года (стр. LXXIII—LXXIV).

13. Письмо его же къ П. И. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 15 мая 1811 года (стр. LXXIV).

14. Письмо П. И. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о Высочайшей наградѣ П. Ѳерапонтову, отъ 27 мая 1811 года (стр. LXXV).

15. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 20 мая 1811 года (стр. LXXVI).
16. Рескриптъ Императора Александра I коллежскому ассессору Матрунину, отъ 9 июня 1811 года (стр. LXXXVI).
17. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову объ указъ Св. Синода, касательно присылки въ Общество древнихъ рукописей, отъ 12 июня 1811 года (стр. LXXXII—XCIII).
18. Указъ Св. Синода о томъ же отъ 12 июня 1811 года (стр. XCIV—XCV).
19. Письмо Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о Высочайшей наградѣ ему, отъ 14 ноября 1811 года (стр. CVII—CVIII).
20. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 8 ноября 1811 года (стр. CVIII).
21. Рескриптъ Императора Александра I майору П. П. Бекетову, отъ 3 ноября 1811 года (стр. CIX).
22. Письмо П. П. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о пожертвованіи коллежскимъ секретаремъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ 1157 книгъ Обществу, отъ 30 ноября 1811 года (стр. CIX—CX).
23. Письмо А. Дмитріева-Мамонова къ П. П. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 23 ноября 1811 года (стр. CX—CXI).
24. Письмо П. И. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову съ рукописью, пожертвованною Обществу тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ П. И. Лопухинымъ, отъ 30 ноября 1811 года (стр. CXI—CXII).
25. Письмо князя Вас. Дм. Голицина къ П. И. Голенищеву-Кутузову о пожертвованіи имъ Обществу 1030 книгъ и 160 медалей, отъ 17 ноября 1811 года (стр. XCII—XCIII).
26. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову, коимъ благодарить за избраніе въ члены благотворители Общества, отъ 20 декабря 1811 года (стр. CXV).
27. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову съ копіей циркуляра къ начальникамъ губерній, отъ 31 декабря 1811 года (стр. CXX—CXXI).
28. Циркуляръ гр. А. К. Разумовскаго къ начальникамъ губерній съ приглашеніемъ о содѣйствіи Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ (стр. CXXI—CXXII).
29. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. П. Голенищеву-Кутузову о Высочайшемъ Рескриптѣ коллежскому секретарю Дмитрію Мамонову, отъ 17 января 1812 года (стр. CXXII—CXXIII).
30. Рескриптъ Императора Александра I коллежскому секретарю Дмитрію Мамонову, отъ 12 января 1812 года (стр. CXXIII).

31. Письмо П. И. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о пожертвованіи З. П. Зосимою 1951 рубля, на изданія Общества, отъ 11 января 1812 года (стр. СХХIV—СХХV).

32. Письмо П. И. Голенищева-Кутузова къ П. П. Бекетову о напечатаніи Устава Общества на польскомъ языкѣ, отъ 10 февраля 1812 года (стр. СХLIII).

33. Письмо гр. А. К. Разумовскаго къ П. И. Голенищеву-Кутузову о томъ же, отъ 7 февраля 1812 года (стр. СХLIII—СХIV).

XIV. Дневная записка засѣданія Общества, происходившаго 13 марта 1812 г.

Общество Истории и Древностей Россійскихъ, учрежденное при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, праздновало день своего преобразования 13 сего марта 1812 года, въ который оно прошлаго года, по полученіи Высочайше одобреннаго Устава, въ первой разъ открыло свои засѣданія, и которой оно навсегда назначило днемъ своихъ торжественныхъ собраній.

1. Въ 6 час. вечера по прибытіи въ залу собраній Общества его превосходительства, г. попечителя Университета, тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, г. предсѣдателя, гг. членовъ Общества и нѣкоторыхъ благотворителей онаго, и по собраніи многихъ знатныхъ особъ, приглашенныхъ на сей случай, г. предсѣдатель, майоръ и кавалеръ Платонъ Петровичъ *Бекетовъ*, открылъ засѣданіе рѣчью, прилично сему дню *; послѣ чего представилъ слѣдующій отчетъ занятій Общества прошлаго года:

Общество, по преобразованіи своемъ и полученіи устава, открыло свои засѣданія торжественнымъ собраніемъ, бывшимъ 1811 г. марта 13 дня. Въ теченіе года, исключая три лѣтнія мѣсяца, собраній обыкновенныхъ было 10, чрезвычайныхъ 2, всего 12.

Общество теперь состоитъ изъ 29 членовъ, 6 благотворителей и 15 соревнователей.

Въ теченіи года приняты въ члены Общества: гр. Г. С. Салтыковъ, Д. А. Облеуховъ и К. Ѳ. Калайдовичъ; выбыли изъ членовъ, по отсутствію изъ Москвы, г. профессоръ Буле и С. Н. Глинка.

* Эта коротенькая рѣчь напечатана во II ч. «Записокъ и Трудовъ» Общества, стр. 106—108. Въ ней высказана была благодарность Министру Народнаго Просвѣщенія, попечителю Московскаго Учебнаго Округа и Благотворителямъ за поддержку, оказанную ими Обществу со времени введенія устава.

Получили званія благотворителей Общества: Его сиятельство графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, Зой Павловичъ Зосима, Игнатій Ѳерапонтовичъ Ѳерапонтовъ, Андрей Андреевичъ Глазуновъ, князь Василій Дмитриевичъ Голицынъ и Николай Пвановичъ Матрушинъ.

Приняты въ соребнователи: Л. Ф. Людоговскій, Д. П. Дмитревскій, А. А. Писаревъ, А. П. Тургеневъ, А. П. Ермолаевъ, Евгениі епископъ Вологодскій и Устюжскій, П. С. Орлаі де-Корва, Ав. Лербергъ, Ф. И. Кругъ, Юг. Фил. Эверсъ, Н. П. Брусилловъ, Н. С. Арцыбашевъ, Г. П. Успенскій, К. Ѳ. Калайдовичъ, который переименованъ послѣ членомъ, П. Ѳ. Калайдовичъ и кн. П. А. Голицынъ.

Упражненія Общества прошедшаго года состояли въ слѣдующемъ:

Первое: изданіе *Лѣтописи Несторовой*, по списку такъ названному Лаврентьевскому, принадлежавшему гр. А. П. Мусину-Пушкину и находившемуся въ Обществѣ, которой хотя по требованію его возвращень ему, но дабы предпринятое Обществомъ изданіе Нестора чрезъ то не остановилось, то сличень съ нимъ со всевозможнымъ раченіемъ и самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ взятой съ него списокъ, съ котораго Общество и продолжаетъ сіе изданіе, и по сіе число отпечатанныхъ листовъ вышло 12. Утомительное вниманіе и разборчивая осмотрительность, необходимыя при изданіи сихъ памятниковъ древности, служатъ извиненіемъ въ медленности труда сего.

Второе: Общество занималось изданіемъ журнала подъ названіемъ: *Достопамятности Русскія*, въ которомъ помѣщаются разныя древнія рукописи, достойныя любопытства, отысканныя въ архивахъ и сообщенныя г-ми соребнователями; при которыхъ приложены нужныя замѣчанія и объясненія. Журнала сего отпечатано 6 листовъ.

Третье: Въ силу Устава собраны и изданы *акты* Общества, содержащія въ себѣ Уставъ и Исторію онаго; тутъ же помѣщены 6 разсужденій и рѣчей на разные предметы, читанныя членами во время засѣданій Общества. Сія книга приходитъ къ окончанію и отпечатано уже 15 листовъ.

Четвертое: Разсматривались комитетомъ, состоящимъ изъ трехъ членовъ, *старинныя рукописи*, полученныя отъ почтеннаго нашего сочлена, его высокопревосходительства Петра Степановича Валуева, и другія полученныя отъ разныхъ особъ, которыя поручены были членамъ особо.

На слѣдующій годъ упражненія Общества будутъ состоять въ продолженіи изданія лѣтописи Несторовой, журнала подъ названіемъ:

Достопамятностей Русских, и Актовъ будущаго года. По разсмотрѣніи же комитетомъ рукописей, ему порученныхъ, Общество приступитъ къ изданію ихъ, помѣщая постепенно достойнѣйшія любопытства въ журналъ отъ него издаваемомъ.

2. *Секретарь* Общества, профессоръ и кавалеръ Иванъ Алексѣевичъ *Долгубскій*, читалъ отчетъ о состояніи архива Общества, въ которомъ теперъ бумагъ находится 280 номеровъ.

3. *Казначей* Общества, надв. совѣт. и кавалеръ Петръ Михайловичъ *Дружининъ*, представилъ отчетъ денежной суммы Общества, которой за расходами къ слѣдующему году осталось 4,120 руб. Сей отчетъ, въ силу Устава, подписанъ всѣми присутствовавшими членами. Сверхъ сего онъ же представилъ состояніе библіотеки Общества, имѣющей книгъ печатныхъ и рукописныхъ 2736; монетъ и медалей золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ 236.

4. Читано отношеніе его превосходительства господина попечителя университета къ г. предсѣдателю Общества, съ копіею письма къ его превосходительству отъ коммерціи совѣтника и Калужскаго первостатейнаго купца Билибина, въ которомъ онъ, изъ усердія къ общей пользѣ, предлагаетъ сдѣлать отъ Общества нѣкоторыя путешествія, нужныя по многимъ обстоятельствамъ, на что опредѣляетъ отъ себя сумму, въ *десяти тысячахъ* рублей состоящую, которую доставитъ въ іюль мѣсяцъ сего года. Общество, принявъ сіе извѣщеніе съ истиннымъ удовольствіемъ, опредѣлило: удовлетворить патристическому желанію г. Билибина, по полученіи отъ него денегъ, о чемъ онъ будетъ извѣщенъ особо чрезъ г. предсѣдателя.

5. Дѣйствительный членъ, профессоръ Романъ Федоровичъ *Тимковскій*, читалъ приличную сему торжественному собранію Рѣчь, въ которой между прочимъ предложилъ новое разысканіе о первыхъ двухъ лѣтописцахъ Россійскихъ: черноризцѣ *Несторѣ* и игуменѣ *Сильвестрѣ*, и заключилъ благодарнымъ обращеніемъ къ Подателю всѣхъ благъ, Богу, благословившему счастливымъ окончаніемъ истекшій годъ и усерднѣйшимъ моленіемъ о здравіи и благоденствіи Всеавгустѣйшаго Монарха.

6. Секретарь Общества объявилъ, что Общество, въ силу своего устава, назначило на сей годъ слѣдующую задачу: *«При нѣкоторыхъ рукописныхъ и даже печатныхъ мѣтописяхъ приложены показанія о городахъ Русскихъ, каковъ напримѣръ географическій отрывокъ, напечатанный А. Шлецеромъ при его Несторѣ (см. Несторъ, Russische Annalen, III Theil. s. 355 и 356). Весьма полезно было бы извѣстить: 1) гдѣ именно находится или находилась каждой изъ го-*

родовъ, наименованный въ семь и въ друиыхъ подобныахъ ему древнихъ географическихъ показаніяахъ; 2) когда построенъ, или по крайней мѣрѣ, когда становится извѣстнымъ въ исторіи; 3) по какимъ произшествіямъ или оставшимся древнимъ памятникамъ достойны при-мѣчанія. Участвовать въ рѣшеніи сей задачи могутъ не только постороннія особы, но и соревнователи Общества. За лучшее рѣшеніе оной Общество назначило золотую медаль въ 30 червонцевъ, изъ которыхъ 20 червонцевъ изъ общественной суммы, а 10 червонцевъ предложилъ отъ себя г. предѣдатель Общества. Рѣшенія должны присылаться быть не позже января 1813 года, на имя предѣдателя, Платона Петровича Бекетова. Желательно, чтобы они писаны были преимущественно на русскомъ языкѣ; но будутъ приняты и писанныя на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Сочинители благоволятъ надписать на рѣшеніяхъ какой-нибудь девизъ, и такой же на особо запечатанной цыдулкѣ, въ которой сочинитель напишетъ свое имя, званіе и мѣстопребываніе. Цыдулка, принадлежащая къ рѣшенію, которое признано будетъ лучшимъ, будетъ разпечатана въ торжественномъ собраніи Общества и имя сочинителя объявлено; прочія же цыдулки не разпечатанныя будутъ сожжены.

7. Секретарь Общества отъ имени члена, тайнаго совѣтника и кавалера, барона Бориса Ивановича *Фитингофа*, объявилъ слѣдующую задачу, Обществомъ одобренную: *Языкъ, на которомъ писанъ принятый Русскими переводъ Библии, мѣтотиси ихъ и церковныя отцы ими переведенныя, и которой они называютъ Славенскій, въ самомъ ли дѣлѣ есть подлинный Славенскій, коренный языкъ, производный столь многія отрасли, или онъ не что иное есть, какъ токмо производный, подобно прочимъ? Когда же сіе найдено будетъ по достаточномъ изслѣдованіи: то спрашивается, существуетъ ли еще подлинный Славенскій коренный языкъ, и гдѣ существуетъ оный?* За лучшее рѣшеніе сей задачи его превосходительство баронъ Фитингофъ опредѣляетъ отъ себя золотую медаль въ 50 червонцевъ. Задача сія, по желанію г. Фитингофа, будетъ переведена на латинскій и французскій языки, напечатана особо съ русскимъ подлинникомъ, и разослана во все университеты и ученыя общества. Рѣшенія сей задачи Общество ожидаетъ въ 1814 году.

8. Дѣйствительный членъ Общества, *графъ Алексій Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ* доставилъ Обществу изъ своего богатаго собранія древнихъ рукописей старинный манускриптъ, писанный на пергаментѣ въ 4 долю листа, и по замѣчанію его сіятельства, относящійся къ XIII вѣку, содержащій въ себѣ: *Правду Русскую, Договоръ Смоленскаго*

князя Ростислава Давидовича съ Рилою, XII вѣка, и Уставъ Ярослава о мостникахъ; и позволилъ сдѣлать съ сего манускрипта списокъ для изданія въ *Достопамятностяхъ Русскихъ*, что Общество приняло съ особеннымъ удовольствіемъ и признательностью. Его же сіятельство представилъ Обществу списокъ Ростиславова договора съ собственными объясненіями, которой и будетъ напечатанъ.

9. Члены, которымъ поручено было перевести уставъ Общества на латинскій, французскій, нѣмецкій и польскій языки, представили свои переводы, которые и будутъ немедленно напечатаны; а г-мъ трудившимся въ переводѣ, объявлена отъ лицъ всѣхъ членовъ благодарность.

10. Г. статскій совѣтникъ и кавалеръ *А. П. Курбатовъ* подарилъ оригинальныя *письма князя Меншикова къ графу Головкину*, которыя приняты съ благодарностью.

11. Наконецъ г. предсѣдатель роздалъ всѣмъ г-мъ присутствовавшимъ членамъ дипломы на ихъ званія, и окончилъ засѣданіе.

(Изъ № 26 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 30 марта 1812 года, стр. 762—765).

XV. Дневная записка засѣданія Общества, происходившаго 1 апрѣля 1812 г.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ имѣло свое обыкновенное засѣданіе апрѣля 1 дня 1812 года:

1) Читано отношеніе его превосходительства, г. попечителя Унверситета къ г. предсѣдателю Общества, съ приложеніемъ письма г. гражданскаго Воронежскаго губернатора, при коемъ препровождены принесенныя въ пользу Общества деньги гвардіи прапорщикомъ *Сафоновымъ* и капитаномъ *Доломановымъ*, которымъ отъ Общества за ихъ усердіе изъявляется признательность.

2) Читано письмо отъ г. Ярославскаго гражданскаго губернатора къ г. попечителю Университета *о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ городѣ Угличѣ находящихя*, особливо касающихся до имѣвшаго въ ономъ свое пребываніе Св. Царевича Димитрія; письмо сіе будетъ напечатано въ Актахъ Общества.

3) Читано письмо къ г. предсѣдателю отъ Верховажскаго посада мѣщанина *Мясникова*, который прислалъ старинную рукопись, подъ названіемъ *Чаша*, и впредь обѣщается доставлять подобныя рукописи. Общество приняло рукопись съ удовольствіемъ и впредь будетъ принимать съ признательностію.

4) Г. председатель Общества подарилъ два большіе ящика изъ краснаго дерева съ стеклами, для храненія въ оныхъ монеть и медалей; онъ же подарилъ 117 серебряныхъ монеть Россійскихъ разныхъ временъ и Описаніе въ лицахъ торжественнаго бракосочетанія Царя Михаила Феодоровича. Общество, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіи приношенія, изъявило г. председателю должную благодарность.

5) Отъ неизвѣстнаго изъ Казани получена мѣдная монета, которая была даваема раскольникамъ въ 1705 году при взятѣ съ нихъ денегъ.

6) Баронъ *Умериз-Штернбергъ* прислалъ книгу, изданную имъ: «D. Lucas Preussische Chronik», которая принята Обществомъ съ признательностью.

7) Членъ *М. Т. Каченовскій*, отъ имени не присутствовавшего члена *Х. Шлецера*, представилъ въ даръ пять рукописныхъ русскихъ лѣтописей, принадлежавшихъ отцу его Геттингенскому профессору Шлецеру; подарокъ сей принять съ удовольствіемъ и признательностью.

8) Соревнователь Общества *Н. П. Брусиловъ* прислалъ «Разсужденіе о войнѣ Святослава съ Греками», читанное имъ въ Обществѣ Любителей Словесности въ Петербургѣ, что принято съ признательностью.

9) *К. Ф. Калайдовичъ* читалъ продолженіе «Опыта о Россійскихъ монетахъ» барона Б. И. Фитингофа.

10) Въ соревнователи Общества избранъ единогласно преосвященный *Антоній*, архіепископъ Ярославскій и кавалеръ, которому на сіе званіе опредѣлено изготovitъ дипломъ.

(Изъ № 29 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 10 апрѣля 1812 года, стр. 866).

XVI. Дневная записка засѣданія Общества, происходившаго 7 мая 1812 г.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ имѣло свое обыкновенное засѣданіе мая 7 дня 1812 года, въ которомъ происходило слѣдующее:

1) Членъ *А. Ф. Маиновскій* читалъ *примѣчаніе*, сдѣланное его сіятельствомъ графомъ *А. И. Мусиньмъ-Пушкинымъ*, членомъ же

Общества, на древніе манускрипты, которое и положено напечатать въ Актахъ Общества.

2) Читаны благодарные отзывы за полученіе дипломовъ на званіе соревнователей Общества.

I. Отъ преосвященнаго *Евгена*, епископа Вологодскаго, съ приложеніемъ на разсмотрѣніе Общества: а) *точною* списка, снятаго на прозрачную бумагу съ одной *подлинной грамоты великаго князя Мстислава Владиміровича*; б) *списка грамоты Кіевскаго митрополита Фотія къ Новгородскому архіепископу Иоанну II*; в) *списка одного суднаго дѣла 1559 года*. Списки сіи отданы на разсмотрѣніе: а) и б) К. Ф. Калайдовичу, а в) Н. Н. Сандунову, а его преосвященству изъясняется сямъ благодарность.

II. Отъ *Д. И. Дмитревскаго* съ приложеніемъ въ даръ Обществу: а) рукописи, содержащей *переписку Царя Василія Ивановича Шуйскаго и Московскаго патріарха Гермогена съ Польскимъ королемъ Сигизмундомъ*; б) рукописи, содержащей *Повѣсть о строителѣ Флоринцевской пустыни*, и в) рукописи, называемой: *Часы, ангеломъ правимы*. Рукописи сіи положено отдать въ бібліотеку Общества, съ изъясненіемъ благодарности г. Дмитревскому.

III. Отъ *Г. П. Успенскаго* съ приложеніемъ въ даръ Обществу а) серебряной монеты съ изображеніемъ на ней бороды; б) мѣдной монеты, по его мнѣнію, принадлежащей къ временамъ Великаго Князя Владиміра I; в) книги: «*Davidis Chitrae de moribus Russorum*»; г) двухъ экземпляровъ его Рѣчи, говоренной въ Харьковскомъ университетѣ и д) двухъ экземпляровъ сочиненія его *о древностяхъ Русскихъ*: все сіе отдано въ бібліотеку Общества, съ изъясненіемъ г. Успенскому благодарности.

IV. Отъ *Л. Ф. Любимовскаго*.

V. Отъ *Н. П. Брусилова*.

3) Отъ г. Тверскаго гражданскаго губернатора *Ушанова*, прислана русская медаль, которая и отдана въ бібліотеку Общества.

4) Предсѣдатель Общества читалъ разсужденіе *о тѣхъ монетахъ или медаляхъ Государя Императора Петра I и Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, съ изображеніемъ года, мѣсяца и числа*, которое и положено напечатать въ Актахъ Общества.

5) Членъ баронъ *Б. И. Фитингофъ* читалъ *Жизнь* умершаго статскаго совѣтника и кавалера Бауэ и представилъ въ даръ Обществу сочиненія покойнаго.

6) *К. Ф. Калайдовичъ* читалъ *Замѣчаніе* на разсужденіе г. Брунслова о *войнѣ Святослава съ Гречами*.

7) *М. Т. Каченовскій* отъ имени г. Савельва представилъ въ даръ Обществу рукопись: *Прогладный вертоградъ*.

8) По предложенію члена А. Ф. Маиновскаго происходила баллотировка въ члены Общества г. камеръ-юнкера *графа Александра Алексѣевича Мусина-Пушкина*, который большинствомъ голосовъ и избранъ.

9) Приняты въ соребнователи Общества преосвященнѣйшіе епископы: *Ксенофонтъ* Владимірскій и Суздальскій, *Моисей* Нижегородскій и Арзамасскій и *Иоасафъ* Старорусскій, которымъ и положено изготовить дипломы.

(Изъ № 44 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 1 іюня 1812 года, стр. 1212).

XVII. Дневная записка чрезвычайнаго и обыкновеннаго засѣданій, происшедшихъ 30 мая и 1 іюня 1813 года.

Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ 20 мая 1813 года имѣло свое чрезвычайное засѣданіе, а 1 іюня того же года обыкновенное, въ которыхъ происходило слѣдующее:

20 мая.

1) Калужскій первостатейный купецъ *Билибинъ* чрезъ посредство его превосходительства г. попечителя Университета прислалъ въ счетъ пожертвованныхъ имъ десяти тысячъ рублей, три тысячи рублей на приобрѣтеніе рѣдкихъ древнихъ рукописей Обществу нужныхъ; деньги будутъ на сей предметъ употреблены, по съланному Обществомъ расположенію, а г. Билибину опредѣлено изъяснить отъ Общества благодарность. Сверхъ сего Общество, увѣдивъ таковое патриотическое приношеніе г. Билибина, единогласно приняло его въ число *благодѣтелей* Общества и на сіе званіе положило изготовить ему надлежащій дипломъ и имя его написать золотыми буквами на доскѣ, въ залѣ Общества находящейся.

2) Членъ **Х. А. Шлецеръ** представилъ въ даръ Обществу нѣкоторыя сочиненія своего отца, покойнаго Геттингенскаго профессора, которыя приняты Обществомъ съ удовольствіемъ и признательностію.

3) Читано донесеніе членовъ, которымъ поручено было сдѣлать дополненія и перемѣны въ нѣкоторыхъ статьяхъ устава Общества, а какъ сдѣланныя ими дополненія одобрены, то и опредѣлено представить оныя на утвержденіе его сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія чрезъ посредство его превосходительства г. попечителя Университета.

1-го Іюня.

1) Его превосходительство г. попечитель Университета прислалъ списокъ съ рукописи: *Хроника великаго княженія Новгородскаго и Кіевскаго*, доставленный ему г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, который и отданъ въ бібліотеку Общества.

2) Соревнователь Общества Евгений, епископъ Вологодскій и кавалеръ, при письмѣ къ г. предсѣдателю прислалъ въ даръ Обществу *Книгу стариннаго крюковаго пѣнія* и сверхъ того двѣ собственныя записки: а) *о личныхъ собственныхъ именахъ у Славеноруссовъ*; б) *о разныхъ родахъ присяги у Славеноруссовъ*; книга отдана въ бібліотеку Общества, а обѣ статьи будутъ напечатаны въ Актахъ Общества, съ изъясненіемъ его преосвященству благодарности.

3) Предсѣдатель Общества Физико-Медицинскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Рихтеръ, письмомъ своимъ къ г. предсѣдателю Общества просилъ позволить брать нѣкоторыя книги и рукописи изъ бібліотеки Общества, нужныя Обществу Физико-Медицинскому; опредѣлено: какія понадобятся книги, брать позволить, подъ росписку г. предсѣдателя означеннаго Общества. Онъ же г. Рихтеръ подарилъ *Тестаментъ*, сирѣчь, *Завѣтъ Царя Василія Греческаго*, который принять съ благодарностію.

4) Читано разсужденіе кандидата Саларева *о золотой бабѣ*.

5) **Ө. Н. Глинка** при письмѣ къ г. предсѣдателю прислалъ въ даръ Обществу рукопись, касающуюся до разныхъ военныхъ обстоятельствъ Царя Ивана Васильевича при походахъ его подъ Казань и Польшу, которая принята съ удовольствіемъ и признательностію и отдана въ бібліотеку Общества.

6) Опредѣлено: закрыть засѣданія Общества до сентября мѣсяца.

(Изъ № 49 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 19 іюня 1812 года, стр. 1321).

XVIII. Квитанція П. И. Кутузова въ полученіи 1000 рублей изъ суммъ, принадлежащихъ Обществу.

1812 года Августа 13 дня, дана сія квитанція надворному совѣтнику, директору училищъ Московской губерніи, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ казначею и кавалеру Петру Михайловичу Дружинину, въ томъ, что изъ имѣющейся у него наличной онаго Общества суммы взято мною отъ него для приращенія процентовъ ассигнаціями тысячу рублей, за цѣлость каковой суммы отвѣтствуя, обязуюсь возратить при первомъ Общества востребованіи, въ удостовѣреніе чего и дана ему, г. Дружинину, отъ меня сія квитанція, за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ гербовой моей печати.

Павелъ Голошницевъ-Кутузовъ.

(Изъ рукописныхъ «Журналовъ Общества» съ 1815 по 1820 г.)

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ, стр. I—III.

ГЛАВА I. *Общество подъ предѣдательствомъ Х. А. Чеботарева (1804—1810)*. Стр. 1—63:

Общія заботы о народномъ образованіи при Александрѣ I, стр. 1.—Приваніе правительствомъ заслугъ А. Л. Шлецера на пользу русской исторіи, стр. 3.— Первый Министръ Народнаго Просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій и его взгляды на русскую исторію, стр. 5.—Первый Попечитель Московскаго Учебнаго Округа М. Н. Муравьевъ и его участіе въ успѣхахъ исторической науки въ Россіи, стр. 7.— Учрежденіе при Московскомъ Университетѣ Общества Исторіи и Древностей по мысли Шлецера, стр. 10.—Первое засѣданіе его 18 марта 1804 года, стр. 12.—Разрѣшеніе Обществу пользоваться рукописями изъ оффиціаль-ныхъ архивовъ и библіотекъ, стр. 14.—Матеріальныя средства и ученые силы Общества, стр. 17.—Труды почетныхъ членовъ: гр. А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, А. Ф. Малиновскаго, стр. 18—27.—Первый предѣдатель Общества Х. А. Чеботаревъ, стр. 28.—Его служебная и литературная дѣятельность, стр. 30—39.—Его взгляды на русскую исторію, стр. 40.—Его личныя качества, стр. 43.—Первый секретарь и казначей Общества, стр. 44.—Дѣйствительные члены его, стр. 47.—Попытка издать русскую начальную лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 48.—Задача на премію отъ Университета и Общества о Волохахъ, вытѣснившихъ Славянъ съ Дуная, стр. 50.—Результаты конкурса, стр. 51.—Медлительность въ дѣйствіяхъ Общества, стр. 53.—Запросъ о ея причинахъ отъ новаго Попечителя П. И. Голенничева-Кутузова, стр. 54.—Его замѣчанія на объясненія, данныя Чеботаревымъ, и донесеніе Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому, стр. 55.—Временное закрытіе Общества, стр. 58.—Послѣдніе годы жизни Чеботарева, стр. 60.

Приложенія къ первой главѣ, стр. 64—90:

I. Переводъ письма къ Министру Коммерціи гр. Румянцеву отъ профессора Шлецера изъ Геттингена отъ (18) 6 августа 1803 года, стр. 64.

II. Объясненіе А. Л. Шлецера гр. Н. П. Румянцеву, (2) 14 августа 1803 г., стр. 66.

III. Раскриптъ Александра I профессору А. Л. Шлецеру 22 сентября 1803 года, стр. 67.

IV. Уведомленіе отъ Попечителя Московскаго Университета М. Н. Муравьева къ ректору Х. А. Чеботареву, стр. 67.

V. Приглашеніе къ засѣданію Историческаго Общества отъ общаго собранія профессоровъ Московскаго Университета, стр. 68.

VI. Журналъ перваго засѣданія Общества, происходившаго 18 марта 1804 года, стр. 69.

VII. Письмо Попечителя Московскаго Университета М. Н. Муравьева къ Министру Народнаго Просвѣщенія гр. П. В. Завадовскому отъ 6 апрѣля 1804 г., стр. 71.

VIII. Перечень дневной записки учреждаемаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по Высочайшему повелѣнію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, стр. 72.

IX. Библиографическая записка о книгѣ «Выпись хронологическая изъ Исторіи Русской», стр. 75.

X. Объявленіе о конкурсіи на задачу, предложенную Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1803 г., и о послѣдствіяхъ ея, стр. 77.

XI. Докосеніе Предсѣдателя Общества Х. А. Чеботарева къ Совѣту Московскаго Университета, отъ 4 ноября 1810 года, стр. 83.

XII. Докосеніе ректора Московскаго Университета Н. А. Гейна Попечителю П. Н. Головищеву-Кутузову отъ 10 ноября 1810 года, стр. 83.

XIII. Письмо Попечителя Московскаго Университета П. Н. Головищева-Кутузова къ Министру Народнаго Просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому отъ 24 ноября 1810 года, стр. 84.

XIV. Предложеніе Попечителя П. Н. Головищева-Кутузова Совѣту Московскаго Университета, отъ 21 ноября 1810 года, стр. 85.

XV. Записки П. Н. Головищева-Кутузова на докосеніе Предсѣдателя Общества Х. А. Чеботарева, стр. 89.

XVI. Письмо П. Н. Головищева-Кутузова къ Министру А. К. Разумовскому, отъ 15 декабря 1810 года, стр. 88.

XVII. Протоколъ чрезвычайнаго засѣданія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, происходившаго 14 декабря 1810 года, стр. 89.

ГЛАВА II. *Преобразование Общества П. Н. Головищева-Кутузова и дѣятельность оное въ 1811 и 1812 годахъ*, стр. 91—212.

П. Н. Головищевъ-Кутузовъ; его служебная и литературная дѣятельность до назначенія Попечителемъ Московскаго Университета, стр. 92.—Его связи съ иностранцами, стр. 94.—Письмо о книгѣ Ф. А. Пощаева къ гр. А. К. Разумовскому, стр. 92.—Кутузовъ въ роли отвѣтчика, стр. 100.—Его доносъ на И. М. Карамзина, отъ 10 августа 1810 г., стр. 101.—Его похвалы самому себѣ и постоянныя жалобы на другихъ, стр. 102.—Старанія О. А. Пощаева защитить Кутузова предъ гр. Разумовскимъ, стр. 104.—Новый доносъ на Карамзина, стр. 106.—Жалобы Кутузова на предполагаемыя интриги историографа и на связи съ нимъ Чеботарева, стр. 107.—Несбывшіяся опасенія, стр. 109.—Частное засѣданіе 22 декабря 1810 года «образователей» новаго Историческаго Общества, стр. 110.—Дѣйствія Кутузова на этомъ засѣданіи, стр. 111.—Предсѣдатель преобразованнаго Общества П. П. Бекетовъ; его общественныя и литературныя связи и издательская дѣятельность, стр. 112—114.—Новые секретарь и казначей Общества, стр. 115.—Чѣмъ намѣрены были заниматься нѣкоторые изъ членовъ образова-

тотѣй стр. 116.— Частное и официальное донесеніи Кутузова гр. Разумовскому о засѣданіи 22 декабря, стр. 117.—Опасенія за участь отправленнаго въ Петербургъ Устава и заботы о приглашеніи новыхъ членовъ, стр. 118.—Переписки произведенныя въ Уставѣ Министромъ, стр. 119.—Важѣйшіе параграфы Устава утвержденнаго, стр. 121—127.—Засѣданія 8 и 13 марта 1811 года, стр. 127.—Свѣдѣнія о новыхъ дѣйствительныхъ членахъ преобразованнаго Общества, въ особенности о П. С. Валуевѣ, А. Ф. Мераляковѣ, М. Т. Каченовскомъ, баронѣ Б. И. фонѣ Фитингофѣ, Р. Ф. Тимковскомъ, К. Ф. Калайдовичѣ и др., стр. 128—148.—Члены благотворители, соревнователи и корреспонденты, стр. 148—152.—Пожертвованія въ пользу Общества отъ Зоя Зосины и отъ наместничаго благотворителя, стр. 153—157.—Хлопоты о вышней обстановкѣ засѣданій Общества, стр. 157—159.—Эмблематическія изображенія на дипломахъ, стр. 160.—Пожертвованія И. Ф. Ферапонтова, А. А. Глазунова, Н. И. Матрушина, А. М. Дмитриева-Мамонова и кн. В. Д. Голицына, стр. 161—162.—Письмо гр. Разумовскаго къ П. П. Бекетову и награда ему, стр. 163—164.—Письма Кутузова къ гр. Разумовскому по дѣламъ Общества въ 1811 году, стр. 165—167.—Нашка распоряженія объ открытіи архивовъ и библиотекъ для Общества, стр. 168.—Сношенія съ губернаторами о содѣйствіи Обществу, стр. 169.—Библиотека Общества предъ наместникомъ Наполеона; ея замѣчательныя книги и рукописи, стр. 170—175.—Мысль приобрести библиотеку Профессора Баузе, стр. 176—177.—Собраніе монетъ, медалей и старинныхъ вещей, стр. 178—189.—Первыя библиотечари М. Т. Каченовскій и К. Ф. Калайдовичъ, стр. 180.—Пересмотръ Устава и друія зянія Общества предъ наместникомъ Наполеона, стр. 180.—Ученая дѣятельность Общества въ 1811—1812 годахъ, стр. 181.—Рѣчь П. П. Бекетова въ первомъ засѣданіи, стр. 182—186.—Исслѣдованіе Р. Ф. Тимковскаго о Царскихъ, стр. 187—191.—Разсужденіе М. Т. Каченовскаго о судебныхъ послѣдствіяхъ, стр. 192—194.—Статьи о русскихъ монетахъ барона Б. И. Фитингова, стр. 195—197.—Разсужденія К. Ф. Калайдовича, стр. 198—199.—Статьи П. Ф. и Ф. Ф. Калайдовичей, стр. 199—200.—Примѣчанія гр. А. И. Мушкетера-Пушкина на Дривніи монетцельны, стр. 200—201.—Разсужденіе П. П. Бекетова о нѣкоторыхъ монетахъ и медаляхъ Петра I и Елизаветы Петровны, стр. 201.—Статьи, читанныя въ засѣданіяхъ Общества, но издаванныя гораздо поздѣе, или вовсе не издаванныя, стр. 202.—Планъ изданія «Русскихъ Достопамятностей», стр. 203—204.—Нѣкоторыя статьи перваго тома «Достопамятностей» и предисловія къ нимъ, стр. 204—206.—Трудъ Р. Ф. Тимковскаго по изданію Несторовой лѣтописи, стр. 207.—Торжественное засѣданіе 13 марта 1812 года и задачи на него объявленныя, стр. 208.—Пожертвованіе Обществу 10.000 руб. Я. И. Билыбинимъ и долгъ П. И. Кутузова Обществу, стр. 208—209.—Положеніе Кутузова въ 1812 году и отъѣздъ его изъ Москвы, стр. 210—212.

Приложенія ко второй главѣ, стр. 213—245:

I. Письмо Попечителя Московскаго Университета П. И. Голенищева-Кутузова къ Министру Народнаго Просвѣщенія А. К. Разумовскому отъ 26 декабря 1810 года, стр. 213—214.

II. Дневная записка засѣданія Общества Исторіи Древностей Россійскихъ, происходившаго 26 декабря 1810 года, стр. 214—217.

III. Первая рѣчь П. И. Голенищева-Кутузова въ засѣданіи 22 декабря 1810 года, стр. 217—219.

IV. Вторая рѣчь П. И. Голенничева-Кутузова 22 декабря 1810 года, стр. 219—220.

V. Списокъ членовъ Общества Исторіи Древностей Россійскихъ, нынѣ сіе Общество составляющихъ, 13 марта 1811 года, стр. 221.

VI. Письмо Министра гр. А. К. Разумовскаго къ Попечителю П. И. Кутузову отъ 22 февраля 1811 года, стр. 222—224.

VII. Дневная записка засѣданія Общества Исторіи Древностей Россійскихъ, бывшаго 8 марта 1811 года, стр. 224—225.

VIII. Дневная записка засѣданія Общества Исторіи Древностей Россійскихъ, бывшаго 13 марта 1811 года, стр. 225—227.

IX. Артикулъ, который будетъ припечатанъ въ слѣдующихъ Вѣдомостяхъ (мартъ 1811 года), стр. 228—229.

X. Письмо Попечителя П. И. Голенничева-Кутузова къ Министру Народнаго Просвѣщенія А. К. Разумовскому, отъ 16 марта 1811 года, стр. 229—230.

XI. Письмо Попечителя П. И. Голенничева-Кутузова къ Министру А. К. Разумовскому отъ 27 марта 1811 года, стр. 231.

XII. Донесеніе члена Общества М. Т. Каченовскаго о разсмотрѣнныхъ имъ письменныхъ отношеніяхъ духовныхъ консисторій касательно Россійскихъ гѣтописей и Хронографовъ, поданное въ засѣданіи 5 февраля 1812 года, стр. 231—232.

XIII. Списокъ документовъ, помѣщенныхъ въ Приложеніяхъ къ Протоколамъ засѣданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, напечатаннымъ въ I книгѣ «Записокъ и Трудовъ» Общества, стр. 233—236.

XIV. Дневная записка торжественнаго засѣданія Общества, происходившаго 13 марта 1812 года, стр. 236—240.

XV. Дневная записка засѣданія Общества, происходившаго 1 апрѣля 1812 года, стр. 240—241.

XVI. Дневная записка засѣданія Общества, происходившаго 7 мая 1812 г., стр. 241—243.

XVII. Дневныя записки чрезвычайнаго и обыкновеннаго засѣданій Общества, происходившихъ 20 мая и 1 іюня 1812 года, стр. 243—244.

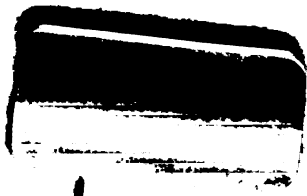
XVIII. Квитанція П. И. Голенничева-Кутузова въ полученіи 1000 руб. изъ суммъ, принадлежащихъ Обществу, отъ 13 мая 1812 года, стр. 245.

YD 18338

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C051426184

YD 18338

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C051426184

